АРКАДИЙ

ИНИН

ИСТОРИИ для КИНО

Наталия Александровна Павловская
Аркадий Инин
Истории для кино

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70183996
Истории для кино:
ISBN 978-5-17-158538-9

Аннотация

Аркадий Инин – советский и российский писатель, драматург, сценарист, публицист.

Автор более двухсот теле- и радиопередач (КВН, «Голубой огонек», «Кабачок 13 стульев», «С добрым утром!» и др.), газетных статей и журнальных фельетонов.

Один из создателей программ «Вокруг смеха» и «От всей души!». По сценариям Аркадия Инина снято 50 фильмов и сериалов, многие из которых стали классикой кинематографа.

Самые известные кинороманы и киноповести вошли в эту книгу: «Одиноким предоставляется общежитие», «Однажды двадцать лет спустя», «УТЕСОВ. Песня длиною в жизнь», МАЯКОВСКИЙ. Два дня» и др.

«Когда-то в советских кинотеатрах перед началом кинофильма показывали киножурнал. Новости страны, вести с полей, трудовые и творческие достижения. Давно нет советских кинотеатров. Но сам-то я родом из советского детства. И потому традиционно предваряю сеанс моих кинофильмов

киножурналом. Точнее, это еще не фильмы. Это – сценарии. Но не будь сценариев, не было бы и фильмов.

Набирая во ВГИКе курс сценаристов, я на первом занятии рассказываю студентам такую байку. Фильмохранилище, две мышки грызут пленку фильма. И одна мышка другой говорит: «А сценарий был вкуснее!»

По моим сценариям сняты пятьдесят фильмов. Но на ваш суд я отдаю только девять.

И все они – про любовь.»

Аркадий Инин

Содержание

Киножурнал 6
Кинороманы 10
Утесов 11
Глава первая 11
Глава вторая 89
Глава третья 143
Глава четвертая 195
Глава пятая 244
Глава шестая 290
Глава седьмая 336
Глава восьмая 389
Глава девятая 443
Глава десятая 496
Глава одиннадцатая 544
Конец ознакомительного фрагмента. 572

Аркадий Инин
Истории для кино

© Инин А.Я., текст, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Киножурнал

В советских кинотеатрах перед началом художественных кинофильмов показывали документальные киножурналы. Новости страны, вести с полей, заводов и шахт…

Давно нет советских кинотеатров. Но сам-то я родом из советского детства. И потому традиционно предваряю сеанс моих кинофильмов документальным киножурналом.

Нет, точнее, это еще не фильмы, это сценарии – истории для кино. Не будь сценариев, не было бы и фильмов. Потому что сценарист, извините за нескромность, самый настоящий волшебник, истинный творец, создающий нечто из ничего.

Ну, представьте: еще ничего нет, полная пустота, абсолютный вакуум – и вдруг в голове и душе сценариста рождается не существовавший до сего момента целый мир: завязывается какая-то история, появляются какие-то люди, они начинают о чем-то разговаривать, как-то действовать – любить, изменять, спасать, предавать, сдаваться, побеждать…

И лишь потом, получив рожденную сценаристом историю, режиссер придумывает как ее снять, актеры произносят сочиненные для них слова, оператор запечатлевает все происходящее кинокамерой…

Но в начале-то все-таки было слово!

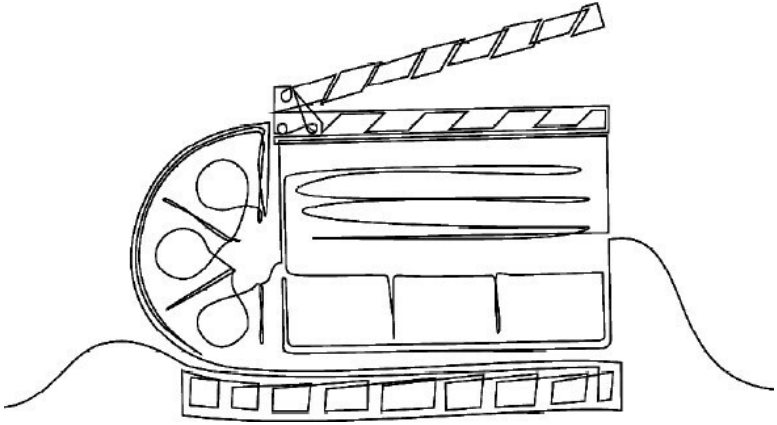
Набирая во ВГИКе новый курс сценаристов, я рассказываю студентам такую байку.

Киноархив, две мышки грызут пленку фильма. И одна мышка другой говорит:

– А сценарий был вкуснее!

Кинороманы

ВСЕ КИНОРОМАНЫ СОЗДАНЫ В СОАВТОРСТВЕ С НАТАЛИЕЙ ПАВЛОВСКОЙ



Утесов
Песня длиною в жизнь

кинороман

Глава первая
«Есть город, который я вижу во сне»

МОСКВА, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Москва была еще не многоэтажная. Только семь сталинских высоток – МГУ, МИД и МПС, гостиницы «Ленинградская» и «Украина», дома на Котельнической набережной и площади Восстания – торчали, как памятники ушедшей эпохи. Москвичи считали их «вставными зубами», уродующими город. Так когда-то французы тоже на дух не принимали Эйфелеву башню. А потом творение Эйфеля стало неотъемлемым символом Парижа. Станут такими же символами Москвы и эти островерхие сооружения, но не сейчас, в шестьдесят пятом, а значительно позже.

Пока же на московских окраинах росли кварталы «черемушек» или «хрущоб» – убогих блочных пятиэтажек. Которые тогда новоселам казались вовсе не убожеством, а счастливейшим разрешением жилищной проблемы, подарившим тысячам москвичей их мечту – отдельную кварти-

ру. С крохотными комнатками, низкими потолками, совмещенным санузлом, но – отдельную, свою, и это было счастье!

«Хрущобы» строились, а самого Хрущева уже не было. Вернее, еще жил-поживал Никита Сергеевич, но уже не всесильный Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР, а рядовой пенсионер, которого полгода назад съели – скушали, схрумкали и не подавились – верные друзья и ближайшие соратники.

Отставкой Хрущева закончилась великая политическая «оттепель», и начался грядущий «застой» под руководством Брежнева.

А в остальном, не считая высоток и «хрущоб», Москва оставалась прежней – старинный центр, Красная площадь, башни Кремля, мосты на Москвой-рекой. На вечерних слабоосвещенных улицах было много людей, но еще совсем мало машин. По одну сторону Большого Каменного моста на месте бывшего (и через тридцать лет – будущего) Храма Христа Спасителя пока еще размещался бассейн «Москва», а по другую – знаменитый «дом на набережной» с Театром эстрады.

Туда, в театр, мы еще придем, а пока заглянем в уже не менее знаменитый дом – жилищный кооператив Большого театра на Каретном ряду. В этом доме жили не только певцы и балеруны, но и многие известные деятели культуры других жанров.

Жил здесь и Леонид Осипович Утесов.

И сейчас в его квартире из шикарного прибалтийского приемника «Ригонда» звучит знакомая каждому советскому человеку песня «Дорогие мои москвичи» в исполнении дуэта Утесова и его дочери Эдит:

Затихает Москва, стали синими дали,
Ярко блещут кремлевских рубинов лучи.
День прошел, скоро ночь. Вы, наверно, устали,
Дорогие мои москвичи.
Можно песню окончить простыми словами,
Если эти простые слова горячи.
Я надеюсь, что мы еще встретимся с вами,
Дорогие мои москвичи!
Ну что сказать вам, москвичи, на прощанье?
Чем наградить мне вас за вниманье?
До свиданья, дорогие москвичи, доброй ночи,
Доброй вам ночи, вспоминайте нас…

Леонид Осипович – уже грузный, но еще крепкий, уже седеющий, но с еще молодыми глазами, – стоит посреди комнаты, тоскливо подчиняясь рукам шустрого портного, заканчивающего подгонку на нем нового костюма.

Перед старинным, карельской березы, трельяжем наносит последние косметические штрихи сорокалетняя и, увы, слегка увядающая красавица – дочь Дита.

В углу застыл с несколькими галстуками на согнутой ру-

ке все еще невероятно привлекательный, с латиноамериканскими жгучими глазами и усами, Алик – муж Диты, кинорежиссер-документалист Альберт Генденштейн.

А когда по домам вы отсюда пойдете,
Как же к вашим сердцам подберу я ключи,
Чтобы песней своей помогать вам в работе,
Дорогие мои москвичи?
Синей дымкой окутаны стройные здания,
Ярче блещут кремлевских рубинов лучи…
Ждут вас завтра дела, скоро ночь, до свидания,
Дорогие мои москвичи!

Утесов вдруг нервно вскрикивает:

– Дита, выключи кричалку, я уже слышал это произведение!

Рука Диты, подносящей щеточку к глазу, чуть вздрагивает: она знает, очень хорошо знает, от кого у отца эти дурацкие словечки: «кричалка» вместо радио, «чесалка» вместо расчески, «обалденочка» вместо водки… Но Дита ничем не выдает свое знание, а послушно встает, чтобы выключить приемник. Однако песня уже закончилась, и звучит голос диктора: «Конечно, песня „Дорогие мои москвичи“ дорога не только москвичам, но и всем советским людям, которые поздравляют всенародно любимого артиста Леонида Осиповича Утесова со славным юбилеем – семидесятилетием!»

Все верно, дожил. Семьдесят. Когда? Как столько лет про-

летело? Не заметил. Просто жил, жил, жил – и дожил. А диктор по радио продолжает заливаться бессмысленным соловьем: «В этот радостный и знаменательный для каждого человека день человек оглядывается на свою человеческую жизнь и по-человечески задумывается: что же сделано за эти семьдесят лет…»

– Эту цифру я тоже уже слышал! – торопит Утесов дочь.

Дита наконец выключает приемник. Но отец не успокаивается:

– И закрой простудилку!

И снова глаз Диты чуть дергается, реагируя на очередное дурацкое словечко. Но она переспрашивает ровным голосом, как ни в чем не бывало:

– Что, папа?

– Я говорю, закрой форточку! На улице прохладно!

– О, есть такой анекдот! – оживляется портной.

Этот портной – не просто так себе портной. Этот портной – Исаак Соломонович Затирка. Фамилия такая. Не просто фамилия – легенда.

Дело в том, что во времена тотального советского дефицита деньги не решали ничего. Все решали связи. Проще и грубее – блат. По блату получали квартиры и поступали в институты, по блату доставали шапки-ушанки и колбасу-сервелат, по блату добывали билеты на поезд и место на кладбище…

Но был блат на уровне директора магазина, начальника

ЖЭКа или кассирши в театре, а был блат на высшем уровне. Парикмахер, который делал прически женам членов ЦК КПСС, механик, который ремонтировал машины в гараже КГБ, портной, у которого шили лучшие представители творческой интеллигенции, не ниже уровня народных артистов.

Таким портным и был Затирка, человек, приехавший из Одессы, герой историй, колоритом и числом не уступающих анекдотам про Ходжу Насреддина. Например, история, свидетельствующая о том, что уже в те времена было непримиримое состязание двух столиц России – Москвы и Ленинграда. Так вот, ленинградский писатель приехал в Москву, пришел к Затирке и надменно попросил сшить ему костюм не хуже того, который ему сшил знаменитый ленинградский портной. Затирка долго и тщательно осматривал костюм ленинградца, исследовал каждый шов и пуговицу. А потом спросил: «Так кто вам шил этот костюм?» – «Я же сказал, его сшил самый известный портной Ленинграда!» – «Да-да, это я слышал, но кто он по профессии?»

Портной Затирка не только порождал анекдоты, но и любил их рассказывать. Вот и сейчас, после утесовской реплики про форточку, портной оживляется:

– О, есть такой анекдот!

И, не прекращая колдовать над костюмом, рассказывает, как один еврей просит жену закрыть окно, потому что на улице холодно, а жена удивляется: «Изя, что за глупости! Если закрыть окно, так что – на улице станет теплее?»

Портной хихикает. Утесов бросает на него испепеляющий взгляд:

– К вашему сведению, товарищ Затирка, бог сотворил мир за шесть дней. А вы возитесь со штанами целый месяц!

Портной насмешливо парирует:

– Так вы таки посмотрите на этот мир – и на эти бруки!

Честно говоря, Утесову крыть нечем. Красавец-зять не выдерживает пассивной роли наблюдателя и прикладывает к пиджаку тестя полосатый галстук:

– Этот, по-моему, в тон… Советую…

– Алик, советуй своей жене! А я на сцене всегда в одном и том же галстуке!

Вообще-то, Альберт про это знает. И все близкие знают, что Леонид Осипович почти всегда, особенно на ответственные выступления – а уж сегодня куда ответственней! – надевает один и тот же залоснившийся от многолетнего употребления черный галстук.

– Талисман? – догадывается словоохотливый портной. – Знаете, у меня тоже был талисман: старая зингеровская иголка. И вы не поверите, но когда я эту иголку потерял…

Последствия этой потери остаются неясными, так как звонят в дверь. Утесов взволнованно вскрикивает:

– Алик, что ты стоишь, открой уже!

Альберт уходит и возвращается с кипой телеграмм, читая их на ходу:

– От Сыктывкарской филармонии… От госпиталя Мини-

стерства обороны… Просто земляки из Одессы, без подписей… Команда эсминца «Дерзкий»…

Утесов слушает поздравительный перечень раздраженно и с явным напряжением. Дита мягко улыбается:

– Папа, ты думаешь, правительственные телеграммы почтальоны носят?

– А что, телеграммы сами ходят? – пытается улыбнуться в ответ Утесов.

– Нет, тебе все принесут в театр.

– Ага, принесут они…

– Конечно, я уверена, обязательно дадут…

– Ага, дадут они…

– Точно дадут, сама Фурцева приедет.

– Ага, приедет она…

Дита не выдерживает однообразного брюзжания отца и взрывается:

– А не дадут – так не дадут!

Утесов застывает, как от выстрела в спину. То есть что это значит – не дадут?! Такое даже невозможно представить. Он шел к этому семьдесят лет. Он спел сотни песен. Он покорил сердца миллионов. Он стал воистину народным артистом по сути. Так почему же не стать им и по званию – «народный артист Советского Союза».

Слаб человек! Вроде все у него есть… нет, не вроде, а действительно все: фантастическая любовь зрителей, уважение и зависть коллег, благосклонность высшего руководства;

есть ордена и медали, есть звания – «заслуженный» и «народный» России. Да, но – только России… Последнее время он спал мало и плохо. Долго ворочался, забывался кратким сном и вздрагивал, просыпаясь от тревожных сновидений. И дятлом долбила одна мысль: дадут – не дадут?

Дита его успокаивала, но сама, честно говоря, думала о том же. И его коллеги, знакомые, друзья и недруги думали о том же. Прикидывали, судачили, как ильфо-петровские «пикейные жилеты», взвешивали все за и против.

С одной стороны, как не дать, ведь такой человек – кумир, мастодонт, корифей эстрады… Да, но с другой стороны, всего лишь эстрады, а не театра и не кино… С одной стороны – великие песни, но с другой – были ведь и не великие, и даже сомнительные… С одной стороны – конечно Утесов, но с другой – все же изначально Вайсбейн…

А время неумолимо летело, и день юбилея неотвратимо приближался, и вот уже он настал, но до сих пор не ясно: дадут или не дадут Леониду Осиповичу Утесову высокое звание «народный артист СССР».

– А не дадут – так не дадут! – не выдержав, взрывается Дита. – Райкину на пятьдесят не дали – и ничего! Жив, здоров, работает…

– Аркаша – еще мальчишка! – запальчиво возражает Утесов. И махнув рукой, переключается на портного: – Ну что, что? Сколько еще ждать?

Великий портной Затирка флегматично отвечает:

– Гораздо меньше, чем вы уже ждали…

МОСКВА, ТЕАТР ЭСТРАДЫ, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Зал Театра эстрады полон – лучшие люди искусства, цвет Москвы и страны: Михаил Жаров и Фаина Раневская, Аркадий Райкин и Мария Миронова, Сергей Образцов и Клавдия Шульженко, Зиновий Гердт и Лидия Русланова…

Слышится ровный гул голосов, все смотрят на пустую сцену, где висят потрет Утесова в лавровом венке и две цифры: «70» – его возраст и «55» – его стаж в искусстве.

И все ждут. Ждут не юбилейной церемонии, не блестящего действа, не потрясающего концерта… То есть, нет, конечно, всего этого ждут, но и так понятно, что это все будет, однако не это сейчас главное. А главное все то же: дадут – не дадут?

Вообще-то, семьдесят лет Утесову исполнилось еще в марте. Но ясности с присвоением звания еще не было. Поэтому и с празднованием тянули, тянули и дотянули уже до апреля. А ясность так и не появилась. Но дальше тянуть с юбилеем было некуда. Тем более что пронесся слух: точно дадут. Вот и назначили день торжества. Однако пока слух оставался слухом. А точно сообщить (или не сообщить) об этом могла лишь министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева. Но Фурцевой до сих пор не было.

За кулисами поглядывают на пустую сцену Утесов – в но-

вом костюме, Дита – в платье с мехами и ведущий вечера режиссер Иосиф Туманов – в смокинге с бабочкой. Утесов нервничает:

– Я никогда не заставляю зрителей ждать!

Туманов спокойно парирует:

– Ждут не тебя, а Фурцеву.

Утесов закипает:

– В конце концов, это мой юбилей или Фурцевой?

– Твой, папа, конечно, твой, – поглаживает его плечо Дита.

– Да, Лёдя, юбилей твой, – улыбается Туманов. – И значит, ты уже большой мальчик и понимаешь, что министр культуры сама не решает.

Ну, конечно, он все понимает. Отлично понимает, что Фурцева при всей любви к нему не может просто сама взять и выдать ему «народного» из своего кармана. Понимает, что это рассматривают в разных инстанциях, взвешивают, обсуждают… Да, все он понимает. Он только не понимает одного: какого черта они рассматривают, взвешивают и обсуждают? Он не понимает, какого еще рожна им нужно, чтобы дать ему то, что он сто лет как заслужил!

А Туманов все журчит ему на ухо с ласковостью гипнотизера, что решения такого уровня принимает ЦК и Президиум Верховного Совета, а там и других вопросов хватает, видимо, они до этого еще не добрались, а Фурцева сидит и ждет, и обязательно дождется…

Тем временем гул голосов в зале нарастает. Многие нетерпеливо поглядывают на часы. Утесов смотрит в щелку занавеса на волнующийся зал и дергается еще больше:

– Оркестр готов?

– Оркестр готов, – заверяет Туманов и добавляет, предупреждая очередные вопросы: – И балет готов, и поздравляющие ждут, и цветы-подарки на месте. Слушай, Лёдя, на эту тему есть чудный анекдот…

– Да что меня сегодня все кормят анекдотами! – взрывается Утесов. – Все, начинаем!

Он решительно направляется из кулис на сцену.

– Папа! – пытается удержать его за рукав Дита.

Но он отбрасывает ее руку. А что – характер! Босяцкий, одесский характер. Конечно, за долгие годы жизни он пообтесался, пригладился, стал благообразней, научился ждать, терпеть, может даже лишний раз поклониться… Но только до поры до времени. А когда припечет, он не станет вилять и кланяться, он распрямится и пойдет крушить напролом.

Утесов распрямляется и делает решительный шаг из кулисы на сцену… Но на этот раз пронесло: из противоположной кулисы появляется министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева.

Ах, красавица Катерина, Екатерина Великая! Ладная, статная, с косой-короной вокруг головы бывшая ткачиха привлекла внимание Никиты Сергеевича. И Хрущев поднял ее на небывалую высоту – не только министра культуры, но

и единственной женщины – члена Президиума ЦК КПСС. Ну, само собой, ходили сплетни про особые отношения Хрущева с Фурцевой, но не в том дело, ей-богу, не в том. Катя Фурцева была хороша на посту министра культуры. Не для всех хороша, но для очень многих. Рука у нее была горячая, нрав вспыльчивый, кое-кому от нее доставалось под горячую руку. Но при этом она стольким помогла, столько судеб актерских устроила, столько спектаклей спасла от карающего меча партийной цензуры… Нет, она не была диссидентом и борцом за справедливость. Но она была женщина, и вполне могла расплакаться на трогательной постановке или мелодраматическом фильме. А искренние слезы смягчают души и нравы. Так что не зря, не зря назначил ее Никита Сергеевич министром культуры.

Правда, сейчас уже Хрущева нет, но Фурцева еще остается на своем посту. Хотя доживает на нем последние дни. И находится не в лучшей форме – моральной и физической, да и попивает она последнее время. Но сейчас она на высоте – в строгом костюме а-ля «член правительства», на высоких каблуках, с красной кожаной папкой в руке. Зал мгновенно затихает. В абсолютной тишине слышен лишь цокот каблучков Фурцевой. Она подходит к микрофону, открывает папку и безо всяких предисловий начинает читать:

– Указ Президиума Верховного Совета СССР…

Больше она ничего не успевает сказать – зал взрывается овацией. Всем уже и так все ясно. Дали!!!

Фурцева слегка вздрагивает, но ее строгое лицо смягчает понимающая улыбка. Она властно поднимает руку, зал послушно стихает. И Фурцева все-таки дочитывает:

– За большой вклад в развитие советского музыкального искусства присвоить Утесову Леониду Осиповичу почетное звание – «народный артист СССР»!

В зале снова шквал аплодисментов. Таких яростных, как будто это его – зала – личная победа. А застывший в кулисах Утесов вдруг обмякает, словно из него выпустили воздух, и как-то устало и негромко говорит сам себе:

– Дали… Таки дали… Ну и что?..

Он впадет в знакомое всем состояние, когда бессонными ночами напряженно готовишься к главному экзамену, а потом сдаешь его – и наступает полное опустошение. Но Дита торопит отца:

– Папа, иди! Иди же, папа!

Утесов встряхивает головой, мгновенно надевает свою обаятельнейшую улыбку – а как же, профессионал! – и выходит на сцену.

Зал встает и аплодирует стоя. Фурцева вручает Утесову папку. И весомо сообщает всем:

– Хочу отметить, товарищи, что Леонид Осипович – первый… я подчеркиваю, первый артист эстрады… которого партия и правительство удостоили столь высокого звания!

Фурцева выжидающе смотрит на Утесова. И он оправдывает ее ожидания. Серьезнеет, делает торжественное выра-

жение лица, настраивает голос на взволнованную глубину:

– Уважаемая Екатерина Алексеевна! Разрешите мне высказать искреннюю и глубокую благодарность за эту высокую награду нашей дорогой коммунистической партии и советскому правительству! – Он умолкает, словно сомневаясь в уместности дальнейших слов, но все же решается и широко улыбается: – И еще спасибо моей родной Одессе!

Екатерина Великая в некотором недоумении чуть приподнимает бровь. Но зал расслабляется и снова восторженно аплодирует. Да еще ведущий Иосиф Туманов, смягчая ситуацию, дает отмашку оркестру, и звучит, пожалуй, самая главная песня Утесова:

Есть город, который я вижу во сне.
О, если б вы знали, как дорог
У Черного моря открывшийся мне,
В цветущих акациях город
У Черного моря…

И Утесова уже не удержать, и он уже забыл про официоз и церемониал, и он расплывается в трогательной улыбке, и почти по-дружески сообщает и Фурцевой, и всему залу, и всему миру своим неповторимым голосом – с характерной хрипотцой и одесским говорком:

– Вы ж понимаете, шо многие бы хотели родиться в Одессе, но не всем это удается! Для этого надо, шоб, как минимум, ваши родители хотя бы за день до вашего рождения по-

пали в этот город. Но не все ж могут себе это позволить. А мои – всю жизнь там прожили…

ОДЕССА, ВЕСНА 1895 ГОДА

Волны Черного моря накатывают на берег, сверкая брызгами в ослепительных лучах южного солнца. Но до пыльного переулочка в районе Малой Арнаутской и Привоза море не достает, и солнце сюда пробивается с трудом сквозь тень деревьев и виноградной лозы.

Треугольный переулок, дом 11. Двухэтажный дом и типичный одесский дворик, опоясанный по всему периметру деревянной галереей с железными витыми перилами. Ворота – тоже железные – ведут из двора в переулок. На левой стороне дома – тяжелая резная дверь. Если войти в нее и подняться на второй этаж по очень крутой лестнице с выщербленной итальянской плиткой, то можно добраться до квартирки из трех комнат – две крошечные, окна во двор, и одна побольше, окна на улицу. Здесь живет семья Вайсбейнов.

А на первом этаже, напротив водяной колонки, проживает мадам Чернявская – известная повитуха, принимавшая всех младенцев в этом дворе, и во дворе рядом, и во дворе напротив, и во всех дворах Треугольного переулка и окрестностей. В ее квартиру и врывается поздним вечером разбитная голосистая девка Маня:

– Мадам Чернявская! Хватайте свой чемоданчик и скачите у пятнадцатую квартиру! Мадам Вайсбейн сейчас рассып-

лется на кусочки!

Грузная повитуха, в платке, заправленном за уши и подвязанном у подбородка, отрывается от пасьянса, который она раскладывала на столе, покрытом вязаной из ниток скатертью.

– Тихо, ша! И почему это в Одессе имеют моду рожать на ночь глядя, когда нормальные люди уже готовы скушать свой штрудель и спокойно отдыхать…

Продолжая ворчать, повитуха собирает докторский чемоданчик и меняет домашние тапки на уличные чоботы. Маня приплясывает от нетерпения у порога:

– Ой, ну шо ж вы копаетесь, как на похороны!

– Ай, на каждые роды будут свои похороны…

Маня выхватывает из рук повитухи чемоданчик и первой вылетает за дверь.

А в свою квартиру, открыв дверь ключом, устало входит хозяин – Иосиф Вайсбейн.

Он очень аккуратный человек – в отглаженном костюме, в начищенных ботинках, с довольно пышными, но тщательно подстриженными усами и с потертым, но чистеньким саквояжем в руке. Он аккуратно снимает сюртук, обмахивает его щеткой и вешает на плечики. Снимает золоченое пенсне, бережно укладывает в футляр, кладет футляр в комод, а оттуда извлекает простенькие очки, подвязанные веревочкой.

Но тут из соседней комнаты доносится женский стон. И

степенный Иосиф, потеряв всю свою размеренность, бросается в комнату, где лежит на широкой супружеской постели его жена Малка. Лоб у нее весь в испарине.

– Малочка, что? Или уже началось?

Вместо ответа врывается Маня, таща за собой повитуху мадам Чернявскую.

– Холоднокровней! – ворчит повитуха. – Это если бы мадам Вайсбейн имела первое дитя, так я бы еще нервничала, а то уже, слава богу, четвертый визит…

Иосиф падает на колени перед женой, хватает ее за руку:

– Малочка, душа моя! Больно, да? Больно?

Малка лишь тихо стонет – черные пряди волос прилипли к мокрому лбу. А повитуха грозно заявляет Иосифу:

– Мосье Вайсбейн, сделайте так, чтобы вас здесь не было!

Девка Маня уже тащит таз с горячей водой. Повитуха расстилает белые простыни. Растерянный Иосиф плетется в кухню. И смотрит, не видя, в темное окно, нервно постукивает пальцами по стеклу. В кухню влетают мальчик Миша и две девочки, Клава и Прасковья, – в длинных ночных сорочках.

– Папочка, папочка, Миша говорит, что у нас будет братик! – кричит Клава. – А мы с Песей – что будет сестричка!

Появление детей мобилизует папу Иосифа, и он с максимально доступной ему строгостью переключается на воспитательную работу:

– Дети, во-первых, вам нужно спать! А во-вторых, кто бу-

дет – я не знаю…

– А я знаю – братик! – заявляет Миша.

– Нет, сестричка! – хором возражают девочки.

– Нет, братик! – дергает Клаву за косичку Миша.

– Нет, сестричка! – дает ему тумака Клава.

– Дети, не ссорьтесь! – вмешивается папа Иосиф. – Идите спать!

Появляется сияющая Маня:

– Мосье Вайсбейн, у вас – девочка!

Девчонки прыгают, показывая брату Мише «носики»:

– Сестричка! Ага, сестричка!

Из комнаты зовет повитуха:

– Манька, сюда иди!

Манька убегает. Папа Иосиф уже строго приказывает:

– Все, дети, я сказал: спать!

Малыши нехотя, продолжая тайком шпынять другу дружку, удаляются. Папа Иосиф взволнованно одергивает сюртук и направляется в комнату. В дверях его встречает повитуха:

– Мосье Вайсбейн! Вы будете сильно смеяться, но у вас двойня!

Папа Иосиф столбенеет:

– Как… двойня?

– Так, двойня! – усмехается повитуха. – Представьте себе, это бывает… Девочка, а потом таки мальчик.

– Что же вы сразу не сказали! Какое счастье – второй сын!

– Я вас поздравляю с этим счастьем, мосье Вайсбейн!

Папа Иосиф благостно улыбается, потом спохватывается:

– А как она?

– Ой, не берите в голову! Мадам Вайсбейн такая справная женщина, что может родить вам целый синагогальный хор!

Измученная мама Малка сидит на кровати, опираясь на гору подушек, а рядом – два кулечка с новорожденными: мальчик и девочка, сын и дочь. Папа Иосиф нежно гладит распущенные волосы жены. И смотрит ей в глаза, и молчит, и думает, как ему повезло в жизни.

Впрочем, он сам себе устроил это еврейское везение и счастье. Потому что неожиданно для всей своей зажиточной семьи, да и, честно говоря, для себя самого он не дал слабину. А поступил, как настоящий мужчина. Так считал он. Или – как настоящий босяк. Так кричал его отец. А было вот что: Иосиф привел в дом родителей невесту. Тоненькую черноглазую девчушку Малку Граник. Из очень бедной, да просто нищей семьи. Отец сказал Иосифу: «Нет!» Иосиф сказал отцу: «Да!» Отец сказал Иосифу: «Я выгоню тебя из моего дома!» Иосиф сказал отцу: «Я сам уйду!» Оба сдержали свое слово. Отец его выгнал, Иосиф ушел. И женился на любимой своей Малочке, и больше никогда не появлялся в родительском доме.

И вместо обеспеченной жизни богатого наследника стал вести тяжкую жизнь лепетутника. На одесском жаргоне «лепетутник» – это мелкий торговец, посредник в разных коммерческих сделках, маклер для разовых поручений… В об-

щем ничего стабильного, ничего определенного – ни работы, ни заработка. Все зыбко, сиюминутно и воздушно. Мудрый Шолом-Алейхем называл таких людей – «человек воздуха».

Папа Иосиф гладит маму Малку по взмокшим волосам:

– Спасибо, родная моя! Два мальчика и три девочки! Или есть кто-то меня счастливее?

– И все это счастье хочет кушать, – вздыхает мама Малка. – Ох, Йося, с другой женой ты бы купался в деньгах, как утки в луже на Слободке…

– Не говори так, не рви мне сердце! Если мои родители не имели души и из-за бедной невесты отказали мне в деньгах, так пусть забирают их на тот свет! Пусть попробуют купить там на эти деньги хоть полфунта любви и благодарности…

Малка слабой рукой гладит руку мужа. Один из новорожденных – мальчик – разражается пронзительным криком. Мама Малка прикладывает его к груди. А папа Иосиф улыбается:

– С таким голосом он будет невроку хорошим кантором!

Одесса начала века – это кривые улочки и прямые бульвары, корабли и биндюжники в порту, церкви, мечети и синагоги, трамвай-конка и рынок Привоз, который круглый год ломился от фантастического изобилия мяса и рыбы, молока и сладостей, овощей и фруктов… Но какое бы изобилие еды ни царило на Привозе, мама Малка никогда не давала детям целое яблоко или пирожное, а только пол-яблока или

полпирожного. От этого сладкое казалось еще желанней и слаще.

Удар ножом – и яблоко разделено на две части. Мама Малка выдает половинки на десерт стоящим перед ней детям – старшему сыну Мише и дочери Клаве.

– Спасибо, мамочка! – хором благодарят дети и уносятся.

В семье Вайсбейнов завтрак, обед и ужин – всегда в точно определенное время. И за столом каждый сидит точно на своем месте. Еще удар ножом – и еще одно яблоко разделено на половинки. Одну мама подает маленькой Полине. Вторую половинку вертит в пальцах:

– И где же Лёдя?

– Не жнаю, мамошка! – отвечает Полина, близнец Лёди, не выговаривая половину букв.

Малышка убегает за старшими. Мама Малка раздумывает еще секунду и протягивает пол-яблока папе Иосифу:

– Ешь, Йося!

– А как же Лёдя?

– Ребенок должен знать порядок! Не пришел к обеду – ходи голодный!

– Но…

– Ешь!

Иосиф нехотя берет яблоко, но тут вбегает разбитная девка Маня.

– Малка Моисеевна! Вы побежите, погляньте, где ваш

Лёдька!

Папа и мама спешат по галерее второго этажа, опоясывающей внутренний дворик. Откуда-то доносятся звуки скрипки. Мелодия становится все громче.

Вбежав в коридор, они видят трехлетнего сына, свернувшегося калачиком под дверью. Здесь живет учитель музыки Гершберг. И там, за дверью, сейчас поет его скрипка. Мама Малка бросается к лежащему на полу сыну.

– Лёдя! Что ты тут валяешься, как беспризорник! И что подумает маэстро Гершберг?

Папа Иосиф ее останавливает:

– Тише, он спит…

Родители склоняются над уснувшим малышом. Мама бережно берет его на руки.

– Ой, горе ты мое!

Папа поправляет задравшуюся рубашонку сына. Лёдя открывает глаза, прижимается к материнской груди и сонно улыбается:

– Мамочка… Там хорошо… Там – музыка!..

Мелодия скрипки за дверью становится все нежней и возвышенней.

Совсем другая музыка – разудалая, народная, многоголосая музыка одесской речи – звучит на Привозе, по которому бредет семилетний Лёдя.

– Сахарно-о морожено-о! – тенором заливается морожен-

щик.

– Кавуно-ов! На разрез кавуно-ов! – басит усатый продавец арбузов.

– Селк! Цисуца! Селк! – шепелявит китаец, торгующий тканями.

– Туфлы грецески! Грецески туфлы, батынки! – бубнит грек-обувщик.

Дородная мамаша со скрипичным футляром в одной руке другой тащит за собой тщедушного пацана в бархатной курточке и с бантом на шее. Мальчик пытается затормозить у тележки мороженщика.

– Мамочка, мороженое! Ну, мороженое!

– Боже упаси! У тебя может приключиться ангина, а потом – менингит головы! Как ты будешь играть на скрипке?

– Но я же играю руками, а не головой!

Этот аргумент не убеждает маму, она тащит вундеркинда с бантом дальше. Лёдя, проводив бедолагу сочувственным взглядом, протягивает торговцу копеечную монетку и важно приказывает:

– На все!

Мороженщик усмехается, берет самый маленький вафельный рожок, зачерпывает круглой ложкой один шарик мороженого, шлепает его в рожок, протягивает мальчику. Лёдя поспешно слизывает стекающую каплю драгоценного лакомства. И хмуро наблюдает, как мороженщик накладывает разодетой девчонке-толстушке целую горку морожено-

го в самый большой рожок. Девчонка замечает его взгляд, отхватывает немалый кусман мороженого и показывает Лёде испачканный язык.

А Лёдя убегает с Привоза, несется на Итальянскую **улицу, мимо тенистых платанов, по булыжникам, по кривым улочкам, пересекает Дерибасовскую и вылетает на Николаевский бульвар.**

Здесь тоже звучит музыка. Много музыки. По случаю воскресного дня в излюбленном месте прогулок горожан – от здания Городской думы до Воронцовского дворца, где бывал Пушкин – в центре бульвара на круглой площадке играет духовой оркестр. В ресторане под навесом – итальянский оркестрик. А в пивной без навеса – румынский. Играют они по очереди, друг другу не мешая.

Близнецы – Лёдя и Полина – бегают наперегонки вокруг Дюка.

Папа Иосиф умильно, а мама Малка строго наблюдают за ними. Папа радуется, какие невроку живые дети. Мама требует, чтобы оба – и Лёдька, и Полька – живо таки успокоились, иначе она им надерет уши.

Она вообще была очень скупа на ласку, строгая мама Малка. Если кто-то из детей удостаивался того, что мама погладила его по головке, – он мог быть уверен, что сделал что-то уж очень хорошее. Тогда ребенок бежал к братьям и сестрам, радостно хвастая этой маминой наградой. И еще мама почти

никогда не целовала детей. То ли стыдилась такого несказанного, по ее мнению, проявления чувств. То ли считала, что эти нежности портят детей, лишая их твердости в жизни.

А папа Иосиф был совершенно другим человеком. Сентиментальный добряк, очень деликатный, никогда не ругался и не то что не кричал, но даже громко не разговаривал. Обожал любимую Малку и был так наивен, что совершенно не верил, будто есть мужья, которые изменяют своим женам. Он считал, что это все выдумывают писатели, и удивлялся: «Ну зачем же идти к чужой женщине, если есть жена?» А когда ему сказали в шутку, что один муж на Лимане изменил своей жене и умер от этого, он ответил всерьез: «Вот видите, что бывает!»

По одному мановению пальца мамы Малки растрепанные Лёдя и Полина подбегают к родителям. Мама интересуется: или их вывели гулять, чтобы они снесли голову уважаемому Дюку? На что Лёдя нагло, хотя и резонно, заявляет, что, если даже так, то Дюку будет не больно – он железный! Мама гневно заносит руку для подзатыльника. Но Лёдя отскакивает, сообщая, что он-то уж точно не железный.

И тогда папа, милый мягкий папа в отчаянной попытке смягчить конфликт переводит стрелки на исторически познавательную беседу:

– Между прочим, Дюк де Ришелье тоже не всегда был железным. Памятником Дюк стал в благодарность за что, что он, а также Де Рибас и другие французы создавали Одессу.

Чем-то похожую на Париж. И улицы названы их именами – Ришельевская, Дерибасовская…

Лёдя перебивает папу – из всего просветительского курса он выловил только одну интересующую его мысль:

– А моим именем могут назвать улицу?

– Это как, Лёдька? – смеется Полина. – Что ли – Вайсбейновская?

Мама даже не желает рассуждать на дурацкую тему и сообщает, что детям пора домой. Дети канючат, просят еще погулять. Нет, не у мамы канючат – у мамы канючить бессмысленно, это они понимают, – и потому уговаривают еще погулять папу. Папа робко пытается заступиться: или мы уже не можем позволить детям еще подышать свежим воздухом в праздничный день? Но мама иронически прищуривается:

– Какой праздничный день, Йося? Я еще понимаю, был бы шабес, а что это за праздник – воскресенье?

Двор в Треугольном переулке был образцом большого интернационала старой Одессы.

Кроме уже знакомых вам семейства Вайсбейнов и одинокой повитухи мадам Чернявской, там жили еще две еврейские семьи.

Первая состояла из учителя музыки маэстро Гершберга с тихой женой-хромоножой Соней и их единственного ребенка Зюни – музыкального вундеркинда, ненавидевшего музыку и ее носителя-мучителя, родного отца.

Вторая еврейская семья была неполной: пухленькая симпатичная Розочка рано потеряла своего мужа Сему, оставившего ее с тремя детьми мал мала меньше. Покойный муж Сема был представителем редчайшего, но все же встречающегося в природе человеческого вида: еврей-пьяница. В свободное от пьянства время он рыбачил и утонул в нетрезвом состоянии, опровергнув пословицу, что пьяному море по колено.

Ридну Украину во дворе представлял прежде всего мясник Кондратий Семенович Загоруйко. Огромный, краснолицый, с закатанными рукавами и грязным фартуком на могучем животе. Под стать Кондратию Семеновичу была и его жена Аня: дородная подруга и помощница мужа, эта дама могла не хуже него одним ударом топора развалить пополам мясную тушу. Впрочем, делала она это не в рабочем порядке, а пару раз – на спор. Но с мужем она вела себя тише воды ниже травы, а свою нешуточную силу и взрывной характер изредка обрушивала лишь на соседей по двору. А вот Никитка – единственный сыночек этих двух богатырей – был будто тоненький стебелек, колышущийся на ветру, задумчивый и застенчивый, чем крайне огорчал отца Кондратия, чуявшего сердцем, что такой хилый сынок вряд ли станет достойной сменой в его мясной лавке.

Еще из украинцев была румяная чернобровая дивчина Маруся. Ну, не совсем дивчина, скорее – мадонна. Она постоянно кормила грудью одного младенца и была беремен-

на следующим. При этом было совершенно непонятно, куда же девались ее предыдущие, уже рожденные и выкормленные дети. То есть они, конечно, где-то были, но существовали как-то отдельно от Маруси, ходившей, повторяем, вечно с пузом и с младенцем у груди. Маруся потрясающе пела украинские песни, а когда к ее голосу присоединялся баритон мужа Николая-Мыколы, босяка и весельчака без определенных занятий, то все соседи высовывались из окон или выходили на галерею, внимая столь неземному пению в исполнении таких земных вокалистов.

Еще во дворе проживали: грек – торговец орехами по фамилию Непростиди, причем никто не верил, что эта фамилия настоящая; татарин – само собой, дворник и, само собой, многодетный отец Калман Калманыч; русская портниха Галина Сергеевна, обшивавшая весь двор не то чтобы бесплатно, но в долгий-долгий долг; а также еще какое-то количество персонажей, которые появлялись во дворе ненадолго и исчезали навсегда.

А еще во дворе жил очень старенький, может быть даже вечный дедушка. Неизвестно, когда он здесь появился. Неизвестно даже, где он, собственно, тут жил. Он просто сидел во дворе всегда. На одном и том же месте. На одной и той же табуреточке. Никому не мешал. Никого не беспокоил. Сидел себе и сидел, улыбаясь солнцу. Или – дождю. Или – снегу.

Многонациональные жители двора в Треугольном переулке были людьми, не ангелами. Они и дружили, и ссорились,

и ругались вдрызг, а порой и дрались в кровь. Но все равно жили вместе. И никуда друг от друга не девались. Как будто дворик в Треугольном переулке – это такой маленький островок, за пределами которого нету другой жизни.

И повторяя характеры, нравы, слабость и силу взрослых, жили во дворе их дети, по большей части почему-то пацаны. И тоже дружили, ссорились, дрались, но попробуй тронь их ребята из другого двора… Мало тем не покажется! Это твердо обещал Лёдя, бывший заводилой и главарем всех пацанов во дворе.

И вот что еще интересно – да нет, это просто естественно: украинцы или евреи, русские, греки или татары – все жители двора в Треугольном переулке говорили на одном языке – одесском.

– Розочка! Розочка! – истошно кричит могучая жена мясника Аня посреди двора.

На галерее второго этажа Розочка что-то жарит на примусе и отвечает, не оборачиваясь:

– Я вас слухаю, Анечка!

– Розочка, или вы даете чеснок в фарш?

– Я даю только лук. Желаете попробовать?

– Нет, я желаю угадать, что это так воняет!

Розочка презрительно передергивает пухлым плечиком, не отрываясь от примуса.

Чернобровая Маруся – живот барабаном, младенец у титьки – налетает на Галину Сергеевну, развешивающую на

веревке белье:

– Слушайте, мадам Гурина! Вы своим бельем заняли весь двор!

– Ой, только не надо завидовать! – насмешливо отрубает владелица белья.

На террасе мама Малка варит вишневое варенье в медном тазу. Папа Иосиф вынимает шпилькой косточки из свежих вишен и складывает в миску.

– Йося, у тебя еще много?

– На целый таз! – отвечает папа Иосиф.

– Так у меня не хватит сахара.

– Ничего, – успокаивает папа Иосиф, – говорят, что сахар – это вредно.

– Это говорят те, у кого нет сахара! – усмехается мама Малка.

Маруся, отстав от Галины Сергеевны, задирает голову:

– Мадам Вайсбейн, я вам завидую: иметь такого мужа – так не надо никакого богатства!

Малка только улыбается. А Иосиф вздыхает:

– Как раз таки богатство нам бы не помешало. Нет чтобы нам жить в собственном доме, где каждый имел бы свой угол с окошком…

– Будут другие времена, – успокаивает его жена Малка.

– Когда они будут – другие времена? Что я могу, маленький лепетутник, если хлебные биржи трещат по швам… Даже Ротшильд терпит убытки!

– Не гневи бога! Все невроку здоровы, ни войны, ни погромов… Что еще надо?

– Дети растут, им скоро негде будет заниматься уроками…

– А у некоторых твоих детей уроки совсем не в голове!

Поднимая босыми ногами пыль, во двор влетает Лёдя. Его тут же окружают дружки-пацаны.

– Вот! – Мама Малка с галереи указывает на Лёдю. – Уже семь лет, а он и слышать не хочет ни про какую учебу!

Лёдя, не обращая на маму внимания, предлагает дружкам:

– Айда сливы таскать у барыни! – И во главе своей компашки уносится со двора.

– Лёдька! – летит ему вслед возмущенно-беспомощный дуэт мамы с папой.

Таскать у барыни сливы, а также яблоки и груши было любимым занятием этих малолетних паразитов.

Барыня – впрочем, неизвестно, почему они называли ее барыней, – жила одна в старом доме. Ветви деревьев ее небольшого запущенного сада склонялись под тяжестью плодов. А сама барыня – ну или кто она там была, – тощая женщина с растрепанными седыми прядями, взбитыми легкомысленными кудряшками, одетая в пышный розовый пеньюар, тоже легкомысленный и не вязавшийся с ее старческой фигурой, подперев кулачком подбородок, слушала лакированный фонограф, стоявший на столе. При этом она

мечтательно прикрывала глаза и странная улыбка блуждала на ее узких губах. Кто знает, о чем думала, что вспоминала, куда уносилась в мечтах эта, вполне возможно, бывшая красавица… А на валиках фонографа крутилась всегда одна и та же мелодия – ария Ленского: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?»

Эта картина – «барыня», слушающая за столом у окна фонограф, – была неизменной, и не важно, что именно воровали пацаны в ее саду в зависимости от сезона. И картина поведения шантрапы тоже была одинаковая: проделав дыру в трухлявом заборе сада, пацаны набивали карманы, пазухи и рты сочными фруктами, а Лёдя, как загипнотизированный, устремлялся на звуки музыки.

Он осторожно подтягивался, влезал на подоконник, тихонько прятался за шторой и замирал, глядя, как крутятся валики фонографа, слушая, как Ленский поет: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни…» Он шевелил губами, повторяя мелодию, выговаривая слова, смысла которых не совсем понимал, и потому пел вместо «удалились» – «увалились», а вместо «дни» – «пни».

Обычно барыня, уплывшая в свои воспоминания и мечты, ничего не замечала вокруг. Но сегодня выходит по-другому. Где-то в саду трещит ветка, и раздается вопль свалившегося с нее пацана. Старуха бросается к окну и обнаруживает Лёдю. Она вцепляется в юного меломана и принимается лупить его мухобойкой.

– А-а-а! – вопит Лёдя. – Тетенька, отпусти!

– Ах ты, бесстыдник! Подглядывать? Как я в неглиже – они тут как тут!

– Да не подглядывал я! Я музыку слушал!

– Вот тебе музыка! Вот! Вот!

Ария Ленского сливается с воплями Лёди.

Но не зря страдал Лёдя, не зря. А страдал он за то, что станет первым в его жизни артистическим гонораром.

В комнате Вайсбейнов соседи по двору празднуют Песах. На столе маца, бокалы с кошерным вином и фарфоровое пасхальное блюдо, на котором лежат яйцо, куриная косточка и хоросис – тертые орехи с хреном. Папа Иосиф заканчивает читать молитву. Все пригубливают вино и желают другу другу счастливой Пасхи.

– А теперь – Лёдя! – категорически приказывает Розочка.

– Просим, просим! – поддерживают ее и другие гости.

Мама Малка недовольно поджимает губы. Но папа Иосиф ласково кивает сыну:

– Давай, Лёдичка…

Лёдя привычно взбирается на табурет, принимает картинную позу оперного певца, выдерживает театральную паузу и вдохновенно запевает, как умеет:

Куда, куда вы увалились,
Весны мой златые пни?

Слушатели, ничуть не смущаясь вольностями текста, с удовольствием покачивают головами в такт. Лёдя допевает арию. Гости аплодируют. Папа подает певцу монетку – три копейки. Гости наперебой веселятся:

– О, невроку заработал! Если так пойдет, с твоего пения вся семья будет жить! Купи себе мороженое!

– А я хочу два мороженых! – заявляет Лёдя.

И уже безо всяких приглашений снова заводит арию Ленского.

Раздается стук в дверь. Папа Иосиф, сделав сыну знак не прерывать пение, тихонько выходит. Потом возвращается и кивает жене. Мама Малка знает, что надо делать: она наливает рюмку, ставит ее на поднос, и папа Иосиф удаляется с подносом.

За дверью топчется огромный багровомордый городовой. Это уже давний ритуал. Ферапонт Иванович – исконный российский городовой и ведет себя, как татарский хан: он собирает дань. С православных христиан – в день светлой Пасхи, с иудеев – в день не менее светлого Песаха, с мусульман – в день их светлого праздника жертвоприношения Курбан-Байрам.

Папа Иосиф протягивает городовому поднос, тот одним глотком осушает рюмку.

– С праздничком светлой христовой… о-о-о… или как там у вас… в общем, Пасхи!

Спасибо, Ферапонт Иванович, большое вам спасибо!

Иосиф достает из карману купюру и вкладывает ее в лапу городового.

– И вам премного благодарствуем! – кивает городовой.

Он прислушивается к тоненькому голоску за дверью, выводящему арию Ленского:

– А это кто там глотку разоряет?

– Сын! – подобострастно сообщает Иосиф. – Лёдя… э-э… Лазарь.

– Глотка здоровая, – одобряет Ферапонт Иванович, – видать, артист будет.

– Ой, не дай-то бог! – пугается папа. – Не наше это дело!

– И то верно, – соглашается городовой. – Каждый свое дело делать должон. Ваше, к примеру, жидовское дело – купи-продай, а наше – за порядком соблюдать!

Да, полицейские силы – надежные блюстители порядка, верная опора режима. В повседневных синих мундирах являют они свою власть на улицах, а в праздничных белых – маршируют на парадах. Но что-то не видно их – ни синих, ни белых, – когда по городу катится разгульная страшная толпа черносотенцев…

Солнечная и как-то странно пустынная улица. Звенящая тишина и пустота создают ощущение тревоги. Впрочем, издалека доносится вполне мирное и торжественное «Боже, царя храни!». На эти звуки – как всегда на любые звуки музы-

ки – из ворот своего дома выглядывает Лёдя.

Поющие голоса все громче, все ближе. Но самих поющих еще не видно. Зато, опережая их, на пустынную улицу выбегает человек – лицо в крови, рыжеватая бородка, огромными страдальческие глаза. Лёдя испуганно пятится во двор.

И наконец, вслед за избитым человеком появляется поющая процессия – крепкие нетрезвые мужики. Во главе процессии несут церковные хоругви. Толпа не гонится за окровавленным человеком, нет, она просто надвигается на него неотвратимой темной массой. Человек пытается бежать, но силы оставляют его, он спотыкается, вот-вот упадет…

Любопытство Лёди пересиливает страх – он опять выглядывает из ворот. Человек обращает к мальчику страдальческое лицо. Лёдя смотрит на него, переводит взгляд на толпу, на хоругви. Лицо мальчика исполняется удивлением и ужасом, потому что на самой первой и большой хоругви – лик Спасителя, как две капли воды похожий на лицо преследуемого. Те же страдальческие глаза, та же бородка, такая же струйка крови у рта.

Лик на хоругви. Окровавленное лицо человека.

Глаза Спасителя. Глаза пытающегося спастись.

Лёдя хватает человека за руку, тащит во двор. Тот из последних сил ковыляет за ним. Они минуют арку, пролезают через дыру в заборе.

Навстречу – обезумевшая от страха, с растрепанными волосами, мама Малка.

– Лёдичка! Родненький!

Она хватает сына, целует и тут же отвешивает подзатыльник:

– Где тебя носит? Горе мое, бежим скорей!

Но Лёдя оглядывается на окровавленного человека.

– Ой, горе мое, горе! – вновь стонет мама.

В подвале мясной лавки, среди висящих на крюках туш, притаилась вся семья Лёди: мама, папа, три сестры и брат.

На полу тихо стонет раненный человек с улицы. Папа Иосиф читает еврейскую молитву. Остальные молчат, прислушиваются к происходящему наверху.

Скрипит подвальная дверь, все вздрагивают и смотрят в темный проем. Оттуда спускается по ступеням, тяжко отдуваясь, огромный мясник Кондратий Семенович.

– Ну, там вже стихаеть, – сообщает он и замечает раненого. – А цэ хто?

Все испуганно переглядываются. Папа Иосиф робко мямлит:

– Понимаете, Кондратий Семенович… Видите ли…

Та усэ я понимаю и усэ бачу: еще одын жид. Ну, нехай…

Он милостиво машет толстой ладонью.

Все облегченно выдыхают. Папа Иосиф трясет руку мясника:

– Спасибо вам, Кондрат Семенович! Вы наш спаситель! Вы…

Мясник смущенно вырывает свою руку:

– Та ладно! Там уже ваши отряды самообороны подтянулыся… Даром, шо жиды, а хлопцы боевые!

– Спасибо вам! – все бормочет папа Иосиф. – Мы вас… мы отблагодарим…

– От люды! – огорчается мясник. – Та якбы ж я хотел магарыч, так чем вас тут ховать, я бы с теми бандюками зараз шарил по вашим комодам!

Кондрат Семенович уходит, в сердцах хлопнув дверью. Папа Иосиф опять читает молитву. Мама Малка смачивает тряпку и утирает лицо раненого.

– Дядечка, – спрашивает Лёдя, – а ты кто?

Раненый поднимает огромные печальные глаза на мальчика.

– Я?.. Я музыкант.

– Музыкант?! – У Лёди перехватывает дыхание от восторга.

– Да, скрипач…

Восхищенный взгляд Лёди падает на руки музыканта и гаснет – обе кисти разбиты в кровь.

А руки дирижера духового оркестра порхают в такт мелодии. Вернее, конечно, наоборот – мелодия подчиняется дирижерским рукам. Оркестр играет на площадке Николаевского бульвара для прогуливающихся нарядных дам и их кавалеров.

Лёдя проходит мимо этого оркестра и направляется к другому – в сотне метров от первого. Этим – немецким – оркестром дирижирует капельмейстер с пышными нафабренными усами а ля император Вильгельм. Он не просто так дирижирует, а восседает при этом верхом на белом коне. Публики аплодирует, а Лёдя вообще в полном восторге – уселся на землю и не сводит глаз с дирижера-всадника. Но вдруг трубач берет невероятное фортиссимо, конь испуганно взвивается на дыбы, и седок падает. К нему бросаются слушатели. Оркестр умолкает.

А музыкальную эстафету подхватывает другой – румынский – оркестр, возле пивной. Лёдя перемещается туда. Слушает, подпевает, даже взмахивает руками, изображая дирижера.

Оркестр доигрывает и усаживается тут же, за столиками – пить пиво. Лёдя робко подходит к гитаристу. Хотя оркестр «румынский», гитаристом в нем служит известный одессит, брутальный красавец со странным прозвищем Фуня-Водолаз. Лёдя наблюдает, как он пьет янтарную влагу из огромной кружки, и робко просит:

– Дядечка, можно я на гитаре попробую?

– А ты умеешь?

– Не-а. Я ж говорю: попробую…

– Да что ж пробовать, если ты не умеешь?

– А вы меня научите!

Фуня-Водолаз смеется, допивает кружку и машет офици-

антке.

– Катюша, еще одну мою!

Лёдя терпеливо ждет. Официантка приносит новую – такую же огромную – кружку пива и призывно улыбается гитаристу. Тот слегка хлопает ее по крутому бедру и добреет.

– Ну, что ж, хлопчик, чего бы тебя и не поучить…

По лестнице из порта на бульвар поднимается папа Иосиф. В руке его рабочий саквояж. И голова его тоже, видимо, занята рабочими проблемами – он бормочет себе под нос, словно подсчитывая что-то в уме.

А что поделаешь, бедный одесский лепетутник должен все время считать, все время соображать, все время вертеться. Папа Иосиф – специалист по хлебной торговле. Ну, это громко сказано – «специалист» и «торговля». Какая там торговля? Ай, удалось сообразить два биндюга с десятком мешков муки от Одессы до Херсона – и уже гешефт. А «специалист» – таки да. Его все-таки немножко знают коллеги и уважают знатоки. Они собираются каждый день в знаменитом кафе Фанкони – скромные лепетутники. И на этой маленькой бирже у каждого из них невроку приличный костюм с жилеткой, и имеются часы на цепочке, и они не зря едят свой хлеб, да еще кормят хлебом своих детей.

Какой-то франт в клетчатом костюме задевает папу Иосифа плечом и, даже не извинившись, шпарит дальше. Вынужденный отвлечься от своих раздумий, папа Иосиф неодобрительно качает головой вслед франту и окидывает взглядом

всю беспечную жизнь бульвара с явным неодобрением.

А в пивной Фуня-Водолаз ставит пальцы Лёди на гитарных струнах.

– Так… Так и так… И все вместе – плавно…

Лёдя, сосредоточенно сопя, берет аккорд.

– Ты – мелочь человеческая! У тебя упрямство переросло пальцы! – Гитарист оборачивается к официантке: – Катюша, еще одну!

Тут Лёдя замечает идущего по бульвару папу Иосифа. Он резко сползает под стол. Фуня поворачивается от официантки к столу:

Слушай сюда, хлопчик…

И замирает в изумлении, увидев на стуле только гитару.

А Лёдя, наблюдая за маршрутом папы, на четвереньках покидает пивную, укрываясь за пышной юбкой прогуливающейся дамы, затем ныряет за оплетенный диким виноградом заборчик итальянского ресторана, где сладкий тенор выводит неаполитанскую песенку.

Папа скрывается в конце бульвара. Лёдя облегченно переводит дыхание. И замечает за богато уставленным столиком у ограды красивую пару: загорелый морской капитан и красавица-блондинка. Капитан, почувствовав взгляд Лёди, оборачивается.

– Мальчик, ты что смотришь?

– Я думаю…

– О чем?

Лёдя смущенно мнется.

– О чем, мальчик? – спрашивает блондинка.

Лёдя решается:

– Я думаю, а вдруг я когда-нибудь сяду вот так в ресторане и съем все, чего захочу!

Капитан и дама переглядываются с улыбкой.

– Считай, этот день уже настал, – объявляет капитан. – А ну-ка, давай сюда!

Лёдя не долго думая перемахивает через ограду и плюхается прямо за столик. Тут же возникает строгий официант. Лёдя съеживается на стуле, но капитан останавливает официанта:

– Мальчик – с нами. Ну, друг мой… Ты ведь хотел съесть «все»? Так выбирай!

Лёдя недоверчиво смотрит на капитана, на официанта. Тот поднимает мученический взор к небу.

– Ну же, заказывай! – подбадривает капитан.

Лёдя мучительно соображает и наконец выпаливает:

– Мороженого! Ванильного с клубникой и орехами! На двадцать копеек!

Спутница капитана смеется. Капитан тоже терпеливо улыбается.

– Так, мороженое… Еще что?

– Все!

Официант хмыкает, удаляясь выполнять заказ, и возвращается с целой горой мороженого, украшенного фруктами и

цукатами. Лёдя принимается с невероятной скоростью уплетать мороженое. И когда он доедает, капитан интересуется:

– Ну, а все-таки еще что?

Лёдя переводит дух, секунду размышляет и объявляет:

– Еще мороженого на двадцать копеек!

Вторая порция украшена еще затейливее. Лёдя несколько сбавляет темп, но расправляется и с ней. Спутница капитана наблюдает за ним с нарастающим изумлением. А капитан спрашивает:

– Ну, и как в сказке: третье желание?

Лёдя встает и галантно кланяется.

– Благодарю! Больше ничего не хочу.

– Совсем ничего?

– Совсем.

Капитан притягивает Лёдю за рукав обратно на стул.

– Сядь, послушай… Дед нашего одесского Дюка был маршалом. Однажды он подарил внуку сорок золотых монет. А через десять дней решил подарить еще. Но внук гордо показал ему нетронутые золотые. Он ожидал, что дед похвалит его за бережливость. Но старик рассвирепел, схватил деньги и выбросил их в окно нищему, крикнув: «Вот тебе деньги, которые мой внук не сумел потратить!»

Объевшийся Лёдя подпирает голову рукой, пытаясь вникнуть в сказанное.

– Ты понял? – спрашивает капитан.

Лёдя уклончиво пожимает плечами.

– Ничего, пока просто запомни, – улыбается капитан. – Поймешь, когда придет время…

Десятилетний Лёдя купается в море. Он чувствует себя в абсолютно родной стихии: плавает, ныряет, кувыркается, блаженно отдыхает на волнах, широко раскинув руки.

Но всегда найдется кто-нибудь, кто испортит хорошее. На обрыве появляется брат Михаил – серьезный молодой человек. Да, ему уже восемнадцать лет, он уже учится на бухгалтерских курсах, он уже вот-вот начнет самостоятельно работать, он любимчик мамы Малки и гордость папы Иосифа. И голос брата Михаила с обрыва звучит, как глас свыше – в прямом и в переносном смысле.

– Лёдька, домой!

Лёдя, сделав вид, что не слышит брата, ныряет, исчезает надолго в глубине, наконец выныривает, жадно заглатывая воздух, и с надеждой смотрит вверх. Но надежда не оправдывается: Михаил не улетучился, он стоит на том же месте, покусывая травинку. И обещает надавать Лёдьке по шее, если тот сию же минуту не вылезет из моря. Лёдя нехотя выбирается на берег, натягивает на мокрое тело линялую тельняшку и поднимается по обрыву к Михаилу.

Брат отвешивает ему профилактический подзатыльник и направляется к дому. Лёдя плетется за ним, а Михаил, не оглядываясь, его стыдит, что пока он дурака валяет и шлендрает – это такое у солидного Михаила презрительное сло-

вечко для бездельников – так вот, пока Лёдя шлендрает, его отец из сил выбивается на работе, а мать из сил выбивается дома, а прочие положительные братья и сестры из сил выбиваются на учебе… А этот десятилетний шлемазл Лёдя и не думает учиться, хотя отец наконец договорился с Кондратием Семеновичем…

– При чем тут мясник? – удивляется Лёдя.

– А как ты в училище поступать собираешься?

– Я никак не собираюсь.

Михаил разворачивается и вновь заносит руку для подзатыльника, но Лёдя отскакивает в сторону, так что Михаил рукой только машет. И нудно поясняет, что для поступления еврея в коммерческое училище Файга, нужно найти русского мальчика и платить за него и за себя, это называется – пятидесятипроцентная система.

Лёдя возмущается: и что, папа будет платить за мясниковского Никитку, когда у них же денег куры не клюют? Это несправедливо. Михаил вздыхает:

– Если ты родился евреем, забудь о справедливости.

– Да на что мне вообще это училище!

– Училище – чтоб учиться, шлемазл! Я, вот, лет через пять бухгалтером стану, потом – старшим… Потом свою контору открою, потом женюсь… А если с хорошим приданым – можно еще дело расширить…

Михаил мечтает. А Лёдя слушает его мечтания с тоскливым ужасом и не выдерживает:

– Ты же тогда уже будешь старик!

Михаил огорченно замолкает. Лёдя виновато утирает нос рукавом тельняшки.

– Короче, тебе уже мундир купили! – сообщает Михаил.

Стройный Лёдя чудо как хорош в длинном черном сюртуке, подбитом белой шелковой подкладкой, с красной выпушкой и шитым золотом воротником, с золотыми обшлагами и пуговицами. Лёдя вертится перед зеркалом и очень нравится сам себе.

Мама Малка замешивает тесто, но нет-нет, да и глянет на сына, пряча довольную улыбку. Папа Иосиф одергивает на Лёде сюртук.

– В таком костюмчике таки не стыдно показаться самому государю императору!

Хитрован Михаил интригует, играя озабоченность:

– А портной примет обратно мундир? Лёдька же не хочет в училище…

– Не-не! Я уже хочу! – поспешно кричит Лёдя. – Буду учиться!

И напяливает в дополнение к шикарному костюму еще и роскошную фуражку.

Дверь приоткрывается, и в нее просовывается вихрастая голова мальчишки.

– Господин Вайсбейн, вы дома?

– Никитка? Ты чего там, заходи! – зовет папа Иосиф.

Тоненький большеглазый Никитка входит и, шмыгая носом, сообщает:

– Батько это… послал сказать… ну, несогласный он… чтоб меня учиться к Файгу…

Папа Иосиф от неожиданности падает на стул:

– Как – несогласный? Он же твердо обещал!

Никитка пожимает плечами. Папа Иосиф вскакивает и в крайнем волнении спешит к выходу:

– Мне это нравится – несогласный он! А мой сын должен всю жизнь, как его отец, лепетутником мучиться?

Огромный мясник сидит в своей лавке, положив на стол пудовые кулаки. На его фоне папа Иосиф кажется еще более тощеньким, но энергии ему не занимать.

– Кондратий Семенович, имейте сострадание к моим больным нервам! Вы уже сказали «а», так не перерывайте же весь алфавит! Вы дали слово, я его взял!

Непонятно, слышит ли мясник Иосифа – его лицо совершенно непроницаемо. Как у Будды. Про которого он скорее всего никогда не слыхал.

– Кондратий Семенович, вы что – враг своему дитю? Или будет плохо, если дите выучится на Рокфеллера? Вы будете целыми днями кушать бланманже и гулять по бульвару в люстриновом жилете…

Оказывается, мясник все-таки слышит Иосифа. Он морщится и весомо роняет:

– Нехай в лавке работу робить!

Иосиф от неожиданности запинается, но продолжает с еще большим жаром:

– Ну какая лавка? Лавка – это тьфу! Ваш сынок заткнет за пояс самого Рокфеллера! А вам это не будет стоить, вы не поверите, ни копейки! Все копейки, нет, таки большие рубли – за мой счет!

Мясник отмахивается от папы Иосифа, как от назойливой мухи, и грузно поднимается со стула.

– Нема такого моего родительского желания. Усе, обедать треба!

Но тут в лавку врывается Никитка и тащит за собой Лёдю в нарядном мундире.

– Батько! Дывысь, мундирчик! Як картинка! Батько, я тоже такой хочу!

Похоже, мясника тоже поразила красота мундира. Он щупает ткань, крутит золоченую пуговицу. А тоненький Никитка все умоляет:

– Батько, ну шо Лёдька – як офицер, а я шо? Хочу мундирчик, батько!

А что, мясник – не человек? Ему разве начихать на своего единственного сына? Тем более что он замечает в дверях свою гренадершу-жену Аню, которая уже утыкает свои кулаки в свои крутые бока. И Кондратий Семенович царственно машет рукой:

– А, хрен с вами! Нехай учится!

Папа Иосиф сияет:

– Я знал: ваше слово – кремень!

А Кондратий Семенович напоследок все же урывает свой кусок от пирога.

– Мундирчик Никитке – за ваш кошт!

17 февраля 1905 года царский манифест даровал гражданам демократические свободы. Одним гражданам этих свобод вполне хватило. Другим гражданам все было мало. Грянула первая российская революция. В Петербурге были демонстрации, в Москве – бои. А в Одессу пришел восставший броненосец «Потемкин» и встал на рейде, наведя свои пушки на город.

Одесситы раскололись – за и против. Котелки, цилиндры и шляпы были в ужасе от этих матросов-бандитов. Кепки и платочки – за героев революции. Рабочие заводов, портовые грузчики, студенты и гимназисты бесконечной чередой провожали в последний путь старшину Вакулинчука, на груди которого покоилась картонка с надписью: «Один за всех и всех за одного».

Потемкинцам были нужны еда и вода. Но власти им ничего не давали, власти хотели взять их измором. И тогда с Пересыпи, с Малого, Среднего и Большого Фонтанов на шаландах и яликах повезли потемкинцам то, что смогли оторвать от своих скудных запасов, рабочие, грузчики, рыбаки… И конечно, тут не обошлось без вездесущих одесских пацанов.

В ночной темноте Лёдя подбегает к пристани, когда у причала остается последний ялик. Кряжистый рыбак Михайла командует цепочкой из несколько мужчин, которые перебрасывают друг другу мешки. Лёдя становится в цепочку, протягивает руки. Но Михайла придерживает мешок.

– А ты, пацан, что тут делаешь?

– Я помогаю непокоренным героям! – гордо сообщает Лёдя.

– Брысь отсюда, герой!

Один из рыбаков усмехается:

– Шут с ним, Михайла, нехай допомогает!

Он передает Лёде мешок. Мальчик сгибается под тяжестью, но все же дотаскивает и скидывает в ялик. Михайла машет гребцу на веслах:

– Привет потемкинцам! Пусть там держатся!

Ялик уходит от берега и растворяется в темноте. Михайла улыбается Лёде:

– А ты ничего, пацан… Приходи в гости!

Раздается трель полицейского свистка. Причал окружают городовые. Один было схватил Михайлу, но Лёдя дико верещит:

– Ховайся! У меня бонба!

Городовые падают наземь. Михайла исчезает в темноте. Лёдя вопит:

– Да здравствует…

Но рот ему затыкает багровомордый Ферапонт Ивано-

вич, который приходил поздравлять Вайсбейнов с еврейской Пасхой.

В доме Лёди, как обычно, никто не сидит без дела. Мама Малка гладит белье чугунным утюгом, время от времени помахивая им, чтобы раздуть угли. Папа чистит щеткой свой потертый сюртук. Старшие сестры Клава и Прасковья-Песя делают уроки. Младшая Полина вышивает крестиком. Брат Михаил разлиновывает бухгалтерские ведомости.

Распахивается дверь – на пороге городовой Ферапонт Иванович держит за шкирку Лёдю.

– Вот, любуйтесь, социялист сопливый!

– Лёдичка!

Папа бросается к сыну. Но мама перехватывает мужа за руку и строго вопрошает:

– Лазарь, что ты опять натворил?

Лёдя ковыряет пол носком ботинка. За него отвечает городовой:

– Господин социялист помогал бунтовщикам с «Потемкина».

Мама и папа дружно хватаются за сердце. Городовой прищуривается с прозрачным намеком:

– Ну, и шо теперь? У Сибир его, на каторгу?

– Что вы, Ферапонт Иванович, что вы!

Папа судорожно роется в карманах, находит купюру и сует ее в лапу городовому. Тот одной рукой держит Лёдю, а другой – вертит бумажку. И сурово качает головой:

– Не, у Сибир, у Сибир… На каторгу!

Папа со вздохом выуживает из кармана еще одну купюру, отдает городовому. Тот наконец выпускает Лёдю и грозит ему пальцем-сосиской:

– Но другый раз – точно у Сибир!

Коммерческое училище Файга было престижным, уважаемым и солидным. Добротный особняк с мраморными колоннами и лестницами, тщательно подобранный состав педагогов, концертный зал, музыкальные классы для духовного развития и отличный гимнастический зал для совершенствования тела.

Училище Файга славилось еще и тем, что из него никогда и никого не исключали. И потому рядом за партами сидели учащиеся самого разного возраста. Говорят даже, что в одном классе рядом с малолетками сидел двадцатилетний верзила.

Лёде уже четырнадцать. Явно скучая, он выбивает пальцами ритм на парте, сидя в классе в компании разновозрастных учеников. Директор Файг – маленький желчный человечек с пронзительным взглядом – прохаживается перед учащимися, сообщая, что их ожидает волнующее событие: в честь тезоименитства государя императора в училище состоится праздничный вечер, который посетят уважаемые члены попечительского совета и господа депутаты Городской думы.

Лёдю это волнующее событие совершенно не волнует.

Его волнует совершенно другое: удастся ли расколоть сидящего впереди него отличника Шульца. Лёдя сзади щекочет перышком его шею, а тщательно причесанный отличник Шульц из последних сил сидит прямо, как аршин проглотил, боясь нарушить порядок.

Директор Файг продолжает рассказывать о предстоящем празднике, в ходе которого состоится бал с приглашением девочек из женской гимназии; также в честь высоких гостей будет дан концерт силами учеников училища. Вот это сообщение уже интересует Лёдю, он даже оставляет в покое отличника Шульца, не домучив его, и вскидывает руку.

– Я, я, можно я! У меня концертных номеров – куча!

Файг иронично прищуривается:

– Вы? А вы, простите, кто такой будете?

– Как… кто? – на миг теряется Лёдя. – Я студент Лазарь Вайсбейн.

– Вайсбейн? Да-да, что-то такое слышал… Но уже давным-давно не видел!

Одноклассники хихикают.

– А почему я вас не видел? – язвительно продолжает Файг. – Наверное, потому, что вы – злостный прогульщик!

Лёдя насупился и молчит.

– А что же я о вас слышал? А-а, припоминаю: вы замечательный студент, и у вас нет ни одной отметки «удовлетворительно» – только «плохо» и «очень плохо»!

Одноклассники смеются.

– Слышал я также, что вы заперли в классе церковного регента, когда он не позволил вам петь сольную партию… Слышал, что, не выучив материал по химии, вы ставили опыты по своему разумению, что привело к поджогу лаборатории…

Лёдя пытается перехватить инициативу:

– Но я участвую во всех кружках: и в драматическом, и в оркестре, и в хоре!

– Молодой человек, возможно, вам неизвестно, что у нас – коммерческое училище, а не цирковой балаган! Так что об участии в концерте забудьте!

Файг хлопает указкой по столу и уходит. Но в дверях оборачивается:

– Советую брать пример с вашего товарища – Никиты Загоруйко. Отличная успеваемость и примерное поведение. А вы… Стыдитесь!

Тоненький Никитка, сын мясника, смущенно и виновато смотрит на Лёдю.

На торжественный вечер в честь тезоименитства государя императора собираются лучшие люди Одессы. Студенты встречают их в парадной форме, стоя по обеим сторонам мраморной лестницы. Солидные господа во фраках и смокингах, дамы в мехах и брильянтах поднимаются по ступеням не спеша, исполненные сознания собственного достоинства.

А юные гимназистки вспархивают по лестнице веселой

стайкой. Однако специально выделенные для этой цели студенты учтиво подхватывают гимназисток под руку и ведут их в актовый зал.

Директор Файг успевает уделить внимание каждому из членов попечительского совета. Особое почтение он выказывает председателю совета – старику в мундире с иконостасом орденов на груди. Председатель благосклонно принимает приветствия Файга, выслушивая их через приставленную к уху трубку слухового аппарата.

Наконец, все заняли свои места. Школьный оркестр играет туш. На сцене начинается выступление акробатического кружка. Крупный второгодник Шатковский несет на своих широких плечах мальчиков поменьше, которые изображают «звездочку», держась за руки. А уже на их плечах на самой вершине пирамиды выпрямляется совсем маленький студентик.

За кулисами готовится к выходу отличник Шульц с прилизанными волосами и галстуком-бабочкой на шее. Он напряженно шевелит губами, повторяя текст. И не замечает, как к нему подкрадываются Лёдя и Никитка. Лёдя привязывает веревку к хлястику его мундира и кивает Никитке. Тот понимающе кивает в ответ.

В зале овация. Взмокшие юные акробаты убегают за кулисы.

Ведущий на сцене объявляет:

– Песня «Соловушка»! Исполняет студент Илья Шульц в

сопровождении хора!

Отличник Шульц делает шаг к сцене, но Лёдя дает отмашку – Никитка веревкой утаскивает отличника вглубь декораций и там наваливается на него.

А Лёдя решительно выходит на сцену и сообщает:

– Дамы и господа! Маленькое уточнение: песню «Соловей» исполняет Лазарь Вайсбейн.

Файг в первом ряду наливается яростью и хочет вскочить, но председатель попечительского совета уже настроил свою слуховую трубку на Лёдю и улыбается в ожидании. Файг тоже выдавливает из себя улыбку.

– Хор, прошу! – командует Лёдя.

Хор несколько растерян заменой солиста, но его – хора – дело простое: надо запевать. И хор запевает, грустно вопрошая:

Что же ты, соловушка,
Зерен не клюешь,
Вешаешь головушку,
Песни не поешь?

А Лёдя печально отвечает хору от имени соловья:

На зеленой веточке
Весело я жил,
В золоченой клеточке
Буду век унылъ…

Лёде так жалко бедного соловья, что голос дрожит на пределе, а к финалу песни по щекам Лёди катятся крупные натуральные слезы. Дамы в зале прижимают к глазам платочки. Мужчины сочувственно вздыхают. Синеглазая гимназистка прикусила губку и вот-вот зарыдает.

Песня окончена, зал взволнованно аплодирует, Лёдя гордо раскланивается. Председатель попечительского совета со слуховым аппаратом восклицает:

– Талант, истинный талант!

Это сигнал и для остальных попечителей, они жмут руку Файгу, поздравляя его с наличием в училище истинного таланта. Файг, принимая поздравления, держит натянутую улыбку и с трудом выдавливает из себя:

– Спасибо, благодарю вас, спасибо… Это наш лучший студент, гордость училища…

Потом силач-второгодник Шатковский, державший акробатов, вносит на своем плече Лёдю, как триумфатора, в бальную залу, где уже начались танцы, и бережно опускает его на пол. Гости одобрительно кивают Лёде, барышни стреляют в него глазками, даже Файг с кривой улыбкой приветливо делает ему ручкой.

Лёдя победно оглядывается и замечает синеглазую гимназистку, вальсирующую со старшим студентом. Лёдя решительно направляется к ним.

– Разрешите пригласить вашу даму на тур вальса?

– Ну, давай, соловей! – усмехается студент.

Лёдя умело кружит синеглазую и без излишней скромности интересуется:

– Как вам понравилось мое выступление?

– Неплохо, – снисходительно улыбается гимназистка. – Хотя вы несколько перестарались с эмоциями. Да и с мимикой следует поработать, не говоря уж о сценическом движении.

Изумленный Лёдя притормаживает танец. А синеглазая объясняет:

– Вечерами после гимназии я служу артисткой в антрепризе Суркова.

Лёдя не скрывает своего потрясения:

– Артисткой? В настоящем театре?!

Синеглазая по-взрослому кокетливо поводит плечами:

– А разве бывает театр ненастоящий?

И удаляется, помахивая веером, оставив Лёдю торчать столбом. К нему подлетает распаренный танцами друг Никитка.

– Ну як, победа? Дивчина шик-блеск!

– Ди-и-ивчина, – уныло тянет Лёдя и завистливо вздыхает: – Артистка!

Эстрадная площадка в саду Общества трезвости набита разношерстной публикой и, судя по ее шумному поведению, вовсе не активистами этого самого общества трезвости.

Лёдя и Никитка сидят прямо на земле перед сценой.

А на сцене добродушный толстяк, хозяин площадки, провозглашает:

– Открытый театр Борисова – то есть лично меня – дает шанс каждому! Не надо быть артистом, чтобы вас полюбила публика! Можно выступить впервые в жизни, а назавтра о вас будет шептаться весь Привоз и Новый рынок в придачу! Ну, кто смелый?

На сцену поднимается пижонистый молодой человек с колечками усиков. Борисов его рекламирует:

– Вот он! Наш герой! Слава дышит ему в профиль и анфас!

Пижон принимает эффектную позу и запевает арию Мефистофеля:

Люди гибнут за металл!
Сатана там правит бал!

Страсти и пафоса у него хоть отбавляй, но – ни голоса, ни слуха. Зрители, не дослушав и куплета, бесцеремонно топают, кричат и свистят.

Вдруг Никитка толкает Лёдю в бок, указывая в сторону выхода из сада. Там на скамейке сидит знакомая синеглазая гимназистка с пухленькой подружкой. Они едят черешни, срывая их с оплетенных алыми ягодами веточек, и хихикают над торчащим на сцене пижоном.

А пижон машет рукой, пытаясь утихомирить зал. Но еще

никому не удавалось утихомирить одесситов, если они чем-то недовольны. И тогда он сам орет, перекрывая вопящую публику:

– Ша, жлобы! Или мне это надо – петь всякие шансонетки? У меня, шоб вы знали, сапожная мастерская! Ну так я да – не артист! Ай-яй-яй, подумаешь!

Пижон горделиво удаляется. Зрители опять вопят и свистят ему вслед, но уже с некоторым уважением к его открытой независимости.

Лёдя не отводит взгляда от гимназистки. И вдруг вскакивает с земли, устремляясь к эстраде. Никитка пытается его удержать за штанину, но Лёдя вырывается и решительно возникает на сцене. Хозяин Борисов радуется:

– Еще один желающий восторга публики!

Публика не готова переключиться на нового исполнителя, она еще топочет, провожая горделивого пижона. Но Лёдя не собирается отступать, он делает сальто на сцене, после чего иронически вопрошает:

– Ну, шо вы топаете? Так топать – это ж не жалеть своих штиблетов!

Публика, удивленная неожиданным начало номера, наконец стихает.

Синеглазая гимназистка с удивлением смотрит на Лёдю, потом явно узнает его и возбужденно что-то шепчет подружке.

А Лёдя указывает в спину удаляющемуся из зала пижону:

– Вы слышали, шо пел этот сапожник? Люди гибнут за металл… Какой металл, я вас спрашиваю? Люди гибнут за любовь!

Зрители, уже попавшие под его обаяние, согласно смеются.

– Потому что без любви нету жизни! – уточняет Лёдя и машет рукой несуществующему оркестру: – Маэстро, прошу!

И хотя никакого маэстро нет, Лёдя имитирует как бы ожидание музыкального вступления, кивает неслышным тактам головой и лишь затем негромко и проникновенно запевает:

Маруся отравилась,
В больницу повезли…

История несчастной любви девушки Маруси плюс душевное исполнение Лёди трогают зал. Публика снова кричит, топает и свистит, но уже весьма одобрительно. Лёдя победно раскланивается. И видит, что гимназистка с подругой направляются к выходу из сада. Лёдя огромным прыжком покидает сцену, хватает за руку Никитку и безо всяких объяснений тащит его на выход.

Публика еще больше аплодирует эксцентричному юноше. А Борисов ухмыляется ему вслед:

– Артист! Ей-богу, артист!

Вечерний сад Общества трезвости волшебно освещен ог-

нями фонарей. По аллеям неторопливо прогуливаются одесситы. В большинстве своем, естественно, парочками – летний вечер так располагает к лирическим отношениям.

Однако их лирику бесцеремонно нарушает Лёдя, который, рассекая влюбленных, как ледокол, тащит за собой Никитку, стремясь настичь уходящих впереди по аллее гимназистку с подружкой. Сделать это непросто, потому что Никитка отчаянно упирается.

– Лёдь, не треба, я краще пойду… Иды сам…

Лёдя еще крепче держит друга за руку:

– Куда иди? Какой сам? Там же еще подружка… Симпатичная!

– Та ни, Лёдь… Пойду я… Ну, на шо мэни эти девчонки?

Лёдя даже останавливается на миг, пораженный.

– На что девчонки?! Да ты… Ты… – И презрительным тоном опытного ловеласа завершает: – Ты – дите малое!

Не находя более слов и не отпуская Никиткину руку, Лёдя делает последний решительный рывок и наконец настигает девушек. Что, впрочем, заслуга не только Лёди, нет, конечно, юные дамы уже давно каким-то своим особым – боковым, задним или вообще внутренним – зрением засекли приближающихся юных кавалеров, и сами не слишком резко, но все же достаточно сбавили ход, чтобы дать себя догнать.

– Мадмуазели! – галантно восклицает Лёдя – Вы не очень спешите?

Гимназистка оборачивается и с деланным удивлением

округляет свои синие глазки:

– А-а, это вы… Триумфатор! Что же вы не остались насладиться успехом?

Лёдя нахально срывает последнюю черешенку с веточки, которую синеглазая держит в руке.

– А может, насладимся вместе?

Гимназистка, играя возмущение, шлепает Лёдю опустевшей веточкой по лбу:

– Вам не кажется, что вы чересчур самоуверенны?

– Нет, мне кажется, что вам это нравится!

Вдруг Никитка, безмолвно торчавший до сих пор столбом, заявляет:

– Я пишов!

– Как это вы пошли? – суетится гимназистка. – Нет, вы уж, пожалуйста, знакомьтесь, это Нина – моя ближайшая подруга! А вас как зовут?

Никитка молчит, за него отвечает Лёдя:

– Никита Загоруйко. Мой лучший друг!

– Вот и чудесно! – радуется гимназистка. – Вот и познакомились…

Она подталкивает Нину к Никитке, Лёдя подталкивает Никитку к Нине, но тот вдруг разворачивается и улепетывает прочь по аллее. Лёдя с гимназисткой растеряны, а подружка Нина обиженно поджимает губы:

– Ну и пожалуйста! Ну, я тоже пойду, не стану я вам мешать!

Гимназистка, конечно, уверяет подругу, что она ничуть и никому не мешает, а наоборот, поможет им всем втроем славно провести этот вечер, но Нина, не слушая фальшивых уверений, гордо перекидывает со спины тощую косичку на пышную грудь и удаляется.

Теперь очередь Лёди фальшивить. Что он и делает, играя искреннее сожаление по поводу того, что нарушил их девичью компанию и в жизни себе этого не простит. В ответ синеглазая утешает, что ничего такого он не нарушил, а Нинка сама виновата, потому что она хоть и лучшая подруга, но слишком много о себе воображает.

Лёдя завершает эти маневры сообщением, что раз уж все так вышло, он просто обязан проводить синеглазую. Та не сразу соглашается, а ловит его на слове: что значит – обязан? Лёдя быстренько поправляется: нет-нет, не обязан, а будет счастлив ее проводить. Только после этого гимназистка благосклонно опирается на подставленную Лёдей руку. И они удаляются, сворачивая с центральной аллеи в боковую.

Лёдя, активно жестикулируя, болтает без умолку. Собственно говоря, болтовня – пока что его главное оружие в деле завоевания девичьей взаимности. И потому он плетет безумную вязь о своих подвигах в стенах училища Файга. Одна из самых героических историй повествует о том, как регент хора, скользкий червяк, вместо лучшего солиста – естественно, самого Лёди – назначил солистом внука председателя попечительского совета, малолетнего дебила, у ко-

торого ни слуха, ни голоса, ни даже ума, но Лёдя не стерпел такой несправедливости, заманил регента в спортивный зал, запер его там и не выпускал, пока регент не дал ему клятву назначить его обратно в солисты, в результате чего Лёдя таки спел на новогоднем балу.

Синеглазая слушает, испуганно ахает, восхищаясь смелостью Лёди и заверяя, что она бы так ни за что не смогла. Лёдя, исполненный самоуважения, снисходительно уверяет, что в общем-то это ерундовое дело и бывали в его жизни истории и покруче. А тем временем малолюдная боковая аллея уходит все дальше в темноту, и чем дальше она уходит, тем отчаянней и фантастичней становятся Лёдины истории, и тем восторженней и испуганней ахает синеглазая.

Лёдя еще пуще разводит пары на тему, как вот еще был потрясающий случай… Но потрясти этим случаем гимназистку он не успевает: синеглазая, быстро оглянувшись в темноте аллеи, нет ли кого поблизости, кладет руки на плечи Лёди, зажмуривается и страстно шепчет:

– Наверное, это судьба!

Лёдя отшатывается испуганно и так резко, что руки гимназистки падают с его плеч.

– Ты… вы… чего?!

Гимназистка недовольно открывает глаза и удивленно тянет:

– Ну-у-у?

– Чего… ну? – не понимает Лёдя.

– Ну, поцелуй же меня! Поцелуй!

Лёдя стоит, как истукан. И она все понимает:

– Не умеешь?

Лёдя из последних мальчишечьих сил вскидывается:

– Кто? Я? Не умею? Ха-ха…

И умолкает. Гимназистка томно улыбается, ласково тянется к Лёде:

– Ну-ну, нецелованный ты мой, я тебя научу…

Она наступает, он отступает, она – шаг вперед, он – шаг назад… И наконец наш якобы бывалый ловелас, знаток и покоритель женских сердец не выдерживает – дает стрекача в темноту кустов. А вслед ему несется звонкий смех синеглазой искусительницы.

Пожалуй, самым модным видом спорта в начале двадцатого века была вольная борьба – французская, английская, русская, какой только ее не объявляли. Коренастые мужчины в смешных обтягивающих трико и почему-то в большинстве с лихо закрученными усами, изрядно попотев и попыхтев, укладывали друг дружку на сценах, манежах и аренах. Боролись на деньги, на пари, на славу чемпионов. По всему миру гремели имена российских богатырей Ивана Поддубного и Ивана Заикина.

В борцовских состязаниях не обходилось и без нечистой игры: могли, если гонорар был хорош, и «лечь» под более слабого противника. Но ходила и ходит до сих пор легенда, что

раз в год сильнейшие борцы со всего мира собирались в немецком городе Гамбурге и там, в закрытом помещении без публики, боролись по-честному, выявляя, кто действительно чего стоит. Отсюда и пошло известное выражение «гамбургский счет».

В Одессе на Молдаванке был свой борцовский Олимп – Чумная гора или попросту Чумка, постоянное место мальчишеских драк. Здесь дрались не по какому-то поводу, не из-за каких-то ссор, а просто так – игра требующих выхода молодых сил. Иногда дрались и на деньги, но чаще это была битва амбиций – кто сильнее, а значит, кто будет главарем на своей улице или хотя бы в своем дворе.

В центре пустыря сражаются два подростка. Толпа вокруг активно болеет за бойцов. А на перевернутой телеге бесстрастно наблюдает битву парень постарше – «король» Чумки Мишка Винницкий в окружении своей «свиты».

Лёдя подходит, с интересом наблюдает за схваткой, потом спрашивает у стоящего рядом пацана в рваной сорочке:

– На что бьются?

– Кто выиграет – с Мишкой драться будет на «королечка».

Это значит, что победителю схватки будет предоставлена почетная, хотя и безнадежная возможность померяться силами с самим Винницким. Конечно, все равно «королем» останется Мишка, но его соперник может отхватить весьма почетное звание «королечка» горы Чумка.

Один из бойцов – толстяк с головой, вросшей прямо в плечи, без шеи, применяет грубый запрещенный прием, второй боец орет от боли и падает.

– Нечестно! Неправильно! Нельзя так! – вопят болельщики, в том числе и Лёдя.

Нарушитель грозно обводит всех взглядом, его жесткие глазки впиваются в каждого, и мальчишки один за другим умолкают. В конце концов остается один Лёдя:

– Нечестно! Не по правилам!

Но тоже умолкает под взглядом нарушителя правил. Толстяк вразвалочку подходит к Лёде и замахивается кулаком:

– Чего ты поешь, сявка?

Лёдя, стиснув зубы, зажмуривается.

– А ну, ешь землю, а то не видать тебе больше мамкиной сиськи!

Трусливая публика подобострастно хихикает. Лёдя открывает глаза и с трудом заставляет себя сказать:

– Нечестно ты ему дал! Не по правилам!

– Шо-шо, сявка? Ты такой смелый? А ну, давай побьемся по твоим правилам!

Лёдя напряженно молчит. Притихли и болельщики. И «король» Мишка Винницкий не вмешивается в происходящее. Толстяк победно ухмыляется:

– Не дрейфь, малек! Иди, жуй сопли, покеда я добрый…

Он уходит. Лёдя неожиданно для всех, а может, и для себя самого кричит:

– Давай биться, жирный хряк!

Толстяк удивленно поворачивается, а Лёдя без лишних слов врезается ему головой в пузо. И начинается драка не на жизнь, а на принцип. Но силы явно неравны. Лёдя выдыхается, падает, снова вскакивает, снова падает, утирая кровавые сопли.

И тогда с королевского места поднимается Мишка:

– Брось пацана! Со мной биться будешь!

Разъяренный схваткой толстяк с ходу переключается на Мишку, наносит ему несколько неслабых ударов, но «король» двумя приемами укладывает его наземь. Болельщики восторженно орут. Лёдя, улыбаясь, вытирает алую юшку. Мишка тоже ухмыляется ему:

– А ты, пацан, ничего… Подучить только тебя надо.

Лёдя не верит своему счастью:

– Ты научишь меня так драться?

– Это не драка, – весомо говорит «король». – Это – французская борьба.

В фойе кинотеатра «Иллюзион» наяривает небольшой, человек восемь, оркестр. Лёдя играет на гитаре рядом с Фуней-Водолазом. Тот все-таки выучил Ледю гитарному искусству и порой снисходительно разрешает ему немного поиграть вместе с собой. Публика в ожидании киносеанса прогуливается по фойе, пьет сельтерскую воду в буфете и вполуха слушает оркестр.

Впрочем, одна симпатичная брюнетка не отвлекается на прогулки и буфет, а слушает музыку, усевшись прямо перед оркестром. И когда номер заканчивается, брюнетка бросает букетик ландышей. Он летит к Фуне-Водолазу, но Лёдя перехватывает букетик перед самым носом гитариста. Брутальный красавец Фуня грозно интересуется:

– И с каких это пор тебе цветы дарить стали?

– С тех пор, как тебе перестали! – нагличает Лёдя.

Звонок оповещает о начале сеанса, публика тянется в зал, а девушка направляется к музыкантам. Лёдя, победоносно глянув на Фуню, спрыгивает с эстрады навстречу ей, но она проходит мимо него – к Фуне и целует его в щеку.

Фуня подмигивает Лёде. Тот сконфуженно протягивает Фуне букетик. Но музыкант великодушен:

Не надо. Тебе – цветочки, а мне…

Он не договаривает, вполне красноречиво обнимая девушку.

Лёдя огорченно наблюдает чужое счастье.

Зато на горе Чумка Лёдя уже сидит рядом с «королем» Мишкой Винницким.

Сегодня молдаванские мальчишки дерутся на деньги. Побежденный мрачно отдает победителю рубль. Тот вскидывает над головой уже три выигранных рубля. И вызывает очередного соперника:

– Ну, кто еще – на рупчик?

Желающих нет, и победитель уходит, помахивая честно завоеванными «рупчиками». Но на краю пустыря какой-то здоровяк вырывает у него деньги. Лёдя возмущенно вскакивает. Мишка придерживает его за шиворот. А здоровяк ухмыляется обобранному победителю:

– Имеются вопросы? Тогда поборемся…

Парнишка смотрит на здоровяка и тушуется. Здоровяк нагло сует деньги в карман и не спеша уходит. Но Лёдя, все-таки вырвавшись из руки Мишки, подлетает к нему.

– Эй ты, бугай, давай со мной! На все рупчики!

Здоровяк скептически оглядывает небогатырского Лёдю и небрежно, но ощутимо дает ему в челюсть. Лёдя падает, вскакивает, дерется. Здоровяк метелит его от души, но Лёдя как-то выворачивается, строит рожи и подначивает соперника:

– Ой, как страшно! Смотри, штаны лопнут! Ручонку об меня не ушиб?

Зрители покатываются со смеху. А здоровяк злится, наносит яростные, но неточные удары, и Лёдя, улучив момент, несколькими приемами укладывает соперника физиономией в пыль. Болельщики вопят. «Король» Мишка одобрительно кивает:

– Не зря учился, пацан, освоил!

Лёдя достает из кармана поверженного здоровяка деньги и отдает их парнишке-победителю предыдущей схватки. Мишка презрительно усмехается:

– Телячьи нежности!

Душа Лёди тянулась в искусство – хоть где-нибудь, хоть как-нибудь. Кроме редких выступлений с Фуней в «Иллюзионе», он играл и пел просто на улице – на углу Дегтярной и Спиридоновской. И даже порой получал гонорар – благодарные слушатели вели артиста в персидский магазин и угощали пахлавой с разными сиропами.

Кроме того, чудаковатый парикмахер Перчикович, видимо, тоскуя от своей прозаической профессии, сколотил духовой оркестрик из простых уличных пацанов, и Лёдя там не слишком умело, но дудел на трубе.

А еще одной концертной площадкой Лёди был берег моря. Там собирались рыбаки бригады старика Михайлы, с которым Лёдя подружился, когда помогал отправлять ялики с едой и питьем для потемкинцев. Он пел рыбакам простые народные песни, и не было на свете более благодарных слушателей. Иногда рыбаки брали его с собой в море. Однажды это чуть не кончилось плохо…

На море – шторм. Волны швыряют рыбацкую шаланду, в которой – старик Михайла и Лёдя. Юноша довольно умело управляется со снастями.

Но ветер относит лодку от берега. Рыбаки гребут, что есть сил. И Лёдя – наравне. Тяжелый невод, висящий за бортом, заваливает шаланду набок. Лёдя, бросив весло, перебирается к накрененному борту и ножом отсекает канат невода.

Лодка выравнивается. Но высокая волна смывает Лёдю за борт. Следом бросаются двое рыбаков.

На берегу рыбаки откачивают Лёдю, он отплевывается фонтанчиками воды. Потом все, бессильно раскинувшись на песке, лежат вокруг костра. Один из рыбаков вздыхает:

– Эх, справный был невод!

Лёдя виновато глядит на него. А Михайла урезонивает:

– Не гневи бога! Лучше спасибо скажи юнаку! А невод новый сплетем, раз все живые.

Лёдя благодарно улыбается. Старик ерошит его вихры:

– Чтой-то ты, юнак, давно нам не спивал? Давай мою любимую!

И Лёдя запевает.

Раскинулось море широко
И волны бушуют вдали,
Товарищ мы едем далеко,
Подальше от нашей земли.

Дубленные всеми ветрами лица рыбаков светлеют, они подсаживаются теснее к костру, слушая Лёдю.

Не слышно на палубе песен,
И Красное море шумит.
А берег суровый и тесный.
Как вспомнишь, так сердце болит…

Однако и училище Файга требует своего времени. Лёдя тоскует за партой.

Директор Файг, мерно расхаживая по классу, сообщает:

– Наше училище – это место, где студенты хотят учиться…

– Ага! Особенно – я! – шепчет Лёдя соседу Никитке.

Директор бросает на него острый взгляд и продолжает:

– Кто не учится, никогда не станет хорошим инженером, врачом или коммерсантом. И заблуждается тот, кто думает, что в жизни его ждут одни розы…

– Не только Розы, а еще Мани и Кати! – шепотом комментирует Лёдя.

Соученики хихикают. Файг вдруг разворачивается, хватает Лёдю за ухо и вытаскивает из-за парты. От неожиданности и боли Лёдя вопит и непроизвольно тоже вцепляется в ухо Файга. Теперь вопит директор. Так они дружно и вопят, выкручивая друг другу уши, – к веселью и ужасу студентов.

Чуть позже Лёдя понуро спускается по широким мраморным ступеням училища, выходит во двор. А в окне первого этажа, как в раме, торчит гневный директор Файг.

– И запомните, господин Вайсбейн: за двадцать семь лет существования моего училища из него не был отчислен ни один студент! Вы, Вайсбейн, – первый, запомните!

Лёдя останавливается и кричит на весь двор:

– Это вы запомните: я всегда буду первый!

Печально бредет Лёдя по городу. Разнообразные оркестры, как обычно, играют на бульваре, но Лёдя их не слышит.

Он спускается к морю, сидит на песке, уныло глядя на белые паруса вдали. Потом вдруг вскакивает и с каким-то отчаянным азартом начинает делать стойки, крутить сальто, ходить колесом на руках, кувыркаться… Из последнего полета он приземляется у ног плотного усатого мужчины. Тот стоит, широко расставив ноги, уперев руки в бока.

– Извините! – вскакивает Лёдя.

– А ну, еще кувырок, – предлагает усатый. – Только группируйся плотнее…

Лёдя растерян. Усатый властно берет Лёдю за бока:

– Давай крутану и подстрахую…

– А вы кто? – вырывается Лёдя.

Усатый показывает большим пальцем себе за плечо. Там наверху – цирковой шатер.

– Вы из цирка? Здорово! Я тоже хочу в цирке работать!

– Так за чем дело стало? Данные у тебя есть. А нам как раз акробата не хватает.

– Да я не могу… Меня из училища выперли…

– Так если выперли, зачем твоему батьке лишний рот? Короче, мы завтра – на гастроли. Надумаешь, приходи – цирк Бороданова. Спросишь меня.

– А как спросить?

– Так Бороданова же! – удивляется усатый.

В доме Лёди – жуткий скандал.

– Вэйзмир, какой позор! Он таки будет на большой дороге! – стонет папа Иосиф.

– Нет, его даже на большую дорогу не возьмут! – уверяет мама Малка.

– Сколько сил стоит папе платить за училище! – возмущается брат Михаил.

– Теперь не надо платить, – ворчит Лёдя.

– А кормить тебя все равно надо, – замечает сестра Клава.

Мама Малка приказывает:

– Короче, Йося! Иди к господину Файгу, проси, умоляй! Завтра же утром иди…

Но Лёдя перебивает:

– Завтра я уезжаю!

Родственники на миг замирают. А потом кричат наперебой:

– Что? Как уезжаешь? Куда?

На все эти вопросы Лёдя дает один ответ:

– Я уезжаю на гастроли с цирком!

Ошарашенные родственники опять умолкают, беспомощно переглядываются.

– Ты будешь в цирке клоуном? – язвит брат Михаил.

– Нет, акробатом, – серьезно отвечает Лёдя. – Но могу и клоуном.

Мама Малка обхватывает голову руками:

– Люди, мой сын сумасшедший!

А папа Иосиф – с непривычной для него твердостью – молча берет сына за плечо, выводит из комнаты.

Они сидят на вечерней, тускло освещенной террасе, и папа – так же непривычно сдержанно – ведет негромкий, внешне спокойный, но исполненный внутренней боли рассказ:

– Было такое неотложное дело, что я поехал в Петербург. Еще в поезде узнал, где недорого переночевать… Там были другие, как я, которые не имели права ехать за черту оседлости. И только мы сели поговорить за дела, как вбежал хозяин и закричал, что облава. Я испугался: меня могли отправить по этапу, могли вообще в тюрьму посадить за паспортный режим… Не дожидаясь такого счастья, я убежал на улицу…

Он умолкает. Лёдя терпеливо ждет. И папа со вздохом продолжает:

– Ой, Лёдя, что тебе сказать! Всю ночь я боялся присесть хоть на минутку, чтоб не привлечь до себя городовых. Я шел, бежал, опять шел… Мороз такой, что звезды замерзли на небе! А в домах светятся огонечки, видно, что людям там жить тепло, дай им бог… И только я, бедный маленький еврей, бегал по городу, как бездомная собака…

Повисает тяжелая пауза.

– И что? – тихо спрашивает Лёдя.

– Утром я уехал домой.

Они опять молчат. Потом Лёдя говорит твердо:

– Папа, я тебя люблю. Я всех вас очень люблю. Но я хочу быть артистом!

Отец горестно берет руки сына в свои. В его глазах блестят слезы.

– А-а, слова папы тебе дешевле воздуха… Хорошо, поезжай. Но помни, что никогда и никуда ты не уедешь дальше Одессы!

Глава вторая
«Купите бублички!»

МОСКВА, ТЕАТР ЭСТРАДЫ, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Юбилей новоиспеченного народного артиста СССР Леонида Осиповича Утесова продолжается. Зал уже расслабился – ведь главное событие, которого все так напряженно ждали перед началом торжества, наконец-то произошло. И дальше все покатилось по наезженной юбилейной колее: официальные поздравления и дружеские приветствия, объятия и поцелуи, подарки и цветы.

Юбиляр, сидя в кресле, декорированном под трон, принимает поздравления, выслушивает приветствия, морщится от слишком высокопарных слов и перебивает особо велеречивых поздравлянтов. Вокруг его кресла-трона уже целая полянка цветов. Чуть позади него за столиком, где накапливается гора подарков, сидит Дита.

– А сейчас, – объявляет ведущий Иосиф Туманов, – сюрприз для юбиляра!

На сцене появляются пожилые мужчины с инструментами в руках. Все – в клетчатых джемперах и светлых брюках по моде тридцатых годов.

Утесов взволнованно, еще не веря своим глазам, вглядывается в лица гостей. Ведущий подтверждает, что глаза его не обманывают.

– Да-да, Леонид Осипович, это они – ваши коллеги из Ленинграда, ветераны «Теа-джаза»!

Ну, конечно же это они – совсем седой Трубач, по-прежнему тощий, но чуть сгорбившийся Скрипач, такой же солидный и строгий, практически не изменившийся Пианист, сильно растолстевший, но все равно узнаваемый по улыбке в тридцать два – наверно, уже искусственных – зуба Саксофонист… А чтобы уж совсем не оставалось никаких сомнений, музыканты приветствуют юбиляра своими инструментами: Трубач смеется на трубе, Саксофонист вздыхает саксофоном, Скрипач поет скрипкой…

Утесов и Дита обнимаются, целуются с друзьями. Юбиляр смахивает слезу.

– Хлопчики, какие же вы молодцы! Приехали…

– А ты думал зажать банкет? – усмехается Пианист.

Тромбонист подходит к микрофону:

– Мы долго думали, Лёдя, что тебе подарить. Но у тебя все есть, да уже и мало чего надо в нашем возрасте…

– Шо ты примазываешься к моему возрасту, пацан! – возмущается Утесов.

Все смеются. Тромбонист продолжает:

– В общем, мы решили подарить тебе то, что ты любишь больше всего на свете…

– Диточка, спокойно! – подмигивает Скрипач. – Это не то, что папе запретил доктор.

– Не порть мне ребенка! – немедленно парирует Утесов.

– Короче, – продолжает Тромбонист, – Мы знаем, Лёдя, что больше всего на свете ты любишь нашу с тобой музыку. Хорошую музыку! И мы дарим тебе – хорошего понемножку…

Тромбонист дает отмашку своим тромбоном, и ветераны «Теа-джаза» начинают попурри из старых песен. А на лице Утесова – целая гамма чувств, вызываемых той или иной мелодией.

«Легко на сердце от песни веселой» – и появляется бодрая улыбка.

«Как много девушек хороших» – и взгляд становится лирическим.

«Одессит Мишка» – и сурово углубляется морщина меж бровей.

А когда звучат лихие «Бублички», взгляд Утесова туманится воспоминаниями…

УКРАИНА, 1911 ГОД

По разбитым сельским дорогам тащится караван цирка Бороданова – под аккомпанемент бесконечного дождя и песенки, которую напевает, болтая ногами на одной из тяжело

груженых подвод, Лёдя:

Ночь надвигается, фонарь качается,
Босяк ругается в ночную тьму.
А я немытая, дождем покрытая,
Всеми забытая здесь на углу.
Купите бублички, горячи бублички,
Гоните рублички сюда скорей!
И в ночь ненастную меня, несчастную
Торговку частную ты пожалей.

Мускулистый бритоголовый силач Яков Ярославцев резко обрывает песню Лёди:

– Заткнись!

Да, отношения у них не сложились сразу. Хотя совершено не понятно почему.

Вот уже месяц бородановский цирк колесил по украинским селам, молдавским поселениям, татарским и еврейским местечкам, разбивая свой шатер-шапито на рыночных площадях и по мере сил развлекая местную публику

А публики в шапито набивалось немало – особенно детей. Ну, и взрослые, конечно, тоже: простые селянки с живыми румяными лицами, в пышных цветастых юбках и кофтах, манерные дамочки – учительницы и продавщицы, модистки в шляпках с вуальками и кружевных перчатках, мужики в косоворотках и начищенных сапогах, местные франты в клетчатых пиджачках и даже с тросточками… Вся эта разно-

шерстная публика одинаково радовалась, веселилась, хлопала, свистела и дружно лузгала семечки, несмотря на грозное предупреждение Бороданова перед началом программы, что семечки категорически запрещены.

Бороданов – не только хозяин цирка, но и шпрехшталмейстер, объявляющий номера. Номеров было немного, но были они неплохие: жонглеры – два крепыша, акробаты-велосипедисты, конные наездники, силач Ярославцев…

Ярославцев действительно был силачом. Он запросто выжимал штанги, легко играл пудовыми гирями и, запрягшись в телегу, катал на себе чуть ли не всю детвору, набившуюся в шапито.

А Лёдя – мастер все руки и старший куда пошлют: немножко акробат, немножко жонглер, рыжий клоун, зазывала публики, а в свободное от всего этого время убирал манеж и ухаживал за лошадьми.

Так что, казалось бы, у Ярославцева и Лёди – у каждого свое дело, своя жизнь, и делить им нечего. Но нет, была, была в цирке очаровательная, семнадцатилетняя, ну просто куколка – белокурая и с голубыми глазками – дрессировщица собачек Любаша. Она-то и стала пока что еще не очень явным, но уже явно созревающим яблочком раздора силача и клоуна.

Вот и сейчас из-под вороха циркового тряпья, лежащего между Ярославцевым и Лёдей, высовывается ангельская головка дрессировщицы, а вслед за ней выныривают мордочки

собачонок.

– Скоро приедем? – спрашивает Любаша.

– А хрен его знает! – ворчит Ярославцев. – По такой-то дороге…

Лёдя улыбается девушке:

– Но вообще-то уже недалеко.

А Ярославцев опять ворчит:

– Спи, спи, егоза… Когда спишь, не так жрать хочется…

– Я не голодная, – заверяет Любаша.

– Ну да, птичка-невеличка, – усмехается силач. – Зернышко в день – и сыта!

Любаша грустно смотрит в серое небо:

– Когда уже этот дождь закончится…

С передней подводы спрыгивает Бороданов, дожидается силача и Лёдю с Любашей, подсаживается к ним.

– Скоро село большое будет, там станем.

– В дождь плохо шатер ставить, – продолжает ворчать Ярославцев.

– Зато публике в такую погоду – только в цирк ходить, – заверяет Любаша.

– До цирка еще дойти надо, – вздыхает Лёдя. – А тут можно в болоте утонуть!

Телега спотыкается и застревает в глинистой колее. Все с немым укором смотрят на Лёдю. Тот виновато оправдывается:

– А я чего… Я просто сказал…

– Сказал – накаркал! – рычит Ярославцев.

Силач спрыгивает в грязь и берется за край подводы. Лёдя хочет помочь, но силач отмахивается от него.

– Отойдь! Еще опять чего-нибудь сглазишь!

Поднатужившись и крякнув, Ярославцев вытаскивает подводу из грязи. Любаша восхищенно хлопает в ладоши. Лёдя ревниво косится на богатыря.

Телега трогается, Ярославцев усаживается рядом с Любашей. Хочет сесть и Лёдя, но силач сталкивает его.

– И без тебя подвода в грязи топнет! Давай на бородановскую…

Лёдя, стиснув зубы, догоняет первую подводу. Бороданов протягивает ему руку, помогая залезть, оглядывается на Ярославцева и усмехается в усы:

– Вот так-то… Это – цирк. А ты как думал?

Вместо ответа Лёдя тоже вдруг улыбается и показывает на светлеющий горизонт:

– Уже, кажись, развидняется!

И верно, непогода сменилась солнцем. На площади большого селения, посреди ярмарки, развернут балаган, к нему со всех сторон стекаются ручейки зрителей.

Лёдя работает на раусе – дощатом помосте у входа шапито. Одетый в клоунский наряд, он зазывает публику.

– Господа почтенные, люди отменные! Билеты берите – к нам заходите! Удивляйтеся! Наслаждайтеся! Чем больше за билет заплатите, тем лучше артистов увидите!

Народу шустрый Лёдя нравится, публика заходит в балаган. А на ярмарке – своя жизнь: крупная девица меряет шаль, хозяин лавки ужом вьется вокруг нее. Оборванный воришка стащил товар с прилавка. Торговка вопит, мужики ловят воришку, отвешивают ему тумаки. И над всей этой суматохой – праздничный зазывный голос Лёди:

– Кто в цирк к нам зайдет, веселье того ждет! Спешите, спешите, нос не воротите! Последний билет – свободных мест нет! Кто в цирк не пойдет – тот от зависти помрет!

Балаган переполнен. Зрители от мала до велика не только лузгают семечки, но и что-нибудь, да то едят – орехи, пироги, конфеты, леденцы. И все – и стар, и млад – с одинаковым детским нетерпением глядят на арену.

Наконец появляется Бороданов во фраке и цилиндре:

– Многоуважаемая публика! Сейчас перед вами выступит всемирная звезда – от Японии до Каледонии! Только этот чемпион поднимает рекордный вес! Вам крупно повезло: проездом из Парижа в Херсон – Яков Ярославцев! Встречайте!

Публика встречает Ярославцева – в черном трико – щедрыми рукоплесканиями. Двое ассистентов из последних сил волокут к силачу гири. Силач разминается, демонстрируя публике внушительные мускулы. Потом легко и ловко жонглирует пудовиками. Потом гнет на своей шее железную кочергу. Публика восторженно ахает, взволнованно затихает и снова ахает.

На арене опять появляется Бороданов:

– Уважаемая публика! Может быть, среди вас тоже есть силачи? И может быть, кто-то желает померяться силами с чемпионом Ярославцевым? Победителю приз!

Лёдя в клоунском наряде выносит рыжего петуха и обходит с ним арену по кругу, заводя публику:

– Кто поборет русского богатыря, тому достанется этот французский петух! Он занял первое место на всемирном конкурсе певчих петухов! Все куры от него в безумном восторге!

В рядах публики какая-то возня, и наконец, подталкиваемые соседями-болельщиками, на арену выбираются трое крепких мужиков. Ассистенты Ярославцева устанавливают на арене столик, и начинается то, что нынче именуется «армрестлинг» – соревнование на руках.

Ободряющие крики публики не помогают отважным мужикам – Ярославцев легко укладывает на столик руку одного, второго и третьего. Под конец они уже все втроем наваливаются на одну руку силача. Но он укладывает и троих.

Публика смеется над посрамленными мужиками, возвращающимися на свои места.

А Лёдя дергает петуха, тот бьет крыльями и кукарекает.

– Ага! Обрадовался! Он не хочет расставаться со своим хозяином! Господин Ярославцев – не только самый сильный, он еще и самый добрый – очень любит птиц и детей!

Лёдя с петухом убегает за кулисы. А на арену ассистенты

выкатывают телегу, в нее набивается множество детишек, а одного пацанчика силач усаживает на свою шею и катает всю эту братию, гикая и посвистывая, как извозчик.

Публика ревет от восторга.

На заднем дворе балагана Лёдя кормит с ладони петуха.

Из зала еще доносятся овации. Возвращаются ассистенты, с трудом волокущие по земле пудовые гири Ярославцева. Потом появляется и сам богатырь, утирая пот полотенцем. При виде Лёди он ухмыляется:

– Смертельный номер – «Укротитель петуха»!

Лёдя, не реагируя, бросает остаток зерен наземь, отходит в сторону, к лошадям, и принимается расчесывать им гриву. Но силач не отстает:

– О, это еще лучше! Аттракцион «Лошадиный цирюльник»! Публика всей Касриловки будет рыдать от счастья!

Лёдя стискивает зубы, но продолжает молчать.

Довольный петух вальяжно расхаживает по земле, поклевывая упавшие зерна. Ярославцев спотыкается об него, пинает петуха, тот возмущенно орет, силач орет еще громче:

– Нынче же тебя сварю!

Ярославцев уходит. А с арены доносится голос Бороданова:

– Гвоздь сезона! Для изящных дам и солидных кавалеров! Для почтенных родителей и очаровательных детишек! Мировая знаменитость, мисс Лав Бьютифул! И ее несравненные

королевские болонки!

Лёдя оставляет лошадей и убегает в шапито.

На арене – тоненькая прелестная Любаша в облаке голубого кружева и розовых ленточек. Вокруг нее такие же нарядные, в кружевах и ленточках, кудрявые собачонки. Любаша чарующим голоском приветствует зрителей:

– Здравствуйте, многоуважаемая и многолюбимая публика! – Она взмахивает рукой – собачки послушно рассаживаются по тумбам и кланяются. – Мы приветствуем вас на нашем королевском балу!

Собачки, все, кроме одной, соскакивают с тумб и попарно, опершись друг на друга передними лапками, кружатся на задних по арене. Публика даже не аплодирует, а, затаив дыхание, не отрывает глаз от этого чуда.

Любаша подходит к оставшейся на тумбе собачке:

– Милая принцесса, а почему вы не принимаете участия в нашем торжестве?

Собачка горестно воет.

– Что вы говорите! Вам не пишет принц? Какой ужас! И сколько же дней от него нет весточки?

Собачка отрывисто лает пять раз.

– Сколько-сколько? Я не поняла…

Любаша оборачивается к другой собачке:

– Зизи, ты расслышала, сколько дней принц не пишет Мими?

Собачка бежит к разложенным на арене карточкам с циф-

рами, хватает и приносит в зубах цифру «5». Любаша демонстрирует карточку зрителям. Тут-то они, наконец, разражаются аплодисментами.

И Лёдя, влюбленно наблюдающий за номером Любаши в щелочку занавеса, тоже бурно аплодирует.

А Любаша печально восклицает:

– Ах, неужели уже целых пять дней принц не пишет Мими!

Несчастная Мими спрыгивает с тумбы и падает на арену вверх лапками.

– Ох! Принцесса в обмороке! Доктора! Скорее!

Выбегает собачка в колпачке с красным крестом. Она обнюхивает Мими, трогает ее лапой, садится рядом и скулит. Любаша огорчается:

– Вы ничем не можете помочь? Только весточка от принца может спасти ее?

Любаша театральным шепотом обращается к другой собачке:

– А может быть, нам удастся успокоить ее маленькой хитростью?

Собачка хватает в зубы кисть, подбегает к листу бумаги и водит по нему кистью. Любаша показывает зрителям нарисованное собачкой большое сердце. Сердца зрителей тронуты – они взволнованно аплодируют.

И конечно, сердце Лёди, аплодирующего у занавеса, покорено навеки.

Любаша подает сердечную весточку все еще лежащей без чувств Мими.

– Милая принцесса, вам письмо от принца!

Мими вскакивает, радостно обнюхивает бумагу, возмущенно лает и разрывает фальшивку в клочья.

– О, простите, принцесса, простите! – умоляет Любаша. – Ваше сердце подсказывает вам, что это не настоящее письмо принца?

Мими задирает голову и грустно воет. Все собачки подсаживаются к ней и подхватывают ее печальную песню. Но тут на арену выскакивает лохматый барбос с золотой короной на голове, подлетает к Мими, лижет ее мордочку, она ласкается в ответ. Все собачки радостно визжат. «Принцесса» вскакивает на спину «принца» и счастливая парочка совершает круг почета по арене.

Публика чуть ли не рыдает.

И Лёдя у занавеса, похоже, готов пустить слезу восторга и любви.

Но из мира грез его вырывает за шиворот тяжелая рука Бороданова.

– Что тут торчишь? А кому одеваться на выход!

В закутке между ящиками и декорациями Лёдя переодевается из клоунского наряда в гимнастическое трико.

Впархивает ангелочек Любаша. И, ничуть не смущаясь присутствием Лёди, освобождается от кружев и ленточек. Лёдя замер и уставился на Любашу. Она улыбается:

– Что это вы подглядываете?

– Я не подглядываю!

– Подглядываете-подглядываете… А не рано ли вам на девушек смотреть?

Лёдя поспешно привирает, чуть дав от волнения петуха:

– Мне… двадцать лет… уже!

– Двадцать? – Любаша смеется. – Что, плохо кормили – такой мелкий вырос?

Лёдя совсем теряется, но его выручает крик Бороданова:

– Лёдька, чертово семя! На арену!

Лёдя, на ходу втискиваясь в рукава трико, убегает.

Он работает номер акробата-гимнаста: серия кувырков, стойки на руках, прямые и обратные сальто, проходки колесом на руках. Мужчины к этому довольно равнодушны. А женщинам симпатичен ловкий юноша, они переглядываются, шепчутся и хихикают, указывая друг дружке на Лёдю.

А он уже на трапеции. Раскачивается, взмывает к потолку, отрывается, делает сальто-мортале, летит вниз. Зрительницы в искреннем испуге зажимают рты ладошками. Но Лёдя успевает в последний миг ухватиться за трапецию. И женщины облегченно аплодируют. Одна темпераментная юная селянка даже вскакивает с места, но строгая мамаша дает ей по заднице, на которую темпераментная и приземляется вновь.

Лёдя продолжает совершать прыжки, кувырки, сальто, фляки. Раскланиваясь после каждого трюка, он косит глазом в сторону закрытого занавесом форганга: не наблюдает ли за

его подвигами Любаша. Но в проеме занавеса сидит и широко зевает лишь ее лохматый барбос-«принц».

И снова дорога. Тащится обоз с цирковым скарбом.

Лёдя спрыгивает с первой бородановской подводы бежит назад – к подводе, на которой сидят Любаша и Ярославцев. Силач грозно сводит мохнатые брови. И Лёдя не решается подсесть на его подводу, а просто идет с ней рядом, достает из кармана пряники, ломает на кусочки, угощает ими благодарно повизгивающих собачек и преданно поглядывает на Любашу.

Девушка улыбается Лёде – доброжелательно, но довольно равнодушно. А силач зашивает портновской иглой атласную туфельку Любаши и сердито зыркает на Лёдю.

Циркачи раскинули свой шатер на площади очередного городка. Лёдя работает уже не просто акробатический, а еще и музыкальный номер: кувырки, сальто и стойки на руках он перемежает с игрой на развешанных по арене бубнах, балалайках, трещотках и даже обычных бутылках. Да плюс к тому на руках и ногах Лёди – браслеты с бубенцами, которыми он тоже умудряется вызванивать если не мелодию, то хотя бы ритм.

Теперь уже Любаша восхищенно смотрит на него из-за кулис. К ней подходит силач Яков.

– Любуешься на своего конюха?

– Он не мой! – вспыхивает Любаша. – И он не конюх.

– Ага, ну да, старший клоун младшего подметалы!

Презрительно сплюнув, Яков уходит. Любаша огорченно всхлипывает.

Лёдя после номера вылетает за кулисы и при виде Любаши сияет.

– Видала, как я… – Он осекается, заметив ее слезы. – Что с тобой? Кто обидел?

– Да не обидел, а цепляется… Чего он – мы же с тобой просто друзья…

Лёдя осторожно утирает пальцами ее слезы.

– Конечно, друзья… Навеки! И я тебя никогда не обижу…

Любаша благодарно улыбается.

Лунной ночью Лёдя собирает в поле цветы, бережно складывает их в букет.

С этим букетом он подходит к отгороженному декорациями закутку, нерешительно топчется у входа. Вдруг оттуда раздаются шум борьбы и голоса:

– Яков Петрович, миленький, не надо… Ну, отпустите меня, ну, Яков Петрович! – жалобно просит Любаша

– Тихо, глупая! – бубнит Ярославцев. – Тихо, тебе ж лучше будет!

– Ну, пожалейте, ну не надо! – Любаша уже плачет в голос.

Лёдя не выдерживает и врывается в закуток.

Там на убогих цирковых матах Ярославцев ломает Люба-

шу. Лёдя без лишних слов лупит его букетом по спине.

– Ах, сморчок! – удивленно и легко, как от мухи, отмахивается Яков. – Ты откуда нарисовался?

– Скотина! Не трогай ее!

– А-а, ты сам намылился ее потрогать? Хрен тебе!

Силач ударом кулака отправляет Лёдю в нокаут.

– Не надо, Яков Петрович! – умоляет Любаша. – Он тут случайно… он нечаянно…

– А за нечаянно бьют отчаянно!

Яков снова замахивается на Лёдю, но тот, обученный на Молдаванке французской борьбе, ловко уходит от удара и наносит свой удар. На стороне Якова – сила и масса, а у Лёди – умение и ловкость. Драка идет яростно: падают декорации, разлетается реквизит, плачет Любаша, визжат ее собачки.

Лёдя уже выдыхается, силач явно побеждает, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы от перевернутой ими в драке керосиновой лампы не загорелась декорация. Бойцы прекращают схватку и вместе с Любашей бросаются гасить огонь.

Утром Ярославцев и Лёдя стоят перед Бородановым.

– Кто зачинщик? – громыхает хозяин. – Ты, Яков?

Силач лишь презрительно сплевывает.

– Ты, Лёдька?

Лёдя тяжко вздыхает.

– Молчишь? Ну-ну… Сдается мне, Яков Петрович – муж-

чина солидный, не стал бы тебя попусту задирать?

Лёдя сохраняет упорное молчание.

– Из-за чего хоть подрались? Пигалицу эту, что ли, не поделили? – Бороданов ухмыляется. – А чего там делить – пшик один!

Тут уж Лёдя не выдерживает, вступается за честь любимой:

– Она не при чем! Просто мне его рожа не нравится! И я ему дал в эту рожу! Первый дал!

Бороданов удивленно смотрит на Лёдю. Не меньше удивлен наглостью юнца и Ярославцев.

– Ладно, – Бороданов указывает на фингал под глазом Лёди. – Ты первым дал и вторым схлопотал. Так что вы квиты… Миритесь!

Силач нехотя, но все же протягивает руку Лёде. А юноша прячет свою руку за спину:

– Мириться с этим… Ни за что!

Бороданов свирепеет:

– Смуты не потерплю! В цирке все должны быть – во как! – Хозяин сжимает кулак и трясет им в воздухе. – А ты… Сопляк с гонором! Прочь отсюда! Вон!

Одинокий Лёдя сидит на холме и, опустив подборок на прижатые к груди колени, печально наблюдает, как внизу по дороге удаляется цирковой обоз. Без него.

Когда обоз скрывается за поворотом дороги, Лёдя встает, подхватывает узелок со своими убогими пожитками и реши-

тельно направляется по пыльному избитому колесами шляху в том направлении, куда уехали циркачи.

Он будет идти долго и упорно, оборванный и голодный. Ночевать там, где застанет ночь. Есть то, что заработает своим актерским умением. Но он будет идти и идти, он не остановится, пока не догонит цирк, где его Любаша.

Украинское село.

В прокуренном трактире на базарной площади Лёдя с чувством выводит задушевную украинскую песню:

Нич яка мисячна, ясная, зоряна,
Выдно, хоч голки збырай!
Выйды, коханая, працею зморена,
Хоч на хвылыночку в гай!

Нетрезвые посетители трактира слушают, роняют слезу, требуют еще выпивку.

А Лёдя заливается печальным соловьем:

Ты ж не лякайся, что ниженьки босии
Змочиш в холодну росу.
Я ж тебе, милая, аж до хатыноньки
Сам на руках виднесу…

Денег за выступление Лёде не платят, просто кормят на

кухне. Лёдя уминает за обе щеки шмат сала с хлебом. А пышная хозяйка трактира сочувственно наблюдает за ним, подперев ладонями пухлые щеки.

– Молодець, як гарно спиваешь! Сьогодни я горилки вдвое бильше продала! – Она проводит пухлым пальцем по выглядывающей из-под рубашки ключице Лёди. – Тонесенький ты, наче херувимчик!

Лёдя невольно ежится, застегивает ворот рубахи и отодвигает еду.

– Спасибо большое!

– Та ешь, ешь еще… А то оставайся насовсем, я буду тебе кормить, поить, ласки свои дарить… А ты мени тильки спивать будешь!

– Нет-нет, – Лёдя отстраняется от пышущей жаром хозяйки и бормочет: – Мне надо… ну, идти… дальше надо…

Ночует Лёдя под обрывом морского берега, прямо на песке, укрывшись какой-то рваниной. Он спит, и снится ему прекрасная Любаша – в пенных кружевах и розовых ленточках. Да и сам Лёдя ей под стать – в сверкающем блестками и звездочками трико.

Они вдвоем летают на трапеции под куполом, а собачки пляшут внизу на арене. Лицо Любаши приближается в полете к его лицу, оба прикрывают глаза, их губы тянутся друг к другу.

Но на арене появляется силач Ярославцев с брандспойтом. Он направляет его на влюбленных, и брандспойт мощ-

ной струей воды сбивает их с трапеции.

Лёдя падает на опилки манежа и… просыпается. Брандспойт… нет, просто реальный дождь поливает его, как из ведра. Над морем сверкают молнии.

Молдавское село.

В отличие от грустной украинской песни, молдавская песенка в исполнении Лёди звучит веселее, хотя и она тоже – про любовь.

Куй нуй плаче драгостя,
Думнезеу се ну ей бя!
Се мье дэе нумай мие,
Еу рог бин копилерие.
Ну мий фрика, мэй, де моарте,
Дар мий фрика де пэкатэ,
Ши де тоате релеле, мэй,
Че ам фэкут ку мындреле меле!

Горячие молдаване, ставши в круг, пляшут под песню Лёди.

Потом они провожают его до околицы села и там долго прощаются, жмут руку, заводят короткие танцы уже безо всякой музыки. И долго машут вслед уходящему Лёде.

А солнце садится и тоже провожает последними лучами Лёдю, в одной руке у которого – сочная молдавская плачинда, в другой – початок вареной кукурузы. Он ест и то, и дру-

гое, попеременно кусая то сырный пирог, то кукурузу. Вообще-то не очень совместимые блюда, но какое это имеет значение, если с утра в желудке было пусто.

Татарское село.

На лавочках у добротных домов сидят степенные мужчины в шитых золотом тюбетейках. А женщин практически не видно, только мелькнет одна-другая в низко надвинутом на лоб платке-хиджабе.

Здесь Лёдя ничего не поет – татарского языка не знает. Местные же не знают русского. И не получается у них никакого разговора, когда Лёдя расспрашивает, был ли здесь цирк, а если был, то когда уехал и куда. Татары вполне уважительно слушают Лёдю, понимающе кивают, но явно ничего не понимают.

Лёдя переходит на международный язык жестов: он изображает силача с гирями, делает сальто, становится на четвереньки и лает, как собачки Любаши. Теперь уже татары переглядываются с тревогой. Один седобородый сочувственно качает головой и что-то сообщает другим мужчинам.

Но мальчик, который все терся у сапога седобородого деда, звонко кричит:

– Нет, ата, он не больной, он спрашивает про артистов! – И сообщает Лёде: – Артисты вчера здесь были… Такой сильный батыр и красивая хатын!

Седобородый гладит смышленого внука по головке и тоже

обращается к Лёде на ломаном русском:

– Ты хатеть… арытысты?

– Да! Да! Артисты! Цирк! – радуется Лёдя.

– Арытысты – ек… нету… уехать арытысты… ёк.

– А куда поехали? В какую сторону? Покажите!

Седобородый непонимающе пожимает плечами. Но опять выручает мальчишка:

– Они сказали – поехали в Затоку.

– Затока? Точно?

– Заток, Заток, – подтверждает седобородый. – Мой сын ехать… туда… завытыра.

– Пусть возьмет меня! – умоляет Лёдя.

– Тебя? – Седобородый прищуривается. – А ты рука-нога работать?

Лёдя, обливаясь потом, грузит мешки на арбу, у которой прогуливается, похлопывая кнутом по своему сапогу, молодой татарин.

Когда мешки погружены, татарин залезает на место возчика и указывает кнутом Лёде на кучу мешков. Лёдя взбирается на вершину кучи и, обессиленный, падает, раскинув руки и глядя в небо.

Седобородый отец что-то строго приказывает сыну, тот почтительно отвечает, прикладывая ладонь к груди. Наконец седобородый машет рукой, молодой стегает кнутом лошадей, и арба отправляется в путь.

На площади села Затока разбит шатер цирка Бороданова. На раусе, где прежде зазывал публику Лёдя, теперь работает зазывалой Любаша. Делает она это не так темпераментно, как Лёдя, но зато по-своему очаровательно:

– Уважаемые зрители! Дяди, тети и родители! Дедушки, бабушки и детишки-лапушки! Наши артисты чудно хороши! Заходите, посмотрите – отдых для души!

На площади появляется Лёдя. И замирает при виде циркового шатра. Потом медленно, нерешительно приближается к нему. Стоит и взволнованно смотрит на Любашу.

Почувствовав его взгляд, девушка оборачивается и радостно бросается ему на шею:

– Лёдька! Ты нашел нас! А я скучала!

Позади них раздается голос Бороданова:

– И долго будем обжиматься?

Молодые люди испуганно отшатываются друг от друга. Лёдя виновато и умоляюще смотрит на хозяина цирка. Бороданов глядит на него в упор. И строго повторяет:

– Долго будем обжиматься? А кто за тебя, паразита, работать будет!

– Я буду работать! Я! – кричит счастливый Лёдя

От избытка чувств он делает колесо на руках – одно, второе, третье – и так удаляется к служебному входу цирка. Бороданов и Любаша с улыбкой глядят ему вслед.

И не замечают силача Якова, провожающего Лёдю взгля-

дом, не сулящим ничего хорошего.

Любаша перед установленным на ящике зеркалом взбивает золотистые локоны, борясь с одной непокорной прядью, никак не желающей укладываться на лбу.

Лёдя – в огненно-рыжем клоунском парике – вышагивает туда-сюда за ее спиной, и пламенно фантазирует. Он рассказывает девушке про сон, который снился ему под дождем на морском берегу. Про то, как они летали вдвоем на трапеции под самым куполом – красивые, нарядные и сильные. И про то, что они с ней обязательно сделают этот номер не во сне, а наяву – под куполом большого настоящего цирка.

Любаша, продолжая борьбу с локоном, лишь тихо улыбается: сон все это, фантазия, сказка… Но Лёдя не сдается: сон непременно станет явью, если только сильно верить, если только очень стараться, если стремиться к этому и быть всегда вместе…

Любаша, почуяв, что разговор сворачивает с темы высокого циркового искусства в сторону сложных личных отношений, машет рукой на непокорную прядь и освобождает Лёде место у зеркала – пусть гримируется, а то опоздает на выход.

Лёдя усаживается перед ящиком, пообещав, что они еще обсудят общий номер. Любаша соглашается: обсудим, обсудим, – и выпархивает из шатра. А Лёдя зачерпывает из коробки грим, наносит мазок на лоб, растирает его и кричит от боли:

– А-а! О-ой! А-а-а!

На его крик возвращается Любаша:

– Что?! Что случилось?

– Жжет! О-о, печет!

Лёдя вопит, держась за лоб и раскачиваясь из стороны в сторону.

Сбегаются другие циркачи. Быстро входит Бороданов.

А ну цыть, не пугать мне публику! Что за базар?

Он отнимает руки уже не вопящего, а жалобно стонущего Лёди от его лица, приглядывается к вспухающим волдырям:

– Так, известь! Быстро воды!

Любаша убегает, приносит воду, смывает со страдающего Лёди грим. А цирковые перешептываются в сторонке. Один вспоминает, как в Бердичеве молодой клоун старому сыпанул извести в грим, и старый вообще ослеп, а молодой взял и стал работать его коронный номер. Другой возражает, что Лёдин-то номер вроде бы делить некому. Третий уверяет: что поделить – всегда найдется…

Лёдя тихо поскуливает. Бороданов осматривает обожженный лоб. И заверяет, что до свадьбы заживет. Надо только смазать жиром.

Любаша опять убегает. Появляется силач Яков. С деланным удивлением он оглядывает собравшихся.

– Что за шум, а драки нету?

Бороданов смотрит ему в глаза. Яков спокойно выдерживает его взгляд. Хозяин раздраженно приказывает:

– Ну, чего сбежались – идите, работайте!

Цирковые понуро расходятся.

Лёдя лежит на попоне, Любаша делает ему перевязку. Лёдя стискивает зубы от боли, но стоически молчит. Любаша сочувственно гладит Лёдю по лицу. Юноша задерживает ее руку на своей щеке:

– Такая теплая…

Любаша улыбается.

– А можно еще погладить? – просит Лёдя.

Любаша приглаживает его волосы:

– Вы, наверное, по дому скучаете?

– А вы?

– Мой дом – здесь.

– Ну, теперь и мой – здесь. – Лёдя морщится, трогает повязку.

– Больно? Бедненький вы мой!

Любаша склоняется к Лёде и, едва коснувшись губами, целует его. Глаза Лёди расширяются от радостного изумления. Он обхватывает Любашу за шею, но она мягко отводит его руки и встает:

– Выздоравливайте поскорее…

– Да я уже здоров! – Лёдя хочет сорвать повязку, но стонет и падает навзничь.

Волны моря набегают на берег. Лёдя с Любашей отпрыгивают от них. Голова Лёди по-прежнему перевязана, а в его

глазах – восторг первой любви. Умаявшись, они падают на песок. Лёдя пускает камешки «блинчиками» по воде. А Любаша будничным голосом рассказывает печальную историю своей жизни.

Детство раннее у нее было золотое: мамка любила, отец баловал. Только отец болел сильно. Болел-болел, да и помер. Вскоре после него и мамка на тот свет отправилась. А тетка – мамкина сестра – та прямо сказала, что ей Любаша вовсе не нужна. Тогда и настало времечко – хоть с голоду помирай. И тут ей повстречался Яков Петрович. Это ничего, что он с виду такой жуткий, но в душе-то он добрый. Силач Любашу на улице подобрал, в цирк привел. А там надоумил собачками заняться. Сама-то она ничего не умела, ничего не понимала…

Лёдя, сочувственно слушающий Любашу, пламенно обещает:

– Не бойся, мы теперь с тобой вместе будем!

Она грустно улыбается:

– Ты еще такой молодой, не знаешь жизни…

– Да знаю я! Вот гастроль с Бородановым отработаем, и сами двинем в Одессу или в Харьков, в настоящий театр наймемся. Мы с тобой станем знаменитыми артистами!

Любаша усмехается, рисуя что-то пальцем на песке.

– Так не бывает…

– А у нас будет! – Лёдя возбужденно вскакивает. – Ты мне верь! Будет!

Очередное пристанище цирка – еврейское местечко Тульчин.

Три дня назад в Днестровске цирк покинули его музыканты. Их переманил хозяин местного ресторанчика. У которого, в свою очередь, музыканты сбежали попытать свое музыкальное счастье в одесском варьете. Потому представление в Тульчине сопровождают местные тульчинские музыканты: два скрипача – юная, но не сказать, чтоб очень хорошенькая Аня и ее долгоносый папа, а также толстяк с барабаном.

Барабанщик бухает колотушкой, когда силач Ярославцев играет с гирями.

Скрипачи играют вальс, когда Любаша работает со своими собачками.

После Любаши на арену кувырками выкатывается Лёдя в наряде рыжего клоуна:

Публика встречает его смехом. Юная скрипачка Аня от восторга распахивает рот и даже забывает о своей работе. Но папа толкает ее в бок, Аня подхватывает скрипку, и музыканты выдают туш.

Любаша возвращается после номера в свой закуток. А там ее поджидает Ярославцев. Он хватает девушку за руку:

– Кукла чертова! Вчера опять со щенком путалась?

– Ай, пустите! Мы просто гуляли…

На арене Лёдя, совершив еще несколько клоунских куль-

битов, вдруг громко лает по-собачьи и вопит:

– Ой! Злая собака! – Продолжая лаять, он в мгновение ока вскарабкивается на центральный шест. – Ай! Спасите, помогите!

Публика хохочет. Юная скрипачка Аня восторженно хлопает. На арену выходит грозный Бороданов:

– А ну, слезай! А то уволю!

– Ой, дяденька, не увольняйте!

Лёдя умоляюще складывает ладони и от этого срывается с шеста. Публика ахает. Но Лёдя удерживается на шесте ногами – вниз головой. Публика аплодирует.

А за кулисами силач нависает над забившейся в угол Любашей:

– Догуляетесь вы с ним… Я его убью!

– Нет! Вы и так уже чуть не убили…

– Ха, это я еще только предупреждал!

Лёдя, цепляясь за шест одной рукой и одной ступней, лает и вопит:

– Ни за что не слезу! Я этого волкодава боюсь!

Публика веселится. Бороданов обращается к ней:

– Дамы и господа! Прошу вас, снимите этого болвана!

Но никто не проявляет такого желания.

За кулисами Любаша тихо плачет. Силач немного смягчается:

– Любаня, девочка, пойми: он – малец, сопляк… Ничего не знает, не может. А я тебе – опора в жизни. – Он пытается обнять девушку.

Она отталкивает него. Он снова разъяряется:

– Ну, гляди, я его раздавлю! Одним пальцем!

– Не надо! – вскрикивает Любаша. – Не трогайте его… – И начинает покорно расстегивать кофточку…

На арене Бороданов взывает к публике:

– Господа, нам нужно продолжать представление! Кто поможет снять этого паразита – плачу рубль!

Подтверждая свое обещание, он поднимает рубль над головой. На арену лезут несколько мужиков-добровольцев. Но Лёдя опережает их:

– Шо? Вам – рубль? Та нехай все злые собаки на свете подавятся – за рубль я и сам слезу!

Лёдя – не просто, а с акробатическими фокусами – спускается с шеста. Публика не жалеет ладоней. Оркестр опять играет туш. Скрипачка Аня не отрывает от Лёди восхищенного взгляда.

А он выхватывает у Бороданова рубль, снова заливисто лает, изображая бегство от собаки, и покидает арену.

Окрыленный успехом Лёдя, еще с намалеванной на поллица клоунской улыбкой, вбегает в закуток Любаши и замирает. Девушка, распростертая на куче тряпья, уставясь неви-

дящим взглядом в потолок, мерно дергается под натиском мощного тела Якова.

Услышав появление Лёди, силач оборачивается и, не прерывая своего занятия, мерзко ухмыляется.

Лёдя вылетает из цирка, стаскивая на бегу рыжий парик.

Идет проливной осенний дождь. Лёдя бежит, не разбирая дороги, по кривым глинистым улочкам. Ливень смывает грим, и по лицу Лёди текут грязные потоки – то ли дождь, то ли слезы. Лёдя выкрикивает какие-то слова, разобрать их в шуме дождя невозможно, но и так ясно, что слова эти, как сказано у классика, «облиты горечью и злостью». Лёдя грозит кулаком затянутым пеленой дождя небесам. Но небеса равнодушны к его угрозам и даже не унижаются до того, чтобы ответить Лёде хотя бы громом, не говоря уже о молнии.

Ноги Лёди разъезжаются на глине, он спотыкается, падает ничком в лужу, лупит кулаками по грязи и постепенно так и замирает – лицом в луже. А потом бессильно переворачивается на спину и закрывает глаза, чтобы больше никогда не видеть этот бесконечный дождь, это равнодушное небо, эту несправедливую жизнь…

А когда Лёдя все-таки с трудом открывает глаза, он уже лежит на белоснежной подушке под разноцветным лоскутным одеялом в чисто выбеленной комнатке.

Над ним склоняется юная скрипачка Аня, которая вместе с отцом сопровождала цирковое представление.

– Где я? – Лёдя еле шевелит языком.

Аня прижимает палец к губам:

– Доктор не велел вам разговаривать. Отдыхайте…

Она осторожно меняет компресс на лбу Лёди. Глаза юноши закрываются сами собой.

Лёдя уже сидит, опершись на груду подушек. Аня поит его чаем из блюдца.

Заглядывает долгоносый Анин папа:

– Очухался? Ну, от и добре… Аня, собирайся на похороны.

– Кто-нибудь умер? – волнуется Лёдя.

– Ну, ясно, умер, раз похороны…

Папа достает из шкафа скрипку. Дочь поспешно объясняет Леде, что в цирке они, к сожалению, играли только раз, а вообще у них такая работа – играть на похоронах.

Папа бодро уточняет: почему только на похоронах – они играют и на свадьбах, и на обрезаниях, и на бармицве… Он со своей скрипкой выходит, а дочь достает из футляра свою, тихонько трогает струны и сообщает, что лично она как раз даже больше любит играть на похоронах. Потому что музыка печальная и красивая. А на свадьбах нужны только гопцоп два притопа, да еще мужчины напиваются и начинают приставать.

Лёдя сочувственно кивает. Аня укладывает скрипку в футляр и добавляет, что ей очень понравилось играть у господина Бороданова – было так празднично, весело. Жалко, что

цирк уехал.

– Как уехал?! – Лёдя пытается вскочить, но сил не хватает.

– А-а, – спохватывается Аня, – вы же ничего не знаете, вы столько были без памяти… Господин Бороданов сказал, что уже вся публика Тульчина в цирк сходила и надо ехать дальше.

Лёдя потрясен:

– А я?! Как же я?!

– Вот и девушка, которая с собачками, спросила: а как же вы? А господин Бороданов говорит: ничего, он крепкий – выдюжит! Так и сказал – выдюжит…

– Бросили они меня! – горестно заключает Лёдя.

Аня хочет его утешить, но раздается голос папы:

– Иди же, доча! Покойник ждать не будет!

Через неделю уже чуть окрепший Лёдя сидит в кресле, безвольно уронив руки на подлокотники. На нем слишком просторная рубаха – явно с чужого плеча. Аня кормит его бульоном с ложечки. И вдруг, отстранившись, смотрит на Лёдю.

– Какой вы красивый!

Лёдя смущается и выпаливает:

– Если кто здесь красивый, так это вы!

– Ой, бросьте!

– Правда-правда… У вас удивительно тонкие черты лица…

Аня грустно улыбается:

– Мне никто еще так не говорил. И не только мне… У нас в Тульчине девушке трудно… Если она из богатой семьи, родители, конечно, находят ей жениха, а если нет… – Она умолкает.

Лёдя пытается встать. Аня его удерживает:

– Доктор вам не разрешил самому! Я помогу…

– Да не надо…

– Надо! И не стесняйтесь, когда-нибудь вы мне тоже чем-нибудь поможете.

– Обязательно помогу! – обещает Лёдя.

Аня помогает ему доковылять от кресла до кровати, укладывает, укрывает одеялом. Лёдя отворачивается к стене, закрывает глаза. Аня любуется им. Думая, что он уже уснул, осторожно проводит рукой по его волосам. Лёдя приоткрывает глаза и тут же снова зажмуривается.

И вот наконец, опираясь на Анино плечо, Лёдя делает первые шаги по комнате.

– Молодец, умница! – поощряет его Аня. – Сейчас пойдем во двор – на солнышко…

В комнате появляются ее родители; мама – такая же долгоносая, как папа. Аня замирает в предчувствии дальнейшего. А Лёдя еще ни о чем не догадывается.

Папа с мамой как-то преувеличенно любезно улыбаются. Лёдя вежливо улыбается в ответ. Мама многозначительно предлагает:

– Анечка, доча моя, что бы тебе не сходить в курятник – выбрать для Лазаря Иосифовича свежих яичек на обед.

Аня со странной поспешностью выходит. Неловкая пауза. Лёдя вопросительно смотрит на родителей Ани. Мама усаживает Лёдю в кресло:

– Присаживайтесь, молодой человек…

И опять повисает пауза. Потом начинает папа:

– Лазарь Иосифович, вам уже нивроку достаточно лет…

– Семнадцать! – быстро уточняет Лёдя.

Папа с мамой переглядываются. Мама вздыхает:

– Да? А в цирке говорили – двадцать. Ну, семнадцать – тоже хорошо… Не пора ли вам, Лазарь Иосифович, подумать о семье?

– А я о ней думаю, – все еще ни о чем не догадывается Лёдя. – У меня в Одессе мать, отец, три сестры, брат…

– Да-да-да, – кивает папа, – но у вас там, если я не очень ошибаюсь, нету жены?

– Жены нету.

Папа наконец берет быка за рога:

– Так у вас будет жена! Возьмите нашу Аню!

От неожиданности Лёдя вскакивает и снова падает в кресло. А папа развивает наступление:

– Аня – хорошая дочь и будет таки хорошей женой!

Папу быстренько поддерживает мама:

– И у Анечки нивроку хорошее приданое: серебряный портсигар и часы от дедушки! Где вы, хочу я знать, найдете

лучше?

Оглушенный родительским напором, Лёдя беспомощно лепечет:

– Я… Конечно, я перед вами в долгу… Но я не думал… Я…

Появляется Аня – вся смущение, волнение, ожидание – и протягивает лукошко:

– Мама, вот свежие яички для Лазаря Иосифовича.

– Ай, зачем ему теперь яички! – восклицает папа. – Ему теперь надо рюмочку нашего домашнего вина!

Аня млеет от счастья. Лёдя потерял дар речи. А мама уже шустро накрывает стол вышитой скатертью.

– Сейчас пообедаем! По-семейному!

Аня мечет из буфета на стол тарелки и приборы. Папа подмигивает Лёде, указывая на дочь:

– Золотая будет хозяйка! Правду люди говорят: судьба и за печкой найдет!

Папа достает из буфета и ставит в центр стола бутыль вина. А мама волнуется:

– Жениху много не наливай – он еще слабенький!

Потом Лёдя – уже вполне здоровый, но очень скучный – сидит на крыльце дома, перебирая струны гитары. Аня подыгрывает ему на скрипочке. Получается странный музыкальный дуэт: бессмысленное, невпопад треньканье на гитарных струнах и нежный красивый голос скрипки.

Из дома выглядывает папа:

– От голубочки! Спелись? Будем теперь играть трио. Нет, на похоронах, конечно, гитара не пойдет, но на свадьбах – очень даже!

Довольный папа ныряет обратно в дом. А дуэт-какофония дополняется неожиданным аккомпанементом – жалобным тявканьем. Во дворе появляется собачка – тощая и грязная, но, похоже, когда-то вполне белоснежная, точь-в-точь Любашина болонка.

Лёдя откладывает гитару, бежит к калитке, распахивает ее, вылетает на улицу… Улица абсолютно пуста. Лёдя уныло возвращается во двор.

Там Аня гладит собачку:

– Бедненькая! Потерялась? Ну, мы тебя покормим, вымоем… Правда, Лёдя, она похожа на собачек из цирка?

Лёдя не отвечает, напряженно думает о чем-то своем, потом решительно направляется в дом. Аня растерянно смотрит ему вслед.

В доме на кухне папа прокручивает мясо через мясорубку. Мама раскатывает скалкой тесто. Лёдя входит, чуть мнется у порога и выпаливает:

– Мне нужно в Одессу – забрать свой гардероб!

– Что? – переспрашивает папа.

– Ну, мои вещи, вся одежда остались в цирке… Я ведь ношу – спасибо вам – все ваше… А мне нужен мой гардероб.

– Гар-дэ-роб? – мечтательно повторяет красивое слово мама.

– А как же без гардероба? – уважительно соглашается папа. – Поезжайте, Лазарь Иосифович!

Лёдя мучительно краснеет и выдавливает:

– Но… Бороданов… не выплатил мне содержание…

– А сколько вам нужно? – интересуется мама.

– Ну, на билет… – Лёдя поспешно добавляет: – Четвертого класса.

Перед воротами дома Ани возница сидит на телеге, наблюдая, как вся семья – папа, мама и Аня – провожает у ворот дома Лёдю, одетого в чересчур просторный для него костюм Аниного папы. Папа торжественно вручает Лёде деньги.

– Вот вам, Лазарь Иосифович, один рубль семьдесят копеек! Ровно на билет из нашего Тульчина до вашей Одессы.

Мама протягивает Лёде бумажный сверток с проступившими пятнами жира.

– Котлетки вам на дорогу. Домашненькие.

Возница нетерпеливо помахивает кнутом:

– Как бы к поезду не опоздать…

– Вы, пожалуйста, не гоните! – волнуется мама. – Это же таки жених нашей единственной дочери. Он едет у в Одессу за гардэробом!

Лёдя и Аня в неловком молчании стоят друг перед другом. Папа и мама деликатно отворачиваются. Молодые начинают что-то говорить одновременно, но замолкают и нервно

смеются.

– Ну, – решается Аня, становясь на цыпочки и прикрывая глаза.

– Ну, – вздыхает Лёдя и целует Аню в щечку.

Мама и папа умиленно наблюдают за сладкой парочкой.

Не рассказать никакими словами и не живописать ни на каком полотне состояние души Лёди, когда он – счастливый и свободный – возвращается домой! Он идет, шагает, фланирует, летит, порхает по родной Одессе.

Кривая и узкая Малая Арнаутская улица… Прямая, как стрела, Итальянская… Тенистый Французский бульвар… Тихие переулочки, выщербленные ступеньки лестниц, витые чугунные ограды…

И море – спокойное, бескрайнее, искрящееся в солнечных лучах…

На Привозе Лёдя, как в еще вроде бы таком недавнем, но уже и таком далеком детстве, покупает мороженое. Маленький кудрявый мальчик, каким и Лёдя был когда-то, протягивает мороженщику копейку. Лёдя подмигивает ему и, облизывая сладкий шарик мороженого, легкой походкой свободного человека идет дальше – мимо овощных рядов, мясных, рыбных… И по людям, по их разговорам, по бессмертному юмору, Лёдя окончательно понимает: он таки да – в Одессе.

По рыбному ряду проходит разодетая не по-будничному дама. Торговки сразу же оживляются.

– Вы погляньте, какая дамочка! Красавица! Муж должен

быть из нею счастливый! Мадамочка, возьмите у меня скумбрию! Это ж цельный кит, а не скумбрия! Красавица, возьмите!

– Ну, и почем ваша скумбрия? – интересуется дамочка.

– Гривенник.

– Что-то дорого…

– Дорого?! – Торговка мгновенно переходит от подхалимства к агрессии. – Вам дорого, так скидывайте парижское платье, кидайтесь у море, ловите рыбу сами – и вам будет бесплатно! Не, вы только погляньте на эту конопатую – ни рожи, ни кожи!

Все торговки радостно поддерживают коллегу дружным и презрительным:

– Тю-ю-ю!!!

Лёдя с интересом ждет развязки бабской дуэли. И дожидается – нарядной дамочке тоже, оказывается, палец в рот не клади. Она интересуется:

– Но скумбрия-то ваша хоть свежая?

– Еще какая свежая! – Торговка столь же мгновенно возвращается к подхалимству: – Вы, дамочка-красавица, не сомневайтесь, рыбка свежайшая!

– Да? А что ж, я смотрю, над ней мухи летают? Мухи – они знают, над чем летать, ха-ха-ха!

Дамочка язвительно хохочет и удаляется. Торговка остается с открытым ртом.

Лёдя пересекает площадь перед знаменитым круглым

Оперным театром, который местные остряки называют «тортом». Огибая театр, Лёдя слышит из открытых окон голоса певцов, звуки инструментов. Взобравшись на какую-то тумбу под окном, Лёдя заглядывает в репетиционный зал, где пузатый тенор выводит арию Герцога из «Риголетто»:

Сердце красавицы склонно к измене
И к перемене, как ветер мая…

А в скверике Пале-Рояль беседуют одесситы-меломаны в белых чесучовых костюмах.

– Что вы мне будете рассказывать! Да я знаю наизусть все эти ваши оперы!

– Это не мои оперы. К сожалению! Вчера в «Паяцах» я не услышал ни одного приличного тенорового «до», ни баритонального «соль»!

– А я обязательно хожу в оперу с клавиром. Я слежу и за оркестром, и за певцами.

– Ну, и что вы уследили за этим Де Нери?

– А что там можно уследить?

– Ну, так вам нечего делать в Одессе, можете ехать в Николаев.

– Зачем мне ехать в Николаев?

– А Де Нери поехал туда продавать петухов, которых он пускает в «Гугенотах».

– Слушайте, перестаньте кидаться на Де Нери, он хоро-

ший певец.

– Может, для Италии хороший, но для Одессы – это не компот!

Лёдя пересекает Пале-Рояль, распевая во весь голос только что услышанную арию Герцога.

Сердце красавицы склонно к измене
И к перемене, как ветер мая…

– Ненормальный! – качает головой один меломан.

А другой, напротив, радуется:

– Что я вам говорил? «Ла Скала» отдыхает! Все таланты – в Одессе!

И наконец Лёдя дома.

Надо заметить, к чести всех домашних, нет ни слова упрека блудному сыну и брату, ни слова издевки над неудавшимся циркачом. Только – объятия, поцелуи, а кое у кого из женской половины семьи – даже слезы радости. Кроме, конечно, суровой мамы Малки. Нет, она тоже не выдержала, прижала сына к груди. Но не более. И сухо объявила:

– Сейчас будем обедать.

Младшая сестра Полина подливает воду из кувшина брату-близнецу, умывающемуся с дороги над фаянсовым тазом. Средняя сестра Прасковья подает полотенце. Лёдя утирается и норовит обнять маму, поцеловать ее в щеку. Но мама

отстраняется и снова командует:

– Все за стол!

Во время обеда родственники не столько едят сами, сколько наблюдают, как уплетает домашнюю еду Лёдя. Прасковья приглядывается к брату:

– Повзрослел ты, что ли… Глазки уже не такие щенячьи…

– Что ты удивляешься, Песя? – строго замечает старшая сестра Клава. – Пора бы уже ему и повзрослеть – не мальчик!

– А похудел как! – огорчается папа Иосиф.

– Ты на гастролечках своих случайно не подженился? – усмехается брат Михаил.

Лёдя поперхнулся, закашлялся и отрицательно трясет головой. Мама ощутимо лупит сына кулаком по спине:

– Дайте человеку спокойно покушать с дороги! Фиш, между прочим, с косточками.

Все послушно умолкают, принимаясь за еду. Мама ставит блюдо с домашними пирожными. И по давней традиции, режет каждое на половинки, раздавая их взрослым уже детям. Лёдя получает свою половинку пирожного, с наслаждением откусывает кусочек и расплывается в облегченной улыбке, свидетельствующей, что вот теперь он уже окончательно и бесповоротно – дома.

Однако идиллию нарушает папа Иосиф.

– Ну, сыночка, что тебе сказать… Все мы, конечно, счастливы, что ты вернулся своими ногами и без конвоя. Но пора таки подумать о будущем…

Улыбка Лёди гаснет, он с тоскою ждет продолжения. И папа продолжает:

– Ты нивроку хорошо нагулялся…

– Я работал в цирке! – перебивает Лёдя.

– Ну да, ну да, ты нагулялся в цирке, – гнет свое папа, – а теперь пора за дело. Мы с мамой подумали: ты поедешь к дяде Фиме…

– В Херсон?!

– Да, в Херсон, у него там магазин: «Ефим Клейнер. Скобяные товары и садовый инструмент».

– И что я там буду делать?

– Работать. Конечно, это не так весело, как крутиться-вертеться в цирке. Но на старости лет ты уже не покрутишься, а лопаты, топоры и грабли будут нужны людям до самого Страшного суда.

– Но я не сумею! – умоляет Лёдя. – Это совсем не мое дело… Вы поймите…

Молчавшая до сих пор мама сурово обрывает Лёдю:

– Мне сдается, никто не предлагал тебе высказаться!

Лёдя безнадежно машет рукой и понуро опускает голову. А мама смягчается и протягивает ему вторую половинку пирожного.

– На, скушай… Папе уже вредно много сладкого.

Куда идет Лёдя в трудные минуты, в отчаянные моменты? Конечно же, к морю. Там отдыхают его душа и тело. И ка-

жется, что все не так уж плохо. А может, скоро даже будет хорошо. Лёдя прыгает в море со скалы, ныряет надолго, потом выныривает, хватая ртом воздух, яростно работает руками и ногами, борясь с волнами моря, как с волнами жизни.

Потом он неподвижно покоится на воде, раскинув руки и глядя в солнечное небо.

И наконец, неспешно плывет к берегу. Выбирается на сушу, бесконечно усталый, шатающийся, делает несколько шагов и падает без сил на спину. Неподалеку расположилась веселая компания – мужчины и женщины расстелили скатерть на песке, выпивают, закусывают и болтают. Лёдя печально смотрит в небо, невольно подслушивая оживленную беседу.

– О боже, как наша прима вчера разбушевалась!

– А чего это? Ей ведь принесли на сцену десять корзин роз…

– Да, но заплатила-то она за двенадцать!

Компания смеется. Лёдя тоже слегка улыбается. И уже внимательней прислушивается к разговору.

Томная красивая брюнетка, слегка растягивая слова, рассказывает:

– Я как-то спросила этого индюка Потемкина… ну, из Малого драматического: «Сколько времени у вас в театре идет „Отелло“»? Он так важно надулся и отвечает: «Мадам, день на день не приходится: иногда – три часа, иногда – два». – «Как это?» – «А так: мы играем до последнего зрителя!»

Ее рассказ подхватывает бойкая толстушка:

– А я помню этого Потемкина еще совсем юнцом. Мы едем на гастроли, я говорю: «Возьми саквояж!» А он: «Зачем?» – «Как зачем? Сложишь в него костюм, белье…» – А он так испуганно: «Костюм и белье? Но тогда в чем же я поеду?»

Компания опять смеется. Лёдя садится на песке, с интересом наблюдая за происходящим. Кудрявый, вальяжный и заметно нетрезвый красавец разливает вино по бокалам.

– Дамы и господа! Предлагаю тост за нашу наивную и, увы, ушедшую юность!

– Наивную – да, ушедшую – ни за что! – возражает томная брюнетка.

Все выпивают. Вальяжный опять разливает вино, приговаривая:

– Ох, уж эти юнцы… Слыхали, мой-то Карпов, юное дарование, укатил!

– Как укатил?

– Вдова, гречанка-миллионерша, втюрилась в него, наобещала с три короба: я для тебя театр построю! Он с ней и уехал…

Сухопарая дама морщится:

– Обычно подобные истории – про актрис, а не про актеров.

Ей возражает мужчина с пышными бакенбардами:

– В наш век эмансипе от женщин и не такого дождемся!

– Да чихать мне на эмансипе! – восклицает вальяжный. –

Этот Карпов, подлец, оставил меня без партнера…

Лёдя вскакивает и решительно направляется к веселой компании.

– Извиняюсь, что невольно подслушал ваш разговор, но вам, кажется, требуется артист?

Компания с любопытством смотрит на Лёдю.

– Артисты требуются всегда, – заявляет вальяжный. – А вы, простите, кто?

– Я как раз артист!

– А какого, позвольте полюбопытствовать, театра?

– Еще не знаю.

Компания удивленно переглядывается. Лёдя поспешно объясняет:

– Вообще-то, я работал в цирке, но это так, для разминки… А истинное будущее меня ждет в театре!

Артисты смеются, но не обидно, а доброжелательно. Вальяжный подает руку.

– Евгений Скавронский!

– Лазарь Вайсбейн! – пожимает его руку Лёдя.

Скавронский задумывается и решает:

– Ничего, это поправимо.

– Что? – не понимает Лёдя.

Скавронский не успевает ответить – Лёдю приглашает томная брюнетка:

– Присаживайтесь к нам!

Уговаривать Ледю не надо, он запросто плюхается на пе-

сок рядом с артистами. Скавронский, покачнувшись и слегка расплескав бокал, протягивает его Лёде:

– Выпьем!

– Спасибо, я не пью. Но с удовольствием разделю вашу компанию.

Лёдя сразу чувствует себя здесь своим и начинает травить байки.

– У нас, кстати, с вином был забавный случай. Я делал акробатический номер: на канат ставил стул, сам на него забирался, ставил на голову стакан вина и играл на скрипке!

Дамы восхищенно ахают. Польщенный Лёдя распускает павлиний хвост:

– Да-да! Так вот, я балансирую на канате и стуле с вином, и слышу, как господин в первом ряду громко сообщает своей спутнице: «Броня, помнишь, у нас выступал скрипач Шульман, так он таки играл лучше!»

Компания смеется. А Лёдю уже не остановить.

– Еще помню, как-то на представлении слышим скандал среди зрителей: «Мадам, снимите вашу шляпу! Я отдал за билет два рубля и хочу видеть артистов!» – «А я, – отвечает дама, – отдала за шляпу десять рублей, и хочу, чтобы ее видели все!»

Артисты опять смеются. А Скавронский поднимает палец:

– О! Хорошая мысль! Молодой человек, хотите заработать два рубля?

– Кто же не хочет? – удивляется Лёдя. – Если нужно что-то носить или грузить…

– Фи! – морщится Скавронский. – От вас требуется не физический труд, а интеллектуальный. Нужно сыграть в театре.

– В театре?! Да это я могу и бесплатно! – Лёдя поспешно уточняет: – Но за два рубля тоже согласен!

– Прелестно! Будете играть со мной «Разбитое зеркало».

В театре «На Большом Фонтане» идет репетиция интермедии «Разбитое зеркало». Суть незамысловатой комической сценки в том, что денщик нечаянно разбил зеркало, а его хозяин-офицер после бурно проведенной ночи пытается привести себя в порядок перед этим самым зеркалом, вернее перед пустой рамой, по другую сторону которой денщик лихорадочно повторяет все жесты и гримасы офицера, имитируя таким образом отсутствующее зеркальное стекло.

Комизм происходящего усиливается тем, что Лёдя – тощенький и шустрый, а Скавронский – крупный и неторопливый, так что признать одного в другом можно лишь после действительно бурной ночи.

Работники театра покатываются со смеху. А режиссер – маленький лысый человечек – наблюдает репетицию с выражением вселенской скорби на лице. Впрочем, по окончании он произносит неожиданно жизнерадостно:

– Блеск! Восторг! Завтра спектакль, юноша! Не опаздывайте!

Скавронский хлопает Лёдю по плечу:

– Я в тебя верил, Лазарь Вайсбейн!

– Спасибо! – Лёдя весело сбегает со сцены.

– Минуточку! – останавливает его режиссер, – Чего вы скачете, как бычок на сковородке! А что я напишу в афише? Вот это?!

– Что… это? – не понимает Лёдя.

– Ну, это… Лазарь… как?

– Вайсбейн.

– Представьте себе эту афишу: «Денщик – Лазарь Вайсбейн». Да зритель высмеет весь свой смех возле афишной тумбы и уже не дойдет до театра!

Скавронский повторяет загадочную фразу, сказанную им еще на пляже:

– Это поправимо.

– И поправлять надо немедленно! – приказывает режиссер. – Чтобы к вечеру мне было такое имя, какое можно написать на приличной афише!

Лёдя со Скавронским бредут по Дерибасовской в мучительных поисках выхода из сложившейся ситуации. Лёдя полон сомнений:

– Псевдоним… Легко сказать… Это же раз – и на всю жизнь!

– Не всегда, – возражает Скавронский. – Я, к примеру, был – Вронский. Ну, Лев Толстой, «Анна Каренина» – чем не имя для героя-любовника? Но как-то к нам приехал на

гастроли столичный премьер. По фамилии… как ты думаешь?.. Вронский! Что оставалось делать? Я-то был всего лишь начинающий… Ну, сделал приставочку и стал – Скавронский.

Значит, надо придумать такой псевдоним, чтоб ни у кого не было! – решает Лёдя.

Он вертит головой по сторонам, замечает табличку с названием улицы – Дерибасовская:

– Вот, может, Дерибасов?

Скавронский скептически хмыкает. И сам Лёдя качает головой:

– Не, еще подумают, что дальний родственник Дюка…

Скавронский указывает Лёде на открытое кафе:

– У меня здесь назначена встреча. Деловая.

Скавронский и Лёдя сидят в кафе. Лёдя ест мороженое, сосредоточенно думая о своем. Скавронский блаженствует: пьет пиво с креветками.

– Лёдя, я успел заметить: у вас какое-то детское пристрастие к мороженому. Причем всегда – один сорт.

– Да, ванильное с клубникой и орехами… О! А если – Орехов?

– Критики станут язвить: надо Орехову выдать на орехи!

Лёдя уныло ест мороженое. Скавронский блаженно щурится на солнце.

– Так бы всю жизнь и сидел на бульваре!

– О! Бульваров! А?

– Нет… Это что-то кафешантанное.

– А как вам… ну, скажем… Звездов?

– Чего скромничать, уж лучше сразу – Солнцев!

В кафе впархивает очаровательное круглоглазое создание. Скавронский улыбается, приподнимаясь навстречу барышне. Лёдя насмешливо шепчет:

– Это и есть ваша встреча… деловая?

Скавронский шепчет в ответ:

– Пусть будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает! – И усаживает девушку за столик:

– Прошу, Ниночка! Знакомьтесь, Лёдя, моя протеже – Нина Синявина, мечтает о сцене, собирается к Станиславскому… А это – восходящая звезда Малороссии… э-э-э… ну вы еще услышите его громкое имя! Ниночка, вы приготовили отрывок?

Барышня молча и часто-часто кивает. Скавронский вальяжно машет рукой:

– Ну-с, прошу!

Барышня робеет:

– Прямо… здесь?

– А почему бы и нет? Привыкайте к публике!

Барышня глубоко вдыхает, как перед прыжком в воду, и испуганно тараторит стихи:

– Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана…

Скавронский перебивает:

– Не верю! – и передразнивает писклявым голосом: – На

груди утеса-великана… Я не вижу утеса! Лёдя, я вас прошу: покажите, как это делают профессионалы…

Лёдя теряется, но почтительный взгляд барышни придает ему смелости. Он прикрывает глаза, принимает театральную позу и басит нараспев:

– Ночева-ала ту-учка золота-ая на груди-и уте-е-еса-велика-а-ана… – И вдруг оборачивается к Скавронскому: – А как вам – Великанов?

– Великанов? С вашим-то ростом?

Лёдя обиженно надувается. Скавронский подхватывает под руку барышню:

Ниночка, пойдемте, вам нужны более глубокие и проникновенные знания! А вас, коллега, я оставляю в раздумьях!

Скавронский и барышня направляются к выходу.

А Лёдя, и верно, остается в напряженных раздумьях:

– На груди утеса-великана… Грудинин?.. Тьфу, бред! Утеса-великана… Утес! Утесин?.. Нет… Утесский? Нет… Утесов? А что, звучит – Утесов! Да! Утесов!

Лёдя выбегает из кафе за ушедшим Скавронским:

– Послушайте, а как вам – Утесов?

Но Скавронского уже и след простыл. А по улице идут люди, и все они заняты своими делами, и думают свои мысли, и никто из них даже не подозревает, что вот только что, сейчас, буквально на их глазах, рождается великий артист Лёдя… нет, какой Лёдя – Леонид… да, Утесов!

И он не выдерживает и кричит на всю улицу:

– Утесов!

Эхо многократно повторяет его крик. И кажется, что Лёде вторят улицы, дома, скалы, обрывы, море – вся Одесса:

– Утесов! Утесов!! Утесов!!!

Глава третья
«Пара гнедых, запряженных с зарею»

МОСКВА, ТЕАТР ЭСТРАДЫ, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Юбилейный вечер Утесова продолжается.

Среди поздравляющих деятели искусств перемежаются с представителями общественных организаций. После Аркадия Райкина и Зиновия Гердта на сцене появляются представители МИДа – пожилой сухопарый чиновник и молодая симпатичная женщина.

– Уважаемый товарищ Утесов! – торжественно начинает чиновник. – Разрешите от имени Министерства иностранных дел Союза Советских Социалистических республик зачитать официальную ноту…

Утесов перебивает с усмешкой:

– Только учтите: у меня с детства плохо с нотами – музыкальную грамоту я прогуливал!

Реплика не по сценарию сбивает чиновника, он ищет нужное место в бумажке.

Симпатичная спутница приходит на помощь:

– Дорогой Леонид Осипович! Наша нота очень простая: вы назначаетесь чрезвычайным и полномочным представителем Одессы во всем мире!

Зал аплодирует. Утесов уточняет:

– Чрезвычайный и полномочный – это вроде как посол?

– Совершенно верно – посол, – серьезно подтверждает чиновник.

А женщина-коллега улыбается:

– Да, Леонид Осипович, минуя все предыдущие ступени карьеры дипломата, вы сразу получаете звание посла.

– Почему же – минуя? – удивляется Утесов. – Нет, это просто повышение по службе. Я ведь уже ношу звание консула.

– Как… консула? – теряется чиновник.

Утесов радуется, как ребенок:

– А-а, у нашего МИДа не так уж хорошо работает разведка! – И объясняет залу: – Понимаете, мои земляки-одесситы давно называют меня консулом. Консулом одеколона.

– Одеколона? – еще больше теряется мидовец.

– Да, консул одеколона – то есть одесской колонии. На всем свете!

Зал смеется. Мидовцы вручают Утесову грамоту. Он целует ручку даме.

– Одесситы все такие галантные? – улыбается она.

– Абсолютно! Вся Одесса – от семи до семидесяти! – И спохватывается: – Нет, и после семидесяти – тоже!

Зал опять смеется, аплодирует.

А Утесов, подхватывая одесскую тему, направляется к микрофону:

Одесский порт
В ночи простерт,
Маяки за Пересыпью светятся.
Тебе со мной и мне с тобой
Здесь, в порту, интересно бы встретится.
Хотя б чуть-чуть со мной побудь,
Я иду в кругосветное странствие.
В твой дальний край идет трамвай
Весь свой рейс до шестнадцатой станции.

ОДЕССА, ЛЕТО 1912 ГОДА

Да, это все Одесса – и старый порт, и трамвай на шестнадцатую станцию Аркадии, и улочки Молдаванки и Пересыпи, и Французский бульвар, и Греческая площадь, и пляжи Ланжерона, и конечно – море, море, море…

Я не поэт
И не брюнет.
Не герой, – заявляю заранее.
Но буду ждать и тосковать,
Если ты не придешь на свидание.
Шумит волна, плывет луна
От Слободки на Дальние Мельницы.
Пройдут года, но никогда

Это чувство к тебе не изменится.

Лёдя, радостно перепрыгивая через ступени лестницы и не замечая ее крутизны, поднимается от порта на Николаевский бульвар. В руке его – большой бумажный рулон.

В этом радостном порыве Лёдя влетает в дом, где мама Малка штопает носки, натянув их на деревянный грибок, а папа Иосиф собирает на столе бумаги в свой рабочий саквояж. Лёдя на глазах онемевшего папы перебрасывает его саквояж со стола на стул, а вместо него раскатывает на столе бумажный рулон. Это – театральная афиша. И с театральным же широким взмахом руки Лёдя заявляет:

– Вот! Любуйтесь! И гордитесь сыном!

Папа с мамой недоуменно переглядываются.

– Что это? – обретает дар речи папа Иосиф.

– Читайте! Нет, я сам прочту! «Интермедия „Разбитое зеркало“, денщик – Леонид Утесов»!

– Малочка, ты что-нибудь понимаешь? – жалобно интересуется папа.

– Я понимаю, Йося, что наш сын нездоров своей больной головой, – ставит диагноз мама Малка.

Боже ж ты мой! Бедный Лёдя так долго – можно сказать, всю свою семнадцатилетнюю жизнь – готовился к этой минуте, предвкушал театральный триумф, ожидая от любимых, но не веривших в его актерскую звезду родителей, прозрения и понимания, а возможно – и восторга, и очень даже мо-

жет быть – аплодисментов… Но вместо всего этого – медицинский диагноз.

– Мама! Папа! Ну, о чем вы… Это же я, это – мое имя на афише театра!

Папа Иосиф меняет пенсне на домашние очки с веревочкой, изучает афишу:

– Тут написан какой-то Леонид Утесов… Но я не знаю, кто такой этот Утесов… Леонид…

– Это мой сценический псевдоним! Так делают все настоящие артисты!

– Артисты – возможно. Но я знаю, что моего сына зовут Лазарь Вайсбейн, и что он никакой не артист, а едет работать к дяде Ефиму в Херсон. Вот что я знаю.

– Но папа…

Что – папа? Вайсбейн, чтоб ты знал, в переводе на ваш гойский язык означает – «белая кость». И это звучит гораздо лучше, чем какой-то паршивый утес!

Папа Иосиф сбрасывает со стола афишу и водружает на ее место свой саквояж.

– Я не хочу ехать к дяде Ефиму! – упрямо заявляет Лёдя. – Я работаю в театре!

В разговор наконец, вступает мама:

– Да? Ты работаешь в театре? И за эту работу ты имеешь деньги? Значит, когда я пойду на Привоз, мне взять на продукты у тебя?

– Пока нет, но…

– Что «но»?

– Но я же только начал…

– А кушать ты еще случайно не кончил?

Лёдя уныло молчит. Мама указывает на афишу:

– Передай этому… Утесову, что человек должен не кривляться перед публикой, а иметь в руках хорошую профессию, с которой можно кушать свой кусок хлеба!

В славном городе Херсоне, в лавке «Ефим Клейнер. Скобяные товары и садовый инструмент» – идеальный порядок и четкая иерархия расположения на прилавках и на полках лопат, топоров, молотков, замков, пил, кос…

Дядя Ефим – в отличие от щуплого и суетливого двоюродного брата Иосифа – весьма дородный и неторопливый. Сунув большие пальцы в проймы жилета, а остальными пальцами похлопывая себя по груди, он поучает уныло торчащего за конторкой племянника Ледю:

– Торговля – дело такое: ушами не хлопай, а то выгоду упустишь. К примеру, заходит человек, смотрит товар, а ты примечай, как он смотрит. Если он сразу молоток берет и к руке примеряет, значит – мастеровой, знает-таки, что ему нужно. А если является и спрашивает: «И где тут у вас молотки?», так с этого швицера можно двойные гроши слупить.

– Но это как-то нечестно, – подает голос Лёдя.

– А чего ж нечестного? Пускай ума-разума набирает-

ся. Или вот еще… Покупатель интересуется: «В какую цену, допустим, фунт этих крючков?» Ты говоришь: рубль. И ждешь… Если он не дрогнул, продолжаешь: рубль раньше стоил, а это новая партия – по рублю с гривенником. И опять выжидаешь… Если он снова не дрогнул, заканчиваешь: по рублю с гривенником за штуку!

– Я так не смогу-у! – стонет Лёдя.

– Сможешь. – Дядя Ефим поднимает указательный палец: – Коммерция!

Завершив свое наставление, дядя Ефим уходит обедать – это святое. Конечно, он зовет с собой и Лёдю, но тот с благодарностью отказывается – честно говоря, ему сейчас кусок в горло не полезет.

Оставшись в лавке один, Лёдя бесцельно бродит вдоль полок, заглядывает во все углы, не находя ничего интересного.

Но, возвращаясь к прилавку, Лёдя случайно задевает пилу. Пила дрожит, поет. Лёдя прислушивается к голосу пилы. Берет лезвие косы, проводит им по зубьям пилы, извлекая диковинные звуки. Потом, довольно улыбаясь, берет молоток, отбивает ритм на днище медного таза. Улыбка Лёди становится шире. Он азартно мечется по всей лавке, извлекая какофонию звуков из лопат и серпов, ножниц и совков.

В лавку заглядывает селянка в клетчатом платке. Увидев безумствующего Лёдю, она быстренько ретируется.

А он ее даже не замечает, он продолжает играть на скобяных инструментах, и какофония звуков постепенно склады-

вается в довольно четкий ритм. Лёдя счастливо смеется.

Входит мелкий мужичонка. Поначалу при виде беснующегося Лёди он тоже пятится на выход, но затем осеняет себя крестным знамением и подает голос:

– Хозяин, мне бы гвоздей…

– Хозяина нет! – Лёдя не отрывается от своего музицирования.

– А будет когда?

– Часа через два.

Пожав плечами, мужичонка уходит. А Лёдя в найденном им ритме начинает выплясывать чечетку.

Но покоя ему нет – является мастеровой в картузе, с холщовой сумке через плечо. Этот совершенно не реагирует на странное поведение Лёди и спокойно сообщает:

– Мне треба молоток!

– Хозяин будет через два часа.

– Не, мне треба сейчас.

– Так нету хозяина, иди, иди! – отмахивается Лёдя.

– А ты что тут робишь, если хозяина нет? Ты, что ли, грабитель?

Озадаченный этим нелепым предположением, Лёдя, наконец, прекращает свое занятие.

– Молоток мне треба! – напоминает мастеровой. – А еще шурупов. Больших – фунт, а малых – два.

– Ну, надо – бери! – разрешает Лёдя.

Мастеровой идет к полкам, по-хозяйски отбирает нужный

товар и сваливает его на прилавок перед Лёдей. Лёдя чешет в затылке:

– А сколько…

– Цены мы знаем, – заверяет мастеровой.

Он шевелит губами, что-то подсчитывая, и выкладывает на прилавок пятирублевую купюру. Лёдя растерянно смотрит на деньги, не зная – много это или мало за набранный товар. Мастеровой, уловив его сомнения, гарантирует:

Как в аптеке!

И, загрузив покупки в свою холщовую сумку, уходит.

Лёдя кладет купюру в расходно-приходную книгу и тоскливо смотрит в окно. За окном синее небо, в котором свободно парят какие-то пернатые.

Лёдя решительно вырывает из книги разлинованный под дебет-кредит лист, и размашисто пишет:

Не сердитесь, дядя Фима! Соловей в неволе не поет! Долг верну, когда стану настоящим артистом. С почтением. Лёдя.

Он сует в карман пятирублевую купюру и уходит. Но от дверей возвращается, тщательно зачеркивает «*Лёдя*» и подписывается: «*Леонид Утесов*».

И вновь счастливый Лёдя летит на крыльях надежды по дорогим его сердцу одесским улицам.

Французский моряк в шапочке с помпоном ведет под ручку размалеванную девицу в чуть не лопающемся на ее крутых бедрах шелковом платье. Рука морячка скользит все ниже вдоль спины девицы. А девица тормозит своего спутника у витрины ювелирного магазина и просит сделать ей подарочек – вон тот браслетик. В ответ француз только страстно стонет:

– О, шарман! Шарман!

Девица канючит, складывая губки бантиком:

– Ну, что завел шарманку! Купи мне браслетик!

Француз непонимающе смотрит на нее. Лёдя, наблюдавший эту сценку со стороны, решает вмешаться на французском языке – все-таки учеба у Файга принесла свои плоды.

– Месье, понимаете, мадмуазель желает браслет…

Моряк отвечает тоже по-французски:

– Я все понимаю. Но, к счастью, она не понимает, что я понимаю!

И тут девица неожиданно взрывается и выдает на вполне сносном французском:

Да все я понимаю, придурок! Думаешь, такой умный, облапошишь бедную девушку? Вот тебе!

Девица складывает и демонстрирует французу мощный кукиш и гордо удаляется к трамвайной остановке.

Лёдя и моряк переглядываются и произносят растерянным хором:

– Шарман!

Француз, озадаченно покачивая головой, уходит по улице. А Лёдя заскакивает в проходящий мимо трамвай.

Девица уже стоит в вагоне. Увидев Лёдю, усмехается:

– Ну че, шарман – держи карман? Все лягушатники – жадины!

Лёдя выдавливает из себя комплимент:

– А вы неплохо владеете французским.

– Йес. Оф корс.

– И английским? – удивляется Лёдя.

Девица насмешливо щурится:

– Красота моя, ты столько девочек не целовал, сколько я языков знаю!

– Откуда?

– От верблюда! Дуся, это ж Одесса… У нас в порту – весь земной шарик, и этот шарик каждый день хочет поговорить с девушкой за тепло и ласку!

К ним подходит кондуктор:

– Проезд оплачиваем…

Девица лезет в сумочку и меняется в лице:

– Кошелек! Сперли кошелек! Да когда ж успели?!

– Шо вы хотите – это ж Одесса! – объясняет кондуктор, но настойчиво повторяет: – Проезд оплачиваем.

Лёдя видит, как к выходу торопливо пробирается рыжий детина, пряча в карман лакированный кошелечек.

– Стой! Стой, ворюга!

Лёдя бросается за здоровяком. Трамвай останавливается.

Детина выскакивает, за ним выскакивает и Лёдя. Он бежит за вором. Тот – за угол. Лёдя – за ним. И оказывается в каком-то переулке.

Лёдя растерянно оглядывается. Детины нигде нет. А из подворотни появляется мужская фигура в плаще, шляпе, с тростью в руке, затянутой в перчатку. И вежливо, но с ощутимой угрозой интересуется:

– И что это вы хочете от маленького мальчика?

Набалдашником трости мужчина сдвигает шляпу на затылок. Взгляд его не сулит ничего доброго. Но Лёдя приглядывается и расплывается в радостной улыбке:

– Михаил!

Мишка Винницкий с Молдаванки, а теперь – Мишка Япончик, повзрослевший и шикарный, тоже недоуменно приглядывается к Лёде и в свою очередь узнает его:

– Ха! Это ты, что ли? Шкет сопливый, что на Чумке у фраерка гроши отборол и заморышу отдал?

– Я!

Япончик снисходительно усмехается:

– Как не было с тебя толку, так и нету! Ай-ай, у марухи лопатник помыли, так ты уже тут… Какие мы благородные!

Лёдя только вздыхает в ответ.

– Ладно, не журысь! Слово Япончика: нравишься ты мне! Иди, гуляй!

– Спасибо… А деньги?

Япончик хмурит брови:

Ша, телячьи нежности закончились! Какие деньги? Если б тут здесь не я, так мои мальчики тебя бы вообще в расход списали. Держи петуха!

Япончик, стащив перчатку, протягивает руку, и Лёдя пожимает ее.

Он понуро выходит из переулка к трамвайной остановке. А там его поджидает девица и сгребает в объятия.

– Та что ж ты такой дурень! Я ж волновалася! Ты ж такая фитюлька – я думала, тебя уже насмерть убили!

Обиженный Лёдя вырывается из ее объятий и фанфаронит:

– Меня? Убили? Смешно сказать, не то что слушать! Да я ж французской борьбе обучался… Я с них все выбил!

– Молодчик! – радуется девица. – Так давай денежки!

Лёдя оторопел, про это он как-то не подумал. Но надо выкручиваться.

– А сколько там у вас… было?

– Двадцать копеек.

Лёдя лезет в карман, выкапывает на свет божий мелочь – все, что осталось от денег, взятых у дяди Ефима в долг под будущую актерскую славу, и пересчитывает монетки на ладони. Но девица оказывается шустрее его в устном счете:

– Девятнадцать! От босяки! Копейку таки зажали!

Она сгребает монеты к себе в сумочку и осыпает Лёдю лавиной страстных поцелуев. Лёдя опять пытается освободиться из ее объятий. А девица сама вдруг прекращает бур-

ное изъявление благодарности:

– Слухай, ты сбегай – может, они тебе и кошелечек мой вернут? Хороший же был кошелечек…

Лёдя не успевает ответить на эту наглость, как лицо его вытягивается от ужаса: к трамвайной остановке идет папа Иосиф со своим неизменным саквояжем в руке. Увидев Ледю в объятиях вульгарной девицы, папа останавливается, как громом пораженный. Отец и сын смотрят друг на друга. Девица, почуяв неладное, бочком-бочком исчезает. А папа растерянно бормочет:

– Лёдя?.. Как же ж так?.. Лёдя?..

Ничего удивительного, что дома Лёдю опять ждет грандиозный скандал. Папа Иосиф уже не бормочет, а гневно мечет тирады о том, что Лёдя – не сын Рокфеллера, и что поэтому он не может себе позволить кататься туда-сюда, Херсон-Одесса, швыряя деньги на ветер, да еще – совсем стыд! – чужие деньги дяди Ефима, и что вообще это какое-то божье наказание: в семье все люди как люди, а этот – артист!

Брат Михаил не ругает младшенького, а просто кивает в такт справедливым речам папы и выражает свое молчаливое презрение к уроду в семье. При этом он аккуратно вешает свой новенький – белый в синюю клетку – костюм на плечики, отряхивает его щеткой, смахивает пальцем никому не

видимую пылинку, и помещает костюм в шкаф.

Это дает все основания папе указать на Михаила перстом и потребовать, чтобы Лёдя брал таки пример с брата: у него хорошая работа и от всех уважение, вот, на новый костюм себе накопил. Лёдя бурчит, что ему не нужен никакой новый костюм, что у него еще старый костюм – совсем как новый. Но папа пресекает все эти попытки уйти от сути проблемы и ставит вопрос ребром: в лавке Лёдя работать не хочет, а что же он хочет?

Лёдя, недолго думая, сообщает, что он хочет учиться на скрипке.

Брат Михаил лишь презрительно хмыкает и выходит из комнаты. А Лёдя, не обращая внимания на образцового брата, сам себя распаляет этой неожиданно для него самого возникшей идеей: да, он будет учиться на скрипке, и он выучится, и будет давать концерты, причем не только в Одессе, но и гастролировать – Москва, Париж…

Мама Малка, на протяжении всего разговора невозмутимо гладившая белье, ставит утюг, как точку, и сообщает:

– За Париж – я не знаю, а похорон и свадеб на век этого скрипача хватит. Нехай идет учиться к маэстро Гершбергу – он недорого берет…

Сосед по двору маэстро Гершберг, под дверью которого, слушая его скрипку, засыпал трехлетний Лёдя, действительно был известен тем, что брал за свои уроки по-божески и готов был начать обучение в любом возрасте.

Великовозрастный Лёдя изучает музыкальное ремесло у Гершберга в компании трех мальчиков в бархатных курточках и коротких штанишках. Все устроились на детских стульчиках, и Лёдины коленки – на уровне ушей.

– Дети мои, – вещает Гершберг, – основа музыки – это ноты…

– А, ноты! – отмахивается Лёдя. – Музыка – это чувства!

Маэстро снисходительно смотрит на него поверх очков:

– Без нот, дети мои, вы не сыграете никакого даже «Собачьего вальса».

В комнату заглядывает жена маэстро:

– Сема, там пришли! Еще одна сумасшедшая мамаша с худосочным дитем!

Гершберг выходит, бросив на прощание:

– Занимайтесь, дети мои!

Мальчики, уставившись в пюпитры, играют скрипичные этюды. А Лёдя, пытаясь разобраться в нотах, чешет в затылке:

– Китайская грамота! – И просит одного из мальчиков: – А ну, вундеркинд, сбацай этот этюдик!

Мальчик смотрит в ноты Лёди и играет.

– Ну-ка, ну-ка, – прислушивается Лёдя. – Так, что ли?

И довольно точно повторяет на своей скрипке услышанную мелодию. Мальчик показывает смычком в ноты.

– Все правильно, только тут не «до», а «до-диез».

– А, диез-шмиес! Лучше скажите, мне, хлопчики, кто из

вас умеет барабанить?

Мальчики недоуменно переглядываются.

– Понял, шлемазлы! Барабанщик буду я. Мы сейчас сыграем, как на пляже в Аркадии!

Один из вундеркиндов робко возражает:

– А мама говорила, что я буду играть в консерватории.

– Ну, нехай в консерватории. Но в Аркадии!

Гершберг ведет по коридору мамашу в шляпке с цветами на полях и чистенького мальчика с набриолиненным пробором. Маэстро рисует перед гостями радужную картину:

– Сейчас вы будете иметь возможность наблюдать мой академический процесс. Предупреждаю: чтобы овладеть мастерством, нужна строгая дисциплина. Дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина!

Мама согласно и радостно кивает, сын тоскливо втягивает голову в плечи. Гершберг распахивает дверь комнаты и застывает при виде бурного веселья. Лёдя изображает темпераментного дирижера, вундеркинды жизнерадостно наяривают на скрипочках, а Лёдя еще успевает барабанить ладонями на табурете.

У Гершберга глаза лезут на лоб. Прилизанный новичок радостно сияет. Возмущенная мамаша тащит его прочь из комнаты.

Тем временем во дворе появляется юноша-посыльный из гостиницы «Лондонская» – в нарядной ливрее, с вышитым

золотом названием отеля на фуражке. Он подходит к вечному старичку, греющемуся на солнышке.

– Скажите, где живет господин Утесов?

– Нигде, – отвечает старичок.

– Что значит нигде?

– Это значит, что здесь такой нигде не живет.

– Странно… – Посыльный сверяется с запиской, которую держит в руке.

Во двор выходит соседка Розочка с тазом выстиранного белья на крутом бедре.

– Кого вы ищете, молодой человек?

Вечный старичок обижается:

– Какая разница, кого он ищет, если я его не знаю!

– Я ищу Леонида Утесова, – объясняет посыльный. – Но, наверное, я ошибся адресом.

– Нет, это Лёдька Вайсбейн ошибся! – заявляет Розочка. – Причем на всю голову! Идемте, я вас провожу…

Маэстро Гершберг беседует с мамой Малкой на террасе возле их двери. А Лёдя стоит, понурив голову – похоже, это его самая привычная поза и самое привычное занятие: выслушивать нотации за свои безобразия.

– Мадам Вайсбейн, ваш сын – способный мальчик, ничего не могу сказать. Он играет с чувством, у него есть темперамент… Но он не желает учить ноты! А ноты – это основа музыки! Без нот вы не сыграете даже «Собачий вальс»…

– Мне не надо никакой вальс! – обрывает его мама Малка. – Вы столько говорите, что я теряю нить… Вы мне просто скажите: Лёдя играет на скрипке?

– Конечно, играю! – влезает Лёдя.

– Играть – это одно, а музыкальная грамота – это другое! – возмущается маэстро. – Понимаете, мадам Вайсбейн…

– Не понимаю! Играть он умеет?

– Конечно, умею! – опять влезает Лёдя.

Гершберг только закатывает глаза. Появляется Розочка с тазом белья и следующий за нею посыльный. Розочка им любуется:

– Смотрите, кто до вас притопал! Чистый херувимчик!

– Вы – мадам Утесова? – интересуется посыльный.

– Боже упаси! – отшатывается мама Малка.

– Я, я Утесов! – кричит Лёдя.

Посыльный вручает ему конверт:

– Вас ждут в номере-люкс гостиницы «Лондонская» для важного разговора.

– Номер-люкс? «Лондонская»? – Розочка вопит на весь двор: – Аня! Анечка! Что я имею вам рассказать!

Из своего окна высовывается могучая жена мясника Аня:

– Если вы, Роза, про то, шо Моня-сапожник опять напился и опять побил жену Симу, так я уже в курсе…

Лёдя мечется по комнате, лихорадочно пытаясь сообразить, что же ему надеть для ответственного визита в «Лон-

донскую». Там, небось, очень важные господа, а его старый костюмчик, хотя и совсем еще как новый, но в общем-то уже совсем старый, не то что Мишкин… Лёдя, ни секунды не колеблясь, распахивает шкаф. Там висит новенький – синий в белую клетку – костюм брата Михаила.

И вот уже Лёдя в этом шикарном, хотя и висящем на нем, как на вешалке, костюме стучит в солидную, инкрустированную золотом и с золоченой ручкой дверь люкса гостиницы «Лондонская».

– Войдите! – откликается мужской голос.

Лёдя входит в богато обставленный номер, где компания хорошо одетых, холеных мужчин и женщин собралась за столом с шампанским и фруктами. Среди них выделяется очень толстый, неулыбчивый человек в парчовой жилетке, с золотой цепью на животе.

Лёдя слегка пятится, полагая, что не туда попал. Но ему распахивает объятия старый знакомый артист Скавронский:

– Что ты там топчешься, проходи!

Скавронский – как обычно, слегка подшофе – обнимает Лёдю и ведет к толстяку с цепью:

– Шпиглер, это юный талант, о котором я вам говорил!

Исаак Шпиглер, крещеный еврей, был известным антрепренером, владельцем театральной труппы «Буфф». Антреприза его бывала более удачной, бывала менее, но, независимо от суммы денег в кассе, толстяк всегда снимал лучший номер в лучшей гостинице города. Потому что он был уве-

рен, что, как говорили в старой Одессе и как повторяют сегодня, «понты дороже денег».

Лёдя, подталкиваемый другом Скавронским, подходит к Шпиглеру, учтиво склоняет голову и представляется:

– Утесов. Леонид.

А Шпиглер безо всяких представлений указывает ему место за столом и задает вопрос в лоб:

– Петь умеете?

Лёдя не успевает открыть рот, как Скавронский отвечает:

– Я же говорил: у него бархатный голос!

Волоокая дама-вамп в ажурной шляпе, играя жемчужным ожерельем на груди, замечает:

– Вот и хотелось бы, Скавронский, услышать его голос, а не ваш!

Скавронский шутливо раскланивается:

– Как пожелаете, мадам Арендс!

– Мадмуазель, – кокетливо уточняет дама-вамп и оборачивается к Лёде: – Так что же, мы вас слушаем…

Лёдя благодарно улыбается ей, слегка задумывается и не находит ничего лучшего, чем затянуть шедевр, за который когда-то получил свой первый гонорар:

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он…

Шпиглер взмахивает пухлой рукой:

– Хорошо, хорошо! Только учтите: ничего оперного вам день грядущий не готовит. Так – водевильчики, куплетики…

– А я еще на скрипке могу, – сообщает Лёдя.

– Скрипки тоже не надо! Короче, вы желаете работать в нашем театре «Буфф»?

– В театре?! – Лёдя задыхается от неожиданности. – Желаю, да!

– Ваши условия?

– Условия?.. Мои?..

– Ну, не мои же, – смеется красавица Арендс, наблюдая мучения Лёди. – Шпиглер, дайте ему семьдесят, он милый мальчик.

– Семьдесят?! – изумляется Лёдя.

Скавронский под столом наступает ему на ногу. А Шпиглер ворчит:

Таких денег я платить не могу. Если он так хорош, как вам кажется, дам шестьдесят пять. И сейчас— аванс.

Шпиглер отстегивает Лёде из толстого портмоне несколько хрустящих купюр.

Лёдя обалдел от счастья. Такая сумма гонорара – из какой-то сказки. Последний раз он получил два рубля за выход со Скавронским в интермедии «Разбитое зеркало». А тут сразу: семьдесят… шестьдесят пять… целое состояние, дивный сон! Но самый прекрасный сон может легко обернуться

совсем не прекрасной явью, и потому Лёдя поспешно, чтоб не передумали, исполняет ускоренную комическую пантомиму: нервно прячет деньги, не попадая в карман незнакомых брюк Михаила, энергично трясет пухлую руку Шпиглера, обнимает Скавронского и целует ручку Арендс.

Свободной – не целуемой – рукой актриса приглаживает Лёдины кудри.

– У вас красивые волосы… Знаете, Шпиглер, он подойдет на амплуа героя-любовника.

– Посмотрим, – ворчит толстяк.

– Вы убиваете меня, Жанна! – огорчается Скавронский. – Герой-любовник – это же я!

– Только на сцене… – томно замечает Арендс.

Лёдя раскланивается, как китайский болванчик, во все стороны:

– Спасибо! Спасибо! Всем огромное спасибо! – И спешит на выход.

Но его останавливает Скавронский:

– Лёдя! Потратьте аванс с пользой – купите себе фрак.

– Зачем? – удивляется Лёдя.

– Вам придется играть графов и лакеев. И те, и другие в водевилях ходят во фраках.

– Сейчас же куплю! – обещает Лёдя.

Арендс смеется низким хрипловатым смехом:

– И костюмчик купите. Этот вам не совсем впору…

Лёдя растерянно одергивает полы костюма брата.

А дома разъяренный Михаил мечется в нижнем белье: у него через час встреча с управляющим банка, а его замечательный новый костюм куда-то исчез. Папа Иосиф бессмысленно перерывает небогатый набор вещей в шкафу, как будто костюмчик мог затеряться в этом пространстве. А мама Малка лезет под кровать и достает оттуда скомканную одежду.

– Это Лёдька!

Брат Михаил воздевает руки к потолку:

– О, боже! Из-за этого шлемазла я погорю на службе! Скотина!

– Монечка, – укоряет папа Иосиф, – это все ж таки твой брат…

– Это не брат! Это наказание господне!

Если пройти по Тираспольской улице вверх до Старопортофранковской, то эта дорога приведет на площадь, которую одесситы называли «толчок» или «толкучка». И то, и другое наименование исчерпывающе описывало место, где с утра и до вечера толклись желающие продать и мечтающие купить. Причем и те, и другие проявляли гениальное умение торговаться – естественно, каждый в свою пользу.

Лёдя бредет вдоль ряда торговцев одеждой. Его окликает интеллигентного вида продавец:

– Мусье, что вы желаете приобрести?

– Фрак, – не без гордости сообщает Лёдя.

– О, фрак – это вам не пальто! – уважительно кивает интеллигент.

Его коллега – дядька попроще – немедля встревает в разговор:

– Какое пальто? Пальта нету.

– Что он говорит? – откликается третий продавец. – Он говорит, что у него нет пальта? Это прямо-таки смешно: не иметь пальта для такого милого студентика!

– Я не студент, – уточняет Лёдя.

Вот и я думаю, откуда у студента средства на такое шикарное пальто, как я имею предложить? Вот, с диагоналевой подкладкой дубль-фас! Прямо с Парижа! А ну, прикиньте, мусье…

Продавец набрасывает пальто на Лёдю, сдувая невидимые пылинки с видавшей виды одежки.

– Да не нужно мне пальто! – отбивается Лёдя.

Может быть, вы беспокоитесь, что оно станет вам слишком дорого? Так не волнуйтесь, мы договоримся! Яша, поможи!

Вдвоем с помощником продавец втискивает Лёдю в пальто.

– Да оно мне широко…

– И где?! – Продавец собирает в кулак пальто сзади. – А ну, попробуйте застегнуть.

– Не застегивается… Узко…

– А теперь? – Продавец отпускает пальто.

– Теперь – широко…

– Так я ж говорю: это не пальто, а сказка! Вам надо – оно узкое, не надо – широкое!

Лёде все-таки удается освободиться от пальто.

– Я хочу купить не пальто, а фрак!

– Что вы капризничаете, где я вам возьму фрак? Что у меня тут – оперный театр?

Лёдя спасается бегством из ряда верхней одежды и оказывается шляпном ряду. Его тут же цепляет торговец с широкополой шляпой из мягкого фетра:

– Вот эту вещь вы надеваете, так любой банк дает вам кредит! А ну, накиньте на головку!

Лёдя не удерживается и водружает роскошную шляпу на голову. А торговец отворачивается от него и приказывает мальчишке-посыльному:

– Бежи на склад, возьми еще партию этих шляп, скажи: забрали последнюю!

Затем он поворачивается к Лёде и озабоченно смотрит поверх его головы.

– Слушайте, а где тот жлоб, шо мерил шляпу?

Лёдя доверчиво клюет на простенькую приманку:

– Это же я…

– Нет, – качает головой продавец, – тот был такой простой парень…

– Да я это, я! – продолжает клевать на его удочку Лёдя.

Продавец отступает на шаг, картинно закатывает глаза:

– Не может быть! Князь, ей-богу, князь! В этой шляпе вы можете идти на прием к самому градоначальнику!

И дальше по толкучке Лёдя идет уже в новой шляпе.

Наконец он набредает на сидящих в тени под деревом старичка и старушку. Старушка держит на коленях облезлый страусовый веер и шелковые бальные туфли. Она спит. А над старичком на ветке дерева покачивается поношенный фрак.

– Сколько стоит фрак? – интересуется Лёдя.

– Сколько стоит? – вздыхает старичок. – Всю мою жизнь! – но потом все-таки уточняет: – Десять.

И начинается великая одесская торговля.

– Десять… чего? – удивляется Лёдя.

– Чего? Рублей! – оживляется старичок.

– А-а, я думал – копеек…

Лёдя делает вид, что уходит. Старичок его останавливает:

– Ну, пять!

– Чего?

– Рублей.

– Два!

– Чтоб вы были так здоровы за такие деньги!

– Хорошо, еще пятьдесят…

– Чего – пятьдесят?

– Копеек.

– Чтоб вы так ночью видели солнце!

– Могу дать еще рубль.

– Можете. Но на фрак вам не хватит.

– Ну, полтора.

– Давайте руку, и на четыре мы покончим!

– Я не знаю никакие четыре! Скиньте хоть рубль…

– Скидаю рубль. Но – пополам.

– Уже договорились!

Вспотевшие, но довольные торговлей партнеры производят обмен денег на фрак.

А старушка вдруг просыпается и кричит вслед уходящему Лёде:

– Купите веер, молодой кавалер! Хороший веер! Почти новый…

Дома мама Малка властно утихомиривает все еще бушующего Михаила:

– Прекрати геволт! Я тебе одолжу костюм у Бени-парикмахера.

Миролюбивый папа Иосиф радуется любому выходу из положения:

– Вот! У Бени таки справный костюм!

Но пойти к Бене мама не успевает – появляется сияющий, как новая монета, Лёдя в довольно странном наряде – фрак и широкополая шляпа. По мышкой у него бумажный сверток.

Папа с мамой застывают в изумлении. Михаил бросается к брату:

– Шлемазл! Где мой костюм?

Лёдя отдает ему сверток:

– На! Я такой фасон не ношу!

– Лёдя… а что это… на тебе? – лепечет папа.

– Что-что – фрак! Получил деньги – и купил.

– Какие деньги?.. Где ты их получил? – спрашивает мама.

– Ну, где я могу получить деньги? – Лёдя снисходительно улыбается такой наивности: – Конечно, в театре!

Провинциальная театральная жизнь начала века. Комедии и трагедии, драмы и водевили… Все страсти в них изображались крайне преувеличенно. Если слезы, то в три ручья, если смех, то до колик. И зрители откликались такими же бесхитростными, порой до примитива, но очень искренними эмоциями.

Лёдя впервые едет на гастроли – в поезде с театром «Буфф». Он уже ощущает себя своим в компании, собравшейся в купе. Ну, не совсем, конечно, на одной ноге с бывалыми актерами, но все же довольно свободно поддерживает разговор, удачно отвечает на их театральные байки своими одесскими анекдотами, а когда Скавронский протягивает ему бокал вина, Лёдя бокал принимает.

На это немедленно реагирует волоокая вамп Арендс:

– Что я вижу? Вы, наконец, решили стать испорченным мальчиком?

– Ваше общество пьянит сильнее, чем вино! – выпаливает Лёдя.

– Ого! – смеется актриса – Вы еще и выбиваетесь в донжуаны? Дамам следует вас опасаться!

Нет, все-таки светская львица, от одного взгляда которой Лёдя то бледнеет, то краснеет, а в общем – любовно млеет, ему пока что не по зубам. Он смущается и, не умея еще фехтовать репликами в подобных беседах, принимает традиционное спасительное решение – выпивает бокал до дна.

А вниманием компании завладевает лохматый мужчина:

– У нас поставили Белохолмского. Одно представление, второе, пятое… Автор прибегает в дирекцию и кричит: «Вы что, нарочно мою пьесу в репертуар ставите, когда публики нет?»

Слушатели смеются. А лохматый продолжает:

– А как-то Костя с Володей поссорились. Костя говорит: «Как ты смеешь всем говорить, что я – бездарь!» А Володя ему: «Ну, извини, я не знал, что это – твоя профессиональная тайна!»

Все опять смеются. Арендс, подсаживается поближе к Лёде. Он спрашивает у нее шепотом:

– А кто эти… Костя и Володя?

– Станиславский и Немирович-Данченко, – шепчет она в ответ.

Лёдя изумленно косится на лохматого:

– А кто же он? Тоже режиссер?

– Берите выше! Это Коля Литвинов, по прозвищу Пушок. Про Станиславского он, конечно, привирает, но Пушок – то-

же важный человек. Суфлер!

– Суфле-ер, – пренебрежительно тянет Лёдя.

– Наивный юноша, от суфлера очень многое зависит. Каждые два дня – новая пьеса, выучить роль наизусть – никакой возможности. А суфлер подскажет… или нет. Так что постарайтесь ему понравиться.

– Я бы предпочел понравиться вам! – восклицает Лёдя.

Арендс смеется своим волнующим хрипловатым смехом. В купе заглядывает сморщенный старичок:

Коллеги! Нельзя ли потише? Некоторые люди в это время уже отдыхают!

Изложив свое требование скрипучим голосом, старичок удаляется.

Арендс предупреждает очередной вопрос Лёди:

– Это наш куафер.

– А кем работает… Куафер?

– Куафер – не фамилия, а как раз работа. – Арендс безо всякого стеснения треплет вихры Лёди. – Вот когда он завьет вам волосы так, что до старости не распрямите, тогда и поймете, кто такой куафер!

Шпиглер отбирает у Скавронского бутылку:

– Вам хватит!

– Да что вы, я – как стекло!

– Причем очень хрупкое. Если вы на гастролях разобьетесь…

– Исключено! Я же кремень!

– Стекло… Кремень… Да будьте вы просто человеком! – устало вздыхает Шпиглер.

Потом в отдельном купе происходит то, что рано или поздно должно было произойти. Лёдя барахтается в шелковом и кружевном ворохе платья Арендс. Она смеется хрипло и призывно:

– Мальчик… Милый мой мальчик… Погоди, я сама, сама расстегну… Ой, осторожно, порвешь… Ну, иди же, иди сюда скорее…

Лёдя падает в объятия умелой искусительницы.

Не слишком большой, но и не малый, а главное – любимый театральными гастролерами город Кременчуг. Довольно много каменных домов, но по преимуществу деревянные, огороженные потемневшими заборами.

На одном заборе висит афиша:

Сегодня будет представлена
пьеса «Отелло» Вильяма Шекспира —
любимца кременчугской публики!

Под афишей свинья сосредоточенно чешет бока о забор.

На сцену под аплодисменты выходят в финальном поклоне Скавронский – Отелло, Арендс – Дездемона, Ирский – Яго. А Лёдя в костюме шута стоит во втором ряду, где топчутся Кормилица, Эмилия и другие второстепенные персонажи бессмертной трагедии.

– Автора! Автора! – скандирует публика.

Артисты поклонились и ушли, а публика все требует:

– Ав-то-ра! Ав-то-ра!

Появляется Шпиглер и сообщает:

– Почтенная публика! Автор не может выйти, потому как он уже умер.

Наивная публика – та самая, любимцем которой, по утверждению афиши, является Шекспир, при известии о его кончине сочувственно затихает. Одна дама даже утирает глаза платочком.

За кулисами Шпиглер объявляет:

– Господа артисты! Завтра – водевиль «Игрушечка». Граф Шантерель – Ирский, граф Лоремуа – Утесов. Роли возьмете у Пушка.

Арендс, проходя мимо Лёди, волнующе шепчет:

– Жду вас после ужина…

– Да-да, конечно! Жанна, а кто этот граф Лоремуа?

– Обыкновенный рамоли.

– Рамоли?..

– Ну, противный старикашка, лет под восемьдесят…

– Восемьдесят?! – ужасается Лёдя.

Да, но он очень любит хорошеньких молоденьких девушек, – Арендс взмахивает газовым шарфиком Дездемоны перед носом Лёди, – и совершенно равнодушен к хорошеньким молоденьким мальчикам!

Она удаляется, оставляя юношу в полном недоумении.

Весь день Лёдя проводит в муках: как ему, мальчишке, играть восьмидесятилетнего старика? Он усиленно горбится, ходит шаркающими мелкими шажками, прихрамывает, пытается бормотать невнятным старческим голосом, потом решает, что граф подслеповат, и принимается ходить по комнате, натыкаясь на предметы.

Так ничего и не придумав и придя от этого в отчаяние, Лёдя вечером перед спектаклем надевает фрак с черной бабочкой и усаживается в гримерной, безнадежно глядя на себя в зеркало. Потом сжимает лицо, чтобы оно покрылось морщинами, но, разумеется, как только он убирает руки, лицо снова разглаживается.

Входит старичок-куафер и подает Лёде парик-лысину. Лёдя вертит его, не зная, что с ним делать. Куафер отбирает парик и умело водружает его на голову Лёди.

– Спасибо! – облегченно благодарит юноша.

– Учитесь обходиться сами, – скрипит куафер. – Мое дело – только приготовить парик. И смените бабочку!

– Зачем?

– Бабочка отличает графа от лакея. У лакея она – черная, у графа – белая.

– Спасибо! – еще горячее благодарит Лёдя.

А куафер неожиданно улыбается, и голос его теряет скрипучесть:

– Не волнуйтесь. У каждого бывает первая роль.

Он уходит, а в гримерную вбегает тоже молодой, но более

опытный актер Ирский, играющий второго графа.

– Ты чего не гримируешься? До начала – полчаса!

– Сейчас, сейчас, – бормочет Лёдя.

Ирский принимается за грим. Лёдя не в силах признаться, что не умеет этого делать, и находит спасительный выход – просто повторяет все то, что делает партнер.

Ирский рисует морщину на лбу. Лёдя рисует такую же.

Ирский наводит чахоточный румянец на щеки. Лёдя поступает так же.

Ирский приклеивает кудрявые бачки. Лёдя делает то же самое.

А потом на сцене появляются внешне абсолютно одинаковые, как близнецы, два графа – два старичка на полусогнутых дрожащих ногах.

Публика в зале смеется уже только от одного этого сходства.

Пушок в суфлерской будке хихикает и показывает артистам большой палец.

И Арендс – в роли горничной – с трудом удерживает смех, пряча лицо в бутафорском букете, который она несет к столику с вазой.

– Ах, какой милый розанчик! – блеет Лёдя, граф Лоремуаль

– Это не розанчик, ваше сиятельство, это, изволите видеть, ромашки! – кокетничает Арендс.

– О да, ромашки, какие ромашечки! – Лёдя наводит лор-

нет на вырез платья Арендс, тоже украшенный цветочками.

– Ваше сиятельство, вы меня смущаете! – хихикает горничная.

– Это вы меня смущаете, моя милая! – напирает на нее граф.

– Что вы пристаете к моей горничной? – вмешивается второй граф, Ирский. – В вашем возрасте такие волнения вредны для здоровья!

– Какой возраст? – возмущается Лёдя. – Я моложе вас!

– Ах, на целых три часа! – насмешничает Ирский.

– Да, но за это время до вашего рождения я успел соблазнить мою кормилицу! – победно завершает Лёдя.

Благодарная публика хохочет.

А назавтра Лёдя носится по театру, размахивая местной газетой.

– Читали? – налетает он на Скавронского. – Вот: «Недурно играли Ирский и Утесов». Читали?

– Это успех, – снисходительно похлопывает его по плечу Скавронский.

Счастливый Лёдя бежит дальше. И тычет всем под нос газету.

В гримерной – куаферу:

– Вот, вот: «Недурно играли Ирский и Утесов»…

В суфлерской будке – Пушку:

– Недурно! Понимаете: не-дур-но!

Последний вариант Лёдя уже выпевает, как песню, в но-

мере Арендс.

– Неду-урно-о игра-али И-ирски-ий и Уте-е-есов!

– Мальчик мой, ты так возбужден…

– Но это же первая в моей жизни рецензия! Первая!

– Да, нужно это отметить…

Обольстительная дама обвивает руками шею Лёди. Газета с первой рецензией падает на пол из его слабеющих рук.

Раз в неделю Шпиглер раздает жалование артистам. Вручает конверт и Лёде.

Лёдя отходит в сторонку, заглядывает в конверт, но жалование из его рук нагло выхватывает Пушок. Суфлер оценивает сумму и заявляет, что новоявленному премьеру совершенно необходимо отметить свою первую сценическую викторию.

Лёдя растерян, не зная, как отказать и без того вечно пьяному Пушку. Но скользнувшая к ним Арендс, как ни странно, поддерживает суфлера, убеждая Лёдю, что первый успех следует обмыть непременно. Лёдя предполагает, что они хотя бы сделают это втроем, но Арендс ссылается на разыгравшуюся у нее мигрень. И уже потом, наедине, напоминает Лёде то, что уже объясняла ранее: нельзя ссориться с Пушком, потому что от суфлера зависит очень и очень многое в спектакле. Так что надо потерпеть, милый Лёдя, надо потерпеть.

И Лёдя терпеливо выслушивает в ресторане, как уже изрядно захмелевший Пушок третий час травит свои байки.

– Иду я по Кузнецкому с Колькой, встречаю Пашку и Мамонта. Желаешь, говорят, с нами выпить? Только свернули на Дмитровку – на глаза нам Костя. Ты-то, говорит, как раз мне и нужен. И стал меня уговаривать: «Переходи в мой в театр! Ты же талантище!»

– Костя – это Станиславский? – догадывается Лёдя.

– А кто же еще!

– А Пашка и этот… Мамонт?

– Ясное дело: Орленев и Мамонт-Дальский.

– А Колька?

– Надоел ты со своими расспросами! Кто Колька, кто… Ну, считай – император Николай Второй!

Лёдя изумлен. Пушок машет официанту:

– Человек! Еще икры и водки!

Лёдя не без напряжения поглядывает на уже опустошенные графины и блюда. Пушок обнимает его за плечи.

– Ты – талант, какой редко встретишь! Поверь, я ведь всех знаю… Тебя ждет большая сцена! Пора, пора тебе в Москву, в Петербург…

Несмотря на явную алкогольную подоплеку этих комплиментов, Лёдя – как и любой тщеславный актер – принимает их за чистую монету и расцветает:

– Спасибо! Очень тронут вашими словами! Но я, увы, не могу в Москву…

– Что значит – не могу? Трусишь?

– При чем здесь трусишь… Черта оседлости.

– Какая еще к чертям черта!

– Ну, евреи не имеют права жить в больших городах.

– Все-все евреи? – удивляется Пушок.

– Кроме купцов первой гильдии, врачей, адвокатов… И проституток

В мутных глазах Пушка ощущается тяжелое движение мысли.

– Ну, для купца у тебя кишка тонка… Врач, адвокат – тоже… Выходит, тебе остается одно…

– Чего-о? – гневно приподнимается Лёдя.

– Ты что, что! – Пушок стучит себя кулаком по лбу. – Остатком ума тронулся? Я имею в виду, тебе остается одно: крестись – и езжай, куда хочешь!

– Нет.

– Почему? Бог-то один!

– Бог один, но и отец у меня один. Не могу я его предать. Да и врать не хочу – ни ему, ни себе! – Лёдя указывает пальцем в небо, а потом тычет себе в грудь.

Официант приносит заказ – икру и водку. Пушок наполняет рюмки и пьяно всхлипывает:

– Ты дурак! Но – благородный. Уважаю!

Суфлер залпом выпивает и от переизбытка чувств лезет целоваться с Лёдей. Но на полпути вдруг останавливается и вскидывает палец:

– Вспомнил! Ну да, точно! Мы же ставили в Жмеринке «Честь за честь».

Несмотря на опьянение Пушок не просто цитирует, а еще и актерски разыгрывает монолог героини: «Прости меня, бедная моя мамочка! Я зарегистрировалась как проститутка, чтобы поехать учиться в Петербург… Я хочу стать доктором, мое призвание помогать людям… И за эту высокую честь я жертвую своей честью!»

Пушок всхлипывает, роняет голову на стол и тут же издает могучий храп.

Официант подходит к Лёде:

– Я полагаю, счет следует подать вам?

Лёдя со вздохом лезет в карман.

На следующий день в театре дают водевиль «Теща в дом – все вверх дном».

Арендс – в пышных юбках купчихи – произносит реплику:

– Дорогой зятек, какой прекрасный нынче денек!

И выжидающе косится в суфлерскую будку. А там спит еще хмельной после вчерашнего Пушок, свесив голову на грудь. Актеры как могут тянут паузу.

– Да-а, день прекрасный… – говорит зять-Лёдя.

– Редко выдаются такие замечательные деньки… – вторит сосед-Ирский.

В суфлерскую будку врывается Шпиглер, трясет Пушка, тот вскакивает, не понимая, что происходит, и листки с текстом пьесы рассыпаются по полу. Пушок и Шпиглер ползают на четвереньках, сталкиваясь лбами, и собирают пьесу.

На сцене Лёдя пытается как-то двинуть действие дальше:

– А мама-то упала с балкона! – И добавляет безнадежно: – Причем в такой прекрасный денек…

Публика смеется. А на сцене снова тягостная пауза.

Тем временем Пушок, собирая страницы, опять сталкивается лбом со Шпиглером, и вскрикивает:

– Черт, ну, что за дурацкий день сегодня!

Ирский, обрадовавшись поданной суфлером реплике, послушно повторяет за ним:

– Черт, ну что за дурацкий день сегодня!

– Да, совершенно дурацкий! – вторит ему Лёдя.

И опять на сцене пауза.

Шпиглер находит нужную страницу, сует ее Пушку и уходит. А Пушок радостно восклицает:

– Нашел восемьдесят третью страницу – играйте!

– Нашел восемьдесят третью страницу – играйте! – звонко объявляет Ирский.

Арендс и Лёдя смотрят на него, как нас сумасшедшего.

А Пушок, желая смочить пересохшую глотку, хватает стакан, но тот пуст.

– Ни одна сволочь чаю не принесет! – рычит Пушок.

– Ни одна сволочь не принесет чаю! – патетически восклицает Арендс.

Лёдя ломается пополам от еле сдерживаемого от хохота.

Пушок, наконец, приходит в себя и шипит:

– Да не то! Не то! – и читает по тексту: – «Если бы не моя

мама, даже имение пошло бы с молотка!»

– Не то что имение, даже моя мама пошла с молотка! – восклицает Ирский.

Пушок выразительно вертит пальцем у виска.

Лёдя тоже послушно крутит пальцем у виска Арендс.

– Да как вы смеете! – не по роли, а от себя возмущается Арендс.

А Пушок в будке машет новой страницей:

– О! Вернемся к прошлому – нашел шестьдесят вторую!

– Вернемся к прошлому, – бормочет Лёдя, косясь на разъяренную Арендс. – Я нашел шестьдесят вторую…

– Кого – шестьдесят вторую? – визжит Арендс.

– Маму?.. – растерянно предполагает Лёдя.

А Пушок отыскал нужную страницу и счастливо сообщает:

– Дорогой зятек, какой нынче прекрасный денек!

– Это я уже говорила! – топает ножкой Арендс.

– Ну, тогда скажите, что денек ужасный! – обижается Пушок и швыряет собранные с таким трудом страницы многострадального текста.

Взбешенный Шпиглер собственноручно опускает занавес.

Но зрители, как ни странно, с энтузиазмом аплодируют всей этой водевильной белиберде.

Всклокоченный и мрачный Пушок поджидает Лёдю у выхода из театра.

– Шпиглер, скотина, уволить грозится! Да ладно, меня

Станиславский звал! Пойдем скорей, здоровье поправим…

– Но у меня нет денег.

– Чего? – морщится Пушок.

– Вы же… то есть, мы же вчера… все пропили… то есть проели…

Пушок, покачиваясь на нетвердых ногах, уничижительно смотрит на Лёдю.

Черт знает что! Всякое дерьмо на сцену лезет! Никакого благородства!

И суфлер удаляется, полный ледяного презрения к Лёде.

А из театра выкатывается сердитый Шпиглер:

– Где Скавронский?

– Не знаю… Видел его вчера…

– А со вчера его никто не видел! Болван!

– Скавронский? – уточняет Лёдя.

– Нет, я – старый доверчивый болван! А Скавронский – алкоголик!

– Вроде не похож…

– Откуда вы знаете, похож – не похож!

– У нас на Слободке был сапожник Юсупка – алкоголик, так по нему сразу было видно…

Запомните, юноша: от артиста до сапожника – всего пара лет пьянства! – Шпиглер ослабляет галстук, тяжело дышит. – А на завтра бенефис объявлен – «Разведенная жена». Все билеты раскупили… Что делать?!

Огорченный Шпиглер направляется к входу театра.

Лёдя робко останавливает его:

– А что если… а можно… а я за Скавронского сыграю?

– Ой, не смешите! Как это вы за него сыграете?

Шпиглер опять хочет уйти, но Лёдя, уже вдохновленный своей идеей, удерживает его за руку:

– Пожалуйста! Ну давайте, ну попробуем, я смогу!

Шпиглер смеривает Лёдю долгим взглядом.

– А ну, пойдемте!

Они идут в театр, разговаривая на ходу:

– Вы что, все арии его знаете?

– Знаю!

– И дуэт?

– И дуэт!

– А танцы?

– И танцы! Я же на всех репетициях был…

В костюмерной Арендс примеряет вуалетку. Шпиглер за руку выводит Лёдю пред ее ясны очи.

– Жанна! Этот юноша заверяет, что способен заменить в «Разведенной жене» вашего Скавронского.

– Во-первых, Скавронский не мой, – холодно отрезает Арендс, затем взгляд ее теплеет: – Но во-вторых, этот юноша действительно на многое способен.

– Большой риск! – восклицает Шпиглер.

– А кто не рискует, тот не пьет шампанского! – Арендс отбрасывает вуалетку и предлагает Леде: – Дуэт из второго акта. На маскараде.

– Муж и жена под масками не узнают друг друга? – уточняет Лёдя.

– Да-да. Готовы?

– Готов!

Арендс и Лёдя, используя подручные средства костюмерной – шарфик, боа, шляпка, поют и танцуют зажигательный дуэт.

КАРЕЛ-ЛЁДЯ
Вдруг Домино походкою проворной
Спешит к кому-то в тесноте.
И хоть лицо прикрыто маской черной,
Твердило все о красоте.
Пред кавалером элегантным стала
И на ушко шепнула так:
«Сегодня я в газете прочитала,
Что был расторгнут по суду твой брак».
Тот ей в ответ: «О, да, Амур!»
И взял ее на вальса тур…
Потанцуем, чтоб я мог
Передать их диалог.

ЯНА-АРЕНДС
Можно! Можно! Можно!

КАРЕЛ
Так ты танцуешь, словно жена.
Ты вальсируешь, словно жена…

Так ты пикантна, словно жена.
Глазки у маски, как у жены.
Держит головку так, что сноровку
Узнал сразу жены!

Блистательный дуэт Арендс и Лёди завершается уже не в костюмерной, а на сцене театра:

ЯНА
А после танцев ужин в кабинете,
Сидят вдвоем на канапе.
Готов забыть он с нею все на свете,
Хватив бутылки две фраппе.
Горят глаза, ждет от красотки ласки,
Твердит, должна понять сама,
Что нам с тобой не нужны больше маски,
Я от тебя, как видишь, без ума.
Она ж заботливо в ответе: «О, нет, мой друг!»
И слышит звуки вальса вдруг…
Потанцуем, передам
Все, что говорилось там.

КАРЕЛ
Охотно! Охотно! Охотно!

ЯНА
Так ты танцуешь, как мой супруг.
Ты вальсируешь, как мой супруг.
Так элегантен, как мой супруг.

Так ты пикантен, как мой супруг.
Страсти во власти, как мой супруг.
Ты обнимаешь и опьяняешь
Совсем, как мой супруг!

Бенефис Лёди решено отметить тем же вечером в ресторане. Коллеги, как только что публика в зале, рукоплещут Лёде и вручают ему цветы, поздравляют его и предрекают большое будущее юному таланту.

Шпиглер подает Лёде сверток в шелковой бумаге с ленточкой в качестве презента от всей труппы на долгую память. Лёдя в радостном нетерпении разворачивает сверток. Там – серебряный портсигар и коробок спичек в серебряной же оправе.

Лёдя смущенно вертит подарок и душевно всех благодарит, хотя при этом замечает, что он не курит. Арендс утешает его, напоминая, что совсем недавно он и не пил. Артисты смеются. Пушок наполняет свой бокал и снисходительно-примирительно предлагает выпить за истинный талант, в мощности которого он, Пушок, оказывается, ни минуты не сомневался. Все выпивают. И Лёдя – до дна. Хотя он и так уже вполне навеселе.

И когда коллеги просят его спеть, он не заставляет себя долго упрашивать, берет свою гитару и выдает душераздирающий романс:

Пара гнедых, запряженных с зарею,

Тощих, голодных и жалких на вид,
Тихо плететесь вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имели лихих.
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых, пара гнедых.

Лёдя берет пару страстных аккордов на гитаре и продолжает, влюбленно глядя на Жанну Арендс:

Грек из Одессы, еврей из Варшавы
Юный корнет и седой генерал,
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.
Где ж вы теперь, какой новой богини
Ищете вы в идеалах своих?
Вы, только вы и верны ей поныне,
Пара гнедых, пара гнедых.

Красавица Арендс только загадочно посмеивается, не разделяя страстей Лёди и не усматривая никаких аналогий между собой и героиней его песни. А Лёдя, наивный влюбленный Лёдя еще больше распаляется от ее загадочной улыбки.

Тихо туманное утро в столице,
Улицей медленно дроги ползут.
В гробе сосновом останки блудницы

Пара гнедых еле-еле везут.
Кто ж провожает ее на кладбище?
Нет у нее ни друзей, ни родных…
Несколько только оборванных нищих
Да пара гнедых, пара гнедых.

Лёдя напоследок ударяет по струнам, и в воздухе дрожит, постепенно уплывая, прощальный аккорд. Коллеги аплодируют Лёде. Он польщенно раскланивается, пытаясь поймать взгляд Арендс. Но взгляд ее устремлен в другую сторону – от соседнего столика к театральной компании направляется бравый офицер.

Он отвешивает поклон Арендс и просит почему-то у Шпиглера разрешения пригласить даму на вальс. Лёдя мгновенно петушится и сообщает офицеру, что, во-первых, это его, Лёдина, дама. На что офицер насмешливо раскланивается и просит у юноши «пардона». Но Лёдя не унимается и сообщает, что, во-вторых, его дама танцует только с ним.

Но тут уже Арендс величественно поднимается из кресла и в тон Лёде сообщает, что, во-первых, она – ничья дама, а во-вторых, она танцует с тем, с кем хочет. Актриса кладет руку на плечо офицера, он приобнимает ее за талию, и они уносятся в ритме вальса.

У обиженного Лёди по-детски дрожит подбородок.

Арендс и офицер танцуют блистательно. Он что-то шепчет ей, она кокетливо смеется.

Лёдя бухает себе в бокал коньяка. Шпиглер придерживает

его руку, напоминая свое недавнее предостережение, что от артиста до сапожника – всего лишь… Но Лёдя, не дослушав его, выпивает залпом коньяк. И глаза его лезут на лоб. Причем не только от коньяка, а еще и от того, что он видит, как Арендс под ручку с офицером направляются к выходу.

Всю ночь Лёдя бродит по гостинице, ежеминутно и безответно стучит в номер Арендс, потом снова бродит, проклиная коварную соблазнительницу, выстраивая воспаленным мозгом планы жестокой мести, а затем великодушного прощения.

Остаток ночи он мечется по переулку, с надеждой вглядываясь в каждого входящего в гостиницу и бросаясь навстречу каждому подъехавшему экипажу.

Рассвет застает Лёдю, продрогшего до судорожного стука зубов, сидящим на ступенях гостиницы. Пытаясь согреться, он хлопает себя по груди, по бокам. В кармане что-то звякает. Лёдя достает только что подаренные портсигар и спички, несколько секунд тупо смотрит на них, потом решительно, но неумело закуривает и закашливается.

К гостинице подкатывает открытая пролетка. Лёдя ошеломленно наблюдает, как из пролетки выпрыгивает знакомый офицер, подает руку Арендс, она выпархивает к нему в объятия, но не задерживается в них, а посылает кавалеру воздушный поцелуй и направляется в гостинцу.

Лёдя вскакивает со ступеней преграждает ей путь. Актриса фальшиво играет удивление:

– Мальчик мой, ты не спишь?

Лёдя снова затягивается и мучительно кашляет. Арендс отбирает у него папиросу:

– Не нужно, мальчик, тебе это совсем не идет. Это делается так… – И умело затягивается папиросой сама.

Лёдя с молчаливой болью смотрит на нее. Арендс отбрасывает папиросу, потягивается с ленивой кошачьей грацией:

– Как спать хочется… Спокойной ночи!

– Подожди! Я ждал тебя!

– Зачем?

А ты не знаешь?! Где ты была? Что вы с ним делали?

Лёдя чуть не плачет.

Арендс устало равнодушна:

– Слишком много вопросов…

– Пойдем к тебе!

Лёдя пытается ее обнять, но она отстраняется:

– Не стоит, милый… Еще надо собраться, театр завтра уезжает в Москву…

– Театр – да! Но ты… ты же обещала, что мы вернемся в Одессу! Что будем вместе играть…

Арендс хрипловато смеется:

– Ах, мало ли что обещают в порыве страсти! Ну разве можно сравнить – Одесса и Москва…

– Но ты же знаешь, я не могу ехать в Москву!

– Сочувствую, но…

– Хорошо, я подделаю паспорт!

– Не говори глупостей…

– Я… Я… покрещусь!

– Мальчик, ты явно выпил лишнего.

Арендс поднимается по ступенькам гостиницы. Лёдя плетется за ней.

– Но как же … Как?!

– Я буду вспоминать тебя, – искренне обещает Арендс.

– Но мы же… Мы так близки!

– Не стоит принимать всерьез обычный театральный роман.

– Не говори так! Ты просто шутишь, да? Шутишь?

Лёдя снова пытается обнять Арендс. Она уклоняется. Он хватает ее за платье. Она его отталкивает. Он едва не падает, цепляясь руками за ее шаль. Она вырывается и убегает в гостиницу. Лёдя остается с шалью в руках. Прижимает ее к лицу и бессильно опускается на ступени.

Утром на перроне вокзала одиноко застыл Лёдя.

Артисты машут ему из окон еще стоящего поезда. Ирский и Пушок тащат к вагону нетранспортабельного артиста Скавронского. Тот, заметив Лёдю, хочет что-то сказать, но лишь взмахивает рукой и покорно дает затолкать себя в вагон.

Раздается гудок паровоза. Артисты еще активнее машут Лёде. Он не машет в ответ, он лишь бормочет сквозь стиснутые зубы:

– Ничего! Вы еще про меня услышите! Все вы услышите!

В окне показывается Арендс под ажурной шляпой с большими полями. Она смотрит на Лёдю. Тот отворачивается и шагает прочь. Поезд снова гудит и медленно трогается.

Лёдя уходит по перрону, ссутулившись, засунув руки в карманы пальто, один – против движения поезда…

Глава четвертая
«Скажите, девушки, подружке вашей…»

МОСКВА, ТЕАТР ЭСТРАДЫ, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Разбавляя процессию поздравляющих юбиляра маститых корифеев искусства, на сцену выпускают и подающую надежды творческую молодежь. Ведущий Туманов объявляет:

– Дорогой Леонид Осипович! Вас пришли поздравить молодые артисты.

– Шо, еще моложе, чем я? – удивляется Утесов.

– Нет-нет, моложе вас – никого! – заверяет ведущий. – Скажем лучше так: ваши ровесники. Точнее – ровесницы. Студентки Щукинского училища!

На сцену выпархивает стайка симпатичных девушек с большим бутафорским самоваром. На груди у каждой – табличка: «Маша», «Даша», «Наташа», «Глаша»…

Они ставят самовар перед Утесовым и поют, соперничая друг с другом, борясь за место рядом с юбиляром:

У самовара – вы и ваша Маша!
Да нет, совсем Наташа возле вас!
А вам заварку заварила Саша!
А вот лимончик Даша вам подаст!
Глаша чаю наливает!
А взор Марьяши много обещает!
У самовара вы и ваша… ваша…
Ну кто же – ваша? Ждем от вас ответ!

Девушки пускаются в пляс вокруг Утесова.

А он улыбается, вспоминает…

Одесса, 1913 год

В одесском кабаре Лёдя поет эту же песню и отплясывает канкан с лихим девичьим кордебалетом.

У самовара – я и моя Маша,
А на дворе совсем уже темно.
Как в самоваре чай, кипит страсть наша.
Смеется месяц весело в окно.

Немало воды утекло в жизни Лёди с того печального утра на вокзале, когда поезд увозил коварную красавицу Арендс в недоступную для бедного еврейского артиста Москву, а он шептал вслед: «Ничего! Вы еще про меня услышите!»

Нельзя сказать, что про него уже услышала Москва и тем более вся страна. Но в Одессе Утесов – это уже имя. Лёдя не робкий новичок, а опытный артист, ведущий себя на сцене

легко и свободно. Да и у публики он уже стал любимцем, судя по аплодисментам и цветам, которые летят к Лёде из зала.

Маша чай мне наливает,
И взор ее так много обещает.
У самовара я и моя Маша —
Вприкуску чай пить будем до утра!

Закончив песню, Лёдя спускается с эстрады к столику, где гуляет шумная компания его приятелей. И здесь Лёдя – тоже совсем другой, не романтичный влюбленный, а бывалый донжуан: алая шелковая рубаха навыпуск, шальной блеск в глазах, в одной руке бокал шампанского, в другой – гитара с бантом. На колени к Лёде усаживается девица в чулках с подвязками, выглядывающими из-под пышной юбки. Здесь же и старый знакомый – хмельной артист Скавронский.

– Эх, Лёдька, куда ж я без Одессы! – роняет он нетрезвую слезу. – Уж как просили: останься в Москве! А я – нет, не могу, в Одессу мне, в Одессу…

– Хорош врать! – смеется Лёдя. – Пил наверняка, вот тебя и вышибли!

– Ну, пил, – не спорит Скавронский. – Ну, вышибли…

– Так выпьем еще, я-то старого друга не выгоню!

Лёдя наливает шампанское Скавронскому, себе и девице на своих коленях.

Но выпить он не успевает – чувствует на себе чей-то

взгляд и оборачивается. В дверях ресторана застыла – вся из себя сплошное страдание – юная курсистка в скромном сером платье и в шляпке с вуалькой. Лёдя сбрасывает девицу с колен и с бокалом в руке спешит к гостье:

– Бэллочка!

– Я ждала вас на нашем месте! – восклицает курсистка. – Ждала два часа!

Лёдя свободной от бокала рукой колотит себя в грудь:

Прости, забыл, негодяй, конченый подлец! Ко мне старый друг приехал, и мы тут все – об искусстве, об искусстве… Хочешь шампанского?

Лёдя протягивает Бэллочке бокал. Она гневно отстраняет его руку:

– Я… я думала, вы другой! Я любила вас!

– За любовь! – Лёдя сам выпивает шампанское.

На глазах Бэллочки слезы.

– Я искала вас в театре, но мне сказали… сказали, что вы каждый вечер в… кабаке… с падшими женщинами!

Лёдя удивленно оглядывается на свою веселую компанию:

– Какие же они падшие? Они – служительницы муз!

– Леонид! Вы же обещали любить меня вечно!

И тут Лёдя доказывает, что уроки коварной Арендс не прошли даром. Он произносит ее прощальную фразу:

– Ах, мало ли что можно обещать в порыве страсти!

– Какая пошлость! – вспыхивает Бэллочка. – Какой стыд!

Она убегает. А Лёдя с облегчением возвращается к столу.

Но едва он присел, как Скваронский мрачно изрекает:

– Топиться побежала!

– Да ну, – отмахивается Лёдя. – Пугает только…

Девица в подвязках опять забирается к нему на колени и вздыхает:

– Любовь способна толкнуть людей на любое безумство!

– Ты-то откуда знаешь? – удивляется Лёдя.

– А я что – не люди? – обижается она. – Да я три раза травилась, два – резалась! А эти юные и трепетные создания вообще способны на все…

Лёдя секунду размышляет, потом опять сбрасывает девицу с колен и выскакивает на улицу.

На берегу Лёдя видит фигурку девушки, бегущей к пирсу.

Лёдя догоняет ее. Бэллочка, не оглядываясь, спешит на край пирса.

– Бэллочка! Ну что вы, в самом деле? У нас с вами был чудный месяц…

– Не месяц! Не месяц, а тридцать шесть суток и три с половиной часа!

– Да? – искренне удивляется Лёдя.

– Да! А теперь моя любовь… вся моя жизнь… растоптана!

Лёдя вновь повторяет уроки Арендс:

– Милая девочка! Не стоит принимать всерьез обычный летний роман.

– Что?.. Как вы?.. Да как вы можете… Вы! Вы… – Бэллочка захлебывается в словах и слезах.

Лёдя хочет успокоить ее, берет за руку. Но девушка вырывает руку, плотно зажмуривается и прыгает в море.

На волнах колышется ее шляпка с вуалькой.

Лёдя, не задумываясь, ныряет с пирса. Находит Бэллочку, они некоторое время борются под водой, и наконец Лёдя выталкивает девушку на поверхность.

Он выносит бездыханную курсистку на берег, кладет на песок и начинает делать ей искусственное дыхание. Это не помогает, и перепуганный Лёдя прибегает к крайнему средству – дыханию рот в рот.

Бэллочка приоткрывает глаза, брови ее выгибаются изумленной дугой, но Лёдя, поглощенный миссией спасателя, не видит этого. Бэллочка тут же зажмуривается. Лёдя старается все активнее. Бэллочка снова приоткрывает один глаз, не веря своему счастью. Лёдя отрывается от девушки, быстро заглатывает воздух и снова припадает губами к ее губам. Бэллочка обвивает руками шею Лёди:

– Я знала! Я чувствовала! Ты все-таки любишь меня!

Лёдя вырывается из ее рук:

– При чем тут любовь?! Я действую по инструкции спасения на водах!

Белочка меняется в лице. Улыбка сползает с ее лица. И она влепляет Лёде звонкую пощечину. Лёдя замирает на миг, а потом оглушительно хохочет.

Домой Лёдя является только под утро. Голый по пояс, он

жадно пьет воду из кувшина, и струйки стекают на его живот. Мама Малка отжимает в тазу алую рубашку, в которой Лёдя спасал Бэллочку, и, не жалея эпитетов, костерит сына:

– Байстрюк! Горе мое! Если вот это все они называют быть артистом, так почему тогда не закрыли все театры? Это где же такое видано: позор на всю Одессу!

К маме подключается папа с традиционной семейной темой:

– У всех дети – как дети! И у нас тоже нивроку… Брат Миша таки имеет приличную работу… Сестры – умницы… ну да, не красавицы… но такие воспитанные, трудолюбивые…

Лёдя опустошает кувшин и заявляет:

– Если все такие хорошие, так и будьте счастливы!

– Мы серьезно, а ему – смех, – огорчается папа Иосиф.

– А что же – плакать? Слез не хватает – все нынче плачутся…

– Плакать-таки приходится нам, – вздыхает мама Малка. – И от соседей стыдно!

– Да что соседи? Вы бы посмотрели, как меня публика принимает…

– Слава богу, мы на такое безобразие не смотрим, – поджимает губы мама Малка.

Папа Иосиф ее поддерживает:

– Между прочим, тетя Дора с Ольгиевской сказала, что ее соседка была на твоем концерте и им никому ничего не понравилось!

Лёдя искренне возмущен:

– Всем нравится, а тете Доре не нравится? Нет, мне нравится эта тетя Дора!

– Это не тете Доре, это ее соседке, – уточняет папа.

Но Лёдя его не слушает, он оскорблен до глубины души:

– Тетя, соседка… Да я каждую шутку до сцены сто раз проверяю – на всех тетях и дядях!

Это правда: Лёдя никогда не позволяет себе выйти на сцену с репризой, которую он не проверил до этого – в своем дворе, на улицах города, в дружеской компании, со случайными знакомыми… Каждый анекдот, каждую байку, каждую одесскую хохму он многократно пересказывает и по результатам пересказа тщательно корректирует, оттачивает, доводит до полного блеска.

Пока чистильщик обуви надраивает его ботинки, Лёдя рассказывает:

– Рабинович, где вы работаете?

– Нигде.

– А шо вы делаете?

– Ничего.

– Слушайте, это таки отличное занятие!

– Да, но какая конкуренция!

Чистильщик смеется. Лёдя доволен.

Следующая подопытная – торговка мелкими вареными рачками на Привозе.

– Скажите, вы часом не с Винницы?

– Нет, я не с Винницы.

– О, так мы с вами – земляки!

– Это как так?

– Ну, я же тоже не с Винницы!

Торговка заливается смехом и насыпает Лёде рачков, как семечки, в бумажный кулек.

А на лавочке у синагоги Лёдя проверяет байку на пейсатом мужчине в черной шляпе.

– Что вы будете делать, если получите миллион долларов?

– Ничего.

– Как?

– А зачем?

Лёдя смотрит на пейсатого в ожидании реакции. Тот озадаченно смотрит на Лёдю. И наконец спрашивает:

– Как – зачем?

– Что – как зачем? – озадачивается и Лёдя.

– Слушайте, кто тут кого спрашивает? Вы передайте этому малахольному, что если он не знает, куда деть миллион, пусть несет ко мне – Израилю Шварцу. Я ему вложу что надо и куда надо. С процентами!

На этот раз смеется сам Лёдя.

Кроме театра и кабаре, Лёдя еще подрабатывает конферансье в городском саду на показе мод. А что, это ведь тот же театр: Лёдя появляется на сцене в щегольском полосатом

костюме, соломенном канотье и с тросточкой:

– Дамы и господа! Позвольте прочитать вам небольшую лекцию…

Публика недовольно шумит – не на лекцию она сюда пришла.

– Спокойно! Это ж лекция не о вреде алкоголизма и табакокурения, а на интересующую вас тему. Про моду – от Евы до наших дней!

И Лёдя исполняет куплеты:

Эх, жили наши предки!
Счастливые, как детки!
Не знали ни турнюров,
Ни лент, ни куафюров!
И всех расходов, между прочим, —
Сорвать лишь фиговый листочек!
А что сейчас? Другое дело!
Нам без модисток никуда,
Шелками обвивают тело,
А шелк чулочков – ой, беда!
И от расходов – если б знали,
Так вы б, наверное, упали!

В финале куплетов Лёдя выдает бойкий танчик и раскланивается.

Публика аплодирует. Появляются манекенщицы в разнообразных туалетах. Лёдя галантно подает им руку, помогая

взойти на подиум. Последняя – яркая красотка итальянской внешности. Публика аплодирует красавице, но Лёдя недоволен:

– Господа, разве ж это аплодисменты? Котлета на сковородке громче шкворчит, чем вы хлопаете!

Публика добавляет энтузиазма. Громче всех ляпает ладонями-оладьями здоровенный пристав в первом ряду. И гордо поглядывает по сторонам, оценивая прием публикой итальянской красавицы. Красавица же с тайной благосклонностью улыбается Лёде.

Потом она переодевается за кулисами. На ее обнаженное плечо ложится рука Лёди. Итальянка оборачивается и заявляет совсем не по-итальянски:

– Та вы шо? Уходите, зараз мой муж придет!

Рука Лёди перемещается с ее плеча на талию:

– Уйду только через ваш поцелуй.

– Бесстыдник! – Красавица быстро целует Лёдю.

– Не-ет! Через такой поцелуй я даже шага не сделаю…

Красавица целует Ледю самозабвенно. Слышатся тяжелые шаги. Лёдя отпрыгивает в бархатные занавеси. Входит могучий пристав, лихо подкручивая усы.

– Рыбонька моя, ты сегодня блистала! Весь бомонд был в аффектации!

Пристав тянется поцеловать красавицу. Она уворачивается:

– Ой, я куда-то шальку задевала!

Красотка подбегает в занавесям и шепчет притаившемуся там Лёде:

– Приходьте завтра в два, его не будет! – И снова в полный голос: – Куда же ж я подевала шальку? Ах, вот же ж она! Зайчик, поедем в ресторацию!

Лёдя – слегка навеселе, в костюме с цветком в петличке, напевая песенку о модах, возвращается домой, разбрасывет по прихожей начищенные штиблеты.

Из комнаты выглядывает папа Иосиф со скорбным лицом. Но излить свою скорбь не успевает – Лёдя опережает его, сообщив, что он и так все знает: у всех дети как дети, а этот Лёдька… Однако папа только машет рукой – на этот раз дело совсем в другом. Сегодня папа скорбит о том, что действительно у всех дети как дети, а у него – бедного лепетутника Иосифа – дети крамольщики. Ну, не все и не сами – это их испортила Клавдия. Откуда, ну скажите, пожалуйста, откуда девочка из приличной еврейской семьи нахваталась со-ци-я-ли-стических мыслей против существующих устоев и даже, страшно сказать, против самого государя императора!

Окончив свой горестный монолог, папа Иосиф обличающим перстом указывает на кухню и со вздохом возвращается в комнату. А Лёдя недоуменно отправляется на звук разговоров.

За кухонным столом сидят полтора десятка молодых людей, среди которых – брат Михаил и сестры Полина и Прас-

ковья. Все слушают старшую сестру Клавдию, взмахивающую кулачком.

– Товарищи! Судьба России в наших руках! Нужно разъяснять, что именно каждый из нас может сделать для революции. И тогда ваши имена будут вписаны золотыми буквами в историю освобождения народа от тиранов!

Лёдя появляется за спиной Клавдии, и один из сидящих лицом к входу парней делает ей предупреждающий знак. Клавдия резко оборачивается, но улыбается с облегчением:

– Это наш брат Лазарь! Проходи, Лёдя, садись… Я думаю, тебе, как мыслящему человеку, близки идеи революции?

– Это бомбы кидать? – уточняет Лёдя.

– Какая же путаница у тебя в голове! Бомбы бросают террористы из боевой организации эсеров.

– Кто-кто?

– Эсеры. А мы – эсдеки.

– Чего?

– Мне стыдно, что у меня такой брат! Эсеры – это социал-революционеры, а эсдеки – это социал-демократы! Понятно?

Лёдя неопределенно пожимает плечами:

– Мне бы чаю попить…

– Не увиливай! Скажи прямо: что ты готов сделать для революции?

Лёдя честно задумывается. Потом излагает:

– Знаете, один еврей говорит другому: слушай, я знаю, как

нам разбогатеть – давай вместе откроем ювелирный магазин на Дерибасовской. А второй отвечает: нет, лучше ты будешь открывать, а я постою на шухере.

– Лёдя! – вскипает брат Михаил. – Кончай свои хохмы, говори по теме!

– Так я ж по теме. Я – простой артист, и в вашем деле могу только постоять на шухере.

– Но, Лёдя, – огорчается Клавдия, – если так будет рассуждать каждый …

– … то кто же будет открывать ювелирный? – заканчивает за нее Лёдя.

– Да! То есть нет! Вот я согласна, что ты – артист, значит, ты умеешь воздействовать на массы…

– Нет, я только пою, танцую, а гипноз еще не пробовал.

– Опять хохмочки! – возмущается Михаил.

Клавдия придерживает старшего брата:

– А что, юмор – тоже неплохо. Только вместо шуточек про тещу ты можешь давать беспощадную сатиру на самодержавие и его прислужников.

– И газеты напишут обо мне на первых полосах? – интересуется Лёдя.

– Конечно! – обещает Клавдия. – А пойдем завтра с нами на демонстрацию?

– Пойдем… А, нет, завтра у меня спектакль.

– Ладно, тогда пойдем в четверг к рабочим на Канатку.

– А в четверг у меня концерт. Я уже аванс получил. И

деньги потратил…

– А расклеивать прокламации в субботу можешь?

Лёдя не успевает ответить, так как опять вмешивается Михаил:

– Как можно что-то делать в субботу?

– Но, Миша… – теряется Клавдия.

А Лёдя страшно веселится:

– Да, как можно – в субботу? Революция – революцией, а шабес – шабесом!

Клавдия вновь берет инициативу в свои руки:

– Прекрати, Лёдя! Да, товарищи, сложен и тернист путь революционера. Но борьба наша интернациональна, ибо наш лозунг: пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И тут дверь распахивается, в ее проеме возникает гневный папа Иосиф и произносит свою историческую фразу:

– Уважаемые пролетарии всех стран! Пожалуйста, на здоровье, соединяйтесь! Но только не у меня на кухне!

В 1913 году Россия ликовала по случаю трехсотлетия династии Романовых. Празднества по этому поводу в Санкт-Петербурге и в Москве, прибытие иностранных гостей, кавалькады выездов царской семьи – все было пышно, торжественно, надежно. И еще не брезжило никакого предощущения грядущей революционной бури.

А наш Лёдя и вовсе находится бесконечно далеко от вся-

ких бурь – в спальне итальянской красавицы, жены пристава. Оба в неглиже, и Лёдя развлекает подругу анекдотами:

– Значит, приходит муж домой, а жена, естественно, с любовником. Муж орет, а жена спокойна: «Чего ты кричишь, здесь нет никого постороннего, честное слово!» Муж лезет на стенку: «Как – никого?! Я вижу этого типа своими глазами!» А жена возмущается: «Ты что, веришь своим бесстыжим глазам больше, чем моему честному слову?»

Красавица заливисто смеется и кокетливо грозит пальчиком:

– Ой, гляди, не накаркай!

– Как я могу накаркать, душа моя? Господин пристав отбыл по государственно важным делам, а если господин пристав занимается государственно важными делами, то…

– Не хочу ничего про пристава! Хочу еще смешное!

– Пожалуйста! Но смешное пополам с трагическим. Потому как трагикомедия – это самый прекрасный жанр искусства…

– Ой, не умничай, – капризничает красавица, – смеши меня!

– Ладно, встречаются два приятеля…

– Еврея?

– Ну, почему обязательно еврея? Допустим – француза. Один говорит: «Представляешь, прихожу с работы домой и застаю свою жену в постели с китайцем!» – «Ну и что ты ему сказал?» – «А что я мог ему сказать? Я же не знаю китай-

ского!»

Красавица опять заливается смехом. Но раздается стук в дверь, а затем громкий шепот горничной:

– Ой, хозяйка! Господин пристав вернулись!

– Накаркал! – ахает красавица.

Лёдя мечется по комнате, собирая и надевая одежду, бросается к двери.

– Не туды! В окно!

Лёдя выглядывает из окна – довольно высоко.

– Может, в шкаф?

– Не, помнешь мои платьячки!

За дверью уже слышна тяжелая поступь и голос пристава:

– Рыбонька! Это твой зайчик!

Лёдя залезает на подоконник и отчаянно сигает вниз. Приземляется, вскакивает, прихрамывая, догоняет биндюг, груженый бочками, и вскакивает на него.

– Поехали!

– Уже едем, – равнодушно сообщает биндюжник.

– Быстро! Скорей! Скорей! – умоляет Лёдя.

Биндюжник хмыкает и стегает лошадь.

А в окне появляется рожа пристава со свистком в зубах. И вслед спасающемуся на биндюге полуодетому Лёде несется яростная трель.

Бежать Лёде пришлось дальше, чем он рассчитывал. Грозный одесский пристав обладал ревностью, какая и не снилась мавру Отелло. Он перекрыл Лёде кислород на всех тайных

и явных его убежищах, он запугал всех владельцев кафе и кабаре, на сцене которых мог играть Лёдя, он денно и нощно размахивал своим внушительным пистолетом и клялся при первой же возможности пристрелить Лёдю без суда и следствия.

Ну, что оставалось нашему герою? Не корчить из себя бесстрашного героя-любовника и убираться из Одессы подобру-поздорову аж в самый Херсон.

Там его взяли в местный театр без колебаний, потому что для Херсона Одесса – это как для Одессы Париж. Более того, в Херсоне Лёдя был окружен ореолом легенды о том, как он избежал жуткой участи быть растерзанным ревнивым приставом.

И пережевывать эту тему совершенно не надоедает актерам, собравшимся в гримерке вокруг Лёди:

– Так ты и бежал до самого Херсона? Без передышки, да? И без штанов?

– Штаны для настоящего артиста не главное! – гордо отвечает Лёдя.

– А что главное? То, что в штанах?

– То, что в голове! – парирует Лёдя.

Прибегает помощник режиссера:

– Утесов, на выход!

Лёдя спешит на сцену и с ходу начинает, а по сути – продолжает тему разговора в гримерной, да и вообще, увы, бессмертную тему:

– Представляете, господа! Один пожилой муж неожиданно возвращается домой. А мимо него в дверь выскакивает молодой парень… Ну, ясное дело, не совсем одетый… Муж страшно возмущен и говорит жене: «Вот она, современная молодежь! Ни мне здрасьте, ни тебе спасибо, ни нам обоим до свиданья!»

Публика смеется. А Лёдя без передышки переходит к куплетам:

Что случилось? Что такое?
Почему такой геволт?
Муж на тещу волком воет,
Жена курицей орет!
Жена наша – молодец,
В муже прям души не чает!
Как увидит на крыльце —
Колотушкой привечает!
Кошка и собака дружат —
Лаются, дерутся!
И жена вот так же с мужем —
Авось, не убьются!

А еще в Херсоне Лёдя отдал долг. Пришел в скобяную лавку «Ефим Клейнер. Скобяные товары и садовый инструмент» и вручил дяде Фиме пять рублей, которые взял у него, когда бежал из мира скобяных товаров в большое искусство.

– Возвращаю с благодарностью!

Дядя проверяет купюру на просвет.

– Не беспокойтесь, все как в банке! – улыбается Лёдя.

Дядя Ефим аккуратно укладывает купюру в карман жилета, засовывает большие пальцы в его проймы и тоже улыбается:

– Вы посмотрите на этого цуцика… Он таки стал артистом!

– Ну, это еще так… начало, – скромничает Лёдя.

– Не скажите! Тетя Хая говорит, что подруга Рива ее соседки Сони ходила на тебя посмотреть и ей понравилось.

– Ох уж эти тети с соседками…

Лёдя вспоминает о своем, но дядя Ефим не знает этого и обижается:

– А что тетя, что соседка? Херсон, конечно, не Одесса, но и у нас, слава богу, люди понимающие!

– Конечно, дядя, конечно… Но знаете, как один еврей говорит другому: «Слушайте, у вас за душой – три гроша, а вы кричите на весь Бердичев, что вы – миллионер. А вот у барона Ротшильда целый миллиард, так он у себя в Париже тихо помалкивает!» А другой отвечает: «Это таки беда – иметь такую кучу денег и сидеть в такой дыре!»

Оба смеются.

Лёдя, а как там у тебя эта штучка… Мне Фроим с Арбузной гавани напел…

Дядя жутко фальшиво напевает: «Что случилось? Что такое? Почему такой геволт? Муж на тещу волком воет, жена

– курицей орет…»

Лёдя морщится и вздыхает:

– Ерунда это все!

– Что ерунда?

– Да куплетики эти, анекдотики.

– Ну, если люди тебе за это платят деньги…

– Деньги, деньги… А искусство?

– Ха! Искусство на хлеб не намажешь.

– Да лучше без хлеба, но быть настоящим, серьезным артистом!

Дядя Ефим окидывает племянника долгим оценивающим взглядом и вздыхает:

– Э-эх, собирался я отписать Иосифу, что его дитя, слава богу, на ноги встало. Но рано, я так посмотрю, собирался…

В гримерной Лёдя лепит себе смешной нос.

Появляется длинный, как каланча, антрепренер Рудзевич, помахивающий газетой.

– Читал? Вот, про тебя: «Уй, кто ж его не знает! Одесский смешняк и каламбурец Леонид Утесов!»

Рудзевич зря надеялся этим порадовать артиста. Наоборот, это Лёде как вострый нож в сердце. Последнее время его одолевают унылые мысли, что не то он делает, не то играет, не то несет зрителям.

– Смешняк, – уныло повторяет Лёдя. – Каламбурец…

– Чего киснешь? – удивляется Рудзевич. – Даже эти пар-

шивые писаки тебя полюбили!

– Надоело кривляться, – хмуро отвечает Лёдя.

– А ты хочешь короля Лира? И кто на него в Херсоне пойдет?

– На Лира, может, и не пойдут – он чужой. Но я нашел одну штуку… «Повесть о господине Сонькине». Там все наше, живое, узнаваемое… На это пойдут!

– И кто он такой – этот… Сунькин?

– Сонькин. Конторщик. Маленький человек мечтает о крупном выигрыше…

– Ага, и поет об этом куплеты?

– Никаких куплетов! – Лёдя вдохновенно излагает: – Сонькин верит, надеется, что нищета, подавляющая его личность, закончится. И он действительно выигрывает двести тысяч!

– И тут – веселенький танчик?

– Никаких танцев! Он пачками разбрасывает деньги и кричит: «На колени перед Сонькиным! Все на колени!»

– А-а, так это комедия? – все еще надеется антрепренер.

– Трагедия! Он сошел с ума! Но хоть на миг прорвался к бескорыстию и единению с людьми!

– Нет, – отрезает антрепренер. – Публика не пойдет.

– Пойдет! Люди все поймут, все почувствуют…

– Публика – дура! – убежденно заявляет Рудзевич.

– Ну, попробуем, ну, пожалуйста! Я буду работать без гонорара!

– Ой, как будто твой гонорар покроет аренду…

– Так увеличьте мой гонорар!

Антрепренер смеется:

– Ты таки мертвого уговоришь!

И вот, на сцене скромного херсонского театра Лёдя без комического грима, в костюме бедного конторщика, играет «Повесть о господине Сонькине».

– Во мне все танцует! Вы думаете, от жадности? Вы думаете, мне деньги нужны? Что мне деньги! От радости во мне все танцует! Я могу все деньги раздать. Сколько я вам обещал? Десять тысяч? А я вам дам пятнадцать. А вам, сколько вам нужно, чтобы быть счастливым? Берите все, кому нужно, берите у меня! Все маленькие, забитые, несчастные, идите ко мне…

Публика, затаив дыхание, смотрит на сцену.

В финале зрители несут Лёде цветы.

Он раскланивается с достоинством столичного премьера.

А на другой день в гримерку, где Лёдя надевает костюм Сонькина, входит долговязый Рудзевич с газетой и бросает ее на стол.

– Я читал, – улыбается Лёдя. – Очень хвалят.

– Да, хвалят, поздравляю!

– Знаете, что мне больше всего дорого? – Лёдя цитирует по памяти: – «Господин Утесов пьет из маленького, но – собственного стаканчика».

– Да, однако из этого стаканчика мне ни на какие расходы не хватит! – вскипает антрепренер.

– Как? Был полный сбор!

– Один вечер. Друзья, поклонники, пресса … И половина зала – по приглашениям. А на сегодня продано пятнадцать билетов, на завтра – три!

Лёдя грустно снимает картуз Сонькина.

– Очень жаль… Но все равно – я сменил амплуа.

– Ах, ты сменил амплуа? Но я не менял театр! И у меня зритель хочет получить немножко смеха. А все трагедии со слезами они имеют дома – за бесплатно.

– Публика тоже разная, – упрямится Лёдя. – Образованный человек не выносит пошлых водевильчиков.

– Это кто здесь образованный? Может, ты по ночам читаешь Спинозу?

– Кого? – не понимает Лёдя.

Антрепренер поднимается во весь свой рост и нависает над Лёдей:

– Брось эти глупости и работай, пока сезон!

В книжной лавке Лёдя разглядывает дешевые олеографии, лубочные картинки, красочно изданные книжки. К нему подходит хозяин.

– Ищете что-то конкретное или так интересуетесь?

– Я… Да, ищу… У вас есть Спиноза?

Хозяин с уважением смотрит на Лёдю.

– Я держу эту лавку уже тридцать лет, и еще никто ни разу не спрашивал Спинозу!

– Ну, а что-нибудь другое… серьезное… есть?

– Несомненно! – заверяет хозяин.

Из лавки Лёдя уходит, исполненный достоинства, потому что в руке у него внушительная пачка книг, перевязанная бечевкой.

На сцене театра идет очередной водевиль – «Балетоман». Лёдя за кулисами углубился в чтение толстой книги. Подбегает помреж:

– Ты что, оглох? Твой выход!

Лёдя вскакивает, роняя книгу на пол, и спешит на сцену. На обложке распахнувшейся книги значится: «Древнегреческие трагедии».

А Лёдя на сцене распевает привычные водевильные куплеты:

Я театры обожаю,
К ним пристрастен всей душой,
Но всех чаще посещаю наш театр —
Театр Большой.
Кто все прелести опишет,
Как воздушно, как легко!
Все в балете негой дышит —
Башмачок, тюник, трико!

Лёдю с новой пачкой книг встречает в театре антрепренер. Он с усмешкой косится на Лёдину покупку:

– День добрый, господин Спиноза!

– Добрый день!

Лёдя хочет обойти антрепренера, но тот его придерживает:

– Я гляжу, ты какой-то вялый, бледный… Теперь ясно: все деньги оставляешь в книжной лавке?

– Я не обязан отчитываться в своих тратах! – гордо отрезает Лёдя.

– Да боже упаси, хоть в карты проиграй – мне дела нет. Но мне есть дело до здоровья моих артистов. Так вот, я назначаю тебя еще и кассиром. Подработаешь чуток…

– Но это не моя профессия! – петушится Лёдя.

– А что, актер – это разве профессия? Нет, это – диагноз!

Лёдя пытается еще возражать, но антрепренер пресекает его попытки:

– Начнешь послезавтра. Мы едем в Большой Токмак.

В кассе под вывеской «Малый театр Большого Токмака» Лёдя сидит и опять читает толстую книгу. Еще два внушительных тома лежат рядом.

Очереди в кассу не наблюдается. Но вот к окошечку подходит местный зритель:

– Я извиняюсь, скажите, а доктор Поляков уже купил билет?

Лёдя рассеянно отрывается от книжки:

– Доктор Поляков? Нет… Еще никто вообще не покупал.

– А-а, – разочарованно тянет зритель и уходит.

Лёдя опять углубляется в чтение. Подходит парочка.

– Скажите, доктор Поляков купил билет? – спрашивает молодой человек.

– Нет… Не покупал…

– Ну, тогда и нам здесь делать нечего, – заключает девушка.

Лёдя озадаченно смотрит вслед удаляющейся парочке и вновь берется за книгу. Но в окошечке появляется физиономия благообразного старичка.

– Скажите, любезный, покупал ли уже билет доктор Поляков?

– Послушайте! – не выдерживает Лёдя. – А кто такой этот доктор Поляков?

– О-о, доктор Поляков – это человек тонкого вкуса. Он жил в Харькове. А Харьков, согласитесь, это не Большой Токмак!

Буйную головушку Лёди тут же озаряет шальная идея.

– Спасибо, теперь мне все ясно!

– Что вам ясно? – интересуется старичок.

– Ясно, почему прибегал человек и взял сразу десять билетов – для доктора Полякова и его семьи. Сразу видно, интеллигентный человек: все билеты – в пятый ряд.

– Любезный, дайте мне тоже поскорее два места в пятом

ряду!

Лёдя получает деньги и выдает билеты.

Счастливый старичок уходит по площади. Ему попадается знакомая дама, и он ей гордо сообщает:

– Завтра я сижу в одном ряду с доктором Поляковым!

– А что, доктор уже приобрел билеты? – волнуется дама.

– Целых десять! Для всей семьи!

Дама, не простившись со старичком, спешит в кассу.

Окрыленный неожиданным финансовым успехом, Лёдя влетает в гостиницу, стучит в дверь номера антрепренера:

– Господин Рудзевич! На завтра у нас – аншлаг! Полный аншлаг! Господин Рудзевич!

На стук и крики Лёди из номера никто не отзывается. Подходит толстый хозяин гостиницы и недовольно басит:

– Чего шумишь? Постояльцев мне распугаешь!

– А где наш антрепренер?

– Я – ваш антрепренер.

Лёдя окидывает толстяка насмешливым взглядом:

– И давно?

– С обеда, – спокойно отвечает тот.

– Что это значит?

– Это значит, что ваш Рудзевич запил, продал театр мне и укатил, куда его бельма глядят.

Лёдя оглушен этой новостью:

– А мы… Как же мы…

Хозяин гостиницы, а теперь уже – и театра, ухмыляется:

– А вы – так, как я скажу!

В гостиничном буфете собралась вся труппа. Новый владелец по-хозяйски оглядывает артистов.

– Это мой город, и я знаю, что нужно людям, чтобы они понесли свои копеечки в мой карман! Я тут кой-чего набросал, – Он достает из кармана замусоленные листки. – Вот, «Проказницы в гареме». Завтра вам играть.

– Завтра? – ахает актриса в мелких кудряшках.

– А чего? Слов здесь немного. В основном – дело.

– Но реквизит, но костюмы…

– Какие костюмы в гареме? – удивляется новый антрепренер.

Актеры в ужасе переглядываются. Лёдя пытается разыграть проверенную карту:

– Доктор Поляков этого не одобрит!

– Доктор? Поляков? – Толстяк хохочет. – Доктор Поляков – это я!

Лёдя недоверчиво машет рукой:

– Да какой вы доктор…

– Дипломированный. В Харькове учился. Но кому нужен эскулап? Здесь от всех болезней одно средство – водка! Так что, дорогие мои пациенты, будете делать все, что доктор пропишет!

Лёдя решительно идет на выход:

– Я отказываюсь от ангажемента!

Новый хозяин спокойно говорит ему вслед:

– Только выплатите мне за проживание в гостинице и неустойку за отмену ваших спектаклей.

Лёдя притормаживает. Хозяин издевательски интересуется:

– Кто-то еще желает на свободу? Скатертью дорожка! Но учтите: в отличие от театра, полиция в Большом Токмаке работает отменно.

Вся труппа понуро сидит в гостиничном номере. Самый тощий из актеров бормочет:

– Ничего не поделаешь…

– Вы что, собираетесь плясать под его дудку?! – возмущается Лёдя.

– А вы собираетесь идти на конфликт с полицией? Или у вас есть деньги на неустойку?

– У меня нет денег даже чтобы поужинать! Но издевательства терпеть я тоже не намерен!

– И что вы предлагаете?

Предложение Лёди простое: бежать отсюда куда глаза глядят. И попытаться обеспечить свое счастье своими силами.

Так и поступают. Под покровом ночи актеры брошенной труппы с нехитрыми пожитками выбираются через окно токмаковской гостиницы.

А в своей комнате издает трубный храп доктор Поляков.

По морю плывет небольшой пароход. На палубе собрались актеры-беглецы. Настроение у всех нервно-приподнятое. Актриса в забавных мелких кудряшках восклицает:

– Где же ты, ну где, славный город Никополь?

Тощий актер добавляет:

– И где твои славные жители – никополитанцы!

Лёдя ободряет коллег:

– В Никополе – культурная публика, мне еще Шпиглер говорил, а он это дело знает. Будем ставить серьезные пьесы. С Чеховым спишемся… А что, пусть Антон Палыч сочинит для нас пьесу!

Фантазии Лёди прерывает пожилая актриса:

– Но все-таки где вы взяли деньги на билеты?

– Сын капитана этой посудины очень любит читать, – уклончиво отвечает Лёдя.

– А-а, то-то я думаю: куда делись пачки ваши книг?

– Лёдя, вы теперь будете наш антрепренер? – щебечет актриса в кудряшках.

– Нет! – Лёдя загорается новой идеей: – У нас будет актерское товарищество! Хватит быть чьими-то марионетками! Будем вместе творить настоящее искусство!

– Искусство – это хорошо, – соглашается тощий актер. – Но на какие шиши? На что – аренда помещения, на что – декорации и костюмы? На что, наконец, кушать?

Лёдя молчит, не зная ответов на эти вопросы. Но за него вступается кудрявая:

– А никто вас не заставлял бежать! Играли бы себе у Полякова евнуха в гареме!

– Да нет, он прав, – грустнеет Лёдя.

К вечеру грусть охватывает и всех остальных. Они сидят в темноте на палубе, глядят на редкие огоньки берега.

– Вообще-то в «Балетомане» у меня была неплохая роль… С куплетами, – вздыхает еще недавно жизнерадостная «кудряшка».

– А куда провалился этот Лёдя? – интересуется тощий актер.

Лёдя никуда не провалился. Он вылетает на палубу – весь сияющий.

– Собирайтесь! За мной!

– Куда? – не понимает пожилая актриса.

– В первый класс!

– Да мы вроде тут неплохо устроились, – недоверчиво бормочет тощий.

– А там устроимся еще лучше!

Оказывается, шустрый Лёдя помотался по пароходу и договорился с капитаном сыграть спектакль для пассажиров первого класса. Если понравится, можно будет плавать по маршруту Никополь – Александровск и обратно. А на пристанях можно будет вывесить афиши: «Музыкальный пароход».

И вот в приличном салоне первого класса артисты дают концерт. Это, конечно, не Антон Павлович Чехов, но и не

«Проказницы в гареме». Актеры поют известные арии из оперетт. Состоятельная малороссийская публика принимает их весьма доброжелательно.

К Лёде подходит классического вида купец – борода, поддевка, начищенные до блеска сапоги.

– Уважаемый! Вы, если я верно понимаю, руководитель этой труппы?

– Вы понимаете абсолютно верно, – подтверждает Лёдя.

– Тогда я имею до вас деловую пропозицию.

Лёдя выжидающе смотрит на купца. А тот оглядывается на худую некрасивую девушку, которая, по-детски приоткрыв рот, следит за представлением.

– Катюша, дочь моя, – поясняет купец. – Бедная сиротка – без матери растет… И так душевно любит театр! Вот, хотелось бы посоветоваться со знающим человеком на предмет наличия таланта.

Лёдя изучает худосочную любительницу театра, скользит взглядом по толстенной золотой цепи с массивными золотыми часами на пузе купца и весомо заявляет, что даже невооруженным глазом он усматривает в дочери купца наличие таланта в полном присутствии.

Купец, разом потеряв всю важность, расплывается в счастливой улыбке и твердит, что уже давно это самое чуял, ну точно чуял, просто сердцем своим отеческим знал.

Так что, когда пароход причаливает в Никополе, на пристань артисты и купец с дочерью выходят уже одной друж-

ной компанией.

Направляясь к пролетке, Лёдя строит творческие планы, предлагая Илье Сергеевичу – так зовут купца – попробовать Катюшу – так зовут его дочь – в характерном амплуа. Катюша робко возражает, что ей вообще-то ближе амплуа героини. И купец подтверждает, что им как-то героини поближе будут. Лёдя легко соглашается: можно Катюшу и в героини.

Подслушивающая все это краем уха актриса в кудряшках, почуяв конкуренцию, возмущенно стреляет глазками в Лёдю. Он примирительно ей подмигивает, незаметно для купца и дочери разводя руками.

И тут же сообщает Илье Сергеевичу, что для нового спектакля с его Катюшей потребуются декорации и костюмы. А финансы труппы пока не позволяют нести такие расходы. Так что, видимо, триумф Катюши на сцене придется отложить до той поры, когда дела театра будут в более блестящем состоянии…

Катюша хлопает глазками, капризно надувает губки и теребит отца за полу пиджака. Илья Сергеевич с понимающим вздохом достает бумажник-лопатник.

Купеческими ассигнациями Лёдя расплачивается с хозяином никопольского театра. За аренду, за обновление декораций, за масло для светильников. И даже щедро добавляет на чай обслуживающему персоналу.

Однако ушлого хозяина щедрость Лёди не особо впечатляет. Он, конечно, премного благодарен, однако напоминает,

что этого хватит лишь на неделю. Лёдя самоуверенно улыбается и сообщает: за неделю будет столько аншлагов, что финансовый вопрос отпадет сам собой. Хозяин театра от всей души желает, чтобы слова Лёди попали непосредственно богу в уши. Но все же не скрывает, что ему это сомнительно.

Лёдя оскорблен сомнениями в творческих способностях его труппы. Хозяин успокаивает, что лично он, упаси господи, ничуть не сомневается, но нынче все господа артисты как сговорились: кроме Лёди, здесь еще два театра, цирк и гипнотизер с фокусником. Лёдя интересуется, сколько в Никополе жителей. Хозяин туманно сообщает, что жителей, конечно, больше, чем артистов. Но если честно – не намного.

После чего хозяин театра раскланивается и уходит. А Лёдя остается в некоторой задумчивости.

Труппа поджидает его в скверике у театра. Пожилая актриса волнуется: ну что, ну как? Лёдя с деланной бодростью заявляет, что достигнуто полное и абсолютное взаимопонимание.

Актеры облегчено и радостно шумят. Тощий оживленно потирает руки: значит, все отлично, значит, начинаем «Сонькиным»… Но Лёдя уклончиво сообщает, что для такого серьезного спектакля еще пока не время, надо сначала приручить публику, надо раз-другой… ну, может, еще третий… сыграть водевильчики, а уж потом мы им покажем… «Сонькина»!

В театре идет репетиция. Среди прочих актеров на сцене – юное дарование Катюша. Папа-купец восторженно наблюдает за дочерью из первого ряда. Ведет репетицию Лёдя:

– Катюша, представь: всю жизнь все мужчины сходят от тебя с ума! Одного твоего взгляда достаточно, чтобы толкнуть их на безрассудство! Короче, ты – настоящая героиня!

Катюша с видимым усилием пытается вообразить себе незнакомую ситуацию.

– И вот с этим ощущением ты поешь. Что-нибудь зажигательное… Ну, ну, маэстро!

Тапер барабанит на пианино оперетку. Катюша пытается петь. Это у нее выходит отчаянно фальшиво. Всех буквально перекашивает. Кроме купца, который, похоже, вжился в образ отца неотразимой и талантливой красавицы.

– Ну что ж! – не сдается Лёдя. – Катюша, у вас… м-м… необычный тембр голоса… вам на первых порах не очень даются высокие ноты. С вокалом передохнем и попробуем танец… Маэстро!

Тапер играет канкан. Обнаруживается, что с танцем у Катюши не лучше, чем с пением. А пожалуй – даже хуже.

Актеры язвительно перешептываются, что девушке медведь на ухо наступил, и на ногу – тоже, да и физиономию не пожалел.

Лёдя в муках созерцает танцевальный экзерсис Катюши.

– Стоп! Я придумал! Эта роль не может раскрыть всех граней вашего таланта. Нужны кардинальные изменения. Зна-

чит, так… Вы – героиня, но вас похитили в детстве цыгане. А теперь вы вновь оказалась в своем доме, но инкогнито… Комическая горничная!

– Как – горничная? – волнуется Катюша. – Я же героиня!

– Именно! В душе вы – героиня, но до поры до времени этого никто не знает…

– Совсем никто?

– Никто, кроме зрителей. Им-то известен наш замысел.

Катюша облегченно улыбается папе. Папа ободрительно машет ей в ответ.

Актриса в кудряшках интересуется ангельским голоском:

– А кто в таком случае будет играть настоящую героиню?

Лёдя грозно обещает кудряшке:

– А настоящую героиню… если у нее будет слишком много текста… мы убьем в конце первого акта!

Папа Катюши уважительно замечает режиссеру:

– Ох, и нервная у вас работа! Наша, купецкая, полегче будет…

Вечером артисты ужинают в ресторане. Во главе стола – Илья Сергеевич и разряженная в пух и прах Катюша.

– Угощайтесь, господа, угощайтесь! – предлагает хлебосольный купец. – Все оплачено! Но уж и вас прошу не отказать в любезности – поднять тост за грядущий успех моей дочери!

Актеры с удовольствием выпивают, но уверенности в грядущем успехе Катюши на их лицах не наблюдается. Лё-

дя привычно сглаживает неловкость момента театральными байками:

– Наш антрепренер Шпиглер был, конечно, скупердяй и зануда, но за словом в карман не лез. Как-то он сказал начинающему автору: «Не могу допустить, чтобы в моем театре звучали бранные выражения!» Автор удивляется: «Так ведь в моей пьесе их и нет». А Шпиглер: «В пьесе-то нет, но зрители выскажут их после представления вашей пьесы!»

Артисты смеются. А купец напрягается:

– Полагаю, этот пассаж не относится на счет Катюши?

– Ни в коем случае! – Лёдя осушает рюмку. – Будущее Катюши светло и прекрасно!

– Верю! – расслабляется купец. – Думаю, она попала в надежные руки.

– Да уж, надежней рук вам не найти! – уверяет Лёдя, закусывая грибочками.

– А то, знаете, я возил ее на просмотр в Киев. Так там бедной девочке сказали, что есть две причины, которые мешают ей стать балериной.

– Какие?

– Ее ноги – правая и левая.

– Остряки! Циники! – возмущается Лёдя. – Слепцы! Не смогли разглядеть истинный талант!

Катюша и папа влюбленно таращатся на Лёдю.

– Я вам так благодарен за участие в судьбе дочери!

– Кстати, о благодарности, – подхватывает Лёдя. – Был

такой случай: одна прима намекнула своему поклоннику, что ей не хватает средств… ну вы понимаете?

– Понимаем, как не понять.

– Так вот, на следующий день она получает от него чек на сто рублей и записку: «Тысяча комплиментов вашему таланту!». Знаете, как она ему ответила?

– Откуда ж нам знать.

– Она ответила запиской: «Благодарю сердечно, но я предпочла бы всего сто комплиментов, а чек – на тысячу рублей!»

Катюша хихикает, сообразительный папа лезет в карман за бумажником.

Лёдя блаженно откидывается на стуле, обводит взглядом ресторан, и взгляд его останавливается на прекрасной девушке в розовом платье за столиком в углу. Она сидит в компании молодых людей, не такой шумной, как команда Лёди.

Красавица замечает взгляд Лёди, он широко и призывно улыбается ей, но она отвечает ему холодным равнодушием.

Лёдя подзывает официанта, кивает на компанию в углу.

– Это кто такие?

– Театр оперетты, – сообщает официант.

– А-а, конкуренты! А эта, в розовом, кто?

– Елена Ленская. Ихняя прима, любимица публики.

В глазах Лёди вспыхивает охотничий блеск. Заметив это, официант предупреждает:

– Весьма неприступная особа!

– Ну, это мы проверим… Подай-ка мне лучшего шампан-

ского!

Лёдины артисты следят за развитием событий в предвкушении развлечения. Официант приносит шампанское. Лёдя с бутылкой подходит к столику Оперетты, бесцеремонно придвигает стул и усаживается рядом с Ленской.

– Добрый вечер, коллеги! Слыхали новый анекдот?

Красавица Ленская коротко отрезает:

– Не слыхали. И не имеем желания услышать.

Но от Лёди не так-то просто отделаться.

– А что так? У вас плохо с юмором?

– У нас с юмором хорошо. А у вас, видимо, плохо.

– Но вы же еще ничего не слышали…

– О, достаточно вас увидеть!

Компания Елены смеется. Товарищи Лёди скисают. Но сам он не сдается:

– А вы приходите завтра в наш театр – и увидите и услышите…

– Завтра я имею счастье играть в своем театре.

Лёдя язвительно усмехается:

– Для кого? Вся публика будет у нас.

Елена легко парирует:

– Это публика от уехавшего цирка. А все интеллигентные зрители будут у нас.

Смуглому крепышу по другую сторону от Ленской надоела перепалка, он привстает из-за столика.

– Леночка, может, пора мне потолковать с этим…

Всегда готовый к драке Лёдя оживляется:

– Конечно, пора, давай потолкуем!

Но Елена останавливает крепыша:

– Не надо, Петя, я сама разберусь…

– Да, Петюня, не лишай даму удовольствия! – мгновенно переключается Лёдя. – Она же не в силах расстаться со мной, она же в меня влюбилась!

Компании за обоими столикам затихают в ожидании хода Елены.

И красавица делает свой ход с презрительной величественностью королевы:

– Влюбиться в клоуна? Это так глупо, что даже не смешно!

Посрамленный Лёдя плетется на свое место. Но в упрямом желании оставить за собой последнее слово возвращается и водружает на столик конкурентов шампанское:

– Выпейте за здоровье клоуна!

На сцене Театра оперетты дают «Елену Прекрасную». И прекрасная Елена Ленская поет:

Будь ты рабыня иль царица,
Будь ты Юпитера жена,
Но если женщине не спится,
Причина этому одна —
Случайно сказанное слово,
Случайный жест, случайный взгляд,

И мы о том мечтать готовы,
Чего нам боги не велят…

На галерке спектакль смотрит Лёдя. Поначалу взгляд его довольно скептичен и даже насмешлив. Но голос Елены так чист, нежен и трогателен, что Лёдя невольно теряет скепсис и заслушивается ее пением.

Нет, не уйти
Нам от зова судьбы
Пусть даже честь потерять, потерять суждено,
Желаний наших
Мы только рабы —
Как ни крепись, устоять, устоять не дано!

Вся публика восторженно аплодирует примадонне. Но никто не хлопает так пламенно, как Лёдя, – он чуть не сваливается с галерки.

Неизвестно, снилась Лёде в эту ночь Елена или не снилась. Но на рассвете в гостиничный номер Лёди кто-то настойчиво стучит. Лёдя с трудом просыпается и стонет:

– О-о, кого несет в такую рань!

Из-за двери слышится приглушенный голос купца Ильи Сергеевича:

– Леонид Осипович! Ради бога, мне срочно, очень срочно!

Лёдя сползает с кровати, нащупывает на тумбочке графин

с водой, жадно пьет из горла на ходу, двигаясь с полузакрытыми глазами к двери, открывает ее, и глаза его распахиваются на полную катушку. Перед ним стоит Илья Сергеевич – без бороды, без жилетки с золотыми часами, в простом кафтане и даже в лаптях.

– Что с вами?!

Купец мощным животом заталкивает Лёдю в номер, запирает за собою дверь, прислушивается к тому, что происходит в коридоре и лишь после всего этого падает в кресло:

– Я разорен!

Лёдя тоже шлепается в кресло:

– Как… разорен?

– Окончательно и до нитки! – горестно поясняет Илья Сергеевич.

– Нет, это… это просто водевиль какой-то… Не может быть!

– Может. Колебания цен, нечистые на руку партнеры, козни конкурентов… Все обрушилось вмиг… Вот до какого непотребства дошел!

Купец с болью комкает рукой голый выбритый подбородок.

– Вынужден срочным порядком покинуть город…

– Но у нас аренда проплачена только до завтра!

Илья Сергеевич разводит руками:

– Увы, ничем не в силах помочь. Более того, наношу вам еще урон…

Лёдя, уже готовый к самому худшему, спрашивает не без дрожи в голосе:

– Какой… урон?

– Я Катюшу отправляю к тетке в Полтаву. Лишаю ваш театр большого таланта…

Лёдя вздыхает с облегчением, но удерживается от того, чтобы сообщить несчастному отцу правду об этом таланте, и опускает голову в знак большой скорби.

Купец достает из кармана конверт:

– Не смею более мешать. А это вам – прощальный привет…

Илья Сергеевич вручает Лёде конверт и покидает номер. Лёдя с нетерпеливой надеждой вскрывает конверт и достает из него фотокарточку. Заглядывает в конверт и даже трясет его – не застряли ли там деньги? Но ничего, кроме фотографии, не обнаруживает.

На фото изображена несостоявшаяся звезда никопольского театра, а на обратной стороне – надпись: «Не забывай меня и жди, ведь наше счастье впереди! Навеки ваша Катюша».

И вновь труппа пребывает в полном унынии. Лёдя шагает взад-вперед по сцене, думая свою нелегкую думу. Кудрявая артистка не выдерживает напряжения и всхлипывает:

– Что же нам, бедным-бедненьким, делать!

Все шикают на нее, чтоб не мешала титанической работе ума Лёди. А он вдруг останавливается, как вкопанный. И

долго молчит. Теперь не выдерживает пожилая актриса:

– Ну же? Ну?

– Есть! – сообщает Лёдя. – Есть один убойный номер!

Афиша у театра гласит аршинными буквами:

ВПЕРВЫЕ В НИКОПОЛЕ!

ПРОЕЗДОМ ИЗ РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО!

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НЕГР ДЖОН ДЖОНСОН ИЗ БРАЗИЛИИ!

В зале аншлаг. Ведущий объявляет:

– Дамы и господа! Музыкальный негр Джон Джонсон со своим любимым переводчиком!

Появляются вымазанный черной краской Лёдя и тощий артист. Лёдя кланяется и голосит:

– Гуд бай! Оревуар! Ауфвидерзейн! Ариведерчи!

Тощий артист «переводит»:

– Негр Джон Джонсон сказал: «Здравствуйте!»

Зал смеется. Тощий обращается к Лёде:

– А не скажет ли нам негр Джон Джонсон, долог ли был его путь к нам?

Лёдя отвечает:

– Бердичев, Жмеринка, Крыжополь!

Тощий переводит:

– Негр Джон Джонсон прибыл к нам из Монте-Карло через Монтевидео прямо из Рио-де-Жанейро!

Зал хохочет. Диалог «негра» с «переводчиком» набирает

силу.

– А не даст ли нам негр Джон Джонсон несколько ответов на наши вопросы?

– Рахат-лукум сильвупле как дам по морде!

– Уважаемый негр Джон любезно согласился дать нам любой ответ.

Ну и так далее – Лёдя несет абракадабру, а тощий ее «переводит». Публика в полном восторге. Да еще Лёдя играет на банджо и выдает негритянский танчик.

После номера он убегает за кулисы, прислушивается с довольной улыбкой к аплодисментам зала и делает шаг, чтобы снова выйти на поклон. Но путь ему преграждает полицейский.

– Господин негр Джон Джонсон! Дозвольте взглянуть ваши документы.

– А что документы? Документы в порядке!

– О! – радуется полицейский. – Так господин негр разумеет по-русски и без переводчика!

Лёдя, подгоняемый аплодисментами из зала, нетерпеливо рвется на выход, но полицейского ему не обойти.

– А заграничный паспорт у вас имеется?

– Имеется! Все имеется!

Лёдя хочет утереть взмокший лоб и стаскивает перчатку – под ней белая рука. Полицейский опять радуется:

– Ай-яй-яй, зачем обманывать честную публику? Какой же вы негр из Бразилии?

– А я… я имел в виду, что я проживаю в гостинице «Бразилия», – находится Лёдя.

– В нашем городе нет никакой «Бразилии».

– А в Большом Токмаке есть.

– Ага! Не вы ли это сбежали без оплаты из упомянутой гостиницы в Большом Токмаке, подбив к неповиновению и прочих артистов?

– Нет, это не я!

Аплодисменты в зале продолжают бушевать. Лёдя тоскливо мнется на месте, всей душой стремясь к публике. И полицейский смягчается:

– Ну, идите, господин… негр! Там моя теща с моими детишками, они весьма одобряют…

Лёдя спешит на сцену, но полицейский придерживает его:

– Однако чтобы завтра же ноги вашей не было в моем городе!

После спектакля Лёдя, даже не смыв толком негритянский грим, плетется по площади в гостинцу. Навстречу ему фланирует красавица Ленская в нарядном платье.

А между ними на площади стоит пролетка, в которую полицейский подсаживает свое семейство – худосочную тещу и двух ангелочков-детишек. Пролетка уезжает. Полицейский направляется по своим делам. Лёдя бросается к нему в последней надежде.

– Войдите в нашу ситуацию! Куда мы поедем в разгар се-

зона? Где найдем помещение?

– А вы оставайтесь, у меня для вас найдется хорошее помещение, – ухмыляется полицейский и, меняясь в лице, рявкает: – Тюрьма!

Он разворачивается и уходит. Лёдя уныло торчит на месте. Наблюдавшая эту сцену Ленская подходит к нему:

– Добрый вечер!

Лёдя, несмотря на печаль момента, тут же начинает ерничать:

– А-а, неприступная принцесса! Для вас этот вечер – действительно добрый. Радуйтесь: мы уезжаем и не будем оскорблять вас клоунским соседством!

Елена не поддается на провокацию и говорит мягко:

– Я все слышала.

– А что вы слышали? – не унимается Лёдя. – Может быть, вы слышали, что я сдался? Не слышали и никогда не услышите! Да меня уже в трех городах ждут!

Елена иронично смотрит на хорохорящегося Лёдю. Он осекается под ее взглядом. И вдруг говорит устало:

– А давайте шампанского выпьем. На прощанье. Идемте в ресторан…

Елена улыбается:

– Кто вас пустит в ресторан в таком виде?

Лёдя, спохватившись, стирает грим с лица:

– А, ну да – негр из Бразилии… Ничего, я умоюсь! Вы со мной? – Он протягивает ей руку.

Она, чуть поколебавшись, протягивает свою:

– С вами!

Так, держась за руки, они и выбегают к морю на пустынный пляж. Лёдя смывает грим и плещет на Елену водой. Девушка сначала уворачивается от брызг, а потом входит в азарт и тоже начинает брызгаться, позабыв про свое нарядное платье.

Потом она кружевным платочком утирает его лицо. Они идут по пляжу. Лёдя, как всегда пламенно жестикулируя, что-то рассказывает, Елена смеется. Их руки время от времени невольно встречаются, их плечи соприкасаются, их глаза все чаще находят друг друга… И по этим глазам уже все ясно без слов. Как в песне, которую однажды споет и будет петь долгие годы на «бис» Леонид Утесов:

Скажите девушки подружке вашей,
Что я ночей не сплю, о ней мечтая,
Что всех красавиц она милей и краше.
Я сам хотел признаться ей,
Но слов я не нашел.
Очей прекрасных огонь я обожаю,
Скажите, что иного я счастья не желаю,
Что нежной страстью, как цепью, к ней прикован,
Что без нее в душе моей тревоги не унять!

Глава пятая
«Как ротный простой запевала»

МОСКВА, ТЕАТР ЭСТРАДЫ, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

На приветствие юбиляра брошена самая мощная сила – Ансамбль песни и пляски Советской Армии под управлением Бориса Александрова. Слаженный хор гремит известную песню Утесова, обращенную теперь к нему самому:

Ты счастье знавал и тревогу,
Шагая в жару, в снег и в дождь,
Ты с песнею начал дорогу,
И с песней по жизни идешь.
Как ротный простой запевала,
Ты шел с ней сквозь ветер и дым.
А голоса коль не хватало,
Ты пел ее сердцем своим.
Ты песне отдал все сполна,
В ней жизнь твоя, твоя забота.
Ведь песня людям так нужна,
Как птице крылья для полета!

Утесов слушает, сопереживает, негромко подпевает своей песне.

Когда же она заканчивается, дирижер-генерал объявляет:

– Приказом про Краснознаменному Ансамблю песни и пляски Советской Армии товарищ Утесов Леонид Осипович зачисляется в состав ансамбля с присвоением воинского звания – «ротный простой запевала»!

Ансамбль дружно козыряет, зал аплодирует, а Утесов интересуется.

– Имеется один вопрос: это звание рядового?

– Так точно!

– Слава богу, а то я боялся, что мне пришпандорят генерала!

– Ну, вы и так генерал нашей песни.

– Спасибо, но я опасался, что мне как генералу дадут дивизию и велят командовать: «В бой!» А я не люблю, когда – в бой… Хотя это тоже, конечно, нужно. Но мне больше по душе, когда солдаты возвращаются после боя домой…

И он негромко запевает «Солдатский вальс»:

Давно ты не видел подружку,
Дорогу к знакомым местам.
Налей же в железную кружку
Свои боевые сто грамм.
Гитару возьми,
Струну подтяни,
Солдатскую песню пропой —
О доме твоем,
О времени том,
Когда мы вернемся домой.

ОДЕССА, 1914 ГОД

С рокового выстрела сербского студента Гаврилы Принципа в австрийского эрцгерцога Фердинанда началась Первая мировая война. Еще не было страшного поражения России, еще солдаты бодро шагали на фронт, еще командиры эффектно взмахивали шашками, маршируя впереди колонн и командуя залпами артиллерии, а в небе кружили невиданные в прошлых войнах, забавные и казавшиеся совсем не страшными аэропланы… Но война уже так или иначе вошла в каждую страну, в каждую семью, в каждый дом.

В доме Вайсбейнов опять разгорается скандал.

На диване сидят Лёдя и Лена. Мама Малка с преувеличенным вниманием перебирает крупу на столе. Папа Иосиф нервно ходит по комнате и возмущается:

– Нет, я не понимаю! И где вы были все это время? Так хорошие дела не делаются! Кругом война, а тут здрасьте вам – такие сюрпризы!

– Вот именно – война, – соглашается Лёдя. – Меня могут в любой день забрать в армию. И я хочу, чтобы Лена спокойно пожила у вас.

– А кто она такая – эта Лена? – вопрошает папа.

– Моя жена.

– И где это написано? Вы что, были в синагоге?

– Нет…

– Почему же нет, если она таки твоя жена?

Лёдя пафосно объясняет:

– Потому что не синагога подтверждает любовь! Лена – артистка и не должна связывать себя кастрюлями!

Мама Малка жестко смотрит на Лену. Лена спокойно выдерживает ее взгляд. А папа продолжает негодовать:

– Она – артистка, ты – артист, чудная пара! Но что, интересно, вы собираетесь кушать? И как вы думаете кормить ваших детей, если они таки у вас будут?

Лёдя не снижает накал пафоса:

– Мы не думаем о быте! Мы думаем об искусстве и любви!

Мама ссыпает перебранную крупу в банку и наконец подает голос:

– Будет так! Сегодня вы едете к родителям девушки и получаете их согласие. Затем мы идем в синагогу. А потом вы переезжаете к нам. И не волнуйся, Лёдя, твою жену – но только настоящую жену – мы не обидим.

Папа рад такому разрешению ситуации и облегченно улыбается:

– Только с внуками не тяните, очень хочется понянчить маленьких Вайсбейнов!

Лёдя тоже улыбается с облегчением. Но Лена встает с дивана и говорит так же жестко, как мама Малка:

– Нет, будет так! Мы с Лёдей снимем комнату. Я не собираюсь уводить вашего сына из семьи, но и не собираюсь замуж только из-за древних предрассудков. И отношения мои

с Лёдей – это только наши отношения, а вас они касаться не будут. При всем уважении к родителям моего – что бы вы там ни говорили – мужа!

Лена холодно раскланивается и уходит.

Лёдя идет за ней, но оборачивается в дверях:

– Я же ее люблю!

Мама удаляется на кухню, бросив на ходу:

– На ужин сегодня – фиш.

Лёдя убегает за Леной.

А папа, оставшись один, горестно качает головой:

– Мир перевернулся… Оказывается, замуж – это теперь древний предрассудок!

Лёде и Лене все-таки посчастливилось найти работу. Причем – общую. На сцене «Открытого театра» они исполняют дуэт Хаима и Фрадл из пьесы Шолом-Алейхема «Мазлтов»:

ФРАДЛ-ЛЕНА
Я на камушке сидела,
Слезы лила в три ручья:
Девки все выходят замуж,
Осталась одна лишь я!

ХАИМ-ЛЁДЯ
Аж за сердце щиплет!

ФРАДЛ (не видя его)
Ох ты, звездочка моя,

Когда ж невестой стану я?

ХАИМ
Стою я, стою я у самых дверей
И издали любуюсь красотою твоей.
Душенька, голубушка, да что ж это с тобой?
Вот уже неделя, как не виделась со мной!

ФРАДЛ (не видя его)
Эх, покуда я девица,
Я нежна, как голубица.
А как замуж выйду я, —
Горька долюшка моя!

ХАИМ
А вот и я! Я для того и пришел, чтобы сговориться с дорогой моей пташкой насчет помолвки!

В зале военного времени зрителей мало, да и те – старушки, дети и один инвалид. Правда, смотрят они с интересом и хлопают от души.

После спектакля Лена и Лёдя целуются за кулисами. Мимо проходит антрепренер и тактично кашляет. Влюбленные отшатываются друг от друга. Антрепренер настроен элегично:

– Эх, где моя быстро утекшая юность! Когда я жил одним днем и не думал, что будет завтра…

– Завтра будет та же программа, – улыбается Лёдя.

– Завтра программы не будет, – мрачнеет антрепренер.

– А что будет? – удивляется Лена.

– То же, что и сегодня, – война. Кому ходить в театр? Все воюют…

Словно в подтверждение его слов, за кулисами появляется щуплый солдатик.

– Виноват, как бы мне найти Лазаря Вайсбейна?

– Не знаю! – Антрепренер уходит.

Солдатик растерянно смотрит ему вслед. А Лёдя уже все понял и протягивает руку:

– Давай! Я – Лазарь Вайсбейн.

И солдатик вручает ему повестку в армию.

Лёдя и Лена бредут по берегу моря. Настроение паршивое. Конечно, они знали, что повестка в армию придет рано или поздно, но все-таки не ждали, что так рано… Как же теперь Лена будет здесь без него – одна? А она не будет здесь и не будет одна, она поедет в Никополь – мама пишет, что их театр еще не закрыли. Это сообщение Лены как-то настораживает Лёдю. Он останавливается и смотрит ей в глаза:

– Ты дождешься меня?

Лена только улыбается и хочет идти дальше. Но он удерживает ее:

– Нет, постой! Ты будешь меня ждать?

Лена смотрит на него печально:

– Хорошо же ты обо мне думаешь, если спрашиваешь такое…

Лёдя подхватывает Лену на руки, кружится с ней по песку.

– Прости, ну прости, я болван!

Лена вырывается и бежит к морю. Лёдя ее догоняет. И они, как при первой своей встрече, начинают по-детски весело и беспечно брызгаться водой…

Но вскоре на лице Лёди – совсем иные брызги: дождь, грязь, пот… Вместе с другими солдатами он бежит по лужам в полной походной выкладке. А подпрапорщик Назаренко надсадно орет:

– Вперед, мать вашу, вперед! Не останавливаться! Вперед!

Щуплый солдатик, вручавший Лёде повестку, падает лицом в грязь. Подпрапорщик пинает его ногой, поднимает за шкирку, и солдатик, спотыкаясь, бежит дальше.

Назаренко – фигура драматическая, но в то же время и комическая. Маленький человек, желающий показать свою большую – пусть и сиюминутную – власть. Он сам из солдат, дослужился на сверхсрочной только до фельдфебеля. То есть он еще не «ваше благородие», а только «господин подпрапорщик». От его служебного рвения зависит число обученных наскоро солдат, а чем больше он их обучит, тем дольше просидит в тылу, вместо того чтобы месить грязь в окопах. Вот Назаренко и несет службу свою рьяно: его матерщины хватило бы не только на роту, а и на целую дивизию, а кулаки его только и ищут, кому бы вмазать.

После марш-броска подпрапорщик в казарме обучает притихших новобранцев:

– Солдат – есть слуга царя и отечества, защитник от врагов унешних и унутренних!

Рослый солдат-молдаванин засыпает и валится кулем на щуплого солдатика. Оба падают на пол. Солдаты хихикают. У подпрапорщика яростно раздуваются ноздри.

– Унгуряну! Котов! А ну на плац, мать вашу!

На плацу молдаванин и щуплый, вытянувшись во фрунт, уже в сотый раз тупо повторяют за подпрапорщиком:

– Солдат – есть слуга царя и отечества… Защитник от врагов унешних и унутренних… Есть слуга царя и отечества… Защитник от врагов унешних и унутренних… Царя и отчества… Врагов унешних и унутренних…

– Смир-рна! – орет подпрапорщик. – Бего-ом ма-арш!

Молдаванин и щуплый воспринимают эту команду не как наказание, а как облегчение – лишь бы не твердить навязшую в зубах словесную жвачку, – и дружно бегут по кругу.

На плацу появляется Оксана – крутобедрая, румяная жена подпрапорщика Назаренко. Певуче растягивая слова, она сообщает мужу:

– У меня-я кулеш поспе-ел. Кушать будете?

Подпрапорщик вместо благодарности орет:

– А ну марш с военного плацу!

Оксана, качнув крутым бедром, поворачивается и уходит.

Эту картинку наблюдают Лёдя с капитаном Барушьянцем,

стоя у открытого окна его кабинета. Барушьянц сразу приметил и выделил Лёдю из серой рабоче-крестьянской массы солдат. Капитан страшно тоскует здесь, в тылу, от бессмысленной службы, сводящейся к тупой муштре. И у него есть лишь два развлечения: баловство кокаином и светские беседы с Лёдей.

– О времена, о нравы! – вздыхает Барушьянц.

– Так точно, господин капитан! – вытягивается Лёдя.

Барушьянц морщится:

– Да что вы так… Присаживайтесь… – Он указывает на стул перед своим столом.

Лёдя послушно садится. Барушьянц усаживается напротив.

– Господин Вайсбейн, вы – интеллигентный человек…

Лёдя не подтверждает, но и не опровергает это утверждение.

– Так скучно… Невыносимо скучно… Скажите, вам здесь не скучно?

– Нам скучать не приходится, – играет простака Лёдя. – Только и глядим: где еды урвать да как под розги не попасть.

– Ну да, ну да… Вокруг свинство, унижение… Я просился на передовую – нет, заперли в этой дыре!

– Отчего так?

Барушьянц усмехается, достает из стола изящную коробочку, открывает ее. Внутри – белый порошок и миниатюрная ложечка.

– Желаете? – предлагает капитан.

– Не, – усмехается Лёдя, – у меня своей дури в голове полно!

– А мне, видимо, своей не хватает…

Барушьянц берет порошок ложечкой, вдыхает его одной ноздрей, затем – другой. Зрачки его блаженно расширяются.

– Вы читали «Короля Лира»?

– Дурак он был, этот Лир! – гнет линию простачка Лёдя.

– Любопытно. Ну-ка, ну-ка, поделитесь…

– Ему важно было, что о нем скажут, а не что о нем думают.

– Хотите сказать, что вы не такой?

– Такой. А разве кто сказал, что я сильно умный?

Капитан смеется и грозит хитровану Лёде пальцем.

Сегодня Лёдя дежурный по кухне. Это значит, что он тащит бачок с борщом из кухни в казарму, что-то напевая на ходу. За ним наблюдает подпрапорщик Назаренко.

– Рядовой Вайсбейн! Ко мне!

Лёдя ставит бачок, бежит к подпрапорщику, отдает честь:

– Рядовой Вайсбен прибыл!

– Ты, говорят, до армии был артистом?

– Так точно, господин подпрапорщик!

– С завтрашнего дня освобождаешься от строевой службы.

Лёдя удивленно таращит глаза. А Назаренко поясняет:

– Для поднятия боевого духа у нашей воинской части треба создать тиятр. С патриотическим наклоном.

Подпрапорщик, наставительно подняв палец и сделав важное лицо, выдает эту идею за собственную. Но, конечно же, эта мысль не могла сама прийти в его квадратную голову. Нет, ее туда в приказном порядке внедрили армейские, как сказали бы сегодня, политработники. Так было и так будет во все времена: когда родине грозил враг, даже самые тупые идеологические умы вспоминали об искусстве, справедливо полагая, что врага легче разбить, если его предварительно высмеять. А уж нижние чины воспринимали это указание как руководство к действию. Вот и подпрапорщик Назаренко сообщает Лёде:

– Назначаю тебя ответственным за тиятр!

– Есть ответственным за театр! – радостно рапортует Лёдя.

– Рано радуешься. Ежли выйдет хреново – начальство снимет мне голову. Но до того, ей-богу, я сверну башку тебе. Ясно?

– Так точно, ясно, господин подпрапорщик! – не унимает своей радости Лёдя.

И тащит дальше с бачок с обедом в казарму. Голодные солдаты обступают бачок. Кто ложками черпает варево из бачка в миски, кто зачерпывает котелком и пьет через край.

Унгуряну выхватывает из бачка руками редкие куски мяса и кладет их на свою расстеленную портянку. На него на-

летает рыжий солдат и орет, что не станет жрать мясо с вонючей молдаванской портянки. Начинается драка. Она сметает щуплого солдатика, который тянулся к бачку с едой, но так и не дотянулся.

Лёдя вытаскивает тощенького из кучи-малы дерущихся и уводит из казармы.

На втором этаже армейской кухни расположена квартира подпрапорщика Назаренко. В окне с пестрыми занавесочками румяная Оксана поливает цветущую герань.

А из окна первого этажа высовывается по пояс повар в белом колпаке и кричит вверх.

– Оксана, а Оксана, приходь до меня! Я колечко подарю, пока твой на учениях…

– Кобель! – Оксана гневно захлопывает окно.

А повар смеется. К нему подходят Лёдя и щуплый.

– Покорми артистов! – требует Лёдя.

– Каких-таких артистов?

– Я – командир военного театра, а это – мой главный артист, – указывает Лёдя на щуплого. – Нам положен усиленный паек. А то командующий скажет: что это у вас такие заморыши представляют армию Его Императорского Величества?

Повар уважительно кивает:

– Раз такое дело – заходите!

Щуплый немедля заскакивает в кухню. А Лёдя не спешит,

наблюдая, как из дома выходит Оксана и развешивает на веревке выстиранные сорочки и кальсоны мужа. Лёдя подкатывает к ней:

– Добрый денек, госпожа подпрапорщица! – Берет руку Оксаны и подносит ее к своим губам.

Оксана жутко смущается и вырывает у него руку:

– Та вы шо, я ж не графиня какая! Вся ж кожа потрескалася от хозяйства…

– Нет, ваши ручки чисты и прекрасны!

Лёдя все-таки ухитряется поцеловать руку потерявшей способность к сопротивлению женщины.

Репетицию военного театра Лёдя ведет все там же – в казарме. Да и актеры знакомые – молдаванин, рыжий, щуплый и другие солдаты.

Вначале Лёдя сообщает, что играть они будут комедию. И сейчас он распределит амплуа и роли. Тут он делает паузу и по лицам будущих артистов догадывается, что они совершенно не соображают, чего он там сейчас распределит. Приходится объяснять, что это он им расскажет, кто кого будет играть, а потом даст грамотным листочки со словами, а неграмотным будет сам читать – пусть запоминают.

Рыжий солдат возмущается, что ни черта он не сможет запомнить, когда башка гудит с голодухи. Его поддерживает молдаванин, заявляя, что он вообще не желает никакого такого театра. Другие тоже галдят, наращивая бузу, а некото-

рые норовят улизнуть.

Лёдя спокойно наблюдает их исход. И сообщает, что они могут себе катиться, а он найдет артистов в екатерининском полку: они там не дураки, соображают, что артистам – двойной солдатский паек. Воины тут же возвращаются на свои места.

Лёдя с довольной ухмылкой раскладывает листки текстов. И сообщает, что играть они будут кто солдата, кто подпрапорщика, кто офицера… Рыжий немедля делает заявку, что хочет играть «охвицера». Но Лёдя пресекает его строгим режиссерским тоном: хотеть мало, надо еще уметь. Ну, а что они умеют, это сейчас будет видно. Пока же он познакомит их с текстом – сам сыграет за всех персонажей. И действительно, Лёдя играет все роли интермедии, преображаясь на глазах.

Грозным подпрапорщиком оглядывает строй и командует:

– Ста-а-ановись! По места-ам! Чище выровняться! А до тебе команда не касается?!

И тут же оправдывается робким тоном рядового:

– А я же ж на месте и стою.

– Отставить! Пораспускались! Два часа строевой! Равняйсь! Подбородок выше! Грудинку вперед! Смир-р-рна! Отставить! Резкий поворот головы, как один!

Тут Лёдя преображается в господина офицера:

– Подпрапорщик! Ко мне на носках! Быстро!

Подпрапорщик с ходу превращается из грозного командира в робкого подчиненного:

– Слушаюсь, господин охвицер! Есть на носках быстро!

– Эт-то что у тебя здесь происходит!

– Вверенный мне… то есть вам… то есть взвод… в полной боевой готовности готов для исполнения любых приказаний! За время вашего отсутствия никаких происшествий…

– Молча-ать! – рявкает офицер. – Не тарахти словами!

– Да я ж еще и слова не сказал! – удивляется подпрапорщик.

– Что? Возражать? – гневается офицер. – Смир-рна! Смир-рна стоять, я сказал! Муха пролетит – чтоб слышно было!

Лёдя имитирует жужжание мухи. И в образе офицера довольно ухмыляется:

– О! Слышно!

Он хлопает ладонями, прекращает жужжание и объявляет:

– Одна муха-ероплан не вернулась в расположение части!

Солдаты радостно гогочут.

Румяная Оксана исподтишка наблюдает из окошка за Лёдей, идущим к дому подпрапорщика. Когда он поравнялся с домом, она выходит, разбрасывает корм копошащимся у порога курам и воркует:

– Цып, цып, цып!

Добрый денек, госпожа подпрапорщица!

Лёдя вновь галантно целует ручку Оксаны.

На этот раз она не вырывает руку, а наоборот, смущенно шепчет:

– Я теперь на ночь салом мажу…

Из окна выглядывает подпрапорщик Назаренко: щеки в мыльной пене, в руке – бритва. Увидев жену с Лёдей, он пулей вылетает из дома:

– Ты чего издеся стала! Или работы по дому нету?

Оксана быстренько ретируется в дом. А подпрапорщик приближается к Лёде, поигрывая бритвой.

– Слухай, Вайсбейн, шо-то мне докладывают: ты тут часто околачиваешься!

– Я не околачиваюсь, господин подпрапорщик. Я нахожусь в месторасположении части.

– А шо ты околачиваешься в месторасположении? В увольнительную сходил бы, что ли…

– Но мне же надо репетировать спектакль.

– Да пошел он, твой спектакль! – Назаренко спохватывается: – То есть… потом порепетируешь… А зараз сгинь, чтобы очи мои тебе не бачилы!

– Совсем сгинуть? – уточняет Лёдя.

– Совсем! – рявкает подпрапорщик, но тут же уточняет: – На три дня.

Ничего не сказав родителям, не предупредив жену, Лёдя немедленно рванул к ней в Никополь. В армейской форме и с вещмешком за плечами, он явился в Театр оперетты. Но там никого не застал – выходной день. Лёдя собрался было бежать к Лене домой, но сторож театра сообщил ему, что госпожа Ленская с утра обычно бывает в скверике за театром. И даже в выходные, удивился Лёдя. Да каждый божий день, подтвердил сторож.

Лёдя отправляется в сквер, видит вдали беседку и в ней – силуэт Лены, стоящей к нему спиной. Он улыбается в предвкушении встречи, тихонько крадется к беседке и… слышит страстный голос жены:

– Я люблю тебя и только тебя! Пойми, тот, другой, не значит для меня ничего!

Улыбка сползает с лица Лёди. Он замирает перед беседкой. И слышит не менее страстный голос мужчины:

– Тогда будь моей! Прямо сейчас!

Лёдя бросается вперед, перелетает через ограду беседки. И видит стоящего на коленях перед Леной смазливого молодого человека. При появлении Лёди он вскакивает и нарывается на кулак разъяренного мужа. Лена в полном ужасе, не в силах проронить ни слова.

Зато слова находятся у седого мужчины, которого Лёдя не заметил в углу беседки.

– Что вы творите! Кто вы такой?

– Нет, это кто ты такой? И кто этот негодяй, – Лёдя тычет в

скулящего красавчика, – который отбивает чужих жен, пока их мужья защищают родину!

Лена наконец обретает голос и спокойно сообщает:

– Лёдя, ты дурак!

Теперь, наоборот, Лёдя теряет речь от возмущения – стоит с распахнутым ртом.

Красавчик все стонет, держась за челюсть. А седой всплескивает руками:

– Что вы наделали? Ему этим лицом работать! Вы сорвали репетицию и, возможно, спектакль!

– Какую… репетицию… спектакль? – бормочет Лёдя.

– Познакомься, – насмешливо говорит Лена. – Это – наш режиссер, а это – мой партнер… был!

Режиссер, держась подальше от буйного Лёди, объясняет:

– Мы в беседке репетировали сцену в беседке. Для большей достоверности…

Лёдя растерянно смотрит на стонущего артиста, который все еще держится за челюсть, и не находит ничего лучшего, чем предложить:

– Хотите, я за него сыграю…

– Нет уш, шпашибо! – шепелявит актер. – Как-нибудь беж ваш шыграю!

Он удаляется, режиссер спешит за ним.

Лёдя с Леной остаются в беседке вдвоем. Молчат. Потом Лёдя бормочет:

– А мне увольнительную дали… На три дня.

– Ты дурак, – на этот раз ласково сообщает Лена.

И обнимает Лёдю.

Утром Лёдя еще нежится в постели, а Лена перед трюмо закалывает волосы. Он влюбленно наблюдает за нею и вдруг выпаливает:

– Давай поженимся!

– Лёдичка, мы ведь договорились, – мягко отвечает она. – Я люблю тебя, ты – меня. Незачем усложнять нашу жизнь условностями.

Лёдя вздыхает. Лена присаживается к нему на кровать:

– Нам так хорошо вдвоем! Ах, если бы тебе вообще не нужно было уезжать…

Лёдя привлекает ее к себе, целует, Лена забирается к нему под одеяло и шепчет:

– У нас ведь есть немного времени?

– Есть, есть, – шепчет в ответ Лёдя, – сегодня только четверг…

– Нет, сегодня пятница, – шепчет Лена.

– Как пятница? – уже обычным голосом удивляется Лёдя. – Ты путаешь…

– Я не путаю: по пятницам у нас нет репетиций.

Лёдя выпрыгивает из постели. Лена пугается:

– Что случилось?

– В пятницу я должен быть в части!

Лёдя роется в своем вещмешке и находит бумажку – увольнительную.

– Да! Пятница! Тринадцатого!

– Что же теперь будет?

– Любой патруль может меня погнать под трибунал…

Лена ахает, берет увольнительную, внимательно ее изучает.

– Знаешь, тройка очень смахивает на пятерку…

Лёдя тоже заглядывает в бумажку:

– Да, смахивает. Если чуток подправить…

– И получится, что в часть тебе – только пятнадцатого, – завершает план операции Лена.

Лёдя прыгает обратно к ней в постель:

– Так до пятнадцатого еще столько времени!

Однако номер не прошел. Подделка документов оказалась не таким простым делом. И подчистку даже всего одной циферки немедля просек глаз-алмаз подпрапорщика Назаренко. Уж он-то над Лёдей поизмывался всласть. Тыча ему в нос несчастной увольнительной, Назаренко и фальшивомонетчиком его обзывал, и полевым судом грозил, и даже на неизбежный расстрел намекал.

Лёдя вяло сопротивлялся, уверял, что это не он, это писарь перепутал… Но подпрапорщик хохотал мефистофельским смехом: какой писарь, тут же кажное дите видит, шо чистой воды подлог. И отправил Лёдю в карцер. До выяснения.

Лёдя печально сидит на голом полу в темном подвале.

Дверь открывается, впуская скудную полоску света. Лёдя вглядывается в появившийся силуэт. Это капитан Барушьянц.

– Ну что, Вайсбейн, насиделись?

Лёдя поднимается, держась за стену:

– Так точно, господин капитан, насиделся! – и добавляет не по уставу: – Вполне!

Капитан достает знакомую коробочку кокаина:

– Из мрачного подвала легко отправиться в светлые эмпиреи с помощью этой штуки…

– А другого способа нет?

– Есть, – усмехается капитан. – Просто уйти отсюда со мной к чертовой матери!

Лёдя с готовностью спешит на выход, но капитан его придерживает:

– Нет, не столь стремительно, а проводя время в приятной беседе. Ну, скажем, о поэтике Гете…

Они выходят во двор. После темного подвала Лёдя щурится на солнечный свет и покорно начинает диспут:

– И что нам этот Вертер? Тоже мне страдалец!

Капитан с удовольствием подхватывает:

– А вы не разделяете его страдания?

– Да что там разделять?

– Нет, но позвольте…

Они проходят мимо плаца, на котором подпрапорщик муштрует солдат. При виде мирно беседующих «интелли-

гентов» подпрапорщик Назаренко стискивает зубы и еще яростнее орет:

– Лечь! Вста-ать! Лечь! Вста-ать!

А пламя страшной войны разгорается. Уже нет, как в ее начале, бодро марширующих солдат, а есть кровавая бойня, безжалостная мясорубка, в которой гибнут тысячи и тысячи воюющих с обеих сторон. И на колючей проволоке, ограждающей немецкие окопы, повисают тела русских солдат, бежавших в атаку, но не добежавших – их скосили не пулеметы, а впервые примененные в этой грязной войне отравляющие газы.

На смену павшим с обеих сторон спешно готовились новые и новые когорты. Маленькой песчинкой в этой огромной массе пушечного мяса была и воинская часть, где проходил подготовку Лёдя. Но время ухода на войну еще не настало – пока что настал лишь день премьеры армейского театра.

Солдаты-актеры выступают перед солдатами-зрителями. В представлении, кроме Лёди, участвуют, как умеют, и молдаванин, и рыжий детина, и щуплый солдатик – все в немецкой форме. Содержание интермедий, естественно, сугубо патриотическое.

РЫЖИЙ: Рядовой Поппер, как вы будете приветствовать лейтенанта?

ЛЁДЯ: Если немецкого – подниму одну руку, а если русского – подниму обе руки!

МОЛДАВАНИН: Ну что, герр офицер, инициатива на фронте по-прежнему в наших руках?

ЛЁДЯ: Нет, герр генерал, она уже в-наших ногах!

ЛЁДЯ: Герр офицер, в бою с русскими ни один из наших солдат не отступил!

ЩУПЛЫЙ: О, гут! Все перешли в наступление?

ЛЁДЯ: Нет, все сдались в плен!

Зрители встречают каждую репризу радостным гоготом. А Лёдя еще добивает их задорной частушкой:

Фриц задумал угоститься,
Чаю русского напиться.
Зря, дурак, позарился —
Кипятком ошпарился!

Солдаты-зрители одобрительно гогочут и свистят. Солдаты-артисты раскланиваются чуть не до земли. Лёдя тоже кланяется, но более сдержанно, с достоинством – он ведь главный виновник этого праздника искусства. О чем принародно и сообщает всем капитан Барушьянц, благодарственно пожимая руку режиссеру представления.

Усталой походкой победителя Лёдя бредет в казарму. А

там к нему подбегает дневальный:

– Вайсбейн, с вахты кличут: до тебя гости!

За воротами части стоит Лена. Лёдя бросается к ней, подхватывает на руки, кружит.

– Пусти! Ну, пусти! – смеется и отбивается она. – Хватит, я приехала по важному делу!

Лёдя бережно опускает Лену наземь:

– По какому – важному? Ты меня разлюбила?

Лена только вздыхает от такого нелепого предположения и сообщает:

– Я согласна.

Лёдя напряженно соображает:

– Согласна… это хорошо… а на что ты согласна?

Лена опять вздыхает от его бестолковости и говорит прямо:

– Я согласна выйти за тебя замуж.

Но, видимо, сегодня все-таки не Лёдин день, потому что он тупо молчит. Лена волнуется:

– Ты что, передумал?

– Нет! – кричит Лёдя. – Я не передумал, я тоже согласен! Но зачем я тебе такой… Солдат, без гроша в кармане… Я тебя люблю, но, может, сейчас не время…

– Самое время!

Лена с улыбкой распахивает пальто. Под платьем обнаруживается заметно округлившийся живот. Лёдя замирает, потом осторожно прикладывает дрожащую ладонь к ее животу.

Лена накрывает его руку своей.

Ну, какая после этого служба?! Жениться надо… А как? Эту проблему обсуждают всей казармой. Щуплый солдатик полагает, что надо попросить увольнительную по семейным обстоятельствам. Но Лёдя понимает, что проси, не проси – пустое дело: увольнительной после подчистки документов ему не видать.

Решительный молдаванин Унгуряну предлагает просто-напросто дезертировать из армии. Но Лёде это не кажется, мягко говоря, лучшим выходом из положения.

Рыжий говорит, что в конце концов у подпрапорщика Назаренко тоже есть жена, и надо просто взять бутылку самогона и потолковать с ним как с человеком. Но Лёдя сомневается, что подпрапорщика можно отнести к этому разряду млекопитающих.

А впрочем, задумывается он, подпрапорщик… его жена… в этом что-то есть!

Жена подпрапорщика Оксана выбивает перину перед своим домом. Лёдя появляется с букетиком полевых цветов и вручает его чернобровой. Подпрапорщица радостно тает:

– Ой, яки красыви!

– На фоне вашей красоты они чахнут и вянут! – заверяет ее Лёдя.

– Ой, шо вы такое говорите…

– Чистейшую правду!

Лёдя отработанным движением ловит руку Оксаны и прижимает к своим губам. На руке перышко от перины, оно щекочет нос Лёди, но он терпит, не отнимает руку Оксаны от губ и косит глазом на окно подпрапорщика. Но в окне никого нет.

Зато в окне кухни на первом этаже появляется внимательная рожа повара.

Лёдя удовлетворенно усмехается.

И действительно, на вечернем плацу подпрапорщик оглядывает строй, хлопает одного солдата по выпирающему животу, другому подбивает сапогом носок, вылезший из строя, затем смотрит, мягко говоря, без особой любви на Лёдю и объявляет:

– За добрую работу по части военного театра рядовой Вайсбейн награждается увольнительной!

В Одессе Лёдя первым делом отправился в синагогу. И, судя по устало-терпеливому взгляду раввина и взмокшему от напряжения Лёде, их диалог продолжается уже довольно долго.

– Но поймите, мы очень любим друг друга! – заверяет Лёдя.

– Хорошо, – соглашается раввин. – И что?

– Но мы – артисты.

– Тоже хорошо. И что…

– А тут еще эта война!

– Нехорошо. И что?

– Но моим родителям Леночка в принципе нравится…

Раввин перебивает Лёдю:

– Любовь, артисты, война, родители… Я все понимаю, и что вы хотите?

– Как что? – удивляется его непонятливости Лёдя. – Мы хотим пожениться!

– Хорошо. Пожениться. А кольцо золотое у вас есть?

– Кольцо?

– Да, по еврейскому канону – одно кольцо на двоих. Золотое.

Лёдя выбегает из синагоги, перед которой на скамеечке сидит Лена, сложив руки на арбузике живота.

– Ну что? – привстает она.

– Сиди! Я за кольцом!

В ювелирном магазине продавец шустро выкладывает перед Лёдей кольца.

– Обратите внимание: копия кольца самого барона Ротшильда! И всего двадцать рублей. Ваше жена будет вами гордиться…

– Нет, она почему-то не любит Ротшильдов.

– Тогда это – с бриллиантиком. За восемнадцать рублей он подчеркнет блеск ваших молодых глаз!

– Боюсь, все ослепнут от этого блеска. А подешевле у вас что-нибудь есть?

Продавец поджимает губы, но все же показывает еще одно

кольцо.

– Вот. Дешевле только скумбрия в сезон.

– И сколько?

– Пять рублей

– Наверное, эта скумбрия приплыла тоже от Ротшильда!

Лёдя гневно покидает ювелирный магазин и отправляется туда, где, как известно, можно реально осуществить любые мечты и надежды – на одесскую толкучку.

Он останавливается перед цыганом с гроздью цепочек, висящих на его растопыренных пальцах.

– Обручальные кольца есть?

– Как не быть, ромале? Конечно, есть! – Цыган вытаскивает из жилетного кармана два кольца. – Бери, дешево отдам.

– Да мне только одно…

– Ты что, сам с собой жениться будешь?

– Нет, у евреев полагается одно. Для невесты.

– А-а, одно дороже будет.

– Почему?

– А кому я второе без пары продам?

– Еще одному еврею.

– Уговорил! Бери, давай рубль!

– Рубль? Это что, копия кольца барона Ротшильда?

– Это не копия. Это оно и есть!

– Даю гривенник.

– Ай, на него одного материала больше ушло, чем на гривенник!

– Ну, еще полушку.

– Ай, посмотри, какая работа! Твои правнуки с этим кольцом еще пять раз переженятся!

– Ну нет у меня больше денег. На всю свадьбу – пять рублей.

Цыган оторопело качает головой:

– Первый раз вижу еврея, который за пять рублей женится… Ладно, давай гривенник.

Лёдя отдает монету.

– А еще полушка?

– Ты же сказал: давай гривенник.

– А ты сказал: дам еще полушку.

Лёдя добавляет монетку и запоздало рассматривает кольцо:

– А оно вообще-то золотое?

– Золотее только корона царская!

– А где проба?

– Какая проба? На заказ мастер делал. Для себя хотел, да жениться раздумал!

Лёдя вручает раввину добытое с таким трудом ювелирное изделие. Ребе, как сам Лёдя на толкучке, подозрительно интересуется.

– Оно золотое?

– Ха! Как царская корона!

– А где проба?

– Так мастер для себя делал!

Раввин бросает на Ледю скептический взгляд:

– Ну, допустим. – И отдает ему кольцо.

Лёдя счастлив:

– Значит, мы можем жениться?

– Что жениться… Как жениться… И где ваш минен?

Лёдя с досадой шлепает себя по затылку:

– Забыл! А без минена нельзя?

Раввин удивленно глядит на Лёдю:

– Может быть, вы не еврей?

– Еврей! Еще как еврей! – клянется Лёдя.

– Тогда что вы торгуетесь? Тут синагога, а не Привоз. Каждый еврей знает, что для венчания нужен минен – десять свидетелей. Но я вижу, вы так собираетесь жениться, как я ехать на Северный полюс!

Лёдя снова выскакивает из синагоги. На скамеечке терпеливо ждет Лена.

– Ну, что?

– А! Удивительно, что евреям еще не требуются десять свидетелей для брачной ночи!

Оставив Лену в полном недоумении, Лёдя убегает на стоянку биндюжников.

Могучие бородатые мужики сидят и лежат на своих телегах-биндюгах в ожидании работы. Но дожидаются пока что только запыхавшегося всклокоченного Лёдю, который вопит:

– Евреи! Нужен минен! Даю по двадцать копеек на брата!

Десять биндюжников тяжело топают в синагогу мимо сидящей на скамейке Лены.

А сияющий Лёдя подлетает к раввину:

– Все есть – кольцо есть, минен есть! Можем венчаться!

– И как? – интересуется раввин.

– Что – и как? Я же говорю: кольцо есть, минен есть…

– А невеста есть?

– О-о! – Лёдя опять лупит себя по затылку.

Он вылетает из синагоги и возвращается с Леной. Ребе косится на ее живот и вздыхает:

– Невеста таки есть…

И в синагоге начинается древний свадебный обряд. Торжественные биндюжники стоят позади невесты и жениха. Раввин проводит новобрачных под балдахином – хупой. Лёдя и Лена взволнованно держатся за руки.

Раввин читает благословение над бокалом вина. Стоя под хупой, Лёдя надевает на палец Лены кольцо и, как положено, сообщает ей, что этим кольцом она посвящается ему в жены по закону Моисея и Израиля.

Один из биндюжников украдкой смахивает скупую мужскую слезу.

Раввин зачитывает кетубу – брачное свидетельство.

Двое биндюжников, обтерев ладони о штаны, подписывают свидетельство.

Раввин вручает этот главный документ невесте.

Дома папа Иосиф, сменив пенсне очками на веревочке, изучает брачное свидетельство.

Мама Малка поглядывает на живот Лены.

Молодожены смирно сидят рядышком и ждут решения родителей.

– Ну вот, – довольно заключает папа, – теперь все как у приличных людей!

– Жить будете в комнате Клавдии, – говорит мама Малка. – Она у нас в Англии.

– Социял-демократка! – осуждающе поясняет папа Иосиф.

Мама Малка насмешливо смотрит на Лену:

– Постель я дам. Приданого, как я догадываюсь, у тебя нет?

Папа Иосиф поспешно напоминает:

– Малочка, а разве ты пришла в этот дом с каким-нибудь приданым?

Мама, не удостоив его ответом, выходит из комнаты, кивнув Лене. Невестка послушно следует за ней. А папа интересуется у сына:

– Лёдя, и как ты теперь думаешь кормить семью? Мне сдается, на солдатское жалование в тридцать две копейки твоя жена не сильно растолстеет.

– А зачем ей толстеть? Леночка мне и так нравится, – улыбается Лёдя.

– Ну, это я – в философском смысле, – улыбается папа в ответ.

В соседней комнате мама Малка, подавая Лене накрахмаленное постельное белье, тоже интересуется:

– И на что же вы думаете жить?

– У меня есть кое-какие сбережения… Я откладывала, пока работала в Никополе…

Мама Малка то ли одобряет, то ли язвит:

– Мой сын таки родился в рубашке – ему досталась самостоятельная жена!

Потом Лёдя и Лена хозяйничают в своей комнате: Лена застилает кровать простыней, а Лёдя неумело запихивает подушку в наволочку. Вдруг Лена садится на кровать и плачет. Лёдя бросается перед ней на колени.

– Леночка, ты что!

– Ничего… Я не знаю… Как-то страшно, что будет…

– Будет все! И все будет хорошо! Любимая, не плачь, я что-нибудь придумаю… Муж я тебе или не муж?

Лена улыбается сквозь слезы:

– Муж… Мальчишка…

– Жена, помолчи! – играет грозного мужа Лёдя. – У тебя теперь даже нет паспорта, ты прописана в моем.

– Глупый, все напутал… Это ты теперь, по закону Моисея, мой до ста двадцати лет!

Она демонстрирует Лёде обручальное кольцо на пальце. И вдруг охает, прижимая руки к животу. А Лёдя приникает

к ее животу ухом.

– Брыкается!

– Как его папа, – улыбается Лена.

Но свадьба – свадьбой, а увольнительная закончилась, и Лёдя – опять в армии. Сидит на пороге казармы и чистит ружье. К нему подходит капитан Барушьянц.

– О, Вайсбейн, вы снова с нами?

– Так точно, ваше высокоблагородие! – вытягивается во фрунт Лёдя.

– Сидите, к чему эти церемонии… Как прошла ваша свадьба?

Лёдя ожесточенно орудует ежиком для чистки дула:

– Благодарю за внимание, ваше высокоблагородие!

– Что же вы – прибыли и не заходите? Вот помнится, у Данте в «Божественной комедии»…

Лёдя отшвыривает ежик:

– У меня в голове не божественная комедия, а земная трагедия! Хотел бы я видеть, как этот Вергилий шляется по кругам ада, а у него дома жена с ребенком – голодные!

Барушьянц задумчиво смотрит на Лёдю:

– Интересная трактовка…

– Извините, господин капитан! Я сорвался…

– А что – тяжко живется?

Лёдя опять принимается чистить ружье.

– Да мне-то ничего – сыт, одет, обут… Но если бы я с ору-

жием Отечество защищал – другое дело. А штаны тут протирать, когда у семьи на ужин, кроме пустого чая, ничего… – Лёдя умолкает.

Капитан сурово глядит куда-то вдаль. Лёдя усмехается:

– Меня бы под суд за антипатриотические настроения, да? Но на самом деле я Россию люблю.

– Какой иудей не любит Россию! – тоже усмехается капитан.

Но затем он серьезнеет и озабоченно интересуется, а не жалуется ли рядовой Вайсбейн на сердце, что-то у него какая-то подозрительная одышка… Лёдя изумленно смотрит на капитана. Затем, угадав его намерения, расплывается в улыбке.

Лёдя в общем строю занимается упражнениями на плацу. Подпрапорщик Назаренко исподтишка приглядывается к Лёде. И наконец командует:

– Вайсбейн! Подь сюды!

Лёдя бегом направляется к подпрапорщику.

– Та не бежи… Шагом можно, шагом.

Лёдя козыряет:

– Рядовой Вайсбейн явился по вашему приказанию!

– Та бачу, шо явился. А зараз будем прощаться, – с явным сожалением сообщает Назаренко. – Приказ начальства: по болезни сердца освободить на три месяца. Для поправки здоровья.

Лёдя с трудом скрывает радость и говорит покорно:

– Начальству виднее…

– А я б тебе свои лекарства прописал! – не удерживается подпрапорщик. – Три раза на день заместо еды – ремня хорошего по известному месту!

Лёдя откровенно наглеет:

– Жаль, что я не могу испробовать ваши прогрессивные методы лечения.

– Вернешься – попробуешь! – обещает подпрапорщик.

Лёдя бодро уходит из расположения части с вещмешком на плече.

А из окна своего домика смотрит ему вслед подпрапорщица Оксана, прижимая к груди засохший букетик полевых цветов.

Дома Лёдя кружит Лену по комнате:

– Я вернулся! Вернулся!

Мама Малка лупит сына полотенцем.

– Совсем ума лишился в своей армии! Поставь ее на место, она ж может выкинуть!

Лёдя бережно опускает Лену на пол:

– Ох, извини!

Но Лена опять просится к мужу «на ручки»:

– Я же не больна, я всего лишь беременна.

– Слушайте, что вы делаете друг с другом, меня не касается, но там, – мама Малка патетически указывает на живот

Лены, – там мой внук!

– Или внучка, – предполагает Лёдя.

– Не морочь мне голову! Если живот яичком, будет девочка, а если уголком, то мальчик. А где вы видите тут уголок? Настоящее яичко!

Семейные радости сменялись бытовым отчаянием. Работы у Лёди не было. Ну никакой работы! Но он упорно ходил, искал, даже клянчил хоть какое-нибудь дело.

В небольшом ресторанчике Лёдя сопровождает по пятам суетливого хозяина, который то поправляет посуду на столе, то пересчитывает бутылки в шкафу, то дает подзатыльник поваренку. А Лёдя ходит за ним и просит:

– Дайте мне работу – не пожалеете! Вы можете посмотреть меня… Совершенно бесплатно… Универсальный репертуар!

– А у меня уже есть репертуар. С десяти до двенадцати – на скрипке кривой Мойша, а с двенадцати до двух – шансонетки Сони Заможней.

– Я могу и после двух…

– А после двух мои гости уже поют сами.

Лёдя восклицает в полном отчаянии:

– Но мне очень нужны деньги!

Хозяин сочувственно вздыхает:

– Слушайте сюда: Мойша играет просто за то, что я даю ему пить мое пиво, а Соня еще мне отдает процент со своих

клиентов. Так о каких деньгах вы говорите?

Лёдя безнадежно плетется к выходу. А хозяин зовет мальчишку-официанта.

– Янек, пора открывать, а скатертев нема! И где, я тебя спрашиваю, скатерти?

– С прачечной не вернули. Видать, всех китайцев на войну мобилизовали.

– Так и что? Мои скатерти, слава богу, не мобилизовали.

– Но и не постирали.

Хозяин хватается за голову:

– Я не могу стелить грязные скатерти! Что делать?!

Уходящий Лёдя оборачивается:

– А вы застелите столы бумагой.

– Бумагой? Клиенты меня убьют!

– Нет, они посмеются. Если вы на ней напишете: «Лучше чистая бумага, чем грязная скатерть!»

Хозяин с интересом смотрит на Лёдю:

– Слушайте, это мисль! Янек, пулей в лавку за бумагой! А вы, молодой человек, не уходите, я налью вам пива.

– Спасибо, но мне некогда, надо искать работу…

– С такими мозгами вы ее таки найдете!

Лёдя, благодарно улыбнувшись, идет к двери, а дверь распахивается ему навстречу, и на пороге возникает Евгений Скавронский – как обычно, нетрезвый и жизнерадостный. Старые друзья смотрят друг на друга, не веря своим глазам.

А дальше было все, как сказал Лёдя. Шустрый Янек при-

бежал из лавки с рулоном бумаги, хозяин и официант кроили ее по размерам столов, а Лёдя и Скавронский в четыре руки расписывали бумагу вышеизложенным текстом и другими забавными надписями, которые они на пару придумывали уже по ходу дела.

И действительно, появившиеся клиенты заведения сначала с недоумением, а потом с интересом разглядывали бумажные скатерти и смеялись, и усаживались за столы, и заказывали еду и выпивку. Благодарный хозяин выделил неожиданным спасителям столик в углу и выставил выпивку за счет заведения. Лёдя и Скавронский воспользовались его любезностью.

Впрочем, они не столько закусывают, сколько выпивают.

Лёдя жалуется, что в Одессе практически все театры закрыты, а в кафе и рестораны не пробиться – артисты устраиваются поближе к харчам. Скавронский утешает, что на одной Одессе свет клином не сошелся и предлагает Лёде отправиться в город Харьков. Лёдя логично отвечает, что в Харькове его никто не ждет. Зато, как сообщает Скавронский, там ждут его – там ему предложен ангажемент на месяц и уйма денег. На что Лёдя столь же логично отвечает, что он тут не при чем, этот ангажемент – Скавронского, значит, ему и ехать в Харьков. Но Скавронский уверяет, что логика не всегда права. Хотя этот ангажемент действительно – его, но он ехать не может. Потому что, да будет известно брату Лёде, его брат Евгений, кажется, запил. Произнеся эту речь, Скав-

ронский осушает бокал, удовлетворенно прислушивается к своим ощущениям и решительно заключает:

Точно, запил!

И роняет голову на бумагу с мудрым текстом, придуманным Лёдей.

Гастроли в Харькове прошли на редкость удачно. Война и ее отголоски были все же довольно далеки от этой русскоязычной культурной столицы Украины. И зритель ходил в театр, и Лёдя проходил у зрителя на «ура».

Неплохо откормившийся, слегка приодевшийся и с новым кожаным саквояжем в руке, Лёдя возвращается с харьковских гастролей домой. Удивленно оглядывается посреди пустой комнаты, достает из саквояжа пачку денег, выкладывает ее на стол и громко объявляет:

– Артист Утесов прибыл на побывку!

Ответом ему – тишина. А затем – протяжный стон из соседней комнаты. Лёдя бросается туда, распахивает дверь, но его останавливает мама Малка.

– Тебе тут не место!

Лёдя, вытягивая шею, пытается заглянуть через материнское плечо:

– Леночка, я здесь!

– Ты ей сейчас не нужен!

Мама Малка захлопывает дверь. Лёдя ходит по кухне из угла в угол. Похоже, он действительно никому не нужен. Ка-

кие-то женщины проносят тазы и кувшины с водой, простыни и полотенца.

Выходит, тяжело ступая, повитуха мадам Чернявская, которая когда-то принимала самого Лёдю. Она заметно состарилась, но по-прежнему активна и уверена в себе.

– Ну? Что? – бросается к ней Лёдя.

– Ничего.

– Что значит – ничего?

– Ничего – значит ничего. Надо ждать.

– Так уже сколько ждем! – возмущается Лёдя.

– Эх-хе! Заделать дитя – это раз плюнуть, а вот выродить – попробуй сам!

Повитуха моет руки, мама Малка льет ей воду из кувшина. Женщины садятся пить чай. Мадам Чернявская кушает с аппетитом:

– У вас такие справные пирожки, мадам Вайсбейн! А что вы даете заместо яиц? Теперь же их не достать…

– Я даю спитую заварку. Получаются немножко темноватые, но тесто держится. А со сдобой беда – дрожжей нигде нема.

– Вы не поверите, но меня научили заместо дрожжей разводить нашатырь.

Лёдя с ужасом смотрит на повитуху и маму:

– Как вы можете! Она там мучается, а вы… Пирожки!

– Слушай, дите, – улыбается мадам Чернявская. – Я в своей жизни невроку пирожков испекла меньше, чем ребятков

приняла, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Так что имею полное право спокойно выпить чаю, пока там природа без меня делает таки свое дело…

Ничуть не успокоившийся Лёдя убегает из кухни в комнату, падает на колени перед кроватью и обцеловывает покрытый бисеринами пота лоб измученной жены.

– Леночка, прости! Прости меня!

– За что?

– Ты из-за меня страдаешь!

Ой, дурачок!

Лена с усилием улыбается. А потом резко морщится и вскрикивает.

Немедленно появляется повитуха и гонит Лёдю:

– А ну, погуляй, мальчик, делай ноги отсюда!

Лёдя дремлет на кухне, сидя на табуретке и прислонившись к стене. Рядом тихо бормочет молитву папа Иосиф. Входит мама, и Лёдя тут же просыпается:

– Ну что – ничего?..

– Ничего себе – ничего! – возмущается мама, – Девочка у нас, а не ничего!

В подтверждение ее слов раздается крик младенца. Лёдя несется в комнату, папа ковыляет за ним, на ходу интересуясь у мамы:

– А шо ж ты, Малочка, говорила: если живот уголком – мальчик будет!

– Ой, каким уголком? У этой тощей херувимки живота

вообще не было!

Семейство Вайсбейнов выходит из своей квартиры и гордо пересекает родной двор. На руках у Лены – крошечный комочек в кружевных пеленках и одеяле.

Отовсюду на них глядят соседи: и Розочка, и Аня, и мадам Чернявская, и опять беременная Маруся с очередным младенцем у своей неиссякающей груди, и портниха Галина Сергеевна, и, конечно, вечный старичок. Соседи напутствуют новорожденную:

– Зайгезунд! – кричит повитуха.

– Чтоб здоровенькая была, все остальное приложится! – желает Галина Сергеевна.

– Мазлтов! – машет сухонькой ручкой вечный старичок.

– Шоб была красивая, як мама Леночка! – заявляет Розочка.

– Только не такая худенькая, – уточняет жена мясника Аня.

А Розочка продолжает:

– И шоб такая шустрая, як папа Лёдя!

– Ой, боюся, ее муж за цэ спасыби не скаже! – смеется Маруся.

– Та шо ты такое говоришь! – возмущается Розочка. – Ее муж будет из нею счастлив!

Лена слушает соседей, ничего не отвечает, просто тихо улыбается. На лице Лёди тоже блуждает бессмысленно-бла-

женная улыбка молодого отца, еще толком не осознавшего этот факт своей биографии. Дедушка Иосиф делает спящей внучке «козу». А бабушка Малка поправляет одеяло и ворчит, что ребенку надо прикрыть головку, а то простудится, не дай бог, у этих бестолковых родителей.

Галина Сергеевна крестит вслед уходящее семейство Вайсбейнов.

– Шо вы такое делаете? – удивляется Аня. – Они ж не православные…

– Ай, я думаю, не повредит! – улыбается вечный старичок.

У дверей синагоги Лена бережно передает младенца на руки Лёде. Женщины, как положено, остаются на улице, а мужчины с ребенком входят в синагогу.

Синагогальный служка – шамес – открывает толстую книгу записи рождений и смертей, придирчиво осматривает ее и снимает пылинку с пера ручки. И задает первый вопрос:

– Отец?

– Утесов… – начинает было Лёдя, но под взглядом папы Иосифа осекается: – Вайсбейн. Лазарь.

– Мать?

– Вайсбейн Елена.

Далее шамес производит запись, подсказывая самому себе:

– Младенец женскаго полу… – И задает очередной вопрос: – Имя?

– Эдит, – отвечает Лёдя.

Шамес удивленно поднимает глаза на Лёдю и откладывает ручку:

– Нет такого имени!

– Как нет, есть, – заверяет Лёдя.

– Где есть? У нас есть Циля, Двойра, Роза в крайнем случае… А это что за имя, где оно есть?

– Например, в Норвегии, – упрямствует Лёдя.

– А где это она есть – эта Норвегия?

Лёдя на секунду задумывается и сообщает:

– В Америке.

– А-а, ну если в Америке, тогда можно… В Америке вообще все можно! – Шамес аккуратно вписывает диковинное имя в книгу, приговаривая: – Когда мой дядя Эфраим уезжал в Америку, у него были одни рваные штаны, а теперь у него – миллион!

– Зачем ему миллион рваных штанов? – недоумевает дедушка Иосиф.

Шамес озадаченно смотрит на него. А Лёдя, никого в целом мире не замечая, повторяет нежным шепотом на разные лады:

– Эдит… Дита… Диточка…

И вглядывается в личико новорожденной дочери, словно пытаясь провидеть все, что будет связано с ней в его долгой жизни, – любовь и боль, печаль и счастье.

Глава шестая
«Лопни, но держи фасон!»

МОСКВА, ТЕАТР ЭСТРАДЫ, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Утесов никогда не состоял в рядах коммунистической партии. Не состоял он и в рядах Ленинского комсомола. Да и самого комсомола в годы его юности еще не было. Но за долгие годы своей деятельности Леонид Осипович спел столько бодрых, призывных, патриотических, в общем – подлинно советских песен, что и партия, и комсомол уже давно и справедливо считали его своим. Вот и нынче партия – пусть несколько запоздало – но все же увенчала его высоким званием народного артиста. А комсомол явился сюда, чтобы поздравить юбиляра.

У микрофона – два типичных комсомольских работника шестидесятых годов: одинаковые костюмы с галстуками, одинаково открытые лица, одинаково светлый взгляд, одинаково белозубая улыбка.

– Дорогой Леонид Осипович! – говорит первый. – Комсомол всегда считал и считает вас своим полноправным и действующим членом!

– Спасибо, не ожидал, – без тени улыбки отзывается Утесов.

Дита слегка качает головой, укоряя неугомонного одес-

ского хулигана-отца.

А второй комсомолец поспешно уточняет:

– Мы, конечно, имеем в виду – почетным членом!

– А-а-а, – Утесов несколько разочарован.

– Мы же понимаем, что вы просто не могли состоять в рядах комсомола в невыносимых условиях царизма.

– Никак не мог, – сокрушается Утесов.

– Но ваши песни всегда были нашими! – продолжает первый. – На этих замечательных песнях выросло не одно комсомольское поколение.

– И не только выросло, – подхватывает второй. – С вашими песнями не одно поколение комсомольцев уходило на труд и на бой!

Взгляд Утесова теряет насмешливость, серьезнеет, заволакивается воспоминаниями…

И кто знает, может быть, звучит в его душе давняя любимая песня:

Дан приказ ему на запад,
Ей в другую сторону.
Уходили комсомольцы
На Гражданскую войну.

ОДЕССА, 1918 ГОД

События в России сменялись с головокружительной быстротой: солдаты возвращались с фронтов Первой мировой, большевики возвращались из эмиграции, царь Николай

отрекся от престола, в Петрограде произошла Февральская революция – практически бескровная. Потом грянула революция Октябрьская – уже более кровавая в Петрограде, а в Москве – кровавая ужасно. И началась Гражданская война.

В Одессе революционная организация «Румчерод» призвала одесский пролетариат к восстанию. Рабочие заводов Анатра, Гена, Шполянского вышли на улицы с оружием в руках. Самые горячие события происходили на привокзальной площади – как раз там, где снимала квартиру семья Лёди.

Стрельба начинается на рассвете. Лёдю, Лену и маленькую Диту, спящих в кровати, укрывшись одеялами и пальто, будят раздающиеся за плотно занавешенными окнами взрывы и крики. Родители хватают девочку и бросаются на пол, под окно. Сидят на полу и прислушиваются к происходящему на улице.

Дита тихо плачет. Лёдя устраивает дочь у себя на руках поудобнее, Лена укутывает ее поплотней в одеяльце, Лёдя поет колыбельную песенку. А стрельба и взрывы за окном не утихают.

– Заснула, – шепчет Лёдя.

– Проснется – есть захочет, – вздыхает Лена. – А доктор говорит, ребенку нужны витамины… Апельсины, говорит, хорошо… Какие апельсины, где эти апельсины!

Дита ворочается во сне. Лёдя опять укачивает ее и шепчет:

– Мне обещали три концерта в «Зеленом театре».

– Поговори, может, и меня там возьмут – петь в ресторане.

– А Дита?

– Ну, найдем няньку…

– Нет! – твердо заявляет Лёдя. – Ребенок должен быть с матерью! Поверь, Леночка, я сделаю все…

Его слова заглушаются новым грохотом сражения за окном.

На эстраде «Зеленого театра» Лёдя поет куплеты:

Всюду, где ни глянешь, лишь одно застанешь:
Не жалея сил и денег, все хотят фасон держать.
Терпят разны муки и на разны штуки
Все кидаются, чтобы фасон свой доказать.
Надевают узкие ботинки! Фьють!
И торчат на барахолке-рынке! Фьють!
На ногах в кулак мозоли! Фьють!
Стонут и кричат от боли! Фьють!
Лопни, но держи фасон!

Номер Лёди прерывает стрельба. В зал вбегает, паля из пистолета в невидимых преследователей, парень в тельняшке.

Публика в панике покидает зал. А навстречу ей выскакивают двое громил, тоже палящих из пистолетов. По счастью, никто ни в кого не попал, но схватить парня громилам уда-

ется.

А затем в зале появляется в сопровождении разношерстной бандитской свиты самый главный. Это очевидно по царственной осанке, по шикарному фраку с бабочкой, по идеальному пробору напомаженной прически и по той угодливости, с которой к нему обращаются прочие бандиты. Презрительно глянув на парня в тельняшке, главарь кивает подчиненным и громилы утаскивают парня из зала. Через несколько секунд за дверью слышится выстрел.

Лёдя и оркестранты вздрагивают. А главарь удивляется:

– Почему я не слышу музыку среди здесь? Это театр или похоронная контора? Маэстро, прошу!

Он усаживается в первый ряд и закидывает ногу на ногу. Лёдя, чуть помедлив, дает знак оркестру и поет новые куплеты – так сказать, на злобу дня, то есть вечера:

Грач проходил,
Горбач его остановил.
«Стой! Руки вверх!» – вскричал Горбач.
«Так я ж пустой!» – взмолился Грач.
«Коль ты пустой, пусть это будет так:
Сымай ботинки, бруки и спинжак!»

Главарю номер Лёди нравится, он с улыбкой качает ногой в такт музыке. Остальные бандиты за спиной главаря тоже реагируют одобрительно.

А когда номер заканчивается, главарь только трижды хло-

пает в ладоши и, не сказав ни слова, удаляется из зала. Бандиты следуют за ним.

Лёдя и музыканты в растерянности остаются на сцене. Появляется перепуганный администратор, утирающий платком вспотевшую лысину.

– Слава богу, они еще бомбу не взорвали! Откуда только взялись эти бандюги!

– Ниоткуда не взялись, – вздыхает Лёдя. – Наши, родные, одесские…

– И этот Мишка Япончик?

– Какой он Япончик? Мишка Винницкий, король Молдаванки.

– Чтоб этим королям ни дна ни покрышки! – причитает администратор. – Чтоб эти гады перестреляли друг друга…

В зал возвращается один из громил, и администратор мгновенно преображается.

– Ой, как приятно, что вы посетили наш скромный театр!

– Заглохни! – рычит на него громила и вежливо обращается к Лёде: – Господин артист, Михайло Соломонович имеет такое удовольствие пригласить вас у ресторацию откушать с ним.

В ресторане идет разгул-веселье. Расхристанные бандиты, полуголые девицы, спиртное рекой, еда горой, официанты мечутся с полными подносами, оркестрик наигрывает разухабистые мелодии.

Мишка Япончик, обняв Лёдю за плечи, ностальгирует:

– Эх, Лёдька опять нас с тобою жизнь свела… Одними ходим мы дорожками, да только разными ножками! – Он смеется. – Вспомнил, как ты за лопатником бегал и чуть на мое перо не напоролся!

Лёдя тоже натянуто улыбается, без особого удовольствия вспоминая этот эпизод своей жизни. А Япончик серьезнеет:

– Зато теперь как тебя занесло… Артист! А я, между прочим, еще когда на Чумке ты у одного фраерка гроши отборол и заморышу отдал, я уже тогда сразу скумекал: этот пацан не такой, как мы. И я таки прав!

В ресторане возникают чрезвычайно странные для этого вертепа фигуры – две барышни в скромных платьях с эмблемой «Красного Креста». Протягивая кружки для пожертвований, они взывают о помощи раненным бойцам. Но их слабые голоса тонут в общем гаме.

К Япончику на колени шлепается пьяная красотка и страстно впивается ему в губы.

– Уйди, шалава! – кричит Мишка.

Но она обнимает его крепче.

– Мишенька! Зайти обещал – я ждала, ждала, извелася вся!

Мишка сдается и отвечает на ее поцелуи. Лёдя, оставшись без собеседника, смотрит по сторонам. На соседний стол бандит опрокидывает визжащую и хохочущую подружку. Фрукты разлетаются по полу. Лёдя оглядывается, не ви-

дит ли кто, подбирает пару апельсинов и прячет в карманы.

Мишка краем глаза засек это. Он стряхивает красотку с колен, собирает за четыре угла скатерть со всем, что есть на столе, завязывает в узел и протягивает оторопевшему Лёде:

– Пока я есть в этом городе, артист не будет голодать!

Лёдя растерянно смотрит на огромный узел. Мишка подзывает одного из своих амбалов:

– Отнесешь это господину артисту домой.

Лёдя пытается объяснить:

– Я живу на…

Но Мишка прерывает:

– Этот малыш в нашем городе не чужой. И знает, слава богу, кто где живет. Да, и еще передай мадам Утесовой сто рублей.

– Сделаем! – Бандит протягивает атаману руку.

– Что? – прищуривается Мишка.

– Так вы ж сказали за сто рублей для мадам…

– И шо, ты хочешь их взять у меня? – интересуется Мишка. – Советую лучше найти их по дороге!

Бандит, взвалив узел на плечо, быстро ретируется.

– Спасибо, Михаил! – волнуется Лёдя. – Поверь, я не для себя – для ребенка… И мне очень неудобно…

– Неудобно в гробу лежать стоя! – машет рукой Мишка.

А тем временем девушки из «Красного Креста» уже добрели до бандитской компании и по-прежнему тихо просят о помощи раненным на войне.

Из-за столика, пошатываясь, встает бандит со шрамом через щеку:

– А чего им помогать? Я их туда посылал? Кто посылал, тот нехай и жертвует!

Девушка робко возражает, что раненые ни в чем не виноваты.

– А я виноват? Вы какого… сюда пришла? Такие чистенькие! А если меня подстрелят, вы тоже будете кружкой бренчать? Нет? Тогда катитесь отсюда!

Девушки испуганно пятятся к выходу. Но Лёдя вскакивает с бокалом вина в руке:

– Погодите, барышни!

Он подходит к оркестру, о чем-то просит музыкантов, музыка смолкает. Жующая и пьющая публика недовольно оборачивается. Лёдя рассматривает на свет свой бокал.

– Когда я откупоривал это прекрасное вино, я думал: вот, сейчас выпью, съем свой антрекот в соусе бланманже… Может быть, назначу свидание милой девушке… Не подумайте плохого – просто прогулять ее по бульвару!

Публика хихикает, принимая спич Лёди за номер юмориста.

– А потом я пойду домой… Ой, если б вы знали, какой штрудель печет моя жена! А еще у нее есть такая сорочка с кружевами, и у нее такие густые мягкие волосы… Ну, вы меня понимаете!

Публика искренне аплодирует. Япончик смотрит на Лёдю

удивленно.

– И вот, когда я уже поцелую моего маленького ангела-дочурку и уже буду тушить лампу, чтобы спать, вдруг кто-то чужой постучит в мой дом! И прикажет собирать вещи, и отведет на призывной пункт, и скажет, что большие генералы хотят узнать, кто из них лучше воюет. И они не могут это понять без меня. – Голос Лёди крепнет, звенит. – И я буду глохнуть от взрывов, тонуть в грязи, голодать, давить вшей… И когда меня ранят, я буду даже счастлив! Потому что – хоть немного покоя…

Публика уже не смеется, в зале стоит сочувственная тишина. Япончик внимательно слушает старого знакомого. Лёдя указывает на «краснокрестниц»:

– А потом сестричка милосердия, вот такая – юная, свежая, для которой хочется купить фиалок, – так вот она скажет: вы не волнуйтесь, что у вас болит нога, она не может болеть – ее у вас уже нет!

Лёдя останавливается перевести дыхание. Женщины всхлипывают. Даже шкафоподобный бандит вытирает рукавом глаза. И сам Лёдя с трудом проглатывает ком в горле.

– Как теперь жить? Кому я, такой, нужен? – голос Лёди теплеет. – Я нужен моей жене! Она все равно любит меня, и я люблю ее! А нога… Что нога? Я научусь ходить на костыле, выучусь на сапожника, на портного, на писаря… Только нужно время, немножко времени… Но как это время продержаться без вашей помощи? Как выжить без вашего ми-

лосердия?

Лёдя умолкает. В ресторане звенящая тишина. А потом люди срываются из-за столиков, спешат к девушкам, их кружки наполняются купюрами, монетами, драгоценностями.

Всхлипывающий бандит вынимает деньги отовсюду – из карманов, из башмака, из пистолетной кобуры.

Мишка снимает со своего пальца массивный перстень и опускает его в кружку. Потом обнимает Лёдю, растроганно шепчет ему на ухо:

– Да, я еще тогда скумекал: ты не такой, как мы… Телячьи твои нежности! – И обернувшись к залу, громко объявляет: – Вот это я называю – настоящий артист!

И снова за окном комнаты Лёди, по-прежнему занавешенным одеялом, гремит перестрелка. Лена кормит маленькую Диту. Лёдя ковыряет пальцем выбоину в стене над кроватью.

– Хорошо, пуля высоко пошла… А если бы ниже?..

Жена не отвечает на его вопрос. Но Лёдя не отступает:

– Леночка, пока не поздно, переедем к родителям. До их района, даст бог, бои не дойдут. А здесь, у вокзала, воюют все!

Лена наконец откликается. Коротко и ясно:

– Жить с родителями – это не выход.

– Да они с радостью нас примут!

– Примут – для чего? Чтобы снова поучать нас, как жить?

Дверь в квартиру срывается с петель от мощного удара. Лена вскрикивает, прижимает к себе Диту. На пороге – два запыленных красноармейца.

– О, глянь! – хрипло выдыхает один из них. – Так тут живут…

– Конечно, живут! – возмущается Лёдя. – Это мой дом!

– Ни, зараз цэ – наш санбат. – Красноармеец кричит кому-то за дверью: – Раненых сюды!

А в дверь уже закатывают пулемет.

Лёдя с узлом на спине и Лена с Дитой на руках короткими перебежками, прячась в подворотнях от выстрелов, бегут по улице к дому родителей.

Счастливый дедушка Иосиф воркует с внучкой:

– Боже ж мой, откуда взялось такое красивое дитя! Какие сладкие пальчики! Наверное, эту девочку покупали в самой лучшей кондитерской!

– А тебя, дедуска, где покупали? – лопочет трехлетняя Дита. – На Пливозе?

– Диточка, нельзя так говорить дедушке, – одергивает дочку Лена.

Бабушка Малка поджимает губы:

– Раньше надо было воспитывать!

– Бабуска, а посему у тебя вобик в повосочках?

Дита разглаживает морщины на лбу бабушки, и та млеет. Но все-таки ворчит:

– Это не полосочки, это мне жизнь нарисовала все мое горе… – И, не удержавшись, добавляет: – От твоих родителей.

Лена бросает на свекровь выразительный взгляд, но та гнет свое:

– Что-то ты у них тощенькая, просто светишься… Мы дадим тебе рыбий жир.

– Не хосю выбий жив! – капризничает Дита. – Папа мне пвиносит пивожные из вестована!

Бабушка Малка закатывает глаза:

– Бог за мои грехи наказал дитя такими родителями!

Дедушка Иосиф тоже возмущается:

– Лёдя! Как это – кормить ребенка трефными пирожными?

– Папа! – вздыхает Лёдя. – Кто сейчас думает: трефное – кошерное? Было бы что есть…

– В нашем доме ребенок будет есть то, что положено! – заявляет бабушка Малка.

В Одессе снова ласковое солнечное утро. Будто и не было страшных военных ночей. Мирно накатывают на песок морские волны. Мирно прогуливаются по бульвару дамы и господа. Мирно беседуют старички-меломаны в скверике у Оперы. Мирно клюют хлебные крошки голуби вокруг статуи Дюка. Короче, мир и спокойствие в природе и людях. Но только не в доме Вайсбейнов.

– А я вам говорю, что доктор не велел давать ребенку жир-

ный бульон! – кипятится Лена.

– Где это можно было найти доктора, который запретил ребенку настоящий золотой бульон? – интересуется мама Малка. – Наверное, этот доктор – гой!

– Да хоть татарин! Главное – он хороший доктор!

– Если бы он был хороший, он не говорил бы этих глупостей!

– В конце концов, я сама знаю, чем кормить моего ребенка!

– А я что, буду стоять и смотреть, как моя внучка голодает?

В комнату заглядывает Лёдя с примирительной улыбкой:

– Милые дамы, имейте снисхождение друг до друга!

Свекровь и невестка дружно оборачиваются к Леде и дружно восклицают:

– А ты вообще не вмешивайся!

Лёдя не отступает:

– Но если вы не знаете, как накормить ребенка, так накормите хоть меня.

Женщины опять дружно открывают рты, но не успевают ничего сказать – раздается громкий стук в дверь. Мама Малка пугается:

– Боже мой, кто это?

Лёдя пожимает плечами и идет открывать. На пороге стоит громила-адъютант Мишки Япончика.

– Доброго здоровьичка, господин артист! Михайло Соло-

монович вас до себя кличут.

– Хорошо, я вечером буду…

– Не, Михайло Соломонович говорит: дюже треба прямо зараз!

Во дворе «малины» Япончика собираются бандиты.

Лёдя и Мишка – на этот раз он не в щегольском костюме, а в военном френче, галифе и сапогах – вместе наблюдают из окна за прибывающими во двор бойцами. Япончик объясняет:

– И встал передо мной вопрос быть или не быть! Понимаешь?

– Понимаю – Гамлет, – улыбается Лёдя.

– Артист, мне не до хохмочек! Новая метла по-новому метет… При революции нельзя жить как мы жили раньше, но как-то же надо жить! Так что я решил сделать ход конем!

– Пойдешь в конармию Буденного? – опять не удерживается от репризы Лёдя.

– Фраер! Если б я тебя так не любил, ты б уже лежал в деревянном бушлате. Шоб ты знал, я сам себе – Буденный. У меня будет своя армия – революционный полк уголовников, желающих начать новую жизнь.

– Хороший ход конем! – одобряет Лёдя. – Но я тебе зачем?

– Понимаешь, с комиссарами я договорился, а надо еще договориться с моими орлами. Ну, что теперь они – красные бойцы, герои революции. Могу, конечно, давануть авторите-

том, но хочется по душам… Я ж видел в ресторане: ты мастак речи толкать!

Лёдя выглядывает в окно на расхристанную, вооруженную до зубов толпу и вздыхает:

– В ресторане был другой контингент…

– Чего? – не понимает Мишка.

– Ну, другая компания.

Мишка тоже глядит в окно на соратников и тоже вздыхает:

– Да уж, эта компания – оторви да брось!

Что тут делать, Лёдя выходит на крыльцо дома и толкает пламенную речь перед заполнившими двор бандюганами всех мастей про то, что революция доверяет этой братве свою судьбу, и они, конечно, оправдают революционное доверие, сметут всех врагов революции, как смели паршивую одесскую шпану, так что выше красное знамя, тверже чеканный шаг, короче, как поется в хорошей песне: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов, и как один умрем в борьбе за это!»

Лёдя пламенно заканчивает песню и умолкает. Ощущая, что вроде как-то не совсем то пел. И действительно, аудитория обрушивает на него шквал недовольства:

– Артист, засохни!

– Держи мешок шире – насыплем картошку!

– А что наши бабы будут жрать, пока мы за революцию помираем?

– Могу тебе красное знамя толкнуть по дешевке! А могу белое!

Бандиты ржут и веселятся. Огорченный Лёдя возвращается с крыльца в дом.

– Извини, Михаил, – говорит он Япончику, – революционный оратор из меня хреновый.

– Не бери в голову! – утешает Мишка. – Это из моих орлов революционеры хреновые. Хотел с ними по душам, но опять придется давить авторитетом.

Тут распахивается окно, и на подоконник ложится грудью развязная девица – та самая проститутка Зойка из трамвая, для которой Лёдя пытался отобрать кошелек у вора.

– День добрый, Михайло Соломонович! – Она замечает Лёдю: – О, мальчик! Какая встреча!

Лёдя удивленно смотрит на Зойку:

– Ты?.. Вы… здесь?

– А куда ж бедной девушке податься? Михайло Соломонович – мне опора и защита!

Япончик криво усмехается:

– Это от тебя защищаться надо!

Зойка радостно хохочет:

– Ну, вы скажете! Мальчик, а ты так мою копеечку и не нашел?

– Зойка, не чепляйся до артиста, ему и так хлопцы больные нервы сделали!

Зойка призывно и нагло смотрит на Лёдю:

– Так это я полечу, как сестра милосердия! Не журись, артист, что хлопцы наши тебя на смех взяли. То они не над тобой – над собой смеялись. Ну, какие из них революционеры! Они ж всю революцию угробят! А ты – хороший, веселый… Айда до ресторации!

Япончик дает ей щелбана в лоб:

– Губу закатай, он женатый!

– Жена не стена, подвинется! – смеется Зойка.

– А правда, поехали в ресторан, – приглашает Мишка Лёдю.

– Нет, спасибо, я домой…

– Домой – так домой. Подвезу по дороге…

Япончик и Лёдя садятся в открытый автомобиль-кабриолет. Туда же запрыгивает и Зойка.

– Не откажите даме прокатиться с шикарными кавалерами!

Мишка нажимает на клаксон, выдавая мелодию «Смейся, паяц!». Из выхлопной трубы вырываются клубы черного дыма, автомобиль выезжает со двора. Прохожие останавливаются, глазеют на чудо техники. Зойка во все горло распевает «Мурку».

– Михаил, – просит Лёдя, – пожалуй, не надо меня до дома… Я на углу выйду…

Но машину догоняет всадник на белой лошади – один из банды Япончика.

– Я извиняюсь, господин артист, мы с хлопцами покуме-

кали и постановили: зря мы над вами ржали. Давайте мириться!

– Да я с вами и не ссорился…

– А тогда давайте выпьем!

В руке у всадника невесть откуда появляется бутылка шампанского. Он пронзительно свистит, и к машине подлетает еще десяток бандитов на конях. В руке у каждого бутылка.

– Ну что, артист, придется пить! – смеется Зойка. – На брудершафт!

– На брудершафт? – оторопело переспрашивает Лёдя. – Со всеми?!

– Не надо со всеми, только со мной! – Зойка впивается в губы Лёди жгучим поцелуем.

Утром Лёдя с трудом открывает глаза. Перед ним – клетка с канарейкой. На стене – коврик с лебедями. Лёдя укрыт розовым атласным одеялом. Он поворачивает голову и обнаруживает рядом с собой спящую Зойку.

Лёдя испуганно садится на кровати, рванув на себя одеяло, и тем самым обнажает Зойку. Она ворочается, сонно улыбается:

– Проснулся, сладенький?

– Где я?!

– У меня, где ж еще?

– Сколько я спал?

– Спал? – лукаво прищуривается Зойка. – Спал-то ты немного…

Лёдя видит на столе батарею бутылок, остатки еды, вскакивает, торопливо натягивает штаны, не попадая в брючины, хватает пиджак и вылетает из комнаты. Вслед ему несется хриплый смех Зойки.

Дома весь помятый Лёдя стоит перед Леной.

– Тебя не было целые сутки! Что, ну что я должна была думать?!

– Что я пошел за… ну я вышел за… – бормочет Лёдя заплетающимся языком, роясь в карманах, и вдруг извлекает оттуда яблоко и страшно радуется: – Вот! Я пошел за яблу… ябло… за яблоком!

– Ах, за яблоком?!

– Ну да, доктор же велел виту… витамины…

Лена хватает яблоко и выбрасывает в окно.

Яблоко падает на колени сидящего во дворе вечного старичка. Он ощупывает фрукт, нюхает его и радуется:

– Чтоб я так всегда жил!

За дверью в коридорчике горестно прислушивается к скандалу между Лёдей и Леной папа Иосиф. Мимо него проходит мама Малка с ворохом белья.

– И правильно! – строго говорит она, не уточняя, к кому относится это замечание.

Папа Иосиф вздыхает и уходит в комнату, где играет на

полу внучка.

– Диточка, золотко мое, пойдем погуляем…

Но в комнату влетает разъяренная Лена.

– Дита! Собирай игрушки! Мы уходим!

Папа Иосиф усаживается на стул. Лена бросает на пол большой клетчатый платок. Вбегает Лёдя.

– Леночка… Что ты… Леночка… Я не хотел… Я нечаянно…

Не слушая его, Лена швыряет на платок какие-то вещи, торопит дочь:

– Дита, я кому сказала! Собирай сюда игрушки!

Папа Иосиф раскачивается на стуле, обхватив голову руками:

– Ой, горе, горе!

Лена увязывает вещички в узел, хватает Диту за руку, тащит к двери.

Но путь ей преграждает мама Малка.

– Никуда ты не пойдешь!

– Пустите! Это мое дело!

Мама Малка решительно качает головой:

– Нет! Это – наше дело! Лёдька, падай на колени!

Лёдя недоуменно смотрит на маму.

– Падай, я сказала!

Лёдя опускается перед Леной на колени и бубнит:

– Прости… Прости меня, Леночка… Пожалуйста, прости…

– Прощай его, дурака! – командует мама Малка. – Не по злобе он, а по глупости. Первый раз и грех – не грех.

Лена растерянно смотрит сверху на покаянную голову Лёди.

А бабушка Малка отбирает у Лены ручку Диты и передает ее дедушке Иосифу:

Йося, ты хотел погулять? Так идите, идите!

Она выпроваживает деда с внучкой за дверь. И как ни в чем ни бывало сообщает:

– Схожу на Привоз – наволочки на мыло поменяю…

Мама Малка уходит. А Лёдя так и стоит на коленях, уткнувшись лбом в ноги Лены.

По улице едет роскошный автомобиль Мишки Япончика. Едет не спеша, чтобы прохожие могли изумиться чуду техники, а Мишка – насладиться изумлением прохожих. Но вдруг он жмет на клаксон, издающий «Смейся, паяц!», и кричит:

– Эй, пешеход, задавлю!

Это относится к бредущему с авоськами картошки в каждой руке Лёде.

– Чего не заходишь? – интересуется Япончик. – Зойка по тебе сохнет!

Лёдя только глухо стонет от воспоминаний о Зойке.

– Понимаю, – ухмыляется Мишка. – А вот чего я тебя не наблюдаю в искусстве – не понимаю. И вообще, чего-то культурная жизнь в Одессе зачахла…

Лёдя опускает авоськи с картошкой наземь:

– Какая культурная жизнь, когда люди по вечерам из дома не выходят!

– Что, революционный быт заел?

– Нет, просто боятся.

– Кого боятся? – Мишка наконец соображает: – А-а, моих хлопцев?

Лёдя отвечает уклончиво:

– Ну, твоих – не твоих… Но в городе вообще неспокойно. Пойдешь в театр, а вернешься ли домой – неизвестно…

– Будет известно! – твердо обещает Мишка.

Бандиты Япончика снуют по всему городу, занимаясь необычным для них делом. На афишных тумбах, на стенах домов, на заборах они расклеивают объявления такого содержания:

Всем гражданам-одесситам, кто изъявит желание сходить в театр или какое другое культурное заведение, гарантирую безопасность туда и обратно. Япончик.

И, лично подтверждая свою гарантию, Мишка в окружении бандитской свиты сидит в первом ряду наполненного зрителями зала одесской Оперы.

Еще не поднят знаменитый занавес, но здесь уже все как в прежние мирные времена. Поблескивает позолота на многочисленных скульптурных украшениях. Оркестранты в крахмальных манишках настраивают инструменты. Дамы разгля-

дывают друг друга в театральные бинокли.

Достав золотые часы из жилетного кармана, Мишка открывает их крышку – при этом часы издают нежную мелодию – смотрит на циферблат и что-то шепчет сидящему рядом громиле. Тот понимающе кивает в ответ.

А за кулисами Лёдя в брюках и манишке на голое тело гримируется перед зеркалом, сидя спиной к окну, возле которого висит на крючке его фрак. Загримировавшись, Лёдя поворачивается за фраком, но крючок пуст. Лишь покачивается створка приоткрытого окна.

В гримерную заглядывает громила-адъютант Мишки.

– Я дико извиняюсь, господин артист, но Михайло Соломонович интересуются, или вы собираетесь начинать искусство?

– Искусство? Как? Вот так? – Лёдя гневно показывает на себя – полураздетого.

– А шо? – не понимает громила.

– Шо, шо! Фрак у меня свистнули!

– Так бы и сказали…

Громила удаляется. В зале он подходит к нетерпеливо поглядывающему на часы Япончику и шепчет что-то ему на ухо. Глаза Мишки расширяются, а кулак, наоборот, сжимается. И он грозит этим кулаком громиле, отдавая какой-то краткий приказ.

В гримерной администратор, утирая платком вспотевшую лысину, мечется перед полуголым Лёдей.

– А я так радовался: за столько времени – полный зал! Что же делать? Может, послать за моим фраком?

– И надеть его на меня? У публики случится инфаркт. От смеха!

– А может быть, выйдете прямо в своем?

Лёдя тычет в лежащие на диване солдатские штаны и потертый пиджачок:

– И в этом… своем… я буду петь арию графа?

Администратор в полном отчаянии еще сильнее трет платком потную лысину.

В дверь просовывается голова шпаненка с огромным фингалом под глазом.

– Я могу видеть артиста господина Утесова? – сипло интересуется он.

Лёдя, несмотря на драматизм ситуации, усмехается, глядя на его фингал:

– Ну, если ты вообще что-то можешь видеть, так Утесов – это я.

Шпаненок свистит кому-то за дверь. И Лёдя с администратором изумленно наблюдают, как банда оборванных пацанов вносит различные фраки и развешивает-раскладывает их по всей гримерной.

– Что… это? – недоумевает Лёдя.

– Ну, если вы можете что-то видеть, – отплачивает ему за насмешку шпаненок с фингалом, – так это фраки. Семнадцать штук.

– Зачем мне семнадцать фраков?

– А я знаю, который – ваш? Это весь улов за сегодня – ищите…

Лёдя, быстро перебирая фраки, находит свой.

– Ну спасибо! – Он косится на фингал пацана. – А это – в темноте наткнулся на фонарь?

– Нет, фонари я вижу хорошо, – с достоинством отвечает шпаненок. – А это мне объяснили, что грабить артистов некрасиво!

На сцене разворачивается зрелище, как минимум, странное: Лёдя во фраке под полный симфонический оркестр Оперы исполняет вовсе не арию какого-то неизвестного графа, а известные злободневные куплеты:

Гром прогремел – золяция идет!
Губернский розыск рассылает телеграммы,
Шо вся Одесса переполнута з ворами
И шо настал крихтический момент,
И заедаеть темный элемент!
Вот мент идет,
Вот мент идет,
Идет в обход,
Идет в обход!
Вот мент стоит,
Вот мент стоит,
Допрос идет,
Допрос идет!

Япончик и его братва в первом ряду веселятся и хлопают. Да и вся вполне приличная театральная публика аплодирует Лёде.

Такое это было время – разгул анархии и бандитизма. В городе еще толком не обосновались войска – ни красные, ни белые, и на домах еще не были расклеены прокламации о борьбе с бандитами и расстреле мародеров на месте.

Армия Мишки Япончика – не десятки, не сотни, а тысячи уркаганов – практически правила городом. У них даже был свой «моральный кодекс»: врачей и артистов не трогать – или, как они сами выражались, «не калечить».

Япончик все-таки сколотил свой полк и отправился с ним на фронт против петлюровцев. Но не приученные к воинской дисциплине и лишенные революционного духа борцов за счастье трудового народа бандюганы Япончика после первых же боев массово дезертировали. Говорят, что Мишка, чтобы не растерять окончательно свою армию, потребовал у коменданта станции Вознесенск вагоны для отправки своих хлопцев домой в Одессу, но у них с комендантом вышел горячий спор, и комендант успел выхватить свой револьвер первым…

Есть и другие версии гибели небесталанного человека и бандита Мишки Япончика. Но, так или иначе, ясно одно: время его власти и его жизни прошло окончательно и бесповоротно.

А в город пришли красные.

Усталый после концерта Лёдя возвращается домой, снимает в прихожей калоши, вешает пальто, направляется в комнату и застывает на ее пороге.

Вся семья сидит за столом, накрытым праздничной скатертью и уставленным праздничной посудой. И хотя на расписных тарелках лишь вареная картошка и кусочки селедки, в доме – явный праздник. Папа Иосиф радостно сообщает:

– Лёдичка! Клавочка вернулась!

Из-за стола оборачивается к Лёде худощавая коротко стриженая женщина в кожанке – неузнаваемо изменившаяся за время английской эмиграции старшая сестра Клавдия. Они с Лёдей обнимаются, потом он отстраняет ее, разглядывает:

– Ну, сестренка, тебя не узнать… Какая ты – прямо важная мадама!

Клавдия ласково щелкает его по носу:

– А ты, братец, не меняешься. Посолиднел, конечно, но глазки те же – шкодливые!

Лёдя усаживается за стол рядом с сестрой и Леной. Клавдия обнимает Лену за плечи:

– Хотя нет, вру, изменения у тебя имеются. И очень приятные: жена замечательная и дочка – сплошное очарование!

– Ну, рассказывай, – просит Лёдя сестру, – надолго к нам?

– Полагаю, навсегда.

– Чем же тебе Англия не угодила?

Клавдия строго объясняет:

– Я и в Англию уезжала, и в Россию вернулась не по капризу своему, а по заданию партии.

– Ах, ну да! Забыл, кто ты там – эсер, эсдек…

– Я – член партии большевиков.

– Слушай, а ты не планируешь подарить папе с мамой маленького большевичка? А то они всю свою энергию обрушивают на мою бедную Диту.

– Политические убеждения – не повод для шуток! – отрезает Клавдия.

– Дети, дети, не ссорьтесь, – волнуется папа Иосиф.

– Это разве дети? Это – клоуны! – заявляет мама Малка. – Одна на трибунах комикует, другой – в ресторанах…

– О, совсем забыл! – Лёдя убегает в прихожую и возвращается с бумажным свертком: – Вот, презент из ресторана!

Он выкладывает из свертка на тарелку котлеты и пирожки. Папа Иосиф открывает было рот, но Лёдя предупреждает его реплику:

– Спокойно, папа! Это из ресторана Блюменталя, так что считай кошерное.

Клавдия презрительно тычет вилкой в котлеты:

– Да-а, Лёдя, похоже, заблудился ты… Крепко заблудился в жизни!

– Ты о чем?

– А мне уже поведали кое-чего. Про рестораны твои, про дружбу с уголовным элементом…

– Это уже не уголовный элемент, – Лёдя с аппетитом ест котлету. – Это уже перековавшиеся бойцы революции.

Раздается стук в дверь, и в комнату заглядывает соседка Розочка с туго набитым узлом.

– Я извиняюсь, моя троюродная тетка Циля с Маразлиевской просила это к вам на сохранность покласть.

Клавдия изумленно наблюдает, как Розочка привычно заталкивает свой узел под кровать, под которой видны и другие узлы.

– Что это значит?!

– Дамочка, вы шо, с луны свалились? Или вы не знаете, что красные – как бандиты: тоже врачей и артистов не грабят? Вот мы и сносим свое добро к Лёде, дай бог ему здоровья!

Клавдия немеет от возмущения. А папа Иосиф неловко покашливает:

– Кхе-кхе… Роза, вы что, не узнаете… кхе-кхе… нашу Клавочку?

– Боже ж мой! – всплескивает руками Розочка. – Клава! А мы ж думали, ты за английского прынца выскочила!

Мама Малка решительно подталкивает Розочку на выход:

– Пойдемте, Роза, я имею вам что-то сказать!

Сгорающая от любопытства Розочка еще успевает обернуться в дверях:

– Клава, выходи на двор – посидим, побалакаем!

Когда дверь за соседкой захлопывается, Клавдия заявляет

твердо:

– Чтобы больше всего этого я не видела! Ни бандитских подачек, ни укрывательства имущества от революции!

Ей отвечает негромко, но тоже твердо Лена:

– Мы вас, Клава, уважаем. Но Лёде нужно кормить семью. И вообще, всем надо как-то жить.

Клавдия и Елена обмениваются прямыми, не уступающими друг другу по решимости взглядами. Потом Клавдия говорит примирительно:

– Вы правы, Лена, жить, конечно, надо. Лёдя пойдет к нам, в реввоенсовет, на работу. И революции послужит, и паек у нас надежный.

Лёдя стоит перед бывшим дворянским особняком, где теперь находится реввоенсовет. На фасаде намалеван огромный плакат: мраморные ступени, на ступенях трон, а с трона текут потоки крови. И надпись:

Кровью народной залитые троны
кровью мы наших врагов обагрим!

Лёдя, чуть поежившись, нерешительно входит в особняк.

В своем кабинете Клавдия вручает брату новенькую скрипучую кожанку, красный бант, маузер в деревянной кобуре и скупо улыбается:

– Ну, теперь душа моя спокойна.

– А большевики же отменили душу, – улыбается в ответ Лёдя.

– Диспуты у нас по субботам, – отрезает Клавдия.

– А я думал, у нас по субботам – шабес.

– Мы не делим людей по национальному признаку! Иди, тебя внизу ждут…

Перед большим барочным зеркалом вестибюля Лёдя одергивает на себе кожанку, поправляет красный бант, передвигает на поясе кобуру, делает грозное лицо, но не выдерживает, корчит своему отражению рожу и спешит на улицу.

У подъезда стоит автомобиль. За рулем мордатый хлопец – тоже в кожанке с красным бантом.

– Товарищ Вайсбейн! – машет он рукой. – Пора, буржуи заждались!

В неспешно едущей по улицам машине бывалый напарник инструктирует Лёдю:

– Заходим, говорим: именем революции вы, господа хорошие, подлежите экспроприации. А дальше гребем что найдем. Оставить дозволено только то, что на них надето, да еще одну смену белья, да одну простыню на каждого гражданина.

– И все? – удивляется Лёдя.

Да им и того много! Буржуи – народ хитрожопый, так и норовят по две пары штанов надеть. А бабы, смех сказать: по два корсета напяливают. Так что баб надо щупать!

Напарник гогочет. Лёдю передергивает.

– Но шмотье – это самое простое. А когда доходит до ка-

мешков – вот где самая наша работа! И раз мы работаем вместе, сговоримся на берегу: ежли тебе какая вещичка буржуйская глянется, я слова не скажу, но и про меня молчок. Понял?

– Нет.

– Объясняю. Мы забираем у буржуев имущество в пользу рабочего класса, так? Так. А мы с тобой кто? Мы с тобой рабочий класс и есть. Значит, имеем полное право!

Лёдя с хлопцем поднимаются на этаж, и напарник без лишних слов и звонков колотит кулаком в дверь квартиры:

– Именем революции, откройте!

Щелкают несколько замков – люди наивно ставили хитроумные запоры, полагая, что они защитят от беспредела революционного лихолетья. Из двери выглядывает испуганное лицо с бородкой-эспаньолкой. Напарник отталкивает хозяина и врывается в квартиру, бросив лишь одно слово:

– Эскпроприация!

Интеллигентное семейство – папа, мама и сын лет двенадцати – забилось в угол. Лёдя вяло и бессмысленно перебирает книжные полки, аккуратно ставя книги на место. А напарник азартно потрошит шкафы, комоды, выбрасывая вещи и белье на разложенную посреди комнаты скатерть.

Хозяйка прерывисто всхлипывает. Муж и сын обнимают ее обеих сторон, но не произносят ни слова. Взопревший напарник утирает лоб, оглядывая небогатый лов, и спрашивает:

– А золото-брильянты где?

Хозяин дома горестно машет рукой:

– Какие брильянты! У нас и прежде богатств не водилось, а уж теперь и все, что было, проели.

Напарник подмигивает Лёде.

– Все они эту сказку рассказывают!

Поигрывая маузером, он направляется к иконостасу в углу комнаты.

– А это, по-вашему, тоже – ничего нету?

Он хватает большую икону в богатом окладе и бросает ее на кучу белья. Хозяйка в слезах выбегает из комнаты. Напарник не останавливает ее, лишь усмехается:

– Нервенная бабенка! Ничего, советская власть нервы-то ей подлечит. Вяжи этот узел, а мы с батей дальше поглядим…

Хозяин понуро уходит за напарником. Лёдя неумело пытается уложить и связать вещи. Мальчик наблюдает за ним. Лёдя берет икону и протягивает ее мальчику:

– Спрячь! Здесь уже смотреть не будем.

Мальчик прячет икону под шкаф. А Лёдя быстро завязывает узел с вещами.

Возвращается крайне недовольный напарник с хозяином.

– Ни хрена там нету! Тоже мне – буржуи!

Он подхватывает увязанный Лёдей узел и идет на выход. Хозяин плетется провожать незваных гостей. Напарник выходит, а Лёдя задерживается в дверях:

– Извините, время такое…

Хозяин лишь печально машет рукой.

Напарник суетится возле машины, бросает узел на заднее сиденье и вынимает из кармана две пары сережек:

– Я все же дамочку пушкой пощекотал – камушками разжился. Держи, твоя доля.

Напарник протягивает одну пару сережек, но Лёдя отшатывается:

– Не надо!

– Чего не надо? Бабе своей отнесешь – она на сахар сменяет или на муку.

– Мне ничего не надо!

Напарник меняется в лице:

– Против закона революции идешь? Как бы ты сам на их буржуйском месте не оказался! Ладно, едем, пообвыкнешь…

Напарник усаживается за руль. Но Лёдя решительно поворачивается и уходит.

В кабинете у Клавдии он бросает на стол кожанку и маузер. Сестра холодно интересуется:

– Отказываешься служить революции?

– Так служить – отказываюсь! Не могу я этого… Хоть режь – не могу!

– Кишка тонка?

– Да пойми ты, пойми: я артист! Просто артист!

Клавдия задумывается и решает:

– Ладно, послужи советской власти как артист!

Так Лёдя впервые окунулся в атмосферу незнакомого ему доселе революционного искусства. Он стал артистом агитационного поезда. За этим громким названием скрывалась обычная теплушка, увешанная агитационными плакатами, призывающими защищать революцию и бить буржуев. Эта теплушка возила Лёдю с его небольшой командой артистов со станции на станцию, где находились уходящие в бой или вернувшиеся из боя красноармейцы.

Лёдя был мастер на все руки – и автор, и исполнитель, и музыкант. Как и его измотанные боями зрители-слушатели, он недоедал, недосыпал, но был полон боевого энтузиазма. Нельзя сказать, что Лёдя уже глубоко проникся революционными идеями и был готов на подвиг во имя революции. Нет, он еще мало что понимал в подлинном смысле происходящих исторических перемен. Но ему нравилось само это состояние артиста, который нужен массам. А главное, ему нравилось это творимое им самим еще не очень осознанно, еще на ощупь новое искусство – пламенность чувств, открытость мыслей, синтетичность возможностей слова, музыки, танца…

Состав из нескольких теплушек останавливается на маленьком полустанке. На одном вагоне надпись: «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АГИТПОЕЗД».

Подбегает красноармеец, колотит в дверь. Дверь отодви-

гается, и появляется Лёдя – сонный, помятый, с воспаленными глазами

– Артисты? – спрашивает красноармеец.

– Артисты, – отчаянно зевает Лёдя.

– Под Жуковкой рельсы взорваны, вам стоять часа три. Братцы-артисты, дайте концерт для бойцов, уходящих на фронт!

– Да вы что, у меня люди еле живые! По пять выступлений в день даем… Впервые за двое суток заснули…

– Но ты пойми: хлопцы идут на фронт! Кто знает, вернутся ли…

– Понимаю… Но рука не поднимется будить… Говорю же: еле живые они!

Ну, прощения просим…

Красноармеец огорченно чешет в затылке и уходит.

Лёдя смотрит ему вслед. И окликает:

– Эй, солдат! Собирай бойцов – будет концерт.

– Без артистов? – недоверчиво спрашивает красноармеец.

Лёдя весело ударят себя кулаком в грудь:

– Все артисты – здесь!

Красноармеец недоверчиво смотрит на Лёдю.

– Ну, чего стоишь? Помоги агитацию дотащить!

На богом забытом полустанке установлена декорация из агитплакатов. Красноармейцы сидят на земле. А Лёдя перед ними играет – один за всех, стремительно меняя детали: каску пехотинца, бескозырку матроса-пулеметчика, фураж-

ку артиллериста, кавалерийскую буденовку:

Красноармеец всех родов!
К войне с врагами будь готов!

– Вот идут славные воины-пехотинцы…

Мы – красная пехота,
Мы – армии основа.
В нас всех крепка охота
Учиться жизни новой!
Мы от станка и плуга
Сомкнулись в красный строй.
С подмогою друг друга
Коммуны в селах строй!

– А вот мчатся на тачанках боевые пулеметчики…

Мы – пулеметчики,
Меткие наводчики!
Пусть враги кидаются с пеною у рта,
В ответ на атаку им
Враз мы зататакаем:
Та-та-та-та-та! Та-та-та-та-та!

– А вот поддерживают пехоту мощным огнем артиллеристы…

У артиллериста —
Своя сметка:
Сметаем чисто,
Сметаем метко!

– А еще сметает всех врагов с пути стремительная конница…

С неба полуденного
Жара – не подступи,
Конная Буденного
Раскинулась в степи.
Не сынки у маменек
В помещичьем дому —
Выросли мы в пламени,
В пороховом дыму.
Никто пути пройденного
Назад не отберет.
Конная Буденного
Армия – вперед!

Измученный и пропыленный после двух месяцев революционных гастролей, Лёдя в красноармейской гимнастерке возвращается домой.

На шею ему бросается Лена:

– Слава богу, вернулся! Переодевайся, быстро переодевайся!

Лёдя, удерживая Лену в объятиях, улыбается:

– А без фрака ты меня за стол пустишь? Жрать с дороги хочется…

– Потом, потом, переодевайся! – взволнованно торопит Лена.

– Да что случилось?

Лёдя входит в комнату и видит сестру Клавдию – не в привычной кожанке, а в селянском платье и платочке.

– У нас сегодня маскарад? – удивляется Лёдя.

– Ты откуда свалился? – еще более удивляется Клавдия. – Белые в городе!

Лёдя аж присвистывает.

– Не свисти в доме – денег не будет, – делает замечание мама Малка.

Она укладывает в платок нехитрую еду – хлеб, сахар, луковицу.

Лёдя спрашивает Клавдию:

– Раз пришли белые, значит, ушли красные… А что же ты?

– Я остаюсь для подпольной работы, – объясняет сестра.

Мама подает ей узелок с едой. Клавдия коротко обнимается с родственниками и обещает всем:

– Мы еще вернемся!

Она уходит. Все молчат. Потом Лена грустно спрашивает.

– Лёдичка, что же ты теперь будешь делать?

Лёдя спокойно улыбается:

– То же, что и всегда, – петь!

И действительно, Лёдя поет. Поет на эстраде злободневные куплеты, сообразуясь с тем, какая нынче власть на дворе. А власть эта меняется калейдоскопически.

По Одессе шагает отряд белогвардейской добровольческой армии.

И Лёдя поет:

Пароход плывет,
Вода кольцами,
Будем рыбу кормить
Комсомольцами!

Потом по городу идут красноармейцы.

И Лёдя поет:

Пароход плывет,
Вода кольцами,
Будем рыбу кормить
Добровольцами!

Потом улицу заполняют жовтоблакитники гетмана Скоропадского.

И Лёдя поет по-украински:

Пароход плыве,
Нафта плямами,
Рыбу будемо кормыты

Москалямы мы!

А когда маршируют войска германского кайзера и рядом с ними даже гуси идут четким строем, Лёдя поет какую-то абракадабру по-немецки.

А когда весело шагают французские солдаты, Лёдя поет по-французски.

А потом в городе появляются вообще инопланетные пришельцы: иссиня-черные, но белоглазые зуавы. Зуавы не столько воюют, сколько водят по городу навьюченных осликов, снимают с них поклажу и прямо на улице раскладывают марокканские ковры, шитые золотом туфли с загнутыми носами и прочие удивительные товары, гортанными голосами зазывая покупателей.

И Лёдя, запутавшийся во всех этих трансформациях, выдает последний окончательный вариант куплетов:

Пароход плывет,
Накось выкуся,
Нечем рыбу кормить —
Сдохла рыба вся!

К 1919-му году Одесса оказалась последним островком прошлого, на котором поместились остатки белой гвардии и осколки творческой интеллигенции. И все они по вечерам собирались в открывшемся Доме артиста: первый этаж занимал бар известного исполнителя цыганских песен и роман-

сов Юрия Морфесси, второй этаж – кабаре при столиках а-ля «Летучая мышь», третий этаж – карточный клуб. В Доме артиста появлялась нарядная сытая публика. Офицеры и штатские с дамами, знаменитые артисты эстрады и бывших императорских театров, хлынувшие со всей страны к черноморским портам, в ожидании эмиграции пускались в последний загул на родной земле.

Лёдя на эстраде кабаре поет свой коронный шлягер:

Ах, мама, мама, что мы будем делать,
Когда настанут зимни холода?
У тебя нет теплого платочка,
У меня нет зимнего пальта!

Публика смеется и аплодирует своему любимчику, успевая при этом выпивать и закусывать. Лёдя раскланивается, расылает воздушные поцелуи, а в финале к общему восторгу усаживается на шпагат.

Но совсем другая атмосфера воцаряется в притихшем зале, когда на сцене поет Александр Вертинский в костюме Пьеро:

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в вечный покой.
Осторожные зрители молча кутались в шубы,

И какая-то женщина с искаженным лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.

Лёдя стоит за кулисами и абсолютно поглощен пением своего кумира – Вертинского.

Закидали их елками, замесили их грязью
И пошли по домам, под шумок толковать,
Что пора положить бы конец безобразию,
Что и так уже скоро мы начнем голодать.
Но никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги – это только ступени
В бесконечные пропасти к недоступной весне.

Люди за столиками плачут, аплодируют, требуют новых песен.

После концерта одесские артисты собираются своей компанией, столичные – своей.

Лёдя открывает шампанское, наливает направо и налево в подставленные бокалы своих коллег. А те с удовольствием выпивают и поздравляют:

– С днем рождения, Лёдя! Будь здоров! Счастья тебе!

Лёдя берет бутылку шампанского и подходит к столику Вертинского, где тоже провозглашают тосты и выпивают.

– Простите, господа, мы еще не знакомы, но я так счаст-

лив видеть вас! Позвольте налить вам шампанского? Давайте выпьем за мой день рождения!

Вертинский приподнимает бровь и уточняет, мягко грассируя:

– Вы пгедлагете выпить за мой день гождения?

Лёдя слегка теряется:

– Нет, за мой… У меня сегодня день рождения…

– Да? Но и у меня тоже сегодня… С удовольствием за наш общий день!

Лёдя абсолютно счастлив:

– Надо же! Как свела нас с вами судьба!

Бокалы наполняются шампанским, Лёдя поднимает свой бокал:

– Конечно, господа, сейчас трудное, опасное, окаянное время, но для нашей Одессы, для меня лично это время – счастливое! Когда бы и где бы еще мы увидели вас – замечательных, великолепных, гениальных артистов…

– Ну-ну, не пгеувеличивайте, – улыбается Вертинский.

– Ничуть не преувеличиваю! Вы истинные звезды театральных подмостков Москвы и Петербурга!

– Вот-вот, только один вечер – проездом из Петербурга в Париж! – мрачно шутит толстяк в крылатке.

– Если бы только – один вечер! – вздыхает немолодая актриса. – Торчим здесь второй месяц, а парохода все нет…

Разговор подхватывает артист в пенсе:

– Говорят, в Константинополь ходят эти… как их… бар-

касы. Это, конечно, проще, но ненадежно.

– А что сейчас надежно? – вопрошает толстяк.

Лёдя опять встревает со своей восторженностью:

– Нет, конечно, это время больших перемен, даже разрушений! Но ведь есть и хорошее… Вот ваш приезд сюда, наша встреча… Да теперь и я могу поехать в Москву… Конец черте оседлости!

– Зачем вам ехать в Москву, когда из нее все бегут? – удивляется актриса.

– Как зачем? Москва – храм искусства!

– Годной мой, – печально грассирует Вертинский. – Тепегь Москва – хгам голода и газгухи.

Раздается отдаленный грохот артиллерийской канонады. Но за столом не возникает никакой паники, все привычно прислушиваются. Артист в пенсе вздыхает:

– Красные под городом…

Орудийная канонада нарастает, грохочет уже совсем рядом.

Столичные артисты с чемоданами и узлами пробираются по Николаевскому бульвару к порту. Лёдя помогает, тащит два баула. У подножия постамента Дюка все останавливаются передохнуть.

Вертинский присаживается на чемодан и устало спрашивает Лёдю:

– Так что же, юноша, все гешено?

– Решено, Александр Николаевич. Я остаюсь.

– А утвегждали, что нас свела судьба…

– Выходит – развела, – с болью признает Лёдя.

– Послушайте, но вы же агтист, настоящий агтист, а этой стгане агтисты не нужны.

– Ну, может, все-таки я ей пригожусь, – улыбается Лёдя.

– Нет, повегьте, ваше место – в Пагиже.

– Даст бог, поглядим и на Париж. А пока я еще Москву не видал.

Слышатся гудки парохода. Вертинский встает и подхватывает чемодан.

– Пога, господа, пога! Это – последний…

Артисты уходят вниз по лестнице – к морю, к пароходу, к бесконечной разлуке с родиной…

Глава седьмая
«Разлука ты, разлука, чужая сторона»

МОСКВА, ТЕАТР ЭСТРАДЫ, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Торжественно-благостное течение юбилея Утесова взрывается таборным весельем, звоном монист, переборами гитар и пеньем скрипок – на сцене цыганский театр «Ромэн».

У цыганских артистов для юбилейных поздравлялок имеется свой отточенный и безотказно срабатывающий номер – только имена поздравляемых меняются. Вот и сейчас они

затянули свою заздравную:

Вновь звучит припев старинный,
И вино течет рекой,
К нам приехал наш любимый
Леонид Осипыч да-а-ра-агой!
Леня, Леня, Леня,
Леня, Леня, Леня,
Леня, Леня, Леня, Леня,
Леня, пей до дна!

Цыгане подают Утесову рюмку на подносе и торопят его:

– Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!

Утесов лихо опустошает рюмку и шмякает ее об пол, так что хрустальные брызги разлетаются.

– Спасибо, ромале! – Он уточняет. – Или, может быть, чавале?

– А, все одно! – заверяет пышноусый и длиннокудрый скрипач.

Утесов неожиданно проходится по сцене «цыганочкой», похлопывая себя ладонями по ботинкам и вызывая всеобщий восторг на сцене и в зале. Чуть запыхавшись, Утесов плюхается обратно в свое кресло и заявляет:

– Я вам так скажу: не каждый цыган – артист, но каждый артист – цыган.

– Это почему? – не понимает скрипач.

– А потому что жизнь артиста – таборная: нынче здесь,

завтра там. Где и как я только не кочевал! На лошадях, в кибитках, на пароходах, в теплушках…

ОДЕССА, 1920 ГОД

Последние бои Гражданской войны сменились военным коммунизмом. Национализация промышленности, продовольственная диктатура, карточная система, всеобщая трудовая повинность, уравниловка оплаты труда… Разруха, голод, холод. По улицам тощие оборванные люди тянули саночки, на которых лежала скудная кладь для обмена на несколько поленьев дров или краюху хлеба. Почти вся страна перешла на натуральный обмен. Срываясь с насиженных мест, люди устремились в иные края в поисках лучшей доли.

На одесском вокзале толпа горожан, селян и мешочников приступом берет поезд.

Пытается пробиться к вагону и Лёдя. Одет он экстравагантно: серый френч, галифе с кожаными леями, желтые краги, кожаная фуражка и башмаки на толстой подошве. Через плечо у него видавший виды вещмешок. Все попытки Лёди попасть в вагон безуспешны. Он выбирается из толпы и бредет по перрону в поисках возможности уехать. Лёдя проходит мимо хрупкой девушки-дюймовочки с маленьким чемоданчиком, которая даже и не пытается принять участие в железнодорожной борьбе. Он доходит до вагона в голове поезда, единственного, возле которого нет толпы. В дверном проеме широко расставил ноги высокий человек в комиссар-

ской кожанке.

Лёдя видит, как мужик с мешком подходит и кланяется кожаному человеку:

– Вы, товарищ, комендант поезда будете?

– Не буду, а уже есть!

– А дозвольте, будь ласка, с вами проехать?

– Куда проехать, деревня! Поезд оперативный!

– Та я бачу, шо оперативный, но и у меня ж груз – оперативный.

– Какой-какой?

Ну, я трошки сахару везу. Могу и вам до чаю сладкого подкинуть…

Мужик ловко извлекает из своего большого мешка мешочек поменьше.

– Сахар, говоришь?.. – Комендант задумывается.

А мужик нагло сует ему в руки мешочек:

– Та сахар же, сахар!

Комендант берет сахар и подзывает двух солдат с винтовками:

– А ну, бойцы, посадите ответственного товарища у какой-нибудь вагон!

Солдаты прокладывают мужику дорогу в толпе.

Наблюдавший все это Лёдя безнадежно встряхивает свой тощий, явно не содержащий никакого дефицита вещмешок и опять бредет по перрону. Девушка-дюймовочка стоит на том же месте. В ее больших глазах слезы отчаяния. Лёдя прохо-

дит мимо нее, но вдруг разворачивается обратно.

– У вас есть сахар?

– Что? – пугается дюймовочка.

– Ну, может, мыло есть?

– Какое мыло! Что вам надо?

– То же, что и вам, – уехать. Мне – в Москву, а вам?

– И мне в Москву…

– Попутчики! – радуется Лёдя. – Я артист, еду в театр.

Дюймовочка недоверчиво косится на его экстравагантный наряд. Лёдя понимает ее взгляд и объясняет:

– Меня одевали всем театром – с миру по нитке…

– А я тоже артистка. То есть нет, я балерина.

– Балерина? – задумывается Лёдя. – Нет, балет тут не нужен…

Лёдя думает о чем-то своем, но дюймовочка подхватывает близкую ей тему:

– Да, в Одессе балет никому не нужен! Работы нет, мама заболела, мы все продали, а в Москве есть надежда… Понимаете?

– Понимаю! – Лёдя принимает какое-то решение: – Слушайте меня внимательно…

Комендант поезда в дверях вагона ведет диалог с беспризорником.

– Ехать мне надо! – кричит пацан. – Ехать!

– Нельзя тебе ехать, – отвечает комендант.

– А мне плевать, что нельзя! Мне надо!

– А мне плевать, что тебе надо!

– А я в буксы песок понасыпаю! – убегая, обещает беспризорник.

– А я тебе руки-ноги поотрываю! – грозит ему вслед комендант.

И хочет уйти в вагон, но его окликает подошедший с дюймовочкой Лёдя:

– Товарищ комендант, одну минутку…

– Та хоть целый час! Знаю: вам срочно надо ехать. Отвечаю: ничем не могу помочь.

– Понимаем… – Лёдя печально отходит от вагона.

А дюймовочка манит коменданта пальчиком и шепчет ему:

– Умоляю, товарищ комендант, буквально на два слова!

Комендант смотрит в чистые девичьи глаза и спрыгивает наземь:

– Ну? Что?

– Понимаете, мой брат контужен в геройской битве за Перекоп. Местные врачи не могут помочь, единственная надежда на профессора в Москве.

Комендант косится на странный костюм Лёди:

– То-то я гляжу, одет он как-то… чудернацки!

– Это брат снял с лично им убитого офицера Антанты…

Она не успевает договорить, как Лёдя падает наземь, бьется в истерике, истошно орет:

– Врешь, не возьмешь! Пор-рублю, всех пор-рублю, белая

контра!

– Братик! – бросается к нему девушка. – Здесь нет белых, здесь все свои…

Лёдя катится по земле к ногам коменданта:

– Свои?! А этот?! Я видел его на Перекопе, он рубил наших товарищей!

– Ты что! – пугается комендант. – Какой Перекоп, я под Бахмачем контру громил!

– А-а, контра! Пор-рублю, задушу, зар-режу за власть Советов!

Преданность советской власти и угрозы Лёди делают свое.

– Хлопцы, посадите этого психа! Нехай его в Москве подлечат… – Комендант оглядывается на дюймовочку: – А може, его треба связать?

Девушка хлопает по чемоданчику:

– Обязательно, веревка у меня с собой.

Поезд постукивает на стыках. Дым паровоза стелется вдоль состава.

В набитом прокуренном вагоне яблоку негде упасть. Лёдя и дюймовочка стиснуты со всех сторон, над ними кто-то висит, да и они, кажется, сидят у кого-то на голове. Но все равно они счастливы, потому что – едут.

Лёдя улыбается дюймовочке:

– А вы говорили – балерина… Да вы настоящая драматическая актриса! – Он пищит девичьим голоском: – Умоляю,

товарищ комендант, буквально два слова!

– Нет, это вы актер – как вы натурально глаза закатывали, как орали! – Она, наоборот, пародирует мужской голос: – Пор-рублю! Зар-режу!

Лёдя протягивает ей ладонь дощечкой:

– Леонид!

Она пожимает его руку:

– Ольга!

– Ну какая же вы Ольга, вы – маленькая Олечка.

– Ой, меня так все и зовут! А знаете, я сначала не поверила, что вы артист.

– А кто же я, вы подумали?

– Я подумала, вы – бандит.

– Почему?

– Ну… вы как-то так… на меня налетели: «Сахар есть? Мыло есть?»

Они звонко, весело, молодо смеются. А тетка, обложенная по бокам мешками, ставит им общий диагноз:

– Психи ненормальные!

В Москву на Киевский вокзал поезд прибывает утром. Над выходом вокзала пронзительный ноябрьский ветер надувает парусом кумачовый лозунг:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРЕТЬЯ ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!

На привокзальной площади Лёдя и Олечка несколько шалеют в коловороте пассажиров с чемоданами и носильщиков с багажом, встречающих и провожающих, милиционеров и беспризорников.

– Вы теперь куда? – спрашивает Лёдя.

– У меня тетя на Стромынке. А вам есть где ночевать?

– Меня театр пригласил, – небрежно сообщает Лёдя. – Гостиницу заказал.

– Завидую вам… Нет-нет, по-доброму, очень по-доброму! Спасибо вам за все!

– И вам – за компанию. Может, когда и увидимся…

– Обязательно увидимся, мы же в одном городе.

Лёдя озирается с улыбкой:

– Да-а, небольшой такой городок!

– Ну, я побегу, здесь трамвай ходит…

Какой может быть трамвай?

Лёдя широким жестом подзывает извозчика, помогает Олечке усесться, дает извозчику деньги: – Отвезешь барышню, как хрустальную рюмку!

– Не сумлевайтесь, барин, – по старинке отвечает извозчик.

– Леонид, а как же вы? – беспокоится Олечка.

– А мне в другую сторону. – Лёдя подзывает другого извозчика.

Тот подъезжает, Лёдя вспрыгивает на подножку и машет рукой Олечке. Она машет в ответ, и ее повозка трогает с ме-

ста. Лёдя ждет, пока она скроется за углом. Извозчик торопит его:

– Так куда ехать?

– Уже приехали!

Лёдя спрыгивает с подножки. И спокойно удаляется под гневным взором извозчика, бормочущего ему вслед не самые приятные слова.

Московский театр той поры мало чем отличался от одесского: здесь было так же мало зрителей, и это в основном были пожилые дамы, и стоял такой же холод, и все сидели одетые, и по одежде можно было заключить, что люди собрались в большинстве своем интеллигентные, из «бывших».

А костюм Лёди неизменно одесский – полосатые пиджак и брючки, плюс канотье и тросточка. И Лёдя с одесским азартом исполняет одесские же куплеты. Оживляют его номер две приплясывающие кафешантанные девицы – черненькая и беленькая.

Лёдя пляшет и поет:

Как на Дерибасовской, угол Ришельевской,
В восемь часов вечера разнеслася весть:
У старушки-бабушки, бабушки-старушки
Четверо налетчиков отобрали честь.

Зрители, мягко говоря, без энтузиазма воспринимают его выступление. Лёдя это ощущает и пытается добавить жару

подтанцовкой.

Оц-тоц, первертоц, бабушка здорова,
Оц-тоц, первертоц, кушает компот,
Оц-тоц, первертоц, и мечтает снова,
Оц-тоц, первертоц, пережить налет!

Девицы вокруг Лёди выделывая довольно откровенные па, но зрители уже начинают потихоньку покидать зал…

За кулисами директор театра вручает Лёде деньги. Тот удивленно их пересчитывает:

– Это вдвое меньше, чем договаривались!

– И те я из своего кармана доплачиваю, – ворчит директор театра.

– А завтра…

– Завтра можете вообще не приходить!

Лёдя печально снимает канотье и раскланивается:

– До свиданья!

– Нет уж, прощайте!

Лёдя предпринимает последнюю попытку:

– А может, посоветуете, где бы мне еще показаться…

– Нигде! У московской публики не пройдут ваши одесские штучки!

Директор удаляется, а к Лёде подходят озябшие танцовщицы, накинувшие худенькие пальтишки поверх кабареточных нарядов. Черненькая бойко спрашивает:

– Ну что, рассчитаемся?

Лёдя, сохраняя хорошую мину при плохой игре, протягивает танцовщицам все только что полученные деньги. Черненькая возмущена:

– Э, э, тут меньше, чем обещались!

– Но вы же видели этот сбор…

– А чего вы ожидали со своими куплетиками? – усмехается беленькая. – Это же Москва! Здесь Большой театр, Малый, Художественный…

– Ну, вы-то, кажется, танцуете не в Художественном театре…

– Что?! – закипает черненькая. – Теперь он еще хочет свалить все на нас! Что за мансы?

Лёдя удивленно смотрит на танцовщицу. А она продолжает со все нарастающим одесским акцентом:

– Да-да, землячок! Я эту Дерибасовскую угол Ришельевской десять лет топтала! И я рванула в Москву за чистым искусством, а здесь какой-то жлоб с Молдаванки мне рассказывает, как танцевать!

Беленькая испуганно перебивает бушующую подругу:

– Мы же не виноваты, вы нас позвали, цену назначили… А нам за квартиру платить… Не сердитесь…

– О чем речь? – улыбается Лёдя. – Одесситы ж всегда договорятся. Но клянусь, у меня осталось только на билет – обратно до Одессы.

Черненькая мгновенно меняет свое настроение:

Шо-шо? Обратно до Одессы? Так ты жлоб или ты талант?

Не сдавайся! Над репертуарчиком поработай… Хочешь, помогу?

Она подмигивает Лёде. Он невесело улыбается в ответ.

И опять Лёдя в своем экстравагантном наряде, «снятом с лично убитого им офицера Антанты», бредет по вечерней холодной Москве.

В переулке горит костер, на котором кипит чан с асфальтом. Возле него греются беспризорники. Лёдя подходит и тоже греет озябшие руки. Рябой беспризорник оглядывает Лёдю.

– Замерз, дядя? Клифтик у тебя не по погоде!

– Там, где я живу, не так холодно.

– Тю! Все в теплые края бегут, а ты из теплых – сюда?

Лёдя грустно усмехается:

– Да я уже и обратно. Поезд утром. Приехал и крупно заработал – на обратный билет.

– Это где же такие барыши?

– В театре.

– Так ты артист? А что умеешь?

Лёдя чуть задумывается:

– Карты есть?

– Стиры? А то!

Рябой достает из-за пазухи засаленную колоду. Лёдя мастерски демонстрирует карточные фокусы. Беспризорная публика в восторге. Рябой главарь решает:

– Классный ты, дядя! С нами ночуешь, а то на вокзале – ворья немерено!

Пацаны приводят гостя в полуразрушенный дом. Рябой указывает на кучу соломы, прикрытую тряпьем:

– Вот туточки, дядя, и падай – наша спальня.

Лёдя кладет на солому свой вещмешок. Рябой кивает на куски хлеба и сахара, разложенные на газетах:

– А это – столовая. Закусывай, дядя!

Пацаны накидываются на еду, а Лёдя отказывается: устал, даже есть неохота.

– Ну, тогда дрыхни! – Рябой опять любезно указывает на солому.

Лёдя с облегчением падает на импровизированное ложе. Но уснуть не может, ворочается с бока на бок.

Пацаны уже покончили с небогатым ужином и тоже залегли. Один – самый маленький – тоскливо и фальшиво заводит песню:

Разлука ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто нас не полюбит,
Лишь мать сыра земля…

Лёдя не выдерживает, вскакивает.

– Да нет, не так!

И запевает ту же песню, но как надо – музыкально точно и душераздирающе грустно:

Все пташки-кенарейки
Так жалобно поют,
А бедного мальчонку
На кладбище везут!

Рябой дает маленькому легкий подзатыльник:

– Понял, Шпрота, как надо?

– Да, именно так, – подтверждает Лёдя. – Чем жалостнее споешь – тем больше подадут.

– Чего-о?! – крайне оскорбляется Шпрота. – Я не побирушник! Я – карманник!

Ну извини, извини, не хотел обидеть…

Лёдя улыбается и как-то мгновенно засыпает, продолжая улыбаться во сне.

И снится ему родная Одесса. Семья Вайсбейнов провожает Лёдю в Москву. Папа, мама, Лена, Дита, сам Лёдя – все присаживаются на дорожку. А посидев, поднимаются, начинают прощаться. Папа горячо расцеловывает Лёдю, мама подает узелок с дорожной снедью, Лена утирает слезу, нежно смотрит на мужа. Лёдя обнимает ее и никак не хочет отпускать, но вокруг них приплясывает от нетерпения Дита, показывая Лёде коробочку от монпансье с нарисованным на крышке храмом Василия Блаженного. Лёдя отвлекается от Лены, целует Диту, гладит по головке, подхватывает свой вещмешок, открывает дверь квартиры, а за ней – Красная площадь с храмом Василия Блаженного, совсем как на коро-

бочке Диты. Все родственники радостно ахают и аплодируют. А Лёдя решительно шагает за порог, в Москву… и просыпается.

Он смотрит на висящий над головой кусок штукатурки, с трудом вспоминая, где он находится. Лёдя улыбается своему сну, осматривается, видит кусок хлеба на газете, украшенной надписью углем: «Это завтрак, дядя».

А беспризорников уже нет. И вещмешка Лёди нет тоже. Тут, наконец, улыбка его исчезает, он шарит по своим карманам и восклицает с огорчением, но не без восхищения:

– Ну, Шпрота! Ну мастер!

Лёдя выбегает на улицу. Мимо подворотни идет баба с ведром воды.

– Гражданочка! Вы не знаете, где детишки, что здесь живут?

– Какие, к лешему, детишки? Никто здесь не живет!

– Ну как же, только что ночевали…

– Не знаю… Нынче время такое – где темь застанет, там и ночуют.

Лёдя подбегает к асфальтовому чану, у которого трудятся двое чумазых рабочих.

– А где беспризорники, что тут вчера грелись?

– Откуда нам знать, – отвечает один. – Мы их гоняем, чтоб не ошпарились…

– Обчистили? – догадывается второй. – А ты рот не разевай, тут не деревня – Москва!

Продрогший Лёдя набредает на дворника, расчищающего от снега дорожку к дому.

– Не скажете, где можно на работу устроиться?

– Размечтался! – ухмыляется дворник.

– Да мне только на билет домой заработать…

– Ага, а потом паек рабочий, потом ордер на комнату…

Лёдя не выдерживает, взрывается:

– Да что ж вы в Москве за люди такие!

– Обыкновенные люди – советские! – гордо отвечает дворник.

На площади стоит толпа перед сколоченной из досок эстрадой, декорированной в стиле конструктивизма. Над эстрадой алое полотнище с надписью – «ТЕРЕВСАТ».

Лёдя протискивается к подмосткам. Артисты на деревянной сцене – молодые, спортивные – выстраиваются в пирамиды и мелодекламируют:

Вниманье! Программы новая часть —
Живая, горячая, бурная.
Глазам и ушам открываем сейчас
Ораторию физкультурную.
Пусть услышав, увидев, каждый поймет:
Физкультура для нас важнейшее дело,
Каждым мускулом властно ее зовет,
Каждой мышцею требует наше тело.

Лёде явно по душе это задорное динамичное действо, он даже чуть приплясывает в его веселом ритме. А на эстраде, несмотря на холодрыгу, бодро шагает физкультурный парад.

Эй, в ногу! Раз, два, три!
Много ли нас, посмотри!
Миллионы к нам стали в ряды,
Как из стали каленой, тверды.
Воздух в комнате душен, сперт,
Значит, конечно же, нужен спорт!

У эстрады невысокий человек с веселыми глазами дает какие-то указания артистам. Лёдя пробирается к нему:

– Здравствуйте! Вы режиссер этого замечательного действа?

– Спасибо за доброе слово, да, я.

– А что это – ТЕРЕВСАТ?

– Театр Революционной Сатиры.

– Вам нужны актеры?

Режиссер оценивает Лёдю быстрым острым взглядом:

– Нет, мне не нужны актеры. Но мне нужно… – Режиссер вдруг на глазах горбится, сморщивается, превращается в старичка и говорит скрипучим голосом: – Мне нужно знать, профессор, почему у вас в клинике терапевтическое отделение перевели на первый этаж?

Лёдя на миг обалдевает, но, заметив смешливые огоньки

в глазах режиссера, тут же и сам преображается в старичка, но с голосом не скрипучим, а визгливым:

– А потому, коллега, что мы отделение кардиологии перевели на четвертый этаж.

– Помилуйте, а куда же вы дели сердечников? – пугается режиссер.

– А мы их отпустили на все четыре стороны! – сообщает Лёдя.

Режиссер радостно кивает и готов уже закончить игру. Но теперь Лёдя перехватывает инициативу и говорит уже не старческим, а занудным ученым тоном:

– Объясните, товарищ Синусов, сечение вашего маховика соответствует диаметру квадратного корня?

– Ну что вы! – мгновенно подстраивается под этот бред режиссер. – Мой маховик соответствует косинусу, так как он поставлен на параллелограмм!

– А скажите…

Режиссер хлопает Ледю по плечу:

– Все-все-все, молодой человек! Я вижу, вам палец в рот не клади!

Лёдя страшно радуется:

– Значит, вам нужны актеры?

– Нет, я же сказал, мне не нужны актеры.

Лёдя уныло скисает.

– Мне не нужны актеры, – продолжает режиссер, – но мне нужен актер! И, похоже, я его нашел! – Он протягивает Лёде

руку: – Давид Гутман!

Лёдя отвечает рукопожатием:

– Леонид Утесов! Я из Одессы.

– Что такое Утесов, я не знаю, но Одесса меня устраивает.

Лёдя тут же проявляет одесскую хватку:

– А жить у вас есть где?

– У меня – есть, – усмехается Гутман.

– А у меня?

– А у вас – будет у меня.

В небольшой комнате Гутмана хозяин спит с женой на кровати. А Лёдя устроился на кушетке в ногах у супругов.

Из репродуктора слышатся утренние позывные. Хозяева не реагируют, а Лёдя просыпается, тихонько встает, подходит к окну. Перед ним раскинулась снежная Москва. Лёдя улыбается.

Новое пролетарское искусство совершенно не походило ни на что виденное до сих пор. Все было очень масштабно, очень ярко, митингово-лозунгово; у положительных героев – открытые лица, кожаные куртки и красные косынки, у отрицательных – толстые животы, фраки и цилиндры.

Зал «ТЕРЕВСАТа» тоже заполнен молодыми героями нового времени – в кожанках, кепках, кумачовых косынках, а в глазах – энтузиазм и радость жизни.

На сцене Лёдя – в рабочем комбинезоне, шапочке с надписью «Новости» и с газетой в руке – исполняет свой знаме-

нитый номер «Газетчик». Номер в общем-то прост, но покоряет своей злободневностью. Каждое утро Лёдя берет десяток газет, вычитывает животрепещущие новости дня, излагает их в куплетной форме и, как бы читая прямо на сцене свежую газету, знакомит с новостями зрителей. В общем, как говорится, «утром – в газете, вечером – в куплете».

Сначала Лёдя представляется коротенькой преамбулой:

Газетчик без сомнения, труля-ля, траля-ля,
Рассадник просвещения, труля-ля, траля-ля,
Редактор и наборщик лишь составляют номера,
А я газету ношу по свету —
Газетчик я!

А далее идут куплеты, каждый раз новые. Причем Лёде их даже учить не надо. Он просто вклеивает новые стихи в сегодняшнюю газету и поет:

Вот интересная весьма газета,
В ней вы найдете много новостей.
Сам я нашел здесь тему для куплета
И спеть здесь хочу его вам поскорей.
Ах-ах-ах, чудная газета!
Ах-ах-ах, ты ее прочтешь!
Ах-ах-ах, что творится в свете,
Ах-ах-ах, сразу ты поймешь!
Вот сообщение с телеграфной ленты:
Ночью задержаны три мешочника.

Ехали с фруктами прямо из Ташкента,
А вместо рынка заехали в ЧеКа.
Ах-ах-ах, взяли фрукты эти,
Ах-ах-ах, прямо в Наркомпрос.
Ах-ах-ах, пусть рабочих дети,
Ах-ах-ах, кушают компот!

В доме Гутманов – завтрак. Давид и Лёдя наспех заглатывают яичницу, а жена Гутмана наливает им морковный чай.

– Лёдя, – приказывает Гутман, – ты давай на репетицию, а мне еще надо в Управление театрами.

– Я только на телеграф забегу, Леночке перевод отправлю.

– Когда же вы их привезете? – спрашивает жена Гутмана. – Уже засохли небось от одиночества!

– Конечно, скоро я их заберу. Просто Лена не хочет ребенка зимой в Москву везти. Диточке пока лучше у моря…

Гутман встает, Лёдя – за ним.

– Ну, спасибо, мы побежали!

Жена спрашивает:

– На когда ужин готовить?

– Не надо готовить, ужинаем в гостях, – сообщает Давид.

– Это у кого? – интересуется Лёдя.

– Раевские, биологи, очень душевные люди.

– Да уж, – улыбается жена. – До Нового года еще полмесяца, а у них уже елка стоит.

– Короче, Лёдя, – подводит итог Гутман, – готовьте парадный пиджак!

– А он у меня один. Он же – парадный

Вдруг у Гутмана в глазах загораются знакомые веселые чертики.

– Минуточку… Пиджак у меня один, но – парадный?

– Именно так, – подхватывает Лёдя. – Пиджак у меня парадный, но – один!

И начинается их привычная игра: оба произносят эти фразы на разные лады – с гордостью, с огорчением, с удивлением, с отчаянием…

– Все, хватит! – вскидывает руки Гутман.

– Сдаетесь? – радуется Лёдя.

– Нет, но в Управлении ждать не будут. Вечером продолжим!

Вечером Гутманов и Лёдю – все в том же сером френче и желтых крагах – встречают хозяева дома, милые интеллигенты из тех любителей искусства, что всегда готовы поделиться с голодными художниками последней селедкой.

– Проходите, раздевайтесь, пожалуйста! – приглашает хозяйка.

– Запаздываете, – укоряет хозяин, – все уж собрались!

Судя по голосам, доносящимся из комнаты, веселье в разгаре.

– Идите, пожалуйста, к гостям, – говорит Гутман, – не беспокойтесь, мы же свои…

Хозяева уходят в комнату. Гутман помогает жене снять

шубу и заглядывает в щелочку двери.

– О, Луначарский уже всех учит и воспитывает…

– Кто это – Луначарский? – интересуется Лёдя.

– Ничего себе вопрос труженика искусства! Луначарский – нарком просвещения.

– Он?! – изумляется Лёдя. – Конечно, знаю! Но я не предполагал, что он… и тут…

– А тут еще и Всеволод Мейерхольд, – продолжает глядеть в щелку Гутман.

– И Мейерхольда, конечно, знаю! Говорят, его театр ни на что не похож…

В глазах у Гутмана снова пляшут веселые чертики:

– Лёдя, ты будешь режиссером из Лондона! Сева – англоман и помешан на английском театре!

– Но я не знаю английского языка…

– Зато у тебя практически английский френч!

Лёдя пытается еще что-то возразить, но Гутман подхватывает под руки его и жену и входит в комнату, где стоит наряженная елка. Гости здороваются. В ответ – гул приветствий. Гутман объявляет, что у него сюрприз: приехал к нему из Англии режиссер Лайонел Уотс, и он его сразу – сюда в гости.

Гутман подталкивает Лёдю, и тому не остается ничего иного, как поздороваться. Лёдя с трудом выдавливает что-то вроде «гуд морнинг». Среди гостей – некоторое замешательство. Гутман выкручивается, объясняя, что Лайонел Уотс

только что прибыл из Лондона и еще путается во времени, а хотел он сказать «гуд ивнинг», конечно, «ивнинг».

Луначарский выдает Лёде длинную приветственную фразу на английском. Лёдя церемонно кланяется. Гутман быстренько изолирует его от Луначарского, усаживая рядом с Мейерхольдом. И великий экспериментатор театра начинает без церемоний:

– У меня давно зреет идея сотрудничества с английским театром. Как вы относитесь к этой мысли?

Лёдя светски кивает, изображая непонимание.

– Ну, как бы это сказать, – пытается объяснить Мейерхольд. – Ну, сотрудничество, дружба… Фрэндшип!

– О, фрэндшип! – оживляется Лёдя. – Йес!

– Йес, йес! – радуется Мейрехольд. – Так вот, я предлагаю…

Но тут, по счастью, вмешивается Луначарский:

– Всеволод Эмильевич, позвольте все-таки мне закончить свою мысль!

Он с жаром излагает начатую ранее теорию, что греки, когда строили гигантские театры на десятки тысяч зрителей, использовали искусство как воспитательный элемент, и посещение было бесплатным для всех, а вот некоторые наши театральные деятели боятся, что если публика станет платить за спектакли, то она потребует: «Дай-ка ты мне легкомысленную оперетку!»

Экзальтированные хозяева аплодируют. А Гутман возра-

жает:

– Но мы пытаемся все совмещать. Иначе на что прикажете строить эти социально-политические театры и платить зарплаты за формальные изыски?

Мейерхольд не выдерживает и требует, чтобы Луначарский перевел англичанину, что у него есть замечательная идея англо-советской постановки Шекспира. Луначарский излагает Лёде предложение Мейерхольда по-английски. Лёдя слушает с глубокомысленным видом, ловит восхищенный взгляд Гутмана и опять роняет короткое:

– Йес.

– Йес! – радуется Мейерхольд. – Я сразу почуял единомышленника! А спросите, какие выразительные средства он предпочитает – традиционные или авангардные?

Луначарский формулирует вопрос по-английски, Лёдя в ужасе соображает, как же ему отвечать… Но тут спасительно распахивается дверь, и появляется поэт Владимир Маяковский – с внушительным свертком под мышкой и двумя миловидными барышнями по обе стороны. Начинается шумный обмен приветствиями.

Гутман шепчет Лёде:

– Ну, хоть Маяковского-то вы узнаете?

– Конечно! – восторженно подтверждает Лёдя.

И замирает, вглядываясь в барышень, пришедших с Маяковским. В одной из них он узнает свою спутницу по одесскому поезду в Москву, дюймовочку Олечку, а в другой –

черненькую танцовщицу, помогавшую Лёде на первом выступлении в Москве

Позабыв, что он – англичанин, Лёдя бросается к ним:

– Какая встреча!

– Леонид, я знала, что мы встретимся! – сияет Олечка.

– Землячок, я ж говорила, не надо тебе уезжать! – напоминает танцовщица.

Присутствующие изумленно наблюдают за трансформацией «англичанина». Мейерхольд крайне огорчен:

– Так вы не иностранец?!

Гутман смеется:

– Ну, немножко он все-таки что иностранец. Он – одессит!

Мейерхольд обиженно надувается, а всеобщим вниманием завладевает большой и шумный Маяковский:

– Друзья! Послушайте:

Не домой,
не на суп,
а к любимой
в гости
две
морковинки
несу
за зеленый хвостик.

Гутман приглядывается к внушительному свертку Маяковского:

– Володя, похоже, у вас сегодня не только две морковинки…

– Точно! Сегодня я – с поросенком!

– Где вы раздобыли поросенка? – изумляется Луначарский.

– О-о, это поросенок-самоубийца!

– Какой кошмар! – всплескивает руками Олечка.

Но Маяковский объясняет, что никакого кошмара нет. Просто Лиля Юрьевна решила купить и выкормить его, чтобы потом сделать массу вкусных вещей для Володи и Оси. Но и Маяковский, и Брики привязались к нему, как к родному. Он радовал их чрезвычайной живостью своего пятачка. Однако, видимо, поросенок был меланхоликом, потому что сие трепетное животное вскарабкалось на подоконник и, сочтя открывшийся ему мир недостаточно возвышенным, сигануло вниз. Разумеется, Лиля Юрьевна есть его при таком раскладе отказалась и велела унести из дома.

Закончив это пространное объяснение, Маяковский разворачивает сверток. И взорам вечно голодных творцов предстает поросенок с поджаристой корочкой. Гости без раздумий набрасываются на угощение, и буквально через несколько минут на месте поросенка остается только пустое блюдо.

Хозяйка разносит морковный чай в стаканах с подстаканниками гостям, которые, насытившись, разбрелись по комнате отдельными группками.

Лёдя с Олечкой беседуют на диване.

– Вот так, без вещей, без денег я и повстречал Гутмана. Ну а дальше… Нет, лучше рассказывайте вы – что, как?

– Ну, что-как… Конечно, я мечтала о классическом балете, но это невозможно. Пришлось идти в варьете…

Лёдя кивает на Маяковского:

– И там вы с ним и познакомились?

– Нет-нет, в варьете я познакомилась с Шурой… Ну, вы ее тоже знаете…

Лёдя одобрительно улыбается:

– Молодцы, одесситочки! Все-таки пробились!

Олечка тоже улыбается:

– А как же! У Шуры с Владимиром Владимировичем роман… Только они его скрывают!

– Ага, скрывают, причем очень успешно…

Лёдя кивает на Маяковского, который, преклонив одно колено перед девушкой Шурой, что-то любовно рокочет ей на ухо, взмахивая рукой, словно рубит свою знаменитую стихотворную «лесенку».

– Это не наше дело, – говорит Олечка. – Главное, Шура уговорила меня пойти в гости, и вот мы встретились…

К Лёде подсаживается Мейерхольд:

– Пардон, если помешаю, но я вспомнил! Я видел вас в ТЕРЕВСАТе. Вы любопытно совмещаете юмор и трагизм. А за англичанина я не в обиде… Хотите, поставлю с вами программу цирка? Представьте: красный бархат барьера, золотой песок арены и вы – клоун в рыжем парике, но с белой

трагической маской!

Их беседу прерывает Гутман:

– Ну что, сэр? Мы собираемся на хоум…

Лёдя явно не хочется расставаться с Олечкой:

– А можно… я приду попозже?

– Конечно, можно, – быстро оценивает ситуацию жена Гутмана. – Пойдем, Давид, пойдем…

Гутманы уходят. А в комнате разгорается веселье. Луначарский бренчит на рояле канканчик. Лёдя приглашает на танец Олечку. Маяковский отплясывает с Шурой. Мейерхольд барабанит ритм ладонями по столу.

Но с гораздо большей силой кто-то барабанит в дверь и кричит:

– Кончай базар, интеллигенция! Завтра же в домком напишем!

Все затихают. Хозяин объясняет шепотом:

– Извините, ради бога, извините, у нас соседи – фабричные…

– Ну что ж, товарищи, рабочий класс должен отдыхать, – заявляет Луначарский.

– Пора, мой друг, пора! – напоминает пушкинскую строку Маяковский.

– Только поможем убрать со стола, – начинает собирать тарелки Шура.

– Не надо, что вы, я сама! – волнуется хозяйка и добавляет в отчаянии: – А еще… извините… у нас дворник такой…

неделикатный! Особенно, когда его будят ночью…

Луначарский клятвенно обещает:

– Мы не потревожим покой товарища дворника!

Лёдя, Олечка и Луначарский выходят из подъезда. Говорливый нарком просвещения безостановочно просвещает своих спутников насчет того, что наша художественная критика приняла неправильные формы, ей все еще близки методы старой прессы – разносить авторов, желая свою образованность показать…

Они подходят к чугунной ограде с воротами. На воротах висит замок. Луначарский дергает его и решает, что надо звать дворника. Но Лёдя напоминает, что нарком обещал не тревожить рабочий класс. Луначарский соглашается, что обещания надо выполнять и что критика Лёди в его адрес – в отличие от художественной критики – верная и конструктивная, ибо Лёдя не только указал на его промах, но и подтолкнул к решительным действиям. Тараторя все это, нарком просвещения не слишком грациозно, но весьма решительно пытается перелезать через чугунную ограду, но это ему не удается ввиду длиннополой шубы и отсутствия физической подготовки. Так что Лёде и Олечке приходится ему помогать: они подсаживают Луначарского на ограду и переваливают его через решетку в сугроб.

Потом Лёдя провожает Олечку до ее дома. Они прощаются у подъезда.

– Спасибо, Леонид, что проводили! Я жуткая трусиха, бо-

юсь в темноте одна…

– А мне домой все равно поздно – неловко хозяев будить. Теперь пока обратно дойду – уже и утро.

– Так что же, вам не стоит и желать спокойной ночи?

– Не стоит… А вам, конечно, приятных сновидений! – Лёдя целует девушке руку.

Она гладит его склоненную голову:

– Бедненький, как же вы пойдете домой? Промерзнете, заболеете, а на вас – вся надежда социалистического искусства! Зайдите ко мне… Я вам хоть чаю дам.

– Да, чай бы не помешал! – радуется Лёдя.

Они осторожно пробираются по темному коридору. Олечка умоляет двигаться как можно тише – тетя у нее ужасно строгая. На маленькой кухоньке Олечка при свете луны зажигает свечу на столе.

– Каждую ночь перебои с электричеством…

Да, интересно, что именно ночью, когда оно нужно, так его нет, а днем, когда можно и без него, так оно как раз есть…

Лёдя мелет всю эту ерунду, чтобы скрыть волнение при виде легко движущейся перед ним по тесной кухоньке гибкой девичьей фигуры.

Олечка ставит на огонь чайник, достает чашки и блюдца.

– У меня хороший чай – еще из одесских запасов. Я его берегу для особых случаев.

– А сегодня как раз такой случай, да? – Лёдя берет Олечку

за руку и смотрит ей в глаза.

– Как раз такой, – смущенно опускает взгляд Олечка.

И Лёдя не выдерживает – обнимает девушку, целует ее.

– Нет-нет, не надо, пустите, – сопротивляется Олечка.

– Тише, тихонечко, тетя услышит! – напоминает Лёдя.

И одним хлопком ладони гасит свечу на столе. Кухню освещает только синеватый огонек под чайником. И последний слабый вскрик Олечки именно об этом:

– Чайник… Чайник выкипит…

На сцене «ТЕРЕВСАТа» идет пьеса «У райских врат». Артист Плинер играет величественного бога Саваофа. А Лёдя жизнерадостно носится по сцене в роли младшего чертика.

За кулисами слышны аплодисменты зрительного зала. Со сцены выскакивает Лёдя – в парике с рожками черта. Путь ему преграждает помощник режиссера:

– Куда? На поклон, на поклон!

Лёдя раздраженно машет рукой:

– Саваоф за всех откланяется!

Он уходит в гримерку, садится перед зеркалом, уныло поправляет парик с рожками. Появляется веселый Гутман:

– Молодец! Из чертика прямо Гамлета Отелловича сотворил!

– Да ну, тоже мне роль: два выхода по три реплики…

– Цитирую! Константин Сергеевич Станиславский: «Нет маленьких ролей, есть маленькие актеры!» Второе к тебе не

относится.

Аплодисменты в зале, наконец, стихают, и появляется откланявшийся бог Саваоф – актер Плинер, в пышном одеянии, с величавой походкой и речью. Он заявляет самодовольно:

– Нынче финал явно удался! – и добавляет Лёде снисходительно: – Вы были весьма непосредственны, молодой человек.

Лёдя еле сдерживает ярость:

– Спасибо, товарищ Плинер!

Плинер величественно удаляется. Лёдя ударяет кулаком по столу:

– Вот его бы я сыграл!

Гутман прикидывается непонимающим:

– Плинера?

– Саваофа! Есть кое-какие придумки…

– Даже не думай! Плинер ни за что не отдаст, у него же одна роль в театре…

Появляется помреж:

– Леонид Осипович, к вам жена с дочкой приехали.

Лёдя меняется в лице:

– Где они?

– На проходной ждут.

Гутман, видя, что Лёдя сейчас соображает не очень, командует помрежу:

– Веди их сюда!

Помреж уходит. А Лёдя бормочет растерянно:

– Лена даже не написала… Как-то так внезапно…

Гутман заявляет философски:

– Жена всегда является внезапно. Как бог Саваоф.

– Мне не до шуточек!

– Понимаю… Но поймет ли твоя Олечка?

Лёдя не успевает ответить – появляется Лена, за ней влетает шестилетняя Дита.

– Папа! Папочка! – Но тут же испуганно останавливается: – Ой, это не папочка… Это какой-то черт…

Лёдя опускается перед дочкой на корточки, распахнув для объятия руки:

– Нет, это твой папа чертовски соскучился по своему ангелочку!

Дита, удостоверившись, что это действительно папа, бросается ему на шею:

– Папочка! Ты к нам не ехал и не ехал, и мы сами к тебе приехали!

– Умницы! – Он целует жену и дочь. – Я так без вас тосковал!

– Бедненький папочка! Плакал, наверное?

Дита гладит его по щеке, и у отца действительно наворачивается слеза. С Дитой на одной руке он подходит к Лене и второй рукой обнимает ее:

– Ну, здравствуй, родная!

Лена прижимается к мужу, целует его.

– Мама, мама, какие у папы рожки выросли!

Лена и Лёдя неловко посмеиваются: ребенок невольно озвучил их потаенные страхи. Лёдя снимает свое чертовское украшение.

– Все, спилили рожки! Леночка, что же ты не телеграфировала? Я бы встретил…

– До последнего дня не знали, будут ли билеты. И хотелось сделать сюрприз…

– Сюрприз удался! – заверяет Гутман – Давайте знакомиться. Давид Гутман!

– Ой, Лёдя столько писал о вас, что, кажется, мы уже знакомы сто лет…

– И про вас он много рассказывал… Вы в Москву надолго?

Лена очень удивляется:

– Что значит – надолго? Семья должна быть вместе всегда.

– Какое счастье! – восклицает Гутман. – Этот тип больше не будет храпеть у меня в ногах!

Напрасно потом Гутман клялся, что он погорячился и что Лёдя с семьей могут хотя бы первое время пожить у него, и гостеприимная жена Гутмана тоже убеждала, что в их доме места всем хватит, как говорится – в тесноте, да не в обиде… Нет, Лена твердо настояла на том, что семья должна жить своим домом.

Лёдя назанимал у Гутмана и друзей-артистов сумму денег и снял комнату на Чистых Прудах. Здесь и потекла раз-

меренная семейная жизнь: Лёдя целыми днями пропадал в театре, Лена днем занималась Дитой, а вечером, порой даже ночью заботливо встречала мужа, неоднократно разогревая ужин к его приходу. Когда же в театре выпадал редкий выходной, все семейство прогуливалось по бульвару вдоль пруда, где уже начал сходить лед и появились лебеди. Дита кормила чинно плавающих птиц крошками.

Режиссер Гутман все порывался поставить пьесу Маяковского, которая называлась забавно и непонятно – «Мистерия-Буфф». Маяковский уже сам ставил ее как режиссер, но Гутман видел это историю по-другому, по-своему. Лёде в этом спектакле была обещана большая роль. Но пока что он по-прежнему маялся со старой ролью – рогатого чертика. И ломал голову, как бы сыграть Саваофа.

В кабинет Гутмана врывается артист Плинер и с порога заявляет:

– Все! Я отказываюсь играть Саваофа!

– Почему? – удивляется Гутман.

– А вот, полюбуйтесь!

Плинер бросает на стол записку. Гутман недоуменно берет ее, читает текст, нацарапанный печатными буквами:

– «Если будешь играть бога Саваофа, изобьем до смерти! Истинные верующие».

Плинер исполнен благородного возмущения:

– Я нашел это сегодня в кармане пальто! А вчера – на сто-

ле в гримерке!

– Николай Иванович, смешно бояться каких-то глупых шутников…

– Это не смешно! И это не шутники! Это фанатики! Если вы такой храбрец, играйте сами! – Плинер, хлопнув дверью, убегает.

Гутман задумчиво смотрит ему вслед.

А в кабинете появляется не скрывающий радости Лёдя:

– Ну что, сработало?

– А-а, так это твои дурацкие шуточки?

– Искусство требует жертв!

– Но не таких же. Старика чуть родимчик не хватил!

– Ну, прости, ну, я только один спектакль сыграю – и покаюсь.

– Что тебе даст один спектакль? Ради чего весь сыр-бор?

Лёдя по-детски мечтательно улыбается:

– А ты не понимаешь? Я хоть раз хочу искупаться в большой роли! Потом можно снова терпеть и ждать…

Гутман тяжко вздыхает:

– Мальчишка! – И грозит пальцем: – Но потом Плинеру в ножки упадешь и прощения попросишь!

Лёдя клятвенно ударяет себя в грудь:

– Упаду и попрошу!

И вот Лёдя на сцене – уже в образе Саваофа – раскланивается, убегает и вновь выходит на поклоны. Зал устраива-

ет ему овацию. Сопровождаемый не смолкающими аплодисментами, он уходит за кулисы.

А здесь его поджидает Олечка. С букетиком цветов.

– Браво! Браво! – восклицает она.

– Ты?.. – замирает Лёдя. – Зачем ты здесь?

– Чтобы поздравить тебя! Это первые подснежники… Ты не рад?

– Рад, конечно… Но…

Олечка, не давая ему ничего сказать, оттягивает его бороду:

– Никогда не целовалась с Саваофом! – И страстно целует его. – М-м, это божественно!

Лёдя вырывается из ее объятий:

– Не надо! Олечка, поверь, мне плохо без тебя…

– И мне без тебя ужасно!

– Но у меня – семья, я же тебе все объяснил.

Но ты не объяснил, как мне без тебя жить! Без твоих рук, без твоих губ…

Олечка шепчет это, все более страстно обнимая и целуя Лёдю.

И он не выдерживает, хватает ее на руки и уносит куда-то вглубь декораций.

На полу остается букетик подснежников.

Лёдя, Лена и Дита гуляют по Чистопрудному бульвару. Весенний пруд еще полон нерастаявших льдинок, среди ко-

торых плавают лебеди.

– Мамочка, папочка, можно я покормлю птичек? – просит Дита.

– Конечно, покорми, – разрешает Лёдя.

Дита бежит к воде, крошит туда булку, и лебеди плывут к ней.

Родители остаются вдвоем. Стоят, молчат. Первой молчание нарушает Лена:

– И долго это будет продолжаться?

Лёдя невинно уточняет:

– Что продолжаться?

– Я должна объяснять?

– Конечно, объясни.

– А может, лучше ты объяснишь, почему являешься домой в два часа ночи, а то и вовсе не являешься!

Ответ у Лёди всегда готов:

– Пожалуйста, объясняю. Маяковский принес нам пьесу. Там такие замечательные роли…

Лена язвительно перебивает:

– Ты хочешь сказать, что по ночам встречаешься с Маяковским?

– Неостроумно! По вечерам… ну иногда и до ночи… мы репетируем его пьесу…

– С Олечкой? – в упор спрашивает Лена.

– Какой Олечкой? Что за Олечка? – фальшиво изумляется Лёдя.

Лена с печальной усмешкой качает головой:

– Эх, Утесов, Утесов! Ты неплохой артист на сцене, но в жизни…

К ним подбегает Дита:

– Мамочка, папочка! У лебедей такой хороший аппетит – все съели! Купите еще булочку!

– Сейчас, сейчас, – Лёдя роется по карманам, – у меня же были деньги…

Лена открывает свою сумочку и дает деньги дочери:

– Иди купи калачик, вон тетя продает.

Дита убегает к тетке, торгующей калачами и сладостями.

Лена захлопывает сумочку и ловит недоуменный взгляд мужа.

– Тебе интересно, откуда у меня деньги?

– Ну, в общем-то…

– Пока ты репетируешь… по ночам, я днем устроилась на службу.

– На какую службу?!

– В театре. Мне помог замдиректора – старый знакомый еще по Никополю.

Лёдя мгновенно заводится:

– Ах, старый знакомый? И очень близкий знакомый?

– В твоей ситуации смешно корчить Отелло.

– Зато ты теперь – Дездемона! Или кого ты там в театре будешь играть?

– К сожалению, играть я уже никого не буду… Я работаю

в костюмерной.

Лёдя озадаченно молчит, потом взрывается:

– Какая работа? У ребенка должна быть мать! Должна быть нормальная семья!

Лена холодно усмехается:

– Очень вовремя ты вспомнил про семью.

– Я никогда о ней не забывал! А вот ты… И этот твой поклонник…

– Он не поклонник. Просто человек позаботился обо мне.

– А я?

– Вот и я думаю: а что же ты?

К ним опять подбегает Дита:

– Мамочка, папочка, а когда мы пойдем обедать?

– Мы же недавно завтракали, – удивляется Лена. – Но если ты проголодалась, пойдем…

Лена хочет взять ее за руку, но Лёдя перехватывает дочь, подбрасывает, целует:

– Диточка, у тебя аппетит не хуже, чем у лебедей!

Известное дело: чем больше виноват перед женой мужчина, тем большая ревность разгорается в его груди, когда хоть малейший повод для этого дает жена. Вот и Лёдя уже битый час, притаившись за деревом, наблюдает за театральным подъездом с надписью «Служебный вход».

Наконец, оттуда выходит Лена. И не одна, а в сопровождении франтовато одетого мужчины с бархатным бантом на

шее. Франт целует Лене ручку, она ему улыбается и уходит. А мужчина еще задерживается перед стеклянной дверью, смотрясь в нее, как в зеркало, и поправляя свой бант.

Тут-то к нему и подбегает Лёдя и рывком за плечо разворачивает на себя. Франт пугается как-то по-женски:

– Ой-ей-ей! В чем дело?!

– Вот и я интересуюсь – в чем дело?

– Простите, вы кто?.. Автор?.. Ну, давайте спокойно поговорим о вашей пьесе…

– Я не автор! Я – муж!

– Чей… простите… муж?

– Той, чьи ручки ты сейчас слюнявил!

– Ах, Леночки…

Лёдя хватает франта за грудки:

Не Леночки, а Елены Осиповны! Слушай сюда и запоминай головой! – У Лёди вдруг прорезаются давние одесские интонации: – Если ты, фраер, еще раз окажешься… только не говори потом, шо это было случайно… ближе до моей жены, чем на сантиметр, то лучше будет тебе самому повеситься на этой удавке!

Лёдя притягивает франта за бант к себе и отшвыривает к стене.

Вечером усталая Лена приходит домой, снимает в прихожей плащ и шляпку, автоматически взбивает локоны, входит в комнату и застывает на пороге.

Лёдя сидит за празднично накрытым столом с бутылкой вина в центре. Лена сухо интересуется:

– У тебя какой-то праздник?

– Да, у нас, – с нажимом уточняет Лёдя, – праздник. В театре выходной, и я не репетирую.

– Достойный повод, чтобы выпить, – так же сухо замечает Лена. – А где Дита?

– Диточку я отправил… э-э… то есть Диточка ночует у Гутманов. Давид хочет завтра ей показать утренник в театре.

Повисает пауза. Лёдя, затаив дыхание, умоляюще смотрит на жену. Лена отвечает ему усталым, но все понимающим и все прощающим взглядом. И наконец, садится за стол. Лёдя облегченно выдыхает и бросается ухаживать за женой:

– Ешь, ты же с работы, устала, ешь… Колбаска, сыр… Грибочки я брал на рынке…

Лена благодарно улыбается:

– А что ж мы не пьем, если у нас праздник?

– О, я болван! Конечно, выпьем, сейчас… – Лёдя суетливо отрывает бутылку, наливает вино в бокалы, поднимает свой: – За тебя!

Лена тоже поднимает бокал:

– За нас с тобой!

Они чокаются и выпивают. Лёдя первым набрасывается на закуску и бормочет с полным ртом:

– Леночка, а как там… этот твой… поклонник…

– Ты опять?

– Нет-нет, я не опять… я просто в смысле… ты ничего странного за ним… не замечала?

– Да я его вообще не замечала. Он уже неделю в командировке.

– Как в командировке? – Лёдя перестает жевать. – А с кем же я вчера…

Он осекается, но Лена не отступает:

– Что вчера? Ну, что?

– Да ничего… Это я так…

– Лёдя! Я уже сказала: в жизни ты артист неважный. Выкладывай!

– Понимаешь, я вчера немного… потолковал… с одним. Думал, это он…

– С кем ты, черт побери, толковал?

– Ну, такой… пижон с бантом. – Лёдя уныло склоняет повинную голову.

А Лена смеется, нет, просто-таки хохочет:

– Дикое Отелло! С бантом – это наш заведующий литературной частью.

– А чего он ручки тебе целует?

– Да он всем дамам целует. Но дальше ручек… Это уже не по его части!

– В смысле?

Да-а, ты Отелло не только дикое, но еще и глупое.

Лена шепчет что-то Лёде на ухо. У того глаза лезут на лоб:

– Не может быть!

– Не может, но есть. Так что твоя жена в полной безопасности!

Оба смеются. Лёдя первым обрывает смех и горячо говорит:

– Я тебя люблю! Я очень люблю тебя!

Лена молча и нежно обвивает шею мужа руками.

Утренний луч весеннего солнца щекочет нос Лёди и будит его. Они с Леной, как два голубка, почивают в семейной постели.

Лёдя нежно, чтобы не разбудить, целует жену в щечку, осторожно соскальзывает с кровати и шлепает в ванную.

Потом он в отличном настроении, весело насвистывая, выходит из дома.

А у ворот его поджидает Шура – любимая Маяковского и подруга Олечки. Безо всяких предисловий она сообщает:

– Олечка ночью травилась!

Лёдя вбегает в комнату Олечки. Девушка лежит в постели – бледная, с сухими воспаленными глазами. На тумбочке пустые пузырьки из-под таблеток, стаканы, салфетки.

Лёдя падает на колени перед Олечкой:

– Зачем?! Прости меня! Прости! – Он гладит ее волосы, целует тоненькую руку.

Сухие глаза девушки наполняются слезами:

– Нет, это ты меня, прости… Я не могу без тебя…

– Зачем же без меня? Я с тобой…

Но Олечка твердит, как заведенная:

– Не могу без тебя… Не могу… Не могу…

И Лёдя тоже твердит:

– Я с тобой… Я здесь… Я с тобой…

Но если мужчина говорит одной женщине «я с тобой», значит, он не может сказать этого другой женщине.

Поздний вечер. Лена поправляет салфетку на тарелке с ужином для Лёди, трогает чайник – он остыл. Лена зажигает огонь и ставит чайник снова.

Дита, уже совсем сонная, капризничает:

– Где папа? Почему папы опять долго нет?

– Папа задержался на работе, – бесцветным голосом отвечает Лена. – А тебе пора спать.

– Не буду спать без папы!

Лена стискивает руки и смотрит в темное окно.

Наконец, хлопает дверь и входит Лёдя. Дита, не давая отцу даже снять пальто и шляпу, бросается к нему и повисает на шее:

– Папа! Папочка!

Лёдя подхватывает дочку, целует, гладит ее кудряшки:

– Диточка! Родная моя, солнышко…

Но Лена отрывает дочку от Лёди:

– Дита, папе нужно раздеться и умыться!

Лёдя снимает пальто и шляпу, Лена берет кувшин и льет

ему на руки воду над тазом. Лёдя моет руки, а Дита прыгает вокруг него и щебечет, что без папы она спать не ложилась, а с мамой они учили буквы, а соседская кошка прыгнула к нам на окно и хотела съесть наше молоко, но они с мамой налили ей в кукольное блюдечко, а утром они все пойдут на пруд, потому что папа обещал ей пойти кормить лебедей…

Лена подает полотенце, Лёдя вытирает руки и подхватывает Диту:

– Конечно, мы обязательно пойдем кормить лебедей.

– Завтра?

– Может быть, и завтра.

– А почему – может быть?

Лёдя, не отвечая, несет девочку в спальню, укладывает в кроватку, целует. Дита, уже засыпая, бормочет:

– А если до завтра лебеди улетят в жаркие страны?

– Мы их догоним. Возьмем в театре крылья и полетим.

– А откуда в театре крылья?

– От ангелов, конечно. Спи, солнышко, спи…

Дита наконец уснула – задышала глубоко и ровно.

Лёдя возвращается к Лене. Она стоит у окна. И не оборачиваясь, предлагает:

– Поешь. Я уже два раза подогревала.

Лёдя медлит:

– Лена… Нам надо поговорить…

Разговор мучительный, разговор короткий. Потому что, собственно, говорить не о чем. Лена и так все знает про эту

маленькую шлюшку. Лёдя пытается объяснить, что Олечка вовсе не шлюшка, а просто несчастная запутавшаяся девочка, и она сейчас находится на грани жизни и смерти, и он, только он может ей помочь, а когда поможет, когда она придет в себя, тогда он обязательно… Лена обрывает мужа, Лена не желает его слушать. Она желает лишь одного: четкого выбора. Да, Лёдя должен выбрать: или она или эта шлюшка. Или – или!

Лёдя надевает пальто, шляпу и молча уходит в ночь.

На сцене – очень популярный в те годы театр агитбригадной политсатиры «Синяя блуза».

Стройным рядом
По нарядам
Ходит синеблузый взвод
И в работе
С маршем роты
Мы идем к тебе, завод.
Наша отвага —
Веселый задор.
Блузы – бумага,
Сами – набор!
Красные разведчики
Рабочих и крестьян,
Мы – живогазетчики
Новый мощный стан!

Лёдя подключается к массовке со своим номером «Газетчик»:

Сел я недавно поглазеть газету.
Что, мол, делается на белом свете.
Читаю и вижу – в огне целый мир,
И никак не может в нем наступить мир.
Потому что Германия бьется в истерике,
Франция и Англия – против Америки,
Америка грозит Японии,
А у Японии от землетрясения агония…

Лёдя все убыстряет и убыстряет ритмичную скороговорку:

У Франции – морока с Марокко,
От Испании тоже нет прока,
Испанцы – на марокканцев,
Марокканцы не признают испанцев,

Зрители с восторгом внимают все ускоряющейся скороговорке Лёди и бурно аплодируют, не дожидаясь ее финала.

А ночи Лёдя проводит в маленькой комнате Олечки.

За окном серо и слякотно. Лёдя и Олечка додремывают утренние минутки, укрывшись так, что только их носы видны из-под одеял и пальто, наваленных друг на друга.

– Пора, – вздыхает Олечка.

– Еще минуточку, – просит Лёдя.

– Ну что за весна в Москве – холод собачий! – стонет Олечка. – Давай вернемся в Одессу, там тепло…

Лёдя надрывно кашляет.

– Нет… Тепло – летом… А весной тоже с моря как задует…

– Зато в Одессе лето – полгода.

Лёдя снова кашляет. Олечка огорчается:

– Видишь, ты опять простыл! Тебе точно нужен одесский климат!

– Нет, назад только раки пятятся, за что их с пивом и употребляют, – отшучивается Лёдя. – А когда холодно, надо просто греться!

Лёдя рычит и набрасывается на Олечку, она визжит, отбивается:

– Я опаздываю на репетицию!

– Порепетируем здесь, у тебя же любовная сцена…

Олечка все-таки выскакивает из постели и убегает умываться.

А Лёдя опять долго кашляет, накрыв голову подушкой, чтобы она не услыхала. Он еле успевает отдышаться, как прибегает уже одетая Олечка и целует его:

– Кофе попью в театре! Увидимся вечером!

– До вечера я не доживу!

Лёдя опять тащит Олечку в постель, она обмякает в его объятиях и умоляет:

– Ну, Лёдечка, ну, скажи, чтобы я уходила!

– Не могу!

– А я не могу уйти!

– Ладно, уходи.

– Нет, уходить уже поздно – я убегаю, улетаю!

Олечка действительно убегает, послав Лёде от двери воздушный поцелуй. Лёдя еще чуток нежится в тепле, но затем усилием воли заставляет себя выпрыгнуть из постели, быстренько надевает сорочку, брюки, свитер, пиджак…

В дверь стучат. Лёдя идет открывать.

– Олечка? Забыла чего?

Но на пороге – бородатый мужик с кнутом.

– Куды дрова скидывать?

– Какие дрова? Вы, наверное, ошиблись адресом…

Мужик показывает бумажку:

– Не, адрес – вот. И письмо хозяйке.

– Хозяйке? Оле?

– Не могу знать: Оле – Коле… Хозяйке! Да вы гляньте сами…

Лёдя берет записку, читает: «Оля! Пожалуйста, топите печку, не жалейте дров. Леонид Осипович подвержен простудам, ему необходимо тепло. Когда дрова закончатся, дайте знать – раздобуду еще. Елена».

Лёдя бессильно опускает руки. Записка выпадает из его пальцев, медленно кружится и падает на пол. Мужик удивленно прослеживает ее полет и опять спрашивает:

– Так куды ж дрова скидывать?

И вновь дружная семья – Лёдя, Лена и Дита – гуляют на бульваре. Льдинки в пруду уже почти растаяли, Дита кормит лебедей.

– Мамочка, папочка, а почему лебеди плавают парами?

– Потому что они любят друг друга, – объясняет Лёдя.

– И не могут расстаться, – добавляет Лена.

Лёдя и Лена смотрят друг на друга. И снова не нужно никаких слов. Ну, разве что только – песня. Одна из самых душевных и негромких песен Утесова:

Отчего, ты спросишь, я всегда в печали,
Слезы, подступая, льются через край.
У меня есть сердце,
А у сердца – песня,
А у песни – тайна,
Хочешь – отгадай.
Для того, кто любит, трудных нет загадок,
Для того, кто любит, все они просты.
У меня есть сердце,
А у сердца – песня,
А у песни – тайна
Тайна эта – ты.

Глава восьмая
«Любовь такая глупость большая»

МОСКВА, ТЕАТР ЭСТРАДЫ, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Юбиляра приветствует молодой дуэт из Московского театра оперетты: он в элегантном смокинге Эдвина, она – в роскошном наряде Сильвы.

– Дорогой Леонид Осипович! – начинает Эдвин. – Мы поздравляем вас с юбилеем!

– Мы желаем вам большого счастья, – продолжает Сильва, – крепкого здоровья, осуществления всех желаний…

– И выражаем глубокое соболезнование! – неожиданно завершает Эдвин.

Зал недоуменно шумит. Утесов тоже недоумевает:

– Я что, уже так неважно выгляжу?

– Выглядите вы замечательно! – заверяет Сильва.

Утесов стучит по деревянному подлокотнику кресла:

– Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

– А соболезнование мы выражаем не вам, а всей советской оперетте, – объясняет Эдвин.

– В связи с тем, – завершает Сильва, – что ее преждевременно покинул блистательный артист Леонид Утесов!

И они начинают знаменитый дуэт. Но с новым – соответствующим данному моменту – текстом:

СИЛЬВА
Помнишь ли ты, как ты служил в оперетте?
Смокинг, канкан, комик, герой, бонвиван…

ЭДВИН
Ты был артист – самый любимый на свете!
Помнишь ли ты «бис» и цветы?
Но ты ушел, и всех нас
Променял ты на джаз!

СИЛЬВА
С опереттой твой обман
Был так сладок!
С опереттой твой роман
Был так краток!
Подарил ты нам любовь на минутку,
Оперетта – только шутка.

ЭДВИН
Как тоскует без тебя оперетта!
Ни ответа от тебя, ни привета!
Покорялись мы судьбе, но довольно,
Сердцу больно!
О, вернись!
ДУЭТ
Помнишь ли ты, как ты служил в оперетте…

Да чего там спрашивать, помнит ли он, – конечно же, все

Утесов помнит…

ПЕТРОГРАД, 1923 ГОД

На смену военному коммунизму пришла новая экономическая политика – нэп. О, буйные нэповские времена! Канкан оперетты и томные танго в ресторанах, полных экзотических блюд, где гуляли «жирные коты» – нэпманы с дамами в мехах и брильянтах. Открывались и многочисленные театральные антрепризы, которые на потребу новой публике играли легкие комедийные и музыкальные спектакли.

Лёде уже давно стали тесны рамки московской агитбригадной политсатиры. И когда его позвали сразу два петроградских театра – антреприза Ксендзовского и Палас-Театр, товарищество без антрепренера, – он немедля перебрался со своей семьей на берега Невы.

Здесь он играл много, жадно, разнообразно. В оперетте «Девушка-сыщик» Лёдя, используя свою давнюю цирковую подготовку, сыграл персонаж, который являл чудеса акробатической подготовки – вплоть до хождения по натянутому под колосниками канату. С которого Лёдя однажды и свалился – но доиграл спектакль до конца, хотя газеты потом писали, что он получил «сильное сотрясение всего организма».

А в оперетте «Дорина и случай» Лёдя играл слугу не двух, а сразу четырех господ, причем был то русским, то французом и говорил, соответственно, то по-русски, то по-русски

же, но с французским акцентом. При этом он метался по четырем этажам дома, где жили его четыре хозяина, так чтобы они даже не догадались, что он у них на четверых – один.

Но главной любовью Лёди была классическая оперетта «Сильва». Любовью – сразу в двух смыслах…

На сцене Палас-Театра Лёдя и примадонна польского происхождения Казимира Невяровская исполняют дуэт Бони и Стаси:

БОНИ-ЛЁДЯ:
Ах, мой друг, весь наш брак – это трюк,
Мне жена не нужна, хоть мила и нежна,
И за ней должен я целый день
Безотрадно бродить, как тень!
Принимают нас так радушно
И завидуют все кругом,
Ну а мне от любви такой ужасно скучно
И твержу я всегда тайком:
Любовь такая глупость большая,
Влюбленных всех лишает разума любовь.
Все это знают и понимают,
Но все равно влюбляться будут вновь и вновь!

Зал полон нэпманской публики, и публика эта от Лёди в восторге, особенно дамы. А мужчины, конечно, млеют от Невяровской, которая необычайно и чертовски хороша.

СТАСЯ-НЕВЯРОВСКАЯ:

Ах, мой друг, вы отбились от рук,
Будь я ваша жена, не была б я нежна.
Дать урок вам сумела бы я,
Как должны трепетать мужья!
Я совсем не ягненок кроткий,
И свой нрав не хочу скрывать,
Чтобы вы, опечаленный такой находкой,
Мне не могли сказать:
Любовь такая глупость большая,
Влюбленных всех лишает разума любовь.
Все это знают и понимают,
Но все равно влюбляться будут вновь и вновь!

Артисты выходят на поклон. Мужчины устремляются к сцене с букетами, бросают их Невяровской. Дамы не отстают от мужчин, но несут цветы Лёде. Принимая розы у одной из дам, он успевает поцеловать ей ручку. Кланяющаяся рядом с ним Невяровская шипит с польским акцентом:

– Ты всем пани будешь целовать руки?!

За кулисами она тоже проявляет характер: обмахиваясь веером, царственно выставляет ножку и требует застегнуть ей туфельку. Лёдя быстро застегивает пряжку и поправляет платье на ее обнажившемся колене. Она томно интересуется:

– И это все-е?

– А что, я же застегнул…

Невяровская раздраженно захлопывает веер и ударяет им по лбу Лёди. Он перехватывает ее руку и напоминает, что

они здесь не одни. Невяровская насмешливо восклицает:

– Ах, ах, какая великая тайна! После спектакля едем в «Асторию»!

– Я не могу. Меня Лена ждет…

– Ты не можешь? Нет, это я не могу! Пся крев, я польская аристократка! И я не желаю больше прятаться, как холопка от пани! Если ты сам не можешь ей сказать, это сделаю я!

У Невяровской истерика, Лёдя беспомощно топчется перед нею, но, по счастью, к приме уже спешит верная костюмерша Марыся с флаконом успокоительного, которое она привычно сует под нос хозяйке, уговаривая ее, как маленькую:

– Не, не, пани, рыбка моя, только не зараз! У вас еще другий акт…

После спектакля Лёдя и Лена едут из театра на извозчике, утопая в цветах Лёдиных поклонниц. Но, несмотря на эти свидетельства успеха, Лёдя мрачно вздыхает:

– Я делаю все не то… Понимаешь, все это – не то!

Лена невозмутимо нюхает букетик:

– Почему не то? Сегодня ты опять был вполне хорош. Правда, во втором акте немного скован мизансценами… И еще я бы акцентировала не низкие, а высокие ноты…

– При чем тут: высокие, низкие? Это все – вообще не то! Читала, что про меня пишут? Вот Соколовский, например: «За неимением голоса Утесов поет бровями»!

Лена успокаивающе улыбается:

– Он просто оттачивает на тебе свое остроумие.

– А Литвак: «Эстрадный комик пытается доказать, что он еще и комик опереточный»!

Ну, на то они и критики. Их хлеб – пощипывать бедных артистов.

Ответы Лены полны невозмутимости. Но вдруг и она не выдерживает:

– Впрочем, ты скорее не комик, а типичный рамоли – щиплешь инженюшек за бока!

Лёдя уходит в глухую оборону:

– О чем ты? В спектакле нет никакой инженю.

– Ах, ну да, она не инженю, она польская аристократка… Такие аристократки у нас в Никополе нанимались мыть полы!

– Лена, это все глупости!

– Конечно, глупости. – Лена пристально смотрит на мужа. – Только хотелось бы, чтоб и ты понимал, что это все – глупости.

– Да у меня вообще голова другим занята!

Лена опять невозмутима. Она заботливо укутывает мужа шарфом:

– Меня больше волнует не твоя голова, а твое горло. Смотри, не простудись…

Лёдя капризно отталкивает ее руки:

– Нет, ты меня не понимаешь! Я хочу доказать, что могу

больше, чем делаю сейчас!

– Можешь – докажи, – спокойно соглашается Лена. – Ты только определись, что ты можешь.

– Что могу? Да все! Я могу все! От трагедии до трапеции!

Лёдя брякнул это сгоряча. Но задумывался над этим он уже давно. При всем успехе ему было неуютно в рамках одной оперетты. Ведь существует и множество других жанров. А значит, необъятные силы и немереные амбиции Лёди требовали доказать, что он может проявить себя в любом жанре.

– Представляешь, – возбужденно объясняет он Лене, – первым номером что-нибудь драматическое. Ну, скажем – Раскольников… А после Достоевского я выйду Менелаем из «Прекрасной Елены»… Ужасающее соседство, да? Ну и отлично! Дальше – скетч «Американская дуэль», потом: что-нибудь грустное, элегическое… К примеру, «Не искушай» Глинки – под аккомпанемент трио, где я играю на скрипке… Затем… Какой же к этому контраст? Ага, классический танец! Я исполню настоящий вальс… Потом – комический рассказ, потом, конечно, куплеты на злобу дня… А закончу… Закончу тем, чем начинал: рыжий клоун на трапеции!

Потрясенная громадьем его планов, Лена недоверчиво смотрит на Лёдю. А он твердо заявляет:

– И все это не меньше чем часов на шесть!

Афиша уникального представления гласит:

ПАЛАС-ТЕАТР

в пятницу 2 февраля 1923 года
показательный синтетический
вечер-спектакль
Л. О. УТЕСОВА
«ОТ ТРАГЕДИИ ДО ТРАПЕЦИИ»

Часы, специально вывешенные над сценой, показывают ровно шесть часов вечера.

Под барабанную дробь, прорвав афишу, Утесов выходит на сцену. Зал аплодирует. Барабанную дробь сменяет драматическая увертюра к «Пиковой даме» Чайковского. Под нее Лёдя читает драматический монолог Раскольникова: «Я кровь пролил, которую все проливают! Которая льется и лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелями человечества…»

За кулисами взволнованная Лена, гример с пуховкой наготове, костюмер с плечиками от костюма, рабочие сцены – все наблюдают за Лёдей.

А он продолжает все более страстно: «Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости… Я хотел только поставить себя в независимое положение, первый шаг сделать, достичь средств, и там бы все загладилось неизмеримою, сравнительно, пользой… Но я, я и первого шага не выдержал… И все-таки вашим взглядом не стану

смотреть: если бы мне удалось, то меня бы увенчали, а теперь в капкан!»

Зрители аплодируют от всего сердца.

Лёдя влетает за кулисы, гример бросается к нему с пуховкой, костюмер помогает переодеться в костюм царя Менелая, Лена поит его чаем из стакана…

И вот уже Лёдя-Менелай поет арию из оперетты «Прекрасная Елена».

Из зрительного зала, прикрыв лицо вуалькой шляпы, за Лёдей наблюдает Невяровская – и восхищенно, и слегка ревниво.

Дамы бросают на сцену цветы.

За кулисами Лёдя, прыгая на одной ноге, а другой пытаясь попасть в полосатые брюки, одновременно надевает одесское канотье и откусывает от бутерброда, который сует ему в рот Лена.

Лёдя – в полосатом костюмчике, канотье и с тросточкой – исполняет одесские куплеты.

А потом играет известную эстрадную интермедию, которая почему-то называется «Американская дуэль», хотя никакой Америки, да и самой дуэли, по сути, тут нет. Просто двое тянут жребий из цилиндра, и тот, кто вытянет бумажку с крестиком, обязан застрелиться. Крестик достается Лёде, он ломает в ужасе руки, приставляет револьвер к виску, убегает за кулисы, там раздается звук выстрела, после чего Лёдя возвращается и радостно сообщает: «Вот повезло так

повезло – промахнулся!»

Вместе со всеми зрителями заливисто смеется и Дита в первом ряду.

А Лёдя за кулисами сбрасывает одесский костюмчик и влезает в подставленный костюмершей фрак. Лена повязывает ему галстук-бабочку.

Лёдя во фраке поет романс Глинки: «Не искушай меня без нужды возвратом нежности твоей, разочарованному чужды все обольщенья прежних дней…»

У дам в зале увлажняются глаза.

За кулисами взволнованная Лена шевелит губами, беззвучно подпевая Лёде.

Сменив фрак на балетное трико, Лёдя танцует с партнершей в балетной пачке классический вальс Штрауса «Сказки Венского леса». В какой-то момент он оставляет партнершу, которая продолжает одиноко кружиться, берет скрипку, играет на ней тему вальса, а затем возвращается к партнерше, завершая танец.

Лёдя выбегает со сцены за кулисы, подхватывает Лену и кружит ее, как только что кружил балерину. Но гример с костюмером торопят его опять сменить грим и переодеться – на сей раз в клоунский костюм.

Как в цирковой юности, он сначала по-клоунски дурачится, а затем работает номер воздушной гимнастики: крутится на трапеции, делает сальто в воздухе, взлетает к потолку… А зрители – и строгие интеллектуалы, и экзальтированные

дамы – замирают и ахают, как когда-то простая публика в цирке Бороданова.

Так завершается представление, в финале которого бурно аплодируют все – и зрители в зале, и работники театра за кулисами, и Лена, и Дита, и Невяровская.

Счастливый триумфатор Лёдя раскланивается и посылает в зал воздушные поцелуи.

А часы над сценой показывают ровно полночь, возвещая, что закончились шесть часов невиданного творческого марафона под названием «От трагедии до трапеции».

Дома Лёдя – весь в примочках – стонет на кровати. Дита, высунув от усердия кончик языка, меняет отцу компрессы на ногах. Лена за столом перебирает гору газетных рецензий.

– Замечательно – ни одной ругательной строчки! А какие эпитеты… «Утесов доказал, что он – большой артист широчайшего диапазона»! А вот и этот остроумец Соколовский: «Многие думали, что представление Утесова станет бенефисом шарлатанства, но столкнулись с высочайшим профессионализмом и преданностью искусству»… Все, спекся твой остроумец!

Лёдя стонет слабым голосом:

– О-о, жаль, что такое возможно только раз в жизни.

– Почему, папочка? Это было так здорово!

– Спасибо, Диточка, но если я дам еще одно такое представление, на моей могилке напишут: «Здесь лежит обжора,

объевшийся искусством».

– Не надо, папочка! – пугается Дита. – Я не хочу твоей могилки!

Растроганный Лёдя обнимает дочь, а Лена улыбается:

– Никакая могилка твоему папе не грозит. У меня есть для него отличное лекарство!

Она подает мужу книгу, Лёдя читает на обложке:

– «Аристократка», Михаил Зощенко… Кто такой?

– Почитай – узнаешь. Мне рекомендовала Ира Шацкая – она ведь известная книголюбка. Так я вчера полночи не спала – читала и хихикала!

Лёдя не упускает случая обидеться:

– Это вместо того чтобы полночи не спать, переживая, как пройдет мой бенефис?

– Но ты-то сам спал, как сурок. Короче, почитай, а мы с Дитой примочки приготовим…

Мать и дочь уходят. Лёдя без особого интереса открывает книгу на первой попавшейся странице, начинает читать. И тут же на его лице ленивое выражение сменяется интересом, потом улыбкой, а затем он вовсе громко смеется и кричит:

– Лена! Дита!

Родственники вбегают в комнату.

– Что случилось? – волнуется Лена.

– Да вы послушайте! – Лёдя, позабыв о болячках, вскакивает с постели и читает: – «Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на

ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место!»

Лёдя читает и на глазах преображается в героя зощенковского рассказа – туповатого, но чем-то все же симпатичного водопроводчика:

– «Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я – на Васькин. Сижу на верхотурье и ни хрена ни вижу. А ежели нагнуться через барьер, то ее вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу – антракт. А она в антракте ходит. «Здравствуйте», – говорю. – «Здравствуйте». – «Интересно, – говорю, – действует ли здесь водопровод?» – «Не знаю», – говорит. И сама в буфет»!

Лена и Дита смеются. А Лёдя умоляет:

– Звони своей Шацкой – пусть сведет меня с этим Зощенко!

Михаил Михайлович Зощенко еще только становился известным. Грустный по жизни человек, чей литературный смех был сродни Гоголю – тоже сквозь слезы. Казалось, его мучит скорбь, что люди так несовершенны, что никак не могут они жить благородно и разумно. Писатель и смеялся над ними, и сочувствовал им, и надеялся на перемены к лучшему.

Они встретились в роскошном нэпманском кафе «Ле Гурме» – Лёдя и Зощенко, худощавый, строго одетый, по-воен-

ному подтянутый бывший офицер, с умными грустными глазами. Спокойно и чуть иронично он выслушивает восторги Лёди:

– Михал Михалыч, это же – брильянты! Жемчуга! Ваша аристократка – просто чудо что такое! – Лёдя цитирует: – «Довольно свинство с вашей стороны! Которые без денег – не ездют с дамами!»

Зощенко слушает пламенного Лёдю, помешивая серебряной ложечкой кофе в чашечке настоящего фарфора.

– Михал Михалыч, позвольте мне читать ваши рассказы со сцены?

– Читайте, если желаете…

– Еще как желаю! Я уверен, зал будет рыдать!

– Надеюсь, от смеха? – уточняет Зощенко.

– Еще бы! И это будет начало советского рассказа на эстраде!

Зощенко усмехается одними уголками губ:

– Должен предостеречь, Леонид Осипович: критики вам заметят, что мои персонажи не прибавляют советскому человеку оптимизма и веселья…

– Да плевать я хотел на критиков! – храбрится Лёдя.

К ним подходит официант:

– Желаете сделать заказ?

Зощенко в задумчивости, а Лёдя выказывает себя завсегдатаем:

– Для начала нам водочки, как вы делаете – на бруснике,

и пирожочки маленькие…

– А-ля рюс? – уточняет официант.

– А-ля, – соглашается Лёдя. – А на горячее…

– Могу порекомендовать наше коронное блюдо – стерлядь в икорном соусе. Но можем сделать и соус бешамель.

– Да, бешамель, – Лёдя интересуется у Зощенко. – Вы не против бешамеля?

– Нет. Если бешамель не против меня.

Зощенко закуривает маленькую помятую папироску. Официант удивленно косится на это убожество, чуть морщит нос от сомнительного аромата и с достоинством удаляется. А Лёдя вальяжно закуривает толстую сигару и философствует:

– Думали ли мы еще совсем недавно, в голодные годы, что будем так сидеть и выбирать соус к стерляди… Вот оно и наступило – светлое будущее!

Зощенко затягивается папироской и усмехается:

– Надолго ли?

– В каком смысле?

Лёдя не получает ответа на свой вопрос – в кафе врывается роскошная Казимира Невяровская.

Наконец-то, я тебя нашла, коханый! Прямо загнала извозчика: пятый ресторан объезжаю!

Примадонна усаживается за столик, целует Лёдю, несмотря на его попытки увернуться, и морщит хорошенький носик:

– Фу, чем так дурно пахнет? А-а, это папиросы пана… Что за ужас вы курите?

Зощенко невозмутимо отвечает:

– Этот ужас называется «гвоздики».

– Зачем же пан курит такую гадость!

– Привыкаю. Мало ли куда может забросить жизнь…

– Странный вы какой-то. Леонид, вели принести пирожных, ужасно хочу сладкого!

– Официант! – зовет Лёдя. – Пожалуйста, нам пирожных!

Невяровская достает длинную пахитоску, вставляет в мундштук и тоже закуривает. Лёдя и Зощенко переглядываются. Зощенко сочувственно улыбается Лёде. Лёдя незаметно разводит руками и полушепотом цитирует:

– «Ежели вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу!»

– Что ты сказал? – настораживается Невяровская.

Но тут подходит официант с вазой разнообразнейших пирожных. Невяровская хватает ближайшее и предупреждает официанта:

– Не уходите! – Откусывает полпирожного и спрашивает Зощенко: – А пан – кто есть?

Зощенко только пожимает плечами, а Лёдя сообщает:

– Это гениальный писатель – Михаил Зощенко!

– Не читала, – легко признается актриса.

После чего заглатывает вторую половинку первого пирожного и берет из вазы у официанта еще одно. Лёдя снова ци-

тирует полушепотом:

– «Натощак не много ли?»

– Что ты опять бормочешь? – напрягается Невяровская.

– Да ничего, тебе послышалось…

Невяровская расправляется со вторым пирожным и берет третье. Зощенко, пряча улыбку, закуривает следующую папироску. Невяровская подозрительно переводит взгляд с Лёди на Зощенко. И, почуяв какой-то подвох, кладет пирожное обратно в вазу.

– Вы докушайте, – советует официант. – Все равно ведь платить – оно пальцем смято.

Ситуация рассказа «Аристократка» повторяется настолько буквально, что Лёдя и Зощенко, не выдержав, прыскают.

– Что вы смеетесь? – недоумевает Невяровская и вскакивает. – Мне здесь надоело! Леонид, едем в «Асторию»!

– Прости, не могу, меня ждет Лена…

– Уже не ждет!

– Что значит – не ждет?

– То и значит. Я была у пани Лены и все рассказала.

– Зачем?!

– Я помогла тебе, коханый. Ты же сам сказать хочешь, но не можешь…

Лёдя пулей вылетает из ресторана. Невяровская провожает его насмешливым взглядом и переключается на Зощенко:

– Пан писатель, а вы вообще-то о чем пишете?

Лёдя взбегает по лестнице к своей квартире. У двери его встречает чемодан с надетым на угол одесским канотье. Лёдя тупо смотрит на чемодан. Тянется к звонку двери. Но опускает руку и устало присаживается на чемодан.

Так Лёдя снова покинул свой дом. Он поселился в квартирке Невяровской. А домой его пускали, чтобы увидеться с Дитой, только по воскресеньям. Вернее, домой его даже не пускали – Лена выводила к нему Диту на лестничную площадку.

Лёдя старался забыться в работе, выступая в самых разных жанрах. Нет, марафон «От трагедии до трапеции», конечно, остался неповторимым, но Лёдя, кроме оперетты, еще играл в «Свободном театре» небольшие пьески, скетчи, водевили, а также читал на эстраде рассказы Зощенко – и все это с немалым успехом.

А еще Лёдя открыл для себя замечательного американского писателя Фридмана. Постоянным героем его рассказов являлся Мендель Маранц, добродушный и неунывающий философ жизни, изобретатель-неудачник, чьи изобретения ни разу не реализовались, непоколебимый оптимист и юморист, излагающий свои взгляды на окружающую действительность парадоксальными афоризмами. Например: «Что такое деньги? Болезнь, которую каждый хочет схватить, но не распространить».

Ну, а Лёде в нынешней семейной ситуации были особенно созвучны другие афоризмы неунывающего Менделя…

Лёдя на эстраде играет Менделя Маранца. А это значит, что он сам себя вопрошает и сам себе отвечает:

– Что такое жена? Жена – это гвоздь в стуле, который не дает тебе сидеть спокойно. А еще – это насморк, который легко схватить, но трудно избавиться.

Публика смеется – совершенно очевидно, в зале много понимающих, что к чему.

– А что такое брак? – продолжает Лёдя. – Брак – это туфли. Пока они новые, они жмут. Когда же они становятся удобными, оказывается, что они уже старые.

И опять зрители сочувственно смеются. Но Лёдя серьезен и философичен:

– А то такое жизнь? Клумба. Если на ней не растет тот цветок, который ты любишь, научись любить те цветы, которые на ней растут. Бери пример с Колумба. Если ты ищешь счастье на востоке, плыви на запад. Даже если ты не найдешь то, чего искал, ты по крайней мере откроешь новые земли…

Казимира Невяровская в кружевном пеньюаре возлежит в своей спальне на подушках. Лёдя в домашнем халате приносит поднос, на котором – кофе и пирожные. Примадонна игриво возмущается:

– Что ты делаешь, мой принц! Почему мне не принесла кофе Марыся?

Лёдя – уже, видимо, не впервые – подыгрывает ей:

Зачем Марыся? Я – самый верный твой холоп! Вели казнить, вели миловать – все стерплю от твоей шляхетской ручки!

Он с низким поклоном ставит кофе у кровати. Казимира кокетливо надувает губки:

– Все так говорят, все так обещают…

Лёдя играет теперь гордого шляхтича:

– А ты меня со всеми не равняй!

Примадонна без всякого перехода превращается из кокетливой куколки в искренне страдающую женщину.

– Да, ты не такой, как все! Люби меня, коханый, пожалуйста, люби! Мне так страшно, так одиноко!

Она горячо обнимает слегка оторопевшего Лёдю, и он падает к ней на подушки.

Все это походило на страсти немого кино, пользовавшегося в те годы невероятной любовью зрителей. Тайные свидания, страстные объятия, пальба из пистолетов в неверных любовников, нож в грудь, яд в бокал и финальный поцелуй в диафрагму.

Но Лёдя не очень любил немые кинострасти, он предпочитал немые же, но комедии. Получив у Лены Диту на воскресенье, он первым делом отправляется с ней в иллюзион, где персонажи бегают, падают, ломают руки-ноги, теряют штаны и очки, и постоянно сталкиваются дамы и автомобили… Лёдя с Дитой от души смеются над комическими трю-

ками. Особенно восхищается непосредственная Дита:

– Ой, я сейчас умру от смеха! Ой, смотри, смотри! А ты так можешь, папочка?

– Для тебя я все могу!

Девочка прижимается к отцу.

– Я тебя так люблю, папочка! Сильно-сильно!

Растроганный Лёдя целует ее в макушку:

– А я тебя люблю еще сильнее!

Из кинотеатра они выходят на бульвар.

– Мороженое? – предлагает Лёдя.

– Обязательно! – подтверждает Дита.

Лёдя покупает мороженое и с улыбкой смотрит, как дочь набрасывается на лакомство.

– Знаешь, я тоже в детстве больше всего на свете любил мороженое. Но моя мама была очень строгая…

– Бабушка Малка и сейчас строгая, – уточняет Дита.

– Да, она считала, что детей нельзя баловать, и разрешала мороженое только по праздникам. А мой папа меня жалел…

– Дедушка Иосиф добрый, – опять уточняет Дита.

– Да, дедушка давал мне деньги на мороженое по секрету от мамы.

– А дедушка жил с тобой? – невинно интересуется Дита.

– А где же ему жить? – не чувствует подвоха Лёдя. – Он же наш папа.

– Ты тоже мой папа, но ты ведь не живешь с нами.

Лёдя мнется, не зная, как выпутаться из капкана Диты. А

она говорит тихо:

– Я по тебе очень скучаю!

– Ну, прости, я тоже жутко по тебе скучаю! И я обязательно придумаю, как сделать, чтобы ты не скучала. Хочешь, я возьму тебя жить к себе?

– Нет. Мама ведь тоже скучает, а вместе нам скучать веселее.

Лёдя утирает вспотевший лоб и замечает киоск с прохладительными напитками.

– Что-то жарко! Посиди здесь, я сельтерской попью…

Дита садится на скамейку, доедая мороженое. А молодой человек в кожаных крагах и клетчатой кепке присматривается к ней.

Лёдя подает деньги продавщице, но тоже издали не спускает глаз с дочери.

Человек в кепке подходит к ней:

– Девочка, хочешь сниматься в кино?

Дита растерянно смотрит на незнакомца. Но Лёдя уже спешит к ним.

– Молодой человек, вы воду не взяли! – кричит ему вслед продавщица.

Лёдя только отмахивается и налетает на незнакомца:

– Вы чего пристаете к ребенку!

– Я не пристаю, а приглашаю девочку сняться в кино.

– Какое еще кино?

– Новая художественная фильма. Я ассистент режиссера,

ищу девочку на роль. Ваша дочка нам очень подходит.

– Я без папы не пойду! – заявляет Дита.

– Хорошо, мы и папу возьмем, – вздыхает ассистент. – Вы где работаете?

– Я работаю в театре! – гордо заявляет Лёдя. – В разных театрах.

– Даже в разных? – иронизирует ассистент. – И кем, интересно бы знать, вы работаете?

– Артистом!

– Да-а? А фамилия ваша?

– Утесов.

– Не слыхал. Но все равно – нам нужны статисты.

Лёдя – совсем недавний премьер и триумфатор – чувствует себя идиотом. Диту же волнует совсем другое:

– А мне платье красивое дадут? Ну, как у артисток?

Однако прежде чем стать артисткой, Дита должна получить на это разрешение мамы. Но мама категорически против. Правда, весь свой гнев она обрушивает не на Диту, а на этого прохиндея Лёдю: нет, нет и еще раз нет, вы с ребенком встречаетесь только по воскресеньям, и никакие одесские фокусы тут не пройдут. Лёдя искренне возмущен:

– Какие фокусы? Это Диту пригласили! Диту, понимаешь? А меня – только за компанию…

– Мамочка, ну пожалуйста! – умоляет Дита. – Мамочка, я хочу быть артисткой! Как ты!

Лена затихает и горестно машет рукой:

– Да какая уже я артистка… Ладно, если тебе так хочется…

Дита бросается к Лене на шею:

– Ура! Ты самая добрая мама на свете!

Лена пытается сохранить строгость:

– Но кино не отменяет твои домашние уроки.

– Да я их всех сейчас сделаю-переделаю! – Дита убегает в свою комнату.

Лёдя и Лена остаются вдвоем. Неловкая пауза. Лёдя первым прерывает молчание:

– Ну… как ты?

– Нормально. А ты?

– В порядке.

И опять молчание.

– Так завтра я заеду за Дитой? – спрашивает Лёдя.

Лена снова становится железной леди:

– Думаешь, я тебе доверю ребенка? Про синематограф столько мерзких слухов… Я сама привезу Диту!

Вспышка фотоаппарата высвечивает сидящую в картинной позе Невяровскую и ее таинственно-воздушный наряд из шелка и шифона. Фотограф восклицает:

– Благодарю! Вы, как всегда, восхитительны!

Невяровская рассеянно кивает, небрежно протягивает руку для поцелуя. Фотограф целует ручку и начинает складывать треногу фотоаппарата.

– Марыся, кофе! – приказывает Невяровская. – Пан желает выпить кофе?

– Не просто желаю – мечтал бы! Но, увы, некогда – работа. Я пришлю журнал с вашими фотографиями.

На выходе фотограф сталкивается с Лёдей. Оба синхронно приподнимают шляпы и расходятся. Казимира обнимает и целует Лёдю. Марыся ставит кофе на столик и тактично удаляется с ворохом концертных платьев.

– Кто это был? – спрашивает Лёдя.

– А, для обложки какого-то журнала… «Ветерок»… «Мотылек»…

– «Огонек»?

– Кажется… В общем, ерунда!

– Ничего себе ерунда – «Огонек»! Мне, например, не предлагают сняться на обложку. Да и вообще не предлагают… – Лёдя заметно скисает.

Казимира обнимает его изящной рукой и утешает:

– Я же все равно люблю тебя. Я соскучилась, коханый!

– Когда же ты успела? Мы виделись утром.

Невяровская вдруг тоже грустнеет, задумчиво помешивает кофе:

– Мне кажется, нам уже мало осталось быть вместе…

– Что за глупости!

– Это не глупости, это предчувствие…

– Предчувствие, что ты бросишь меня?

Актриса так же вдруг переходит от грусти к страсти:

– Я не могу бросить тебя, коханый! Это одно и то же, что бросить саму себя! – Она окутывает Лёдю газовым шарфом. – Я принадлежу тебе! Без тебя я совершенно одна!

Лёдя с трудом выпутывается из шарфа:

– Ну что ты! У тебя столько друзей, поклонников…

– Они видят только блеск, мишуру… А меня настоящую никто не любит!

– Я люблю тебя…

Казимира переходит от страсти к нервному смеху и вновь укутывает Лёдю шарфом:

– Нет, ты меня не любишь! Ха-ха, просто я тебя завлекла, опутала… Вот так, так… – И вдруг она прекращает всякую игру, говорит устало и просто: – Ты любишь только их. Лену и Диту.

На киностудии «Севзапкино» снимается фильм «Чужие». Лёдя изображает красного командира, Дита – его дочку, а мама Лена никого не изображает – она сидит позади камеры на каком-то ящике и бдительно следит за происходящим.

Режиссер Светлов руководит творческим процессом. Он таращит глаза и приказывает сделать то же самое Дите:

– Сделай большие глаза! Нет, больше! Еще больше!

Дита изо всех сил таращит глазки. Но потом не выдерживает и задает вопрос по существу:

– А зачем большие глаза?

– Затем, что твой папа уезжает на войну.

Дита резонно возражает:

– Тогда надо сделать глаза маленькие-маленькие, чтобы этого не видеть!

Режиссер ставит вопрос ребром:

– Кто здесь режиссер – я или ты?

– Вы, – соглашается Дита. – И вы обещали, что у меня будет красивое платье.

– Платье будет, но – потом! Если ты сейчас же сделаешь большие глаза!

Лёдя, неприкаянно мающийся в сторонке, напоминает о себе:

– А мне что делать?

Режиссер, как и все режиссеры мира, не особенно церемонится с исполнителем эпизодической роли:

– А вам – ждать, пока вас позовут в кадр!

– А что потом? Мне бы хотелось как-то подготовиться…

– А потом вы станете точно на эти метки… видите, мелом на полу?.. закроете лицо руками, как бы рыдая, и большими шагами покинете комнату.

Но в Лёде тоже просыпается непокорный творец:

– Красный командир не может рыдать, прощаясь с дочерью! Наоборот, нужно улыбнуться, подбодрить ребенка…

Светлов опять задает сакраментальный вопрос:

– Кто здесь режиссер – я или вы?

– Вы, – уныло подтверждает Лёдя.

– Тогда запомните: тут разговаривает только режиссер! У нас немое кино!

Лёдя отходит в сторону и ворчит:

– Немое кино, немое кино… Меня легче сделать мертвым, чем немым!

Лена на кухне готовит обед. Раздается звонок в дверь. Она удивленно вскидывает глаза на стенные часы и идет открывать. На пороге стоит Лёдя. Лена холодно смотрит на него и так же холодно сообщает: он что-то перепутал, сегодня съемок нет, а Дита в школе.

Лёдя молчит. Потом роняет глухо:

– Казимира погибла.

– Как?!

Лёдя монотонным, без эмоций, голосом излагает страшные подробности: Невяровская ехала в поезде на гастроли, костюмерша Марыся в купе чистила платье бензином, а Казимира хотела закурить – и вспыхнула, как факел…

Лена всплескивает руками:

– Какой ужас!

Лёдя в прострации разворачивается, чтобы уйти.

– Куда ты?

Лена хватает Лёдю за руку, ведет его в комнату, усаживает на диван. Он безвольно подчиняется и тихо твердит, что врачи сказали, Казимира умерла сразу, от шока, она не мучилась, не горела, просто умерла сразу, от шока… Лена прикрывает его губы ладонью:

– Ну все, Лёдя, все, все… Тут уже ничем не поможешь…

Хочешь чаю?

Он даже не понимает, о чем это она:

– Чаю?..

Она объясняет ему, как ребенку:

– Да, чаю. С молоком. Ты же любишь чай с молоком.

– А-а, да, я люблю чай, – вспоминает он. – С молоком…

Лена опускается перед мужем на колени, расшнуровывает его ботинки, приговаривая, что сначала надо переобуться, что сейчас она найдет тапочки, где-то ведь должны быть его тапочки… Лена находит их, снимает с Лёди ботинки, надевает тапочки. Лёдя сверху смотрит на склоненную перед ним голову жены и вдруг тоже опускается на колени, обнимает Лену, словно ищет у нее защиты, и глухо рыдает. Лена по-матерински гладит его голову, просит не плакать, успокоиться, выпить чаю…

Она ведет его, как маленького, из комнаты в кухню, наливает чай, добавляет молоко и вкладывает чашку ему в руки. Лёдя зажимает чашку в ладонях, но не пьет, а, уставившись воспаленными глазами прямо перед собой, бесстрастно-монотонно твердит, что Казимира всегда боялась одиночества и всегда была одинока, она спрашивала, будет ли он рядом, когда она умрет, а он только смеялся, что «Травиата» – это не их репертуар…

Лене трудно слушать все это, она подталкивает чашку в его руках:

– Пей чай, пей…

– Сейчас… Я выпью… А может, она хотела умереть? Она все предчувствовала… И боялась, что я разлюблю ее…

Тут уж Лена не выдерживает:

– Послушай, может, хватит?! Я понимаю: случилась трагедия, она умерла, но я-то живой человек… И мне больно!

Резкая смена интонации дает результат: Лёдя словно очнулся тот сна.

Прости, я идиот! Зачем я все это… Я пойду. Прости, пойду…

Он вскакивает и направляется к двери.

Лена смотрит на его согбенную спину. В ее глазах – и обида, и боль, и гнев, но и сочувствие. Лёдя открывает дверь. Лена негромко вскрикивает:

– Стой!

Лёдя останавливается, медленно поворачивается.

– Ну и куда же ты так пойдешь? – спрашивает Лена.

– Как? – не понимает Лёдя.

– Так… – Лена указывает на его ноги – в домашних тапочках.

Молодую советскую страну воспевали молодые советские поэты. Огромные аудитории собирал пламенный трибун Владимир Маяковский, читали с эстрады свои стихи Михаил Светлов, Эдуард Багрицкий, Иосиф Уткин, Александр Безыменский… Поэты были вместе со своей страной и в борьбе, и в труде, и в радости, и в горе. Когда в морозном

январе 1924 года из жизни ушел Ленин, поэтесса-одесситка Вера Инбер написала, что «стужа над землею такая лютая была, как будто он унес с собою частицу нашего тепла».

Маяковский написал большую поэму, которую назвал коротко и просто – «Владимир Ильич Ленин». А Петроград переименовали в Ленинград.

И вот уже не в петроградском, а в ленинградском «Свободном театре» Лёдя читает рассказ Бабеля «Как это делалось в Одессе»:

– Забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень. Перестаньте скандалить за вашим письменным столом и заикаться на людях. Представьте себе на мгновение, что вы скандалите на площадях и заикаетесь на бумаге. Вы тигр, вы лев, вы кошка. Вы можете переночевать с русской женщиной, и русская женщина останется вами довольна. Вам двадцать пять лет. Если бы к небу и к земле были приделаны кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы небо к земле.

Зрители в этом театре совсем другие – не те, что веселятся в оперетте или на эстраде. Лёдю слушают внимательно, смеются сдержанно. Но аплодируют щедро.

– А папаша у вас биндюжник Мендель Крик. Об чем думает такой папаша? Он думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях – и ничего больше. Вы хотите жить, а он заставляет вас умирать

двадцать пять раз на день. Что сделали бы вы на месте Бени Крика? Вы ничего бы не сделали. А он сделал. Поэтому он – Король, а вы держите фигу в кармане.

Лёдя уходит со сцены, сопровождаемый аплодисментами. За кулисами его ждет взволнованная Лена. И сообщает, что в театре находится автор.

– Он что, слушал меня?!

Лена не успевает ответить – это делает сам Бабель, крепкий большеголовый человек в круглых очках:

– Слушал я вас, еще как слушал. Давайте знакомиться. Исаак Эммануилович!

– Леонид Осипович! – Лёдя спохватывается и представляет жену: – Нет, конечно, сначала – Елена Осиповна!

Бабель энергично жмет руку Лёде и не менее энергично – Лене. Правда, она протягивала ему ручку для поцелуя, но эти церемонии не для бывшего конника армии Буденного.

– Боюсь, я сегодня читал хуже, чем обычно, – говорит Лёдя.

– Да нет, все неплохо, старик! – заверяет Бабель. – Только не берите монополию на торговлю Одессой.

Бабель смеется так заразительно, что Лёдя и Лена не могут не ответить ему смехом. И сразу атмосфера становится простой и дружеской. Лена предлагает поехать к ним домой – ужинать. Бабель вежливо отказывается:

– Спасибо, я недавно поел.

– Но я этого не видела! – категорически отрезает Лена.

Бабель снова заразительно смеется, и все отправляются к Утесовым.

Знаменитейшая куховарка Лена на это раз превзошла самое себя: Бабель не мог не попробовать каждое ее блюдо и каждым из них не восхититься. Наконец, он с трудом отваливается от обильного стола и сообщает, что больше у него нет никаких сил. Но Лена не успокаивается и просит отведать еще кусочек фиш. Нет, больше ни кусочка, категорически отказывается Бабель и говорит, что столь потрясающе его кормила только бабушка в Одессе, так что он сейчас, ей-богу, словно в родном доме побывал.

– А вы давно из Одессы? – спрашивает Лёдя.

– Сто лет! – Бабель задумывается. – И знаете, я боюсь возвращаться. Мне было хорошо там когда-то… Не хочу портить впечатление. А вы когда из Одессы?

– Тоже давно. В двадцать первом уехал в Москву, потом Лена с Диточкой приехали. Потом сюда, в Петроград… ну то есть теперь – в Ленинград… перебрались. А недавно и родителей перевезли.

– И как старики – довольны?

Лена иронически улыбается:

– Мама никогда и ничем не бывает довольна!

Лёдя поспешно добавляет:

– Зато отец просто счастлив!

– Почему? – спрашивает Бабель.

– Да случилась у него одна история еще до революции…

Нарушил черту оседлости, приехал в Петербург и пережил жуткую ночь – от всех шарахался… А теперь он гордо ходит по городу.

– Да, слава богу, многое изменилось. И в Одессе, наверное, тоже.

Лёдя убежденно заявляет:

– Но все равно лучше Одессы нет города в мире!

Бабель иронично интересуется:

– А вы что, можете сравнивать? Бывали еще где-нибудь?

– Не бывал, – признается Лёдя. – Правда, Лена все твердит: в Париж, в Париж…

– Вот и слушайте жену. Одесская жена не ошибается.

– Почему?

Бабель смеется своим заразительным смехом:

– А потому что у одесской жены – одесский муж. Так что ей, как саперу, ошибаться нельзя!

Лена завершает разговор мужчин спокойным и совершенно неожиданным сообщением:

– А я уже паспорта получила и билеты в Париж заказала.

Да, всего через несколько лет страна победившего социализма наглухо отгородится от всего мира железным занавесом, а тогда, в конце двадцатых годов, получить заграничный паспорт было очень просто – чуть не в домоуправлении. И с билетами на поезд за границу тоже не было никаких проблем. Вот Утесовы и оказались в Европе, такой не похожей

на советскую Россию – богатой, чистенькой, ухоженной, живущей своей чинной размеренной жизнью, с множеством магазинов и автомобилей на освещенных электрическими фонарями улицах.

Лёдя, Лена и Дита сидят за столиком в парижском кабаре. На эстраде поет Морис Шевалье, музыкальный идол Франции. Он поет почти шепотом – именно такой интимный тон и нужен его слегка фривольным песенкам. И при этом он сияет обаятельнейшей улыбкой человека, который уверен, что публика его обожает.

Лёдя весь во власти знаменитого шансонье, смотрит, не отрываясь и беззвучно повторяя слова его песен. А тринадцатилетняя Дита не столько слушает песни, сколько с огромным интересом таращится на декольтированных дам с папиросками. Лена тоже не может не почувствовать эту атмосферу кафешантана, исполненную флирта, кокетства, откровенной интимности. И шепчет мужу, что это была не самая лучшая мысль – идти в ресторан с ребенком. Но Лёдя, не отрывая глаз от Шевалье, шепчет в ответ, что ресторан тут не при чем, а при чем здесь только настоящее искусство. Лена поджимает губы, но больше не терроризирует мужа, видя, как он увлечен, и понимая, что говорить с ним о чем-либо сейчас бесполезно.

Это состояние абсолютного восторга и полной погруженности в музыку не покидает Лёдю и потом, когда семья Утесовых гуляет по вечернему Парижу. Бурно жестикулируя,

он объясняет, что в России даже эстрадные песенки поют, как оперные арии, а вот Шевалье – как будто близким друзьям что-то такое душевное рассказывает. Лена соглашается с этим, но добавляет, что у нее ощущение, будто Шевалье уверен, что все любят его и только его. А это потому, объясняет Лёдя, что Шевалье не ставит границ между собой и публикой. И он, Утесов, тоже к этому стремится, только он двигается наугад, а в Париже шансон – давно традиционный жанр. Причем сколько юмора – и в исполнении, и в текстах…

Тут монолог папы прерывает Дита и живо интересуется:

– А про что он пел?

– Много забавного! Например, в чем различие между женщинами семнадцати и сорока лет…

Лена предостерегающе дергает мужа за рукав.

– А в чем? – не унимается Дита: – В чем различие?

– В уме! – отрезает мама Лена.

– Да-да, конечно, в уме, – вынужден подтвердить папа Лёдя и возвращается к своей теме: – А вы заметили, что у Шевалье даже канотье такое, в каком работаю я?

– Заметили, заметили, – кивает Лена. – Ну, пора в гостиницу…

Лёдя глубоко разочарован:

– В гостиницу? А я думал, мы прогуляем всю ночь!

– Нет, Дите пора спать, да и я устала… от впечатлений.

– Но я ни за что не усну!

Глаза Лёди полны мольбы, и Лена разрешающе улыбается

взволнованному мужу:

– Ну, погуляй еще… Только не заблудись!

Лёдя, мурлыча под нос песенки Шевалье, бродит по Елисейским полям, по набережной Сены, по площади Конкорд, мимо Эйфелевой башни, собора Парижской Богоматери, Триумфальной арки – в общем, традиционными маршрутами, которые выбирает человек, впервые попавший в Париж. Он идет по вечерним улицам, смешиваясь с парижской толпой и ощущая себя здесь вполне своим.

Но вдруг его останавливает русская речь:

– Господин хороший! Загляните в наш ресторан, не пожалеет!

Это к нему обращается парнишка-зазывала из русского ресторанчика «Мартьяныч». Лёдя изображает недоумение и отвечает по-французски, что ничего не понимает. Парнишка тоже на ломанном французском просит месье извинить, что побеспокоил его. Тогда Лёдя, очень довольный, переходит на родную речь:

– А-а, поверил, что я француз!

– Поверил, – расплывается в улыбке паренек и вспоминает про свои обязанности: – Господин хороший, загляните – не пожалеете…

Именно что – пожалею, – перебивает Лёдя. – Жаль тратить хоть одну минутку в Париже на что-нибудь, кроме самого Парижа… Салют!

Он машет пареньку рукой и уходит. Но – недалеко, пото-

му что его внимание привлекает бредущий по улице седой мужчина в потертой фуражке российского флота. Лёдя пристально вглядывается и останавливает его:

– Простите… Вы бывший моряк?

Человек поправляет фуражку:

– Нетрудно догадаться…

– И вы плавали на Черном море?

– Капитаном.

– Значит, я не ошибся! Вспомните, пожалуйста: Одесса, бульвар, ресторан… Я – мальчишка, и вы меня угощаете мороженым…

Капитан неуверенно кивает:

– Вполне возможно…

– Давайте зайдем в ресторан?

– Но…

– Я вас угощаю.

– Извините, на чужие не пью.

Капитан хочет уйти, но Лёдя придерживает его за руку:

– Это не чужие, это просто… ну как ответный визит. Вы меня угостили тогда, я вас угощаю сейчас… Ну пожалуйста!

Капитан мнется в нерешительности:

– А вы сюда прибыли из Одессы?

– Нет, из Ленинграда.

– Такого города я не знаю! – отрезает капитан. – Я знаю Санкт-Петербург.

Лёдя примирительно улыбается:

– Но Одессу-то вы знаете?

– Слава богу, хоть Одессу они не изменили, – ворчит капитан.

– Одессу никто не сможет изменить! – заверяет Лёдя.

Они сидят за столиком ресторана. Перед ними графинчик русской водки и русская закуска – соленые огурцы. На эстраде оглушительно бацают русские мелодии гармонисты и балалаечники в красных рубахах.

Лёдя предлагает выпить за встречу. Капитан только кивает. Они чокаются, осушают рюмки и приступают к огурчикам. Лёдя пытается перекричать оркестр:

– Неукротимый мы народ – россияне! Казалось бы, Париж, Европа, другой стиль… Но они себе наяривают, как в Жмеринке!

Капитан опять только кивает. Лёдя ударяется в воспоминания: во время той их встречи в ресторане играл итальянский оркестрик, и хоть это была Одесса, но играл он по-европейски камерно, а капитан был там с очень красивой дамой…

– Это моя жена, – наконец подает голос капитан. – Она умерла…

– Простите! А почему вы здесь?

– Это тоже – она… Очень испугалась революции. Хотя я даже не был в белой армии. Уехали, долго мучились… И вот она ушла, а я продолжаю мучиться…

Гармошки и балалайки замолкли – перерыв. Наступает спасительная тишина. Капитан вдруг улыбается и говорит, что наконец-то вспомнил Лёдю и вспомнил, как спросил тогда, чего Лёдя больше всего желаете, а тот ответил: мороженого. Да-да, радуется Лёдя, ванильного с клубникой и орехами на двадцать копеек. Капитан вспоминает, что и вторым желанием Лёди было все то же мороженое на те же двадцать копеек. И тогда он рассказал ему притчу про Дюка де Ришелье и его внука, который не сумел потратить подаренные ему дедом золотые. Но Лёдя по малолетству не понял, в чем соль, а капитан обещал, что он все поймет, когда придет время… Лёдя смотрит капитану в глаза:

– Да, теперь я понял: человек не вправе ограничиваться ничтожными желаниями, он должен стремиться к гораздо большему, пусть даже недостижимому.

Капитан отвечает ему долгим грустным взглядом.

– Это хорошо, что вы поняли. Но… знаете, только в начале жизни, мальчишкой, и в ее конце, уже стариком, понимаешь, что счастье – оно в самых простых вещах. А все остальное…

Гармошки и балалайки вступают вновь, заглушив голос капитана.

Наутро семья Утесовых прогуливается по Монмартру. Лена, сворачивая себе шею, не отрывается от витрин магазинов. Лёдя покупает у крикливого торговца жареные кашта-

ны для Диты.

На углу играет небольшой негритянский джаз-банд. Музыканты ни секунды не находятся в покое, непрерывно двигаются, приплясывают, заигрывают с публикой, посвящая тому или иному прохожему короткое соло того или иного инструмента. Лёдя восторженно наблюдает за ними. Дита тянет его за рукав в сторону карусели. Отец с трудом отрывается от джаза, идет за Дитой, оглядываясь на ходу, но пытается играть равнодушие:

– Ничего особенного! У нас в Одессе тоже так играют… Даже интереснее импровизируют…

– Ох, врун! – смеется Лена.

– Я? Врун?! А ты слышала свадебные оркестры на Молдаванке… после третьей рюмки? Эти негры – просто ж младенцы рядом с нашими хлопчиками!

Лена говорит уже серьезно:

– Я не о том. Не ври самому себе, что – ничего особенного. Ты же спишь и видишь, как бы сделать такой оркестр.

Лёдя вдруг останавливается и произносит негромко, но страстно – как клятву:

– Да, сплю и вижу! Но я увижу это и наяву!

Тишину ленинградского кладбища нарушает лишь траурная мелодия оркестра, сопровождающего скорбную процессию. Лёдя идет рядом с Трубачом – помятым и обтрепанным, неопределенного возраста. Доиграв марш, оркестр де-

лает паузу. И Лёдя продолжает разговор с Трубачом:

– Нет, ты все-таки послушай… Я хочу создать новый, совершенно новый джаз! И не просто оркестр, а музыкальный театр…

– А я тут при чем?

– При том, что ты – потрясающий трубач!

Был…

Трубач достает шкалик водки, зубами срывает пробку и отхлебывает из горлышка.

Оркестр снова начинает играть, и Трубач подхватывает тему. Лёдя упрямо идет рядом и продолжает разговор под музыку:

– Дурак ты! Я же помню, когда ты еще не пил… У тебя была не труба, а живая песня!

Трубач только раздувает щеки, не имея возможности ответить. Процессия останавливается у свежей могилы. Музыка смолкает. Трубач снова прихлебывает из бутылочки и зло усмехается:

– Да я ж понимаю: нормальные лабухи к тебе не идут, вот ты и ищешь вроде меня…

Лёдя меряет его разочарованным взглядом:

Извини, что побеспокоил. Видно, сожрала тебя водяра. Ничего уже не можешь…

Он поворачивается и уходит по дорожке.

Трубач смотрит ему вслед. И вдруг вскидывает трубу и выдает пронзительное соло. Лёдя резко оборачивается и ра-

достно смотрит на Трубача. А участники похорон глядят на него изумленно. Высокая и чистая мелодия плывет над вечным кладбищенским покоем.

В филармонии играет на рояле Пианист с тонким нервным лицом. Лёдя в зале внимательно слушает легкие стремительные пассажи.

Потом он стоит у служебного входа в компании нескольких девушек с цветами. Выходит Пианист и при виде поклонниц раздраженно поднимает воротник пальто. Девушки бросаются к нему, суют цветы и открытки для автографов. Лёдя наблюдает за этим всплеском народной любви.

Наконец, поклонницы рассасываются, а Пианист направляется к своей машине. Тут его и останавливает Лёдя. Приняв его за очередного поклонника, Пианист обреченно лезет в карман за ручкой. Но Лёдя сообщает, что ему нужен вовсе не автограф…

Пианист ведет машину. Рядом ораторствует Лёдя.

– Да, вы правы – в России нет джаза. Но в России и своей оперы не было – все немецкие, французские, итальянские… Однако появились таланты и создали российскую оперную и симфоническую музыку, которой аплодирует весь мир. Вот так и мы…

– Вы! – перебивает Пианист. – Не мы, а вы. Возможно, вы и потрясете мир новым джазом. Но без меня.

– Без вас – невозможно!

– Любопытно, почему?

– Потому что я уже неделю хожу на ваши концерты и слышу: вы каждый раз играете по-новому. Вы не догматик, вы импровизатор!

Пианисту, несомненно, приятны слова Лёди.

– Ну, предположим… Предположим, ясно, зачем я нужен вам. Но вы-то, простите, зачем нужны мне? У меня работа, гастроли…

– Да, но сколько этих фортепианных концертов? Ну, сыграете вы их все… Одно и то же, одно и то же… А жизнь-то проходит!

Пианист продолжает упираться:

– Нет, все-таки у вас какая-то авантюра…

– А вы тоже по натуре – авантюрист!

Пианист резко тормозит на красный светофор и крайне изумляется:

– Вы так думаете?

– Нет, я это чувствую!

На светофоре загорается зеленый. Но Пианист не трогается с места – он задумчиво смотрит на Лёдю.

В небольшом ресторанчике кипит веселье, подогреваемое темпераментным цыганским оркестром. Первая скрипка – долговязый, гибкий красавец, с черными кудрями до плеч – виртуозно владеет инструментом и очень артистичен. Дамы в ресторане не сводят с него восхищенных очей. И сидящий

за столиком Лёдя наблюдает за виртуозом с явным удовольствием.

Музыкант выдает последний душераздирающий плач скрипки и вызывает бурю аплодисментов. Оркестр уходит за кулисы, а Скрипач подсаживается к Лёде в ожидании похвалы. Но Лёдя, скрывая свой предыдущий восторг, сообщает равнодушно:

– Что тебе сказать… Старый друг встречает Рабиновича и спрашивает: «Где ты сейчас работаешь?» Рабинович отвечает: «Я играю на скрипке в негритянском оркестре». – «И много там негров?» – «Да нет, только я и Хаймович!»

Скрипач, ничуть не обидевшись, хохочет:

– Похоже, похоже… Но ты еще не видел нашу солистку – вот уж натуральная цыганка, даже таборная!

– И долго ты будешь кочевать в этом таборе?

– А мне здесь тепло, светло и мухи не кусают! И вообще, я не очень понял, что ты мне пел по телефону… Джаз, теаджаз…

Лёдя мгновенно заводится:

– Да, абсолютно новая форма! Там будет все: и чистый джаз, и классика в джазовой обработке, и народные вариации, и вообще любые эксперименты… И – что особенно важно! – музыканты не сидят на сцене, будто аршин проглотили, а существуют живо, раскованно, каждый в своем образе…

– И в каком, например, образе я?

Лёдя оценивает Скрипача быстрым взглядом.

– Ты?.. Ты – Дон Жуан!

– Почему?

– Потому что ты красавец – раз…

Скрипач горделиво улыбается.

– Бабник – два…

Скрипач делает протестующий жест.

– Бабник, бабник, я же помню Черновцы и Николаев! А главное, твоя скрипка поет, чарует, манит, дурманит, пьянит…

Скрипач с простодушным удовольствием кивает каждому слову.

– И на сцене ты будешь слегка заигрывать со зрительницами. Сразу со всеми, но каждой должно казаться, что – только с ней, с единственной прекрасной дамой…

И тут на эстраде появляется действительно прекрасная дама – жгучая цыганка: цветастая шаль, множестве юбок, звенящие мониста. Скрипач оживляется и сообщает, что это она, та самая – натуральная, таборная. Лёдя показывает большой палец, оценивая красавицу.

Цыганка вышла без оркестра, со своей гитарой. Тронула струны и запела. Сильным, глубоким, волнующим голосом. Все покорены ее пением. Даже Лёдя забыл о своих творческих планах. Но о них напоминает Скрипач:

– А может, ее тоже пригласить в наш… то есть в твой…

– Нет, молодец, правильно сказал, именно – в наш!

– Ну, ладно, в наш теа-джаз.

– А вот это нет, – возражает Лёдя. – Женщинам у меня не место.

– У тебя что – оркестр или монастырь?

– Да нет, просто если женщина красивая, это будет мешать работе, а если некрасивая, это будет мешать мне!

Цыганка допела романс и получает свой шквал аплодисментов. Скрипач спешит к ней на эстраду, что-то говорит, она отрицательно качает головой, он опять ей что-то говорит, она издали смотрит на Лёдю, кивает, они со Скрипачом подходят к столику, и Лёдя галантно вскакивает навстречу. Скрипач его представляет:

– Мой друг, знаменитый музыкант, любимец публики – Леонид Утесов! Слыхала?

Цыганка загадочно улыбается:

– Да, кое-что доводилось слышать …

– Может быть, окажете честь отужинать с нами? – галантничает Лёдя.

– Возможно, и окажу. Но при одном условии…

– Готов на любые условия! – заверяет Лёдя. – Называйте!

– Условие простое: стоимость ужина должна быть ровно один рубль семьдесят копеек.

Мужчины удивленно переглядываются.

– Почему именно рубль семьдесят, а не, скажем, три сорок или пять двадцать пять? – улыбается Лёдя.

Цыганка смотрит на него в упор:

– А потому, Леонид Осипович, что билет четвертого клас-

са от Тульчина до Одессы стоит ровно один рубль и семьдесят копеек!

Скрипач недоуменно смотрит на девушку. А с лица Лёди сползает улыбка.

– Аня?!

Несостоявшаяся невеста Лёди, от которой он позорно бежал пятнадцать лет назад, берет со стола бокал шампанского и царственным жестом выплескивает ему в лицо. Скрипач в шоке. А Лёдя, утирая с лица струйки шампанского, хохочет:

– Ой, не могу – натуральная цыганка! Ой, шоб я так жил – таборная!

И вот музыканты – «штучные люди», как называет их Лёдя, – после долгих разговоров, уговоров, интриг и хитростей наконец собраны. Начинаются репетиции нового оркестра. Десять музыкантов – три саксофона, две трубы, тромбон, рояль, скрипка, ударные и банджо – играют джазовую мелодию.

– Стоп, стоп, стоп! – кричит Лёдя. – Это джаз или оркестр Бердичевской богадельни?

– Но позвольте, – обижается Пианист, – мне вообще не ясно: мы играем в мажоре или в миноре?

– Да какая разница, мажор-минор… Я нот не знаю!

Музыканты переглядываются, не зная, расценивать это как шутку – или как? Контрабасист осторожным шепотом спрашивает Ударника, забрал ли он уже трудовую книжку из

филармонии. А Лёдя даже не замечает реакции коллег, он возбужденно гнет свою линию:

Здесь надо – легко и воздушно! Не по нотам, а по душе… Примерно вот так… Скрипочка… Трубочка… Рояльчик… Контрабасик…

Он выдает фрагмент композиции, имитируя голосом один за другим разные инструменты.

Музыканты удивленно наблюдают этот виртуозный номер. А Трубач вдруг подхватывает голос Лёди своей трубой. Лёдя в эмоциональном порыве целует Трубача в макушку:

– Во! Конечно! Ты мой золотой!

На следующей репетиции музыканты играют более слаженно. Вполне довольный Лёдя кивает головой в такт. А потом из-под носа музыкантов забирает пюпитры с нотами. Оркестр вразнобой сбивается и умолкает. Скрипач закипает:

– Что ты делаешь?!

– Я делаю театрализованный джаз, – спокойно отвечает Лёдя. – А вы пока делаете концерт для пап и мам в музыкальной школе.

– Но как без пюпитров смотреть в ноты?

– Опять эти ноты! Да не нужно в них смотреть – нужно все помнить плюс импровизировать. И еще… Еще нужно оживить инструменты.

– Живой водой? – иронизирует Саксофонист.

– Нет, вашим талантом. Вот хорошо бы вам на саксофоне рассмеяться.

– Что… сделать?

– Да просто рассмеяться. Вот так… – Лёдя имитирует голосом смех саксофона

– Ну, знаете ли…

– Знаю. Точно знаю: вы это сможете.

– Что смогу? Смеяться на инструменте?

– И плакать – тоже! – уверяет Лёдя.

Очередная репетиция. Музыканты без нот играют, как по нотам, а Лёдя кричит, не жалея эпитетов: умнички мои, талантищи мои великие, виртуозики мои золотые, ну и так далее и тому подобное. Вдохновленные похвалой, музыканты играют еще веселей. Но Лёдя вдруг хлопает в ладоши. Музыканты удивленно прекращают игру. А Лёдя хитровато интересуется:

– Хлопчики мои, а не засиделись ли вы, не застоялись ли?

– В каком смысле? – недоумевает Контрабасист.

– Ну, вот что ты стоишь со своей бандурой – как дерево с деревом?

– Я не стою! – обижается Контрабасист. – Я, между прочим, играю!

– Но ты же не владеешь инструментом…

– Я?! Не владею?!

Похоже, сейчас оскорбленный Контрабасист даст Лёде в глаз, но Лёдя поспешно его успокаивает:

Да нет, играешь ты как бог! Но инструментом не владеешь. А ты попробуй так…

Лёдя хватает контрабас и, беспорядочно дергая струны, лихо приплясывает вокруг инструмента, закручивая его вокруг своей оси.

Хлопчики, жизнь – это движение! И вы должны двигаться, чтобы жить на сцене!

Лёдя оставляет контрабас и падает на одно колено перед Скрипачом. Тот отшатывается:

– Лёдя, ты свихнулся?

– Нет, это ты свихнулся от любви, когда играешь серенаду! Так почему бы тебе в самый пиковый момент не упасть на колено…

Со скрипкой?!

– А с чем же? Хотя нет, постой, идея! А что если у тебя в рукаве будет цветок и ты…

Пианист не выдерживает и выскакивает из-за рояля:

– Леонид Осипович! Это же цирк!

– А что вы имеете против цирка? Уверяю вас, зрители цирк обожают!

– Но мы работаем не в цирке, а в джазе!

– Нет, у нас не просто джаз, а теа-джаз. То есть джаз – как театр, а театр – как джаз!

На очередной репетиции Лёдя дирижирует оркестром. Финал номера – и Лёдя раскланивается перед невидимыми зрителями. Музыканты тоже довольны собой и сами себе аплодируют. Только Скрипач интересуется:

– А ты можешь перестать гонять ветер руками?

– То есть дирижировать? – уточняет Лёдя.

– Нет, твоя мельница к дирижированию не имеет никакого отношения!

Лёдя ласково объясняет непонятливому Скрипачу:

– Хлопчик мой, я ж дирижирую не для вас. Вы – профессионалы – и без меня не заблудитесь. А я дирижирую для зрителей. И неважно – правильно, неправильно… Важно, что я могу во время дирижирования подмигнуть им, послать поцелуй, схохмить… В общем, жить на сцене!

– И когда мы уже начнем эту жизнь? – спрашивает Трубач.

– А я разве не говорил? Премьера – восьмого марта.

– Делаешь подарок себе на день рождения? – усмехается Контрабасист.

– При чем тут мой день? Восьмое марта – Международный женский день. И наши женщины нас не подведут!

Свободные женщины свободной страны не подводили нигде. На заводах и на полях, в школах и в больницах ударно трудились наши советские женщины. Они многостаночничали в ткацких цехах и являли свою красоту на физкультурных парадах, сидели за штурвалами тракторов и самолетов, прыгали с парашютами и метко поражали цели на учениях Осоавиахима.

А в день своего заслуженного праздника – Международный женский день 8 Марта – советские женщины надевали лучшие платьица, становились на каблучки, орошали себя

духами «Красная Москва» и шли на праздник.

ЛЕНИНГРАД, МАЛЫЙ ОПЕРНЫЙ ТЕАТР, 8 МАРТА 1929 ГОДА

Зал театра заполнен нарядными женщинами, многие – с орденами на груди. Свет в зале гаснет, а сцена, наоборот, освещается цветными прожекторами. Медленно разъезжается занавес. На сцене музыканты – не в традиционных костюмах, а в легких клетчатых джемперах и светлых брюках.

Появляется Утесов. Поклон залу. Поклон оркестру. Взмах обеими руками – без дирижерской палочки. И оркестр начинает играть фокстрот. Бодрая ритмичная музыка, непрерывно меняющие цвет лучи прожекторов, симпатичные веселые музыканты, раскованный дирижер, делающий свое дело вполоборота – и к залу и к оркестру, – все это сразу создает жизнерадостное настроение.

Женский зал рукоплещет – лучший подарок к 8 Марта придумать было бы трудно.

Так начинается знаменитый утесовский «Теа-джаз». И уже скоро закружится хоровод газетных рецензий:

«„Теа-джаз“ – превосходно слаженный, работающий четко и умно оркестр…»

«Начало сделано! Дело за тем, чтобы обеспечить творческий рост „Теа-джаза“…»

«Говорить о чуждости или буржуазности этой идеи глупо…»

Но вся восторженная газетная кутерьма начнется потом,

а пока первый концерт «Теа-джаза» заканчивается. Утесов и оркестр исполняют финальную песню:

А теперь, когда, ребята, отзвучал наш джаз,
Вы домой скорее отправляйтесь!
И, прощаясь, вам скажу, как принято сейчас:
Не привет, не до свиданья, не прощайте, а…
Пока! Пока!
Уж ночь недалека.
Пока! Пока!

Глава девятая
«Легко на сердце от песни веселой»

МОСКВА, ТЕАТР ЭСТРАДЫ, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Поток поздравляющих не прекращается третий час. Утесов, конечно, уже подустал. Дита время от времени промокает платочком лоб отца. Но он отталкивает ее руку, не желая, чтобы видели его усталость. И держится молодцом – улыбается, подпевает, принимает шутки и отвечает на них, так что никто не должен заметить, что все-таки семьдесят лет – это семьдесят…

На сцене бесконечной чередой сменяются те, чьи имена и лица знает вся страна, и те, кто знаком и близок только самому юбиляру, но от этого ничуть не менее дорог ему, чем

самые именитые поздравлянты.

– Юбиляра приветствуют земляки-одесситы! – объявляет ведущий.

На сцену выходят три пожилых человека, три ровесника Утесова: один лысый, другой седой и третий чернявый, без единого седого волоса. В руках у каждого – поднос, накрытый украинским рушником.

Утесов приподнимается из кресла, вглядываясь и пытаясь узнать очень давно, с юности не виденных земляков. Наконец, узнает и начинаются бурные объятия с беспорядочными возгласами:

– Лёдя! Лёдька!

– Никитка! Сема, ты?..

– Господи, сколько лет! А ты – як огурчик!

– Какой, Миша, огурчик – малосольный огурец!

– О, а цэ ты, Диточка? Я ж тебя от такую на руках подкидывал!

– А сейчас подкинуть слабо, дядя Никита?

– Где ж твои кудри, лысый чертяка?

Ведущий, наблюдавший встречу земляков со стороны, наконец вмешивается:

– Дорогие одесситы, я понимаю ваши чувства… Но и вы поймите: очередь желающих поздравить юбиляра выстроилась аж от Кремля!

– Да-да, мы зараз, зараз…

Лысый выходит вперед со своим подносом, укрытым руш-

ником.

– Дорогой и любимый Лёдя! – Он осекается. – Звыняйте, шо я так по-простому – Лёдя…

Утесов возмущается:

– От дурень! А ты шо предлагаешь – Леонид Осипович? Так я ж даже не знаю, как тебе ответить, Семен… Батькович?

Ага, ну добре. Мы к вам… к тебе… прыбулы от всей Одессы-мамы! Вся Одесса долго думала: шо б тебе подарить? И мы решили привезти тебе вот что… Мы привезли одесскую землю – песочек с Ланжерона!

Лысый сбрасывает рушник с подноса, на котором – банка с песком.

А вперед выступает чернявый:

Еще мы привезли тебе одесское море – с Аркадии!

И откидывает свой рушник, под которым – трехлитровая банка с водой.

И еще, – подключается седой, – мы привезли тебе одесский воздух!

Под его рушником – консервная баночка.

– Воздух одесский консервированный. Дыши на здоровье!

Зал смеется и аплодирует. Растроганный Утесов снова обнимает-целует земляков. И вдруг спрашивает:

– Хлопчики, а воздух с откуда?

– Лёдя, ты про шо? – не понимает лысый.

– Ну, песочек – с Ланжерона, водичка – с Аркадии… А воздух с откуда?

Земляки растеряны, а Утесов подмигивает им и объявляет:

– С одесского кичмана!

ОДЕССА, 1930 ГОД

Наконец-то Утесов приехал в Одессу. В родной город, где не был давно – с тех пор как уехал отсюда в Москву. Он привез в Одессу недавно родившийся и уже очень популярный «Теа-джаз». На открытой сцене «Зеленого театра» в городском парке Утесов поет свою знаменитую босяцкую песенку:

С одесского кичмана
Бежали два уркана,
Бежали два уркана тай на волю.
В Вапняровской малине
Они остановились,
Они остановились отдыхнуть.
Товарищ, товарищ,
Болят мои раны.
Болят мои раны в глыбоке.
Одна же заживает,
Другая нарывает,
А третия застряла у в боке.

Сказать, что зрители-одесситы от Утесова в восторге – это ничего не сказать! Они аплодируют, свистят и топают после каждого куплета.

Товарищ, товарищ,

Скажи ты моей маме,
Что сын ее погибнул на посте.
И с шашкою в рукою,
С винтовкою в другою
И с песнею веселой на губе.

Зрители устраивают овацию. Утесов с трудом добивается тишины.

– Дорогие мои, золотые мои земляки! Я не был в Одессе – жутко представить – целых десять лет! А почему не был? А потому что мне нечего было вам сказать. В смысле – спеть. Но теперь мне есть и что спеть, и что сказать… И я снова с вами, я – дома!

Скрипач, взмахнув смычком, заводит нежную мелодию, Трубач высоко подхватывает ее, Пианист добавляет широкие аккорды, и Утесов начинает свою главную песню:

Есть город, который я вижу во сне.
О, если б вы знали, как дорог
У Черного моря открывшийся мне
В цветущих акациях город,
У Черного моря…

А после концерта Утесов идет в Треугольный переулок – в свой родной двор и дом. Взволнованный и слегка растерянный, стоит он в окружении радостно галдящих соседей. К нему пробирается совсем старенькая повитуха мадам Чер-

нявская, принимавшая в свое время и его самого, и Диту. Она обнимаете Утесова:

– Ой, Лёдя, я скажу, шо ты таки не изменился!

– Со дня рождения? – удивляется Утесов.

– Хохмач! – улыбается повитуха. – Все равно самую лучшую хохму ты выкинул тридцать пять лет назад. Когда вылез на белый свет ко мне в руки!

Из-за спины мадам Чернявской выглядывает тощий маэстро Гершберг:

– Лёдя, я имею надежду, что ты уже наконец выучил нотную грамоту?

Утесов сокрушенно мотает головой:

– О чем вы говорите, маэстро? Мне что бемоль, что диез – один бекар!

Гершберг крайне огорчается:

– И что ты себе думаешь, Лёдя, я не знаю! Без нот – это ж нигде и никуда!

Толпу соседей рассекает по-прежнему бойкая Розочка:

– Шо вы блондаетесь у мене под ногами! Дайте мне увидеть это чудо света!

– Тетя Роза! – обнимает ее Утесов. – Как ваши дела?

– Не жалуюсь! Все равно бесполезно!

Мимо Розы с трудом протискивается вечный старичок и обиженно спрашивает:

– Лёдя, а шо ты в Розы интересуешься, а в мене совсем не интересуешься!

– Чем не интересуюсь, дедушка Моня?

– Ну, шо ты не спрашиваешь, как я живу?

– И как вы живете?

– Ай, не спрашивай!

К ним подходит все еще удивительно чернобровая украиночка Маруся в сорочке-вышиванке. Она уже не беременна – годы не те, но на руках у нее, как обычно, вопящий младенец.

– Нет, так же ж невозможно разговаривать! – набрасывается на Марусю Розочка. – Ну, шо оно непрерывно орет, шо оно хочет?

– Воно хоче орать, – невозмутимо отвечает Маруся.

Утесов удивленно гладит ребенка по головке:

– Чей хлопчик? Неужели твой…

– Скажете тоже – мой, – улыбается Маруся. – Ни, це внук Мыколы-грузчика. Он зараз сам у порту… А вы помните Мыколу?

– Конечно. – Утесов снова гладит младенца: – Вылитый дед!

– Это не страшно, – замечает жена мясника Аня. – Был бы мальчик здоров…

А мясник Кондратий Семенович задает главный вопрос:

– Лёдя, а шо ты так стоишь на улице? Зайды у свою квартиру…

Утесов грустно улыбается:

– Знаете, мой друг писатель Бабель – тоже, между прочим,

наш, с Одессы – говорит: «Я боюсь возвращаться. Мне было там когда-то хорошо. Не хочу портить впечатление…»

А впечатления новой жизни в общем-то потихоньку портились – «неладно что-то в датском королевстве». Самоубийство Есенина, самоубийство Маяковского… Впрочем, бодрые идеологи советской культуры объявили это всего лишь актами временного духовного кризиса, случайного малодушия талантливых поэтов. И призвали все прочие таланты сплотиться в пролетарские ассоциации писателей, художников, музыкантов, где разворачивались бурные дискуссии о судьбах нового советского искусства.

Идет очередное собрание РАПМ. Над сценой висит красное полотнище: «РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРОЛЕТАРСКИХ МУЗЫКАНТОВ».

На сцене – стол президиума под красной скатертью и трибуна с графином воды, стаканом и оратором. В зале среди прочих сидят Утесов, композитор Исаак Дунаевский и писатель Николай Эрдман. Докладчик вещает поставленным голосом бывалого и востребованного оратора:

– Джаз, джаз и снова этот джаз! Нам этим джазом, извините за каламбур, просто проджазужжали все уши!

Зал одобрительно смеется и аплодирует. Утесов страдальчески морщится. А вдохновленный поддержкой народа оратор напоминает, что еще великий пролетарский писатель, буревестник революции Алексей Максимович Горький на-

звал джаз «музыкой толстых». Зал опять аплодирует. Довольный оратор наливает в стакан воду из графина и неспешно пьет.

– Чушь какая! – вздыхает Дунаевский. – Горький всего лишь заикнулся, что толстые буржуа отвратительно танцуют фокстрот – и понеслось… А может, у Буревестника в тот день просто болел живот?

– И вообще, мы же не члены РАПМа, – недоумевает Утесов. – Нас-то они зачем позвали?

– Чтоб увидеть идейных врагов в лицо, – поясняет Дунаевский.

– Нет, их просто перекосило, что на наш «Теа-джаз» билетов не достать! – усмехается Эрдман.

Оратор допил воду и продолжает:

– Вот, к примеру, что за инструмент – саксофон? Это же пьяный бред американского кабака!

Дунаевский не выдерживает. Вскакивает и устраивает ликбез о том, что саксофон изобретен в тысяча восемьсот сороковом году немцем Альфредом Саксом, не имевшим отношения к американским кабакам, а музыку для саксофона писал великий Верди, и не менее великий Глазунов сочинил концерт для саксофона, когда вопрос о джазе еще не стоял на повестке дня РАПМа.

Оратор хладнокровно выслушивает маленькую лекцию Дунаевского и отрезает, что все это к делу не относится, а в сегодняшней повестке дня стоит вопрос про оболванивание

советского слушателя всякими фокстротиками, чарльстончиками и прочей утесовщиной.

Теперь возмущенно вскакивает Утесов, но Дунаевский силой усаживает его и невинным голосом интересуется у достопочтенного оратора, известно ли ему, что итальянские фашисты тоже запрещают джаз. Оратор багровеет и хватает ртом воздух:

– Вы… вы что… хотите сказать, что я – пособник фашизма?!

– Я хочу сказать лишь то, что сказал, – учтиво заверяет Дунаевский.

Пока оратор отходит от услышанного, невозмутимый Эрдман сообщает, что, между прочим, джаз – это совместная продукция двух угнетенных народов. Оратор настораживается:

– Каких угнетенных?

– Негров и евреев! – сообщает Эрдман.

Тут уж вскакивает председатель за красным столом президиума:

– Посмотрим, товарищ Эрдман, как вы будет острить, когда ваш безобразный джаз запретят!

Утесов все-таки вырывается их рук Дунаевского:

– Да это вашу начетническую контору надо запретить! Вы тут мелете языками, а мы играем для людей!

– Товарищ Утесов, нельзя ли поскромнее и потише?

Потише? Нет, нельзя! Мы вам скажем кое-что погромче!

Утесов, грохнув сиденьем кресла, покидает зал. Дунаевский и Эрдман следуют за ним.

Потом в доме Утесовых трое друзей устраивают мозговой штурм.

– Ясное дело, надо создавать целое джазовое представление! – предлагает Утесов.

– Нет, Лёдя, просто джазовое – не пройдет, – возражает Эрдман. – Может быть, музыкальный спектакль? Нужен сюжет…

– Какой? – спрашивает Дунаевский.

– Дуня, а я знаю – какой? Может, что-то историческое, про великих композиторов прошлого…

– Это что же, мне писать фуги и кантилены?

– Да нет, это просто игра: сначала – музыканты разных веков, потом парики сбросят – и уже джазмены!

– Коля, но это все равно обработка классики, – размышляет Утесов. – А мы уже такое делали…

Входят Елена с чайником и Дита с блюдом пирожков.

– Подкрепитесь, гении…

Елена расставляет чашки на столе. Шестнадцатилетняя Дита украдкой поглядывает на Дунаевского.

– Да ну, какие мы гении, – печалится Эрдман. – Гениальны, Леночка, твои пирожки!

А Дунаевский глазеет на Диту:

– Красавица! Я-то думаю, чего твой папашка меня давно в гости не зовет? Оказывается, прячет неземную красоту!

Дита млеет и рдеет от счастья. А мама Елена ворчит, разливая чай:

– Правильно, Дуня, от тебя и надо девушек прятать.

Эрдман, не дожидаясь чая, запихивает в рот пирожок и восторгается:

– Я же говорил: гениально!

– Тогда выдавай гениальную идею, – требует Утесов.

– Запросто! Действие происходит… происходит в космосе!

– А почему не на дне океана? – интересуется Дунаевский.

– Можно и на дне…

– Кстати, а чем плохо? – Дунаевский уже загорелся океанской идеей. – Вся программа – поиски капитана Немо! Дита, тебе нравится?

– Да, очень!

Похоже, Дите нравится вообще все, что предлагает Дунаевский.

– Вот! Слышали голос молодежи?

– А можно, я там буду петь? – смелеет Дита.

– Тебе не петь, а уроки надо делать! – осаживает дочь Елена.

– Ну, мама…

– Отец, скажи ей! – требует Елена.

Да, Диточка, надо, – покорно говорит Утесов.

Дита, обиженно фыркнув, уходит под конвоем мамы Елены. А друзья продолжают мозговой штурм. Утесов призыва-

ет:

– Думаем, думаем! Где, например, могут оказаться сразу много музыкантов?

– На кладбище, – встревает Эрдман.

– Очень весело! Еще варианты?

Некоторое время все молчат, думают. Потом Утесов говорит:

– А может быть, даже не сами музыканты, а только инструменты… Они ведь как живые… Много, много инструментов…

– Музыкальный магазин? – спрашивает Эрдман.

– А что, очень может быть… Музыкальный магазин, – соглашается Дунаевский.

– Блеск! Музыкальный магазин! – ставит победную точку Утесов.

Так родился самый знаменитый проект «Теа-джаза» Леонида Утесова джаз-комедия «Музыкальный магазин».

На сцене – футляры для инструментов: скрипка, труба, гитара, саксофон… Посреди сцены – огромный футляр контрабаса. По сцене мечется с большой телефонной трубкой забавный очкастенький человечек:

– Что делать! Что делать! Пора открывать магазин, а продавца нету! – Очкастенький кричит в трубку: – Алло! Костя! Алло! Потехин! Уже девятнадцать часов три минуты! Алло, алло!

Открывается футляр контрабаса. В нем уютно располо-

жился Утесов – продавец музыкального магазина Костя Потехин. У него в руке тоже большая телефонная трубка, в которую он и отвечает:

– Алло! Потехин слушает…

– Черт бессовестный! – кричит очкарик. – Пора магазин открывать, а ты… Почему опаздываешь?

Утесов неспешно наливает кофе из кофейничка прямо в трубку, нижняя часть которой оказывается чашкой, и спокойно сообщает:

Это не я опаздываю, это трамвай опаздывает.

Он невозмутимо бросает в трубку-чашку кусочки рафинада.

– Что трамвай? – надрывается очкарик. – Не слышу!

А вы погодите – у меня сахар не растаял…

Утесов размешивает сахар в трубке.

– Какой сахар? Не слышу! Там что-то мешает…

– Да это я мешаю… Сахар мешаю.

– Ни черта не слышу!

Утесов отпивает из трубки.

– Не кричите, а то у меня цикорий всплывает. Так на чем вы остановились?

– Не я остановился – все дело стоит! Немедленно явиться сюда, и чтоб ноги твоей здесь не было!

На этих словах очкастенький проваливается куда-то под сцену. А Утесов выбирается из контрабаса, оглядывает музыкальный магазин, дает дирижерскую отмашку – и изо всех

футляров появляются музыканты с инструментами. Они с ходу врубают увертюру, и начинается представление.

В набитом до отказа зале есть и знакомые лица: Дунаевский, Эрдман, Дита, мама Малка, папа Иосиф. В первом ряду – оратор, громивший джаз на заседании РАПМа.

А за кулисами, как всегда, взволнованно наблюдает за происходящим на сцене верная подруга – жена Лена.

По ходу спектакля Утесов перевоплощается в разные персонажи. Зрители смеются, аплодируют, а папа Иосиф не успевает ориентироваться в трансформациях сына и прибегает к помощи мамы Малки.

Вот Утесов – продавец музыкального магазина предлагает покупателю инструменты и, демонстрируя их возможности, носится от пианино к барабану, от контрабаса к валторне… Папа Иосиф интересуется:

– Малочка, это Лёдя сейчас продает разный товар, да?

– Да, Йося, продает, продает, – подтверждает мама Малка.

Утесов – американский дирижер в цилиндре, жилетке и пышных усах – руководит оркестром, превращая русскую «Во поле березонька стояла» в негритянский блюз. Папа Иосиф опять интересуется:

– Малочка, а зачем Лёдя в этих жутких усах?

– Потому, Йося, шо сейчас он – американец.

– Наш Лёдя – американец? Хорошенькое дело!

Утесов-крестьянин – тулуп, ушанка, окладистая борода, – узнавший от агронома, что навоз – это чистое золото, явля-

ется в город, чтобы сдать целый воз этого «золота».

– Малочка, а этот в бороде – тоже наш Лёдя?

– Конечно, ты шо, не понимаешь?

– Я таки не понимаю! Он же ж торговал пианино, а теперь торгует конским дреком? Так дела не делаются!

Утесов-крестьянин привез навоз на лошади, которую изображают под покрывалом два танцора. Коняга бьет чечетку, лягается и падает, раскинув ноги, они перекручиваются, и Утесов никак не может разобраться, где какая нога.

А затем Утесов-продавец заявляет, что не может больше работать в музыкальном магазине, потому что слона жалко. Какого слона, недоумевают музыканты. Утесов объясняет: представьте себе тропический лес, по нему идет молодой культурный слон, вдруг бах-бах выстрелы, слон падает, подбегают люди, вырезают из слона косточки, делают из них клавиши, а потом играют на них всякую дрянь, – так что очень слона жалко.

Костя рыдает. Доверчивый папа Иосиф тоже всхлипывает. Мама Малка крутит пальцем у его виска. А публика принимает спектакль с восторгом, хохочет до слез и аплодирует до посинения. Оратор-теоретик из РАПМа по ходу спектакля сначала пренебрежительно кривился, потом невольно подхихикивал, а на интермедии с крестьянской лошадью окончательно прокололся – смеется и аплодирует вместе со всей публикой. Дунаевский кивает на него Эрдману.

– Ты глянь, как оживился наш румяный критик!

– Ай-яй-яй, – усмехается Эрдман, – какой идеологический ляпсус: аплодировать «музыке толстых»!

Юная Дита, не разобравшись, что к чему, бросается на защиту Дунаевского:

– Что вы говорите, какие толстые?! Музыка Исаака Осиповича замечательная! Ее хочется петь, петь, петь…

Эрдман и Дунаевский улыбаются ее пылкости.

А представление уже близится к финалу. Оно как бы предвосхищает на полвека вперед финал великого фильма Федерико Феллини «8 1/2»: музыканты в забавных и нелепых клоунских одеяниях расходятся по белой лестнице с витыми перилами **под светлую и чуть печальную песню Дунаевского:**

Моя игра подходит к завершенью —
Расстаться нам уже пришла пора.
Счастливый путь! Спасибо за вниманье!
Счастливый путь! Устали вы и я.
Счастливый путь! До скорого свиданья!
Счастливый путь, счастливый путь, друзья!

Слова финальной песенки оказались пророческими: «Музыкальный магазин» действительно отправился в свой счастливый путь с оглушительным успехом не только у зрителей, но даже, представьте себе, у критики и, что уже вообще трудно представить, у руководства. И тем самым определился дальнейший – тоже счастливый, хотя и очень нелегкий –

жизненный путь Утесова.

Вечером Елена стоит у окна, вглядываясь в темноту. А Утесов шагает из угла в угол и возмущается:

– И ты еще соглашаешься, чтобы она училась в Москве! Если она под боком у родителей так себя ведет…

– Вот именно – под боком. А там – самостоятельность и, значит, ответственность.

– Ты когда велела ей быть дома?

– В девять. А когда надо было?

– Ну, хотя бы… в половине девятого!

Елена невольно улыбается наивности мужа. А он вскипает:

– Я не понимаю, почему ты такая спокойная!

– Потому что Дита не придет быстрее, если мы будем биться в истерике вдвоем… – Елена вглядывается в темноту за окном. – Слава богу, приехала!

– Как – приехала? На чем?

– На такси.

Дита? На такси?!

Утесов бросается к окну, пытается что-то разглядеть.

А сияющая Дита уже вбегает в комнату, сбрасывая плащ и туфли.

– Там такая весна! Просто сказка! А что вы такие невеселые?

– Она еще спрашивает! – заводится отец.

– Мы волнуемся – уже так поздно, – мягко говорит мама.

– Разве поздно? – Дита удивленно смотрит на настенные часы, потом трясет рукой с часиками и даже прикладывает их к уху: – Ой, наверное, сломались…

– Артистка! – негодует отец. – Тебе действительно надо в театральный!

Дита отвечает на голубом глазу:

– Но сначала же надо сдать выпускные. Вот мы с Ниной и готовились к экзаменам…

– Ну, я Нине… этому… задам!

– Па-ап! Опять твои шуточками…

Наконец вскипает и мама:

– Нам с отцом не до шуток! Ты знаешь, когда должна приходить домой. И ты знаешь, что нельзя ездить на такси одной…

– Да я не одна! – Дита прикусывает язычок.

– А с кем? – быстро спрашивает мама.

– Ну с кем, с кем… – выкручивается дочь. – С шофером.

– Дита! – грохает кулаком по столу отец.

И девушка признается дрожащим голосом:

– Ну… меня… подвез Исаак Осипович…

Папа и мама столбенеют. Дочка быстро-быстро оправдывается:

– А что такого? Мы встретились на Невском… Случайно! А потом пошли в кафе… А потом Исаак Осипович отвез меня домой… И все!

– Нет, не все! – шумит отец. – А тебе этот… Исаак Осипович… товарищ Дунаевский … не сообщил, что он – бабник?

– Нет, конечно!

– Так я тебе сообщу: у него две семьи и десяток любовниц!

– Это не имеет значения!

Дита заявляет отчаянно, словно прыгает в прорубь:

– Я его люблю!

Папа и мама – кто где стоял – так и плюхаются на стулья.

– Все! – глухо говорит Утесов. – Убью!

– Меня? – вздрагивает Дита.

– Его! – Утесов устремляется к двери.

Дита грудью перекрывает ему дорогу:

– Папа! Не надо, папочка!

Елена тоже останавливает мужа:

– Лёдя, не пори горячку! Позвони ему, договорись о встрече… – И не удерживается от шпильки. – Надеюсь, вы с ним сумеете объясниться… два сапога – пара!

– Что ты имеешь в виду? – немедля переключается Утесов.

Елена ему не отвечает, а приказывает дочери:

– Иди к себе!

– Но мама… Но папа же…

– Я сказала, иди!

Дита удрученно покидает комнату. Утесов набирает номер телефона, слушает короткие гудки, бросает трубку, снова набирает номер и снова швыряет трубку:

– Ну, конечно! Не опомнился от одного свидания – уже назначает другое!

В третий раз набрать номер он не успевает – телефон звонит сам.

– Алло! Ах, это ты!!! – прикрыв рукой трубку, Утесов сообщает Елене: – Это он! – И продолжает в трубку: – Ты еще имеешь наглость звонить?! Что?.. Да плевать мне, кто тебе сейчас звонил… Это я тебе, гаду, звоню, чтобы… Идешь ко мне?.. Нет, это я иду к тебе! Нет, это у меня нет сил терпеть! Ладно… Черт с тобой… Встретимся на Дворцовой!

Утесов и Дунаевский встречаются на пустынной вечерней Дворцовой площади. Дунаевский радостно кричит еще издалека:

– Лёдя! Ты себе не представляешь…

– Да! – обрывает его Утесов. – Я не представляю, как ты смеешь совращать мою дочь!

Дунаевский меняется в лице:

– Ты… здоров?

– Я-то здоров, а вот ты сейчас будешь очень болен!

Утесов хватает Дунаевский за грудки, тот с трудом вырывается.

– Спокойно, старый одесский драчун! Дай обвиняемому хотя бы последнее слово!

– Говори! Но оно действительно будет последним в твоей жизни!

– Я встретил Диту на Невском, случайно. Она сказала, что любит мороженое, я повел ее в кафе «Норд», а потом отвез домой на такси. Она тебе это сказала?

– Сказала! Но еще она сообщила, что любит тебя!

Дунаевский не без удовольствия улыбается:

– Приятно слышать…

Утесов опять лезет на него с кулаками, Дунаевский опять отскакивает:

– Уймись, псих! Мне-то она про любовь ничего не сказала! А если б сказала, я б ее отшлепал по одному месту!

– Точно? – сомневается Утесов.

Дунаевский говорит с максимальной проникновенностью:

– Лёдя, я, конечно, не монах, но – дочь друга и вообще малолетка…

Утесов расплывается в облегченной улыбке:

– Вот дура!

– Вся в отца! Ты в ее семнадцать лет чуть вообще не женился…

– А в восемнадцать я женился вообще! – Утесов сокрушенно умолкает.

Дунаевский восклицает:

– Заморочил ты мне голову своим бредом! А я чего к тебе шел? Мне позвонил начальник управления кинематографии…

– Сам Шумяцкий?!

– Сам! Он был на «Музыкальном магазине» и родил идею.

Снять кинофильм на основе на нашего спектакля.

Утесов полон иронического недоверия:

– Скажи еще, что снимать будет Эйзенштейн…

– Не скажу. Снимать будет не Эйзенштейн, а его ученик.

– Кто такой?

– Некто Григорий Александров. Да это неважно, главное, что вся команда – наша. Сценарий – Эрдман и Масс, музыка, само собой, – я, главная роль, тоже самой собой, – ты!

– Дуня! – кричит на всю площадь Утесов. – Мы им покажем кино!

Гагры, лето 1933 года

Съемочная площадка фильма «Веселые ребята». Утесов – пастух Костя, в знаменитом бриле на голове и с кнутом в руке, шагает, распевая на известный мотив «Марша веселых ребят» совершенно неизвестные слова:

Ах, горы, горы, высокие горы,
Вчера туман был и в сердце тоска,
Сегодня снежные ваши узоры
Опять горят и видны издалека.

Оператор Владимир Нильсен с камерой на тележке едет за Утесовым по рельсам. Режиссер Григорий Александров в американской ковбойской шляпе наблюдает съемку. И наконец командует:

– Стоп! Снято! Запев готов!

Режиссер явно доволен, а Утесов столь же явно не в духе.

Он присаживается на пенек. И сразу откуда-то, как чертик из табакерки, выскакивает рыжая гримерша, заботливо пудрит его, приговаривая с влюбленным придыханием:

– Леонид Осипович! У вас носик загорел! Сейчас мы подпудрим, приглушим…

– Отстань, Раиса! – просит Утесов. – У меня душа горит, а не носик!

Александров командует:

– Снимаем припев! Артист готов?

За Утесова откликается гримерша Раиса:

– Сейчас, сейчас будет готов! – И все же пробегается пуховкой по носу артиста.

– Мотор! Камера! Начали! – командует режиссер.

Девушка-помреж хлопает перед носом Утесова хлопушкой:

– Кадр двенадцатый, дубль первый!

Звучит фонограмма, Утесов взмахивает кнутом и заводит припев:

Ты видишь, стадо идет – прочь с дороги!
Не то тебя мы сметем, так и знай!
А ну, корова, шагай, выше ноги!
А ну, давай, не задерживай, бугай!

Александров снова вполне удовлетворенно наблюдает съемку. Но Утесов вдруг останавливается:

– Нет! Я не могу!

– Стоп! – кричит Александров оператору и бежит к Утесову: – В чем дело? Что вы не можете?!

– Я не могу это петь! Пустые… да нет, просто дурацкие слова!

– А вы кто – поэт? Или, может быть, вы – режиссер? Нет, вы – артист, и ваше дело выполнять режиссерскую задачу, говорить и петь то, что записано в сценарии…

– Причем в сценарии, утвержденном во всех инстанциях! – Это жестко добавляет невесть откуда тихо возникший редактор – неприметный лысоватый человек.

Утесов быстро соображает, что обращаться надо именно к нему:

Да, сценарий утвержден, но песен-то в нем не было. Песни написаны в рабочем порядке. И как вам этот текстик?!

Он опять повторяет нелепые слова припева:

А ну, корова, шагай, выше ноги!
А ну, давай, не задерживай, бугай!

Редактор явно озадачен услышанным. Однако режиссер бросается защищать честь мундира:

– Ну да – не Пушкин! Но фонограмма уже записана, и вы под нее уже снимались… Три дубля!

– Минутку, Григорий Васильевич, – негромко останавливает его редактор и поворачивается к артисту: – Что вы хотите сказать, Леонид Осипович?

Утесов вдруг крайне серьезнеет и, внятно выговаривая каждое слово, сообщает, что по чьей-то халатности в оптимистическую советскую песню, которая должна призывать наш народ к созидательному труду и трудовому веселью, вкрались сомнительные, нет, даже издевательские интонации. Редактор моментально делает стойку на угрожающие речевые штампы и решает, что вопрос этот очень серьезный и его следует так же серьезно обсудить.

Обсуждение происходит в беседке с участием редактора, Утесова, Александрова и Дунаевского. Утесов предлагает:

– Есть толковый парень Лебедев-Кумач. Он сделает хороший текст.

Редактор недоумевает:

– Лебедев… Кумач… Это что – дуэт? Надо платить двойную ставку?

– Да нет, это один человек – Василий Лебедев-Кумач, рабочий поэт.

– А где гарантии, что этот ваш поэт напишет что нужно? – спрашивает Александров.

– Я лично поработаю с ним над текстом…

– Может, вы лично и над сценарием поработаете? – заводится режиссер.

– А что, очень не мешало бы!

Редактор, как рефери, разводит Утесова и Александрова:

– Товарищи! Давайте не отвлекаться!

– Да в чем вообще проблема? – не успокаивается режис-

сер. – Такие слова, другие… В кино главное – игра актеров, мизансцены, монтаж…

Утесов прерывает Александрова:

– Мизансцены не оценят, монтаж забудут, а песню – я чувствую! – эту песню будет петь вся страна!

Молчавший до сих пор Дунаевский наконец подает голос:

– А мне вот какая идея только что в голову пришла… Давайте объявим конкурс.

– Какой конкурс? – уточняет редактор.

– Чтобы песня стала народной, пусть ее слова и сочинит сам народ, а не какой-то отдельный поэт… Народу мы обязаны доверять!

Александров выходит из себя:

– Устроим кружок «Умелые руки»? И оператора пригласим из народа, и – чего уж там – режиссера…

– Григорий Васильевич! – негромко осаживает его редактор. – Не следует умалять возможностей советского народа. Мысль Исаака Осиповича идеологически верна. Я сегодня же дам в «Комсомольскую правду» объявление о конкурсе на лучший текст песни.

Из беседки Утесов и Дунаевский возвращаются очень довольные.

– Ну, Дуня, что значит – композитор! Разыграл как по нотам!

– Но и ты – артист! Где ты, Лёдя, нахватался этих штампов – «песня призывает наш народ к созидательному труду

и трудовому веселью»…

– Нет, артист – тоже ты! Как натурально: «Мне только что пришла в голову идея…»

– Два таких артиста, как ты и я, для страны – перебор! – смеется Дунаевский.

– Значит, я остаюсь тут на хозяйстве, а ты лети в Москву, сговаривайся с Василием… Пусть шлет стихи в «Комсомолку», а ты там подстрахуешь…

Эту комбинацию Утесов с Дунаевским задумали давно. Увидев начальный текст песни, Утесов пришел в ужас от всех этих «коров-бугаев», и попросил своего знакомого, никому не известного рабочего поэта Васю Лебедева-Кумача, написать что-нибудь более удобоваримое. Вася написал, Утесов пришел в восторг, показал текст Дунаевскому, тот тоже восхитился. Был придуман трюк с конкурсом в «Комсомолке», что они и проделали, а теперь оставалось только ждать результата.

Утреннее солнце встает над морем. На поляне стоит бык. Вся съемочная группа суетится вокруг него. А бык – огромный, могучий – стоит, не обращая внимания на кинематографистов, и озабочен лишь мухами, которых время от времени лупит хвостом.

Это готовится съемка будущей знаменитой сцены пьяного стада, где бык – главный фигурант. Оператор Нильсен руководит установкой камеры на рельсах. Утесов и сценарист

Эрдман наблюдают со стороны, на террасе. Любовь Орлова – в платье домработницы Анюты, с забавно торчащими косичками и с веником в руке – готова вступить в сражение с быком. Александров сдвигает ковбойскую шляпу на затылок и дает отмашку:

– Мотор! Камера! Начали!

Девушка-помреж щелкает перед камерой хлопушкой и объявляет:

– Кадр тридцать второй, дубль десятый!

Александров командует:

– Бык ложится!

Но бык ложится и не думает. Стоит и лупит хвостом мух. И так как это уже не первый и даже не десятый дубль, Григорий Васильевич, похоже, трогается умом. Он подлетает к быку и орет ему прямо в морду:

– Слушай меня, скотина! Я – режиссер! И если я говорю: лечь, ты должен лечь! Должен, обязан, понятно?

Съемочная группа с молчаливым сочувствием наблюдает буйное помешательство режиссера. Впрочем, Александров уже приходит в себя и переходит к делу:

– Дрессировщик! Где дрессировщик?

Неспешно появляется тип в полосатой кепке. Александров сообщает ему, что на его тупое животное угрохали пленки больше, чем на героиню, а ведь он обещал, что бык выпьет полведра водки и уснет. Дрессировщик задумывается и вяло предполагает, что, наверное, нужно еще полведра.

Александров яростно заявляет, что от этого быка и от этого дрессировщика он сейчас же, немедленно, вот прямо тут на этом месте сойдет с ума.

Режиссера успокаивает артистка Орлова:

– Гришенька, не волнуйтесь!

– Я не могу не волноваться, Любочка! – стонет режиссер.

На террасе Утесов язвительно говорит Эрдману:

– Режиссер давно лег под мадам, а бык под режиссера – не желает!

– Разумное животное, – усмехается Эрдман. – Но шутки шутками, а съемка не движется почти неделю…

– Меня больше волнует, что два месяца не движется дело с песней!

– Дуня не звонил?

– Я звонил ему сам. Конкурс в «Комсомолке» окончен, работает жюри, Дуня там интригует как может…

Возле Утесова, словно из ниоткуда, появляется рыжая гримерша Раиса и начинает причесывать его непокорный чуб:

– Ой, Леонид Осипович, у вас прическа растрепалась! Сейчас наладим, сейчас уложим…

– Отстань ты с прической! Еще неизвестно, дойдет ли съемка до меня… Видишь, тут самый главный – бык!

– Что вы, Леонид Осипович! Самый главный, самый лучший – вы!

– Ох, Раиса! – грозит ей пальцем Эрдман. – Гляди, к Лео-

ниду Осиповичу нынче жена приезжает.

Гримерша вспыхивает, возмущается:

– Николай Робертович! Как вы можете подумать…

– Не могу, не могу, – поднимает руки Эрдман.

Гримерша, тряхнув рыжей челкой, удаляется. А на террасу приходит Нильсен. Неразговорчивый, как все операторы, он молча достает папиросы, молча закуривает, молча затягивается и выпускает дым. Но вдруг ни с того ни с сего раздражается и заявляет, что у него нет больше сил выносить этот великосветский салон: все фальшиво улыбаются, сюсюкают – Гришенька, Любочка, – а тут же рядом его жена, ее муж… тьфу!

Действительно, на другой террасе сидят муж Любы Орловой, австрийский инженер, и жена Гриши Александрова, миловидная женщина в соломенной шляпке. К ней подбегает семилетний сын:

– Мама, пойдем на море!

– Дуглас, вот будет перерыв – тогда пойдем. А сейчас у папы съемка…

– У него не съемка – я видел, он просто на всех ругается.

– А это – подготовка к съемке, – объясняет мама.

– Но почему мы не можем на море без него?

– Потому, Дуглас, что папе нужна наша моральная поддержка.

Мальчик вздыхает и отходит. Австриец, муж Орловой, спрашивает с сильным акцентом:

– Очень странный имя… Дуглас… Это есть американский имя?

– О да! Гриша назвал его в честь Дугласа Фэрбенкса, – охотно поясняет жена Александрова. – Гриша большой поклонник американского кинематографа. Он работал в Америке с Эйзенштейном.

– Да-да… Он из моей… жена Люба… тоже сделать как… американский актрис.

– И Любочке очень идет быть блондинкой! Уверяю вас!

А съемочная группа опять бессильно топчется вокруг категорически не желающего укладываться быка. Александров кричит на дрессировщика:

– Ну, дали еще полведра водки! Ну, и что?

Дрессировщик флегматично предполагает:

– Наверно, еще надо дать…

– Хватит! А что-нибудь еще вы можете предложить?

– Могу. Научный метод.

– То есть?

– Дрессура. Вообще-то быки не очень поддаются… Но можно попробовать.

– Так пробуйте! Сколько это займет времени?

– Как пойдет… Месяца три-четыре…

– Какие три-четыре! Мне скоро картину сдавать!

Дрессировщик резонно объясняет:

– А быку все одно – сдавать вам картину, не сдавать…

Александров быстро ходит взад-вперед по площадке, потом резко останавливается:

– Сценаристы! Где сценаристы?

– Сценаристы! – суетятся помощники. – Где сценаристы? Сценаристов на площадку!

Появляется Эрдман:

– Я – за двоих. Масс лежит в соплях – перекупался…

– Хочу вам напомнить, товарищи сценаристы, что вы командированы сюда не купаться, а переписывать то, что вы написали!

– Зачем?

– А затем, что написанное вами снять невозможно!

– Ну, снять возможно все…

– Да? Тогда снимите! Сами написали – сами и расхлебывайте!

Эрдман кивает на быка и пустое ведро:

– А наш друг все уже расхлебал…

– Острите, да? – вскипает Александров. – Вы комедиограф, да? Прекратите ломать комедию и подумайте, что делать с быком!

Эрдман честно думает. И заявляет, что быка надо загипнотизировать. Режиссер предполагает, что сценарист над ним издевается. Эрдман успокаивает, что и не думал издеваться, а просто он видел на гостинице афишу: гастроли великого – так и написано: великого – гипнотизера, причем объявлены любые виды гипноза. Тогда режиссер заявляет,

что сценарист просто не в своем уме. Эрдман опровергает и это предположение, заверяя, что он вполне в своем уме, так как еще не прибегал к услугам великого гипнотизера. Отчаявшийся режиссер уже готов на все, его лишь останавливает то обстоятельство, что кудесник работает с людьми, а не с животными. На это Эрдман заявляет, что Александров – большой оптимист, если видит существенную разницу между людьми и животными. Последний аргумент окончательно добивает режиссера, и он принимает решение: вы это предложили – вы это и осуществите, давайте сюда гипнотизера. Эрдман требует машину для поездки за волшебником. Режиссер приказывает подать машину сценаристу, а съемочной группе объявляет перерыв.

На площадке появляются муж Орловой и жена Александрова с сыном Дугласом.

– Люба, – говорит австриец, – пойдем… немножко… объедать.

– Нет-нет, мы с Григорием Васильевичем обсуждаем следующие сцены. А ты обедай, меня не жди.

– Нам тебя тоже не ждать? – спрашивает жена у Александрова.

– Да-да, Любовь Петровна права: у всех – перерыв, а у нас с ней – творческий поиск!

Утесов на террасе горячится и тихо матерится: сколько времени идет коту… в смысле быку под хвост. Гримерша Раиса умоляет Леонида Осиповича не волноваться, потому что

от этого у него портится прическа. Да что – прическа, стонет Утесов, вся жизнь его портится из-за тупого быка. Но рыжая влюбленная Раиса убежденно заявляет, что быки приходят и уходят, а гений Леонида Осиповича в кино остается. Утесов оторопело смотрит на Раису – даже он не силах ответить на этот бред.

Из-за поворота дороги к площадке приближается машина. Утесов встает:

Наверно, Леночка едет…

Он спрыгивает с террасы и спешит навстречу машине.

Гримерша Раиса горестно смотрит ему вслед.

Но из машины выходит вовсе не Лена, а Бабель. Он подает руку выпархивающей вслед за ним симпатичной молодой женщине. Утесов и Бабель обнимаются.

– Привет, старик! Знакомься, это – Тоня. По фамилии – Пирожкова.

– Очень, очень приятно! – Утесов целует ручку женщине и снизу одобрительно подмигивает Бабелю.

– А мы тут с Тоней отдыхаем в санатории Дзержинского, ехали мимо – видим, кино…

– Такова жизнь, – печалится Утесов, – кто-то у моря под солнцем отдыхает, а кто-то пашет как проклятый!

– Охота пуще неволи, – смеется Бабель. – А что ты так шустрил к машине? Торопился торжественно нас встретить?

– Размечтался! Нет, я жду Лену.

– С Дитой?

– Дите не до нас – у нее медовый месяц!

– Вышла замуж? Поздравляю!

– Лучше пособолезнуй. Ей еще нет девятнадцати. Только поступила в Щукинское училище – и на тебе!

– А кто муж? – живо интересуется Аня.

– Некто Тобиаш – диктор на радио.

– А-а, известный московский красавец!

К ним приближаются Александров и Орлова. Режиссер бережно ведет актрису под ручку, они воркуют о чем-то, вполне возможно, что и о работе, потому что в руках Любочки раскрытый сценарий. Но, несмотря на занятость творческим процессом, Орлова замечает Бабеля и тащит Александрова к гостям, очаровательно улыбается им:

– Добрый день! Леонид, познакомьте же нас!

Утесов говорит с напускным равнодушием:

– Ну, это писатель, может, слышали – Бабель. И Тоня. Пирожкова.

– Очень приятно! – хором восклицают режиссер и актриса.

Утесов переходит на возвышенный тон:

– А это – великий режиссер Григорий Васильевич Александров! Почти Эйзенштейн! И не менее великая актриса Любовь Петровна Орлова! Звезда! Восходящая! Даже – взлетающая!

Орлова, уловив издевку, обиженно хлопает глазками. Александров пытается сменить тему:

– Как продвигается ваш фильм про Беню Крика с моим учителем – Сергеем Эйзенштейном?

– Да никак не продвигается, – машет рукой Бабель. – Я бы даже сказал, задвигается – все глубже и глубже!

Понимая, что и эта тема заводит в тупик, Александров быстренько сворачивает беседу:

– Ну, надеюсь, увидимся за ужином. А сейчас – извините, нам с Любочкой необходимо репетировать…

Орлова демонстративно берет режиссера под руку:

– Да, пойдемте, Гришенька!

Они уходят. Утесов кривляется им вслед:

– Ах, Гришенька, ох, Любочка, нам нужно репетировать!

– Что вы злитесь, как мальчишка? – улыбается Тоня. – Обычное дело: у режиссера с актрисой – роман.

– Да хоть сто романов! – восклицает Утесов. – И пусть репетируют хоть до упаду! Но мадам съедает всю мою пленку!

– Как… съедает?

– С аппетитом!

Утесов изливает Бабелю и Тоне всю свою израненную несправедливостью душу. Оказывается, сценарий, написанный под впечатлением программы «Музыкальный магазин» специально для Утесова, был про пастуха Костю, который становится звездой эстрады. А режиссер под впечатлением любовного романа с актрисой снимает кино про домработницу Анюту, которая становится еще большей звездой. А две звезды в одном фильме – это уже чересчур.

Пирожкова дружески треплет соломенный чуб Утесова:

– Бедный юноша!

Но тут же рядом материализуется гримерша Раиса:

– Не трогать! Не сметь прикасаться к артисту!

Тоня испуганно шарахается. Раиса запускает металлическую расческу в кудри Утесова. А он видит, что вдали на дороге появилась новая машина.

– Ну, вот и Леночка!

Отмахнувшись от гримерши, как от мухи, Утесов спешит навстречу машине. Бабель и Тоня идут за ним. Раиса вновь застывает со скорбным лицом. Утесов на ходу предлагает друзьям устроить вечером банкет по случаю приезда жены. Бабель оглядывается на скорбную Раису и выражает опасение, что вместо банкета будет коррида. Да ну, беспечно заявляет Утесов, Леночка ко всему привыкла.

Но из машины опять появляется вовсе не Лена, а Эрдман. И с ним – маленький человечек с большим носом в смокинге с бабочкой. Эрдман с театральным поклоном представляет любимца публики великого гипнотизера Мартинелли.

И снова на площадке все собрались вокруг быка. А перед ним застыл с решимостью тореадора гипнотизер. Сам он неподвижен, но руки его совершают замысловатые пассы перед бычьей мордой. Бык смотрит на человека с любопытством. Гипнотизер работает на пределе: все мускулы лица его напряжены, на шее вздулись жилы, на лбу выступили капельки пота.

Съемочная группа, затаив дыхание, наблюдает за развитием событий. Наконец, гипнотизер с протяжным свистом выпускает воздух из чахлой груди и бессильно роняет руки. Вся группа тоже дружно и разочарованно выдыхает.

А бык продолжает стоять и смотреть с любопытством.

Гипнотизер опять вскидывает руки и предупреждает, что сейчас он вынужден будет применить чрезвычайное средство – заветный индийский камень «Агасфер». Он достает из-за пазухи рубиновый самоцвет – размером с небольшой булыжник – на серебряной цепочке. Все уважительно ахают при виде заветного камня. Гипнотизер начинает мерно раскачивать самоцвет на цепочке, бормоча таинственные заклинания. У наблюдающей за этим гримерши Раисы медленно закатываются глаза. По лицу гипнотизера похоже, что он и сам уходит куда-то в астрал.

А бык себе равнодушно стоит и мерно отмахивается хвостом от мух.

Булыжник на цепочке все увеличивает амплитуду, заклинания переходят в невнятное бормотание, еще секунда – и гипнотизер валится наземь без чувств. К нему бросаются ассистенты, уносят в тень, обмахивают газетой. Александров шлепается в кресло с надписью на спинке «режиссер», обхватывает голову руками и, раскачиваясь, твердит одно и то же: все пропало, что делать, все пропало… Все сочувственно смотрят на него, не в силах ничем помочь. Даже Утесову становится жаль режиссера:

– Григорий Васильевич, не надо отчаиваться. Вот когда я служил в армии…

– Что вы несете! – стонет Александров. – Когда это вы служили в Красной Армии?

– Я не в Красной, я – в царской, – уточняет Утесов. – Так вот, наш подпрапорщик Назаренко рассказывал байку… Один старик говорит другому: «Помнишь, нам в армии, чтоб мы на девчонок не отвлекались, в чай подливали бром?» – «Ну, помню. И что?» – «Да вот, этот бром через сорок лет начинает действовать!»

Окружающие смеются, а режиссер взрывается:

– Опять вы с дурацкими одесскими шуточками!

– Какие шутки? – удивляется Утесов. – Я серьезно.

– Что серьезно?

– Быку нужно дать бром.

– Уберите от меня этого сумасшедшего! – кричит Александров. – Уберите, я за себя не ручаюсь!

Но тут вмешивается Бабель. Поправив очки на носу, он солидно говорит, что в отличие от Утесова служил не в царской, а в Первой конной армии Буденного, и свидетельствует, что, когда надо было оперировать раненного коня, его усыпляли котелком брома. Режиссер смотрит на писателя с детской доверчивостью:

– Это правда?

Писатель уверяет:

– Чистая правда!

Александров вскакивает и кричит:

– Бром! Немедленно достаньте бром! Где хотите – в аптеках, в больницах…

Ассистенты срываются с места и убегают. Гримерша Раиса стонет от счастья:

– Леонид Осипович! Я знала: вы – самый умный, вы – волшебник!

Утесов жмет руку Бабелю:

– Спасибо за поддержку!

– Как одессит – одесситу, – улыбается Бабель. – Ну, до вечера!

– До ужина, – уточняет Утесов. – Рванем в «Гагрипш» – там готовят такой аджабсандал!

– Ой, я обожаю аджабсандал! – опять влезает гримерша. – Леонид Осипович, хотите, я вам сама его приготовлю вечером?

– Девушка, – напоминает Тоня, – к вечеру Леонид Осипович ожидает прибытие любимой супруги!

Раиса скисает. Бабель с Тоней уходят. А на площадке появляется редактор с каким-то пакетом в руке и просит Григория Васильевича, Леонида Осиповича и Николай Робертовича проследовать за ним.

Александров, Утесов и Эрдман усаживаются в беседке, Редактор сообщает, что конкурс «Комсомольской правды» на лучший текст песни для фильма окончен и Москва прислала результаты. Редактор вспарывает пакет.

– Компетентное жюри признало лучшим текст… – Он достает из пакета официальный бланк. – … текст поэта Лебедева-Кумача.

– Я так и чувствовал! – сияет Утесов.

– По-моему, вы не чувствовали, а знали, – заявляет Александров.

Утесов невинно удивляется:

– Откуда я мог знать? Вы же слышали – компетентное жюри…

Редактор вдруг задумывается:

– Лебедев… Кумач… Где-то я слышал эти две фамилии…

– Одну! – Александров кивает на Утесова. – От него вы и слышали! Говорю же, он все знал!

– Лебедева-Кумача? – опять играет невинность Утесов. – Конечно, знал и знаю. Очень талантливый поэт. Но про победу на конкурсе – ни сном, ни духом!

В их спор вмешивается Эрдман:

– Послушайте, может, мы все-таки почитаем этого Лебедева с Кумачом?

– Разумно, Николай Робертович, – соглашается редактор.

Он надевает очки в роговой оправе и читает – скучно, невыразительно, запинаясь:

– Легко на сердце от песни… песни веселой, она скучать не дает никогда, и любят песни деревья… нет, деревни… и села…

Утесов слушает с невыразимым страданием и не удержи-

вается, выхватывает у редактора бумагу:

– Позвольте, я лучше сразу спою – мелодия ведь у нас есть!

И он запевает, честно глядя в бумагу, но очевидно, что слова ему уже давно знакомы:

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда.
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города.

Александров и редактор слушают очень серьезно. Эрдман с улыбкой негромко отбивает ритм по столу ладонями.

Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет, и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Утесов обрывает песню и победно восклицает:

– Блеск! А?

– Совсем другое дело! – одобряет Эрдман.

– Да, это гораздо лучше, – вынужден признать и Александров.

– Лучше – не лучше, но именно это утверждено и подписано! – ставит точку редактор.

Александров встает:

– Надо дать задание – переснять песню.

– Зачем? – не понимает редактор.

– Костя же пел старый текст, а новый не совпадет на экране по артикуляции…

– Григорий Васильевич! – строго обрывает редактор. – Мы не позволим тратить лишние народные деньги на эту вашу… артикуляцию!

Да, так оно впоследствии и вышло. Народные деньги сэкономили, фильм и сегодня идет с новым текстом, но со старой артикуляцией. Легко заметить, как не совпадают движения губ Кости-пастуха с тем, что он поет.

Александров обескуражен заявлением редактора. А Утесов все не может успокоиться:

– Нет, но какой блеск! «И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет!» Не то что это: «Давай, не задерживай, бугай!»

В беседку врывается радостная ассистентка режиссера:

– Он спит!

На площадке действительно лежит и спит бык. И даже храпит. Счастливый режиссер ходит на цыпочках и командует шепотом:

– Камера… Свет… Любочка, пожалуйста, на площадку…

Утесов смеется:

– Его после брома пушкой не разбудишь!

– Да? – все еще шепотом уточняет режиссер и переходит на привычный крик: – Гример! Где гример?

– Я здесь, – подбегает Раиса.

– Вы что, не видите: у героини локон выбивается! Где вас носит?

– Я поправляла грим Леониду Осиповичу.

– Мне не нужен никакой Леонид Осипович! Мне нужна Любовь Петровна!

Утесов грустно подмигивает Эрдману:

– Ну вот – схлопотал большое человеческое спасибо…

– Не бери в голову!

Эрдман обнимает Утесова за плечо, и друзья покидают площадку. Они идут по тропинке к морю, Утесов распевает новую песню:

Мы будем петь и смеяться, как дети,
Среди упорной борьбы и труда.
Ведь мы такими родились на свете,
Что не сдаемся нигде и никогда!
Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде…

Утесов обрывает песню, заметив приближающуюся по дороге машину.

– Ну, это уже точно – Лена!

Он спешит навстречу машине. Эрдман тактично ждет на месте. Но машина объезжает Утесова и останавливается пе-

ред Эрдманом. Он меняется в лице.

Из машины выходят двое в штатском. Один спрашивает металлическим голосом:

– Эрдман Николай Робертович?

Эрдман молчит. А Утесов интересуется, в чем, собственно, дело. Второй, глядя сквозь Утесова, словно его здесь вовсе нет, приказывает Эрдману:

– Садитесь в машину!

Эрдман не в силах двинуться с места. Люди в штатском умело и четко, пригнув ему голову, усаживают его в машину. Эрдман только успевает бросить Утесову последний печальный взгляд. Утесов отвечает взглядом растерянности и боли.

Машина, рванув с места, тает в жарком южном мареве.

Оба сценариста фильма «Веселые ребята» – Николай Эрдман и Владимир Масс – попали в пекло сталинских лагерей. Оператор Владимир Нильсен успел еще снять «Волгу-Волгу» и «Цирк», получить в 1937 году орден «Знак почета» и автомашину «эмку», и в том же 1937 году его арестовали.

Но это было потом, а сейчас оператор Нильсен закончил съемки «Веселых ребят», режиссер Александров фильм смонтировал, актеры Утесов и Орлова свои роли озвучили, Дунаевский написал музыку, и уже готовую картину показали. Там, где надо, и тому, кому надо.

В предбаннике специального закрытого просмотрового зала томятся Александров, Орлова, Утесов и Дунаевский.

Из-за двери слышна финальная музыка «Веселых ребят». Александров нервно заявляет:

– Я думаю, реакция должна быть положительная!

Орлова вдруг всхлипывает. Александров обнимает е за плечи.

– Любочка, что с вами?!

– Я не могу! Такое напряжение!

– Любочка, но вам-то чего волноваться? Вы великолепны!

Утесов отодвигается от воркующей пары, подсаживается к Дунаевскому.

– Что-то там тихо …

– А ты что хотел? Чтобы особая комиссия топала ногами и гоготала, как в колхозном клубе?

Утесов пожимает плечами. Дунаевский его успокаивает:

– Не дергайся! Кино веселое, идеологически выдержанное… Сейчас выйдут и скажут: «Спасибо, товарищи! Работайте и дальше на благо народа!»

Открывается дверь просмотрового зала. Как-то сама собой открывается – из нее никто не выходит. Орлова лихорадочно вытирает пальцами расплывшуюся тушь под глазами. Александров вытягивается по стойке «смирно». Дунаевский, нервно покашливая, протирает платком очки. Нетерпеливый Утесов бросается к распахнутой двери, заглядывает в зал и видит, что он пуст.

А из какой-то неприметной боковой двери материализуется официальное лицо – естественно, во френче. Утесов

изумлен и растерян:

– А где… комиссия? Нас позвали обсудить…

– Что обсудить? – интересуется официальное лицо. – Воинствующую пошлость?

Глаза Орловой расширяются от ужаса. Александров сникает. Дунаевский все трет платком свои очки. Утесов слабо улыбается:

– Вы шутите?

Официальное лицо возмущено: здесь не место для шуток. Комиссия сочла недопустимым выпуск на экран этого, с позволения сказать, произведения. Очень стыдно, что наши советские творцы, которые должны нести в массы прекрасное, позволяют себе такие пошлые и примитивные, с позволения сказать, произведения. Официальное лицо гневно разворачивается и растворяется в той же неприметной боковой двери.

Растерянные «творцы» молча смотрят друг на друга.

А стране было не до них и вообще не до веселья – 1 декабря 1934 года в коридоре Смольного дворца подлый убийца застрелил любимца партии и народа Сергея Мироновича Кирова. Вся страна погрузилась в траур и гнев. На митингах и собраниях трудящиеся требовали сурово наказать гнусного убийцу и его пособников. Народ клялся еще теснее – хотя, казалось бы, куда уж теснее? – сплотить ряды вокруг родной партии и товарища Сталина.

В своей ленинградской квартире Утесов вяло ковыряет ужин. Из репродуктора несутся гневные слова трудящихся в адрес мерзких убийц Кирова. Утесов молча прикручивает ребристое колесико репродуктора. Становится тихо. Но подходит Елена и так же молча поворачивает колесико обратно. Слова гнева трудящихся звучат с новой силой. Утесов никак не реагирует на действия жены, хмуро размешивает сахар в чашке.

Звонит телефон. Утесов раздраженно предупреждает, что его дома нет. Елена снимает трубку:

– Слушаю… Да… Да… Одну минуту, – Она оборачивается к мужу. – Это тебя…

– Я же сказал: меня нет!

Но Елена молча протягивает ему трубку телефона, и по лицу жены Утесов понимает, что трубку надо взять.

Слушаю… Да… Да-да… Конечно, приеду…

Он кладет трубку, растерянно смотрит на Лену.

Она застывает.

– Куда… ты приедешь?

– В Москву. На премьеру «Веселых ребят».

Утесов смотрит на телефон, словно ожидая услышать от него хоть какие-то объяснения произошедшей метаморфозы. Лена озадаченно молчит. Потом задумчиво спрашивает:

– А где будет премьера?

– В кинотеатре «Художественный».

– Я думаю… Думаю, лиловое платье подойдет!

Утесов изумленно смотрит на жену.

В Москве на Ленинградском вокзале Утесовых встречает Дунаевский, усаживает их в свою машину и везет на завтрак.

– Какой завтрак! – протестует Утесов. – Объясни, наконец, что за чудо произошло?

– Потерпи! Спасибо хоть, по телефону ты меня не расспрашивал.

– Я его весь вечер от аппарата оттаскивала, – усмехается Елена.

Дунаевский продолжает разговор, только когда машина выехала от вокзала на Садовое кольцо. Тут он сообщает, что начальник Главного управления кинематографии Борис Шумяцкий оказался настоящим бойцом. Он написал письмо Сталину, что произошла идеологическая ошибка, что «Веселые ребята» нужны советскому народу, и попросил лично посмотреть фильм.

– Не может быть! – удивляется Елена.

– Но факт, – заверяет Дунаевский.

– И что… Иосиф Виссарионович? – осторожно интересуется Утесов.

– Посмотрел, улыбнулся и сказал: «Как будто в отпуске побывал!»

– Не может быть! – повторяет Елена.

Утесов обижается:

– Почему не может? Тебе что, не нравится наша картина?

– Мне-то нравится. Но… – Елена умолкает, чтобы не сказать лишнего.

– Я думаю, – говорит Дунаевский, – дело не в том: нравится – не нравится…

– А в чем? – спрашивает Утесов.

Дунаевский почему-то оглядывается, словно в машине, кроме них, еще кто-то есть, и понижает голос:

– А в том дело, что после убийства Сергея Мироновича надо укреплять и поднимать дух советского народа. А чем поднимать? Хорошими комедиями!

Утесов решается уточнить:

– То есть не было бы счастья, да несчастье помогло?

– Пожалуйста, без комментариев! – испуганно обрывает его Елена.

Москва, кинотеатр «Художественный», 24 декабря 1934 года

Афиша на кинотеатре сообщает о премьере фильма «Веселые ребята».

Зал полон зрителей. На сцене толкает речь то же самое официальное лицо во френче, которое совсем недавно на закрытом просмотре сурово клеймило фильм и его создателей. Сегодня его речь тоже звучит сурово, но уже в другой адрес:

– Товарищи! Враги во что бы то ни стало хотят помешать нашему строительству социализма! Время очень сложное, и потому некоторые задают вопрос: а время ли нам смеяться?

Самое время, товарищи! Мы должны хорошо работать и хорошо отдыхать. Да, мы отвечаем сомневающимся: в жизни советских людей есть не только будни – в ней есть и место праздникам!

Зал согласно аплодирует.

– На сцену приглашаются создатели новой и, мы убеждены, нужной советскому народу музыкальной кинокомедии «Веселые ребята».

Появляются Утесов, Орлова, Дунаевский и другие участники съемочной группы. Режиссер Александров выходит последним и вдохновенно читает стихи собственного сочинения:

Товарищ зритель, в нынешнем спектакле
Героем главным будет звонкий смех.
Ведь вы пришли к нам отдохнуть, не так ли?
А смех всегда был отдыхом для всех.
На час-другой заботы все отбросьте,
И пусть сегодня позабавят вас
История талантливого Кости,
Любовь Анюты и веселый джаз.

В зале гаснет свет. И победно звучит голос Утесова – «Марш веселых ребят»:

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда.

И любят песню деревни, и села,
И любят песню большие города.

Да, эту песню и вообще фильм полюбили не только деревни, села и большие города – их полюбила вся наша страна и многие страны мира.

В Америке фильм шел под названием «Москва смеется», и сам Чарли Чаплин дал интервью: «До этого фильма американцы знали Россию Достоевского, теперь они увидят большие перемены в психологии советских людей. Они бодро и весело смеются. Это большая победа. Это агитирует больше, чем доказательства стрельбой и речами».

На фестивале в Венеции картина была замечательно принята публикой, прессой и получила приз жюри.

А Максим Горький написал: «В „Веселых ребятах“ проглядывает новый вид киноискусства, полезный нам, требующий непременного продолжения и развития».

И весь наш народ принял к сведению и к исполнению главный тезис фильма:

Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг и зовет, и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Глава десятая
«Как много девушек хороших»

МОСКВА, ТЕАТР ЭСТРАДЫ, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Сцена Тетра эстрады засияла золотом, серебром и камнями-самоцветами на боярских одеждах. Это юбиляра пришел приветствовать Большой театр. Артисты поют хор «Славься!» из оперы «Иван Сусанин»:

Славься, славься, великий наш царь!
Славься, эстрады всей государь!

Самый длиннобородый боярин сообщает громовым речитативом:

– Корону-у-ется раб бо-о-жий Леони-ид Уте-есов – Царь Всея Эстрады!

Бояре водружают на голову юбиляра царскую корону. Утесов обращается к залу:

– Как я вам в этой панамке?

Зал смеется и аплодирует. Однако бояре не дают Утесову сбить пафос церемонии и мощно затягивают:

– Мно-огая ле-ета! Мно-огая ле-ета! Мно-огая ле-ета!

Но и Утесова не так-то просто сбить. Он низко кланяется боярам, а потом сбивает корону набок – на манер канотье

– и, прохаживаясь легким чарльстончиком, запевает легкомысленную песенку из «Веселых ребят»:

Черная стрелка
Обходят циферблат.
Быстро, как белки,
Колесики спешат.
Скачут минуты
Вокруг забот и дел,
Идут, идут, идут, идут —
И месяц пролетел!

МОСКВА, 1935 ГОД

В советской стране напряженный отсчет времени идет на часы, минуты и даже секунды. Ставят трудовые рекорды рабочие, бьют спортивные рекорды наши физкультурники, собирают рекордные урожаи колхозники…

Идет, бежит, летит быстротекущее время. И уже появляются первые свои, родные советские праздники и годовщины.

Над входом в Дом Союзов висит транспарант: «ПРИВЕТ РАБОТНИКАМ СОВЕТСКОГО КИНО!»

Утесов, Елена и Дита в вечерних нарядах, выбравшись из машины, направляются к подъезду. На них налетает стайка поклонниц с фотографиями Утесова в руках.

– Леонид Осипович! Пожалуйста, автограф!

– Вы – мой любимый артист!

– Распишитесь, умоляю: «Нине, на добрую память!»

– Вы самый лучший! А можно два автографа?

И даже совсем уж истеричное:

– Ленечка! Я тебе обожаю!

Утесов не без удовольствия раздает автографы. Но подбегают все новые и новые поклонницы. На помощь являются два милиционера:

– Не мешайте проходу товарища артиста! Отойдите, пожалуйста, отойдите! Вход только по приглашениям! Кто – без, попрошу в сторону!

Милиционеры проводят Утесовых сквозь толпу поклонниц в вестибюль. Артист благодарит их:

– Спасибо, товарищи, большое спасибо, спасли нас!

Но тут один милиционер смущенно достает из кармана фотографию Утесова:

– Я очень извиняюсь… А мне можете подписать?

– Мы ж на службе! – толкает его в бок напарник.

– Ничего, хлопчики, – улыбается Утесов. – Это у меня – тоже служба.

Он подписывает фотографию, и тут же перед ним появляется вторая.

– Тогда уж и мне, – просит напарник. – То есть – девушке моей… Люсе.

Утесов с семьей проходит в фойе. Здесь его осаждают

журналисты и фоторепортеры. Вспыхивают блицы, строчат ручки в блокнотах, вопросы репортеров тонут в общем гуле народа в фойе.

Утесовы идут по проходу Колонного зала. И здесь им тоже покоя нет. Могучий орденоносец рапортует:

– Товарищ Утесов! Должен вам сообщить, что на нашем сталелитейном заводе проводится конкурс песни имени вашего имени!

– Спасибо, очень приятно! – отвечает за мужа Елена.

Ядреная казачка, тоже увешанная орденами, подхватывает тему:

– А мы в колхозе вашим именем назвали лучшего быка!

– М-моим им-менем? – даже заикается Утесов.

– Та ни, не думайте, не Леонид Осипович, а як по фильму – Костя!

– А-а, – облегченно выдыхает Утесов.

– Между прочим, – добавляет казачка, – у нашего Кости аж три медали на выставке быков-производителей!

Утесов не знает, как и реагировать. А Дита язвит:

– Бери пример, папочка!

Наконец Утесовы оказываются в своем ряду. Рядом сидит Бабель. А сзади – Мейерхольд. Все обмениваются рукопожатиями.

На сцене появляется работник ЦК ВКП (б), начальник всей культуры страны **Платон Михайлович Керженцев:**

– Товарищи! Сегодня мы отмечаем очередную годовщину

советского кино! Как вы, конечно, знаете, отсчет этого события идет от 27 августа 1919 года, когда Владимир Ильич Ленин подписал Декрет о национализации кинопромышленности. И за эти годы ничуть не устарел, а наоборот, стал еще актуальнее тезис Владимира Ильича: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино!»

Керженцев первым начинает хлопать, зал бурно поддерживает его аплодисментами, и перестает слушать выступающего – все шепчутся о своем.

К Утесову наклоняется Мейерхольд:

– Помните, я говорил вам о моей идее клоунады?

– Да-да, рыжий клоун…

– Так вот, я посмотрел ваш фильм, и нам надо срочно вернуться к этой идее. Сколько у вас человек в оркестре?

– Семнадцать.

– Вот и будет не один, а семнадцать рыжих клоунов! Представляете?

Бабель придерживает темпераментного режиссера:

– Потом, Сева, потом… Не видишь, человек волнуется, ждет… Дырочку под орден, небось, уже просверлил!

На сцене действительно начинается награждение. Керженцев объявляет:

– Вызывается творческая группа кинофильма «Чапаев»!

Чапаевцы во главе с братьями Васильевыми и Борисом Бабочкиным выходят на сцену. Керженцев вручает им ордена и звания. Зал аплодирует. А Бабель сообщает Утесову.

– Я видел программу: следующая компашка – ваша.

Утесов нервно одергивает пиджак, интересуется у своих дам:

– Ну, как я… Все в порядке?

Дита поправляет ему галстук. Елена молча ободряюще сжимает руку мужа.

А Керженцев объявляет:

– Вызываются создатели кинофильма «Веселые ребята»!

На сцену с разных сторон выходят Александров с Орловой и Утесов. Керженцев зачитывает указ:

– «За большой вклад в дело советской музыкальной комедии режиссер товарищ Александров Григорий Васильевич награждается орденом Красной Зведы!»

Вручение ордена Александрову. Овации зала.

– «За яркое и выразительное изображение преимуществ советского образа жизни исполнительница главной роли актриса товарищ Орлова Любовь Петровна удостаивается почетного звания – заслуженный артист РСФСР»!

Вручение папки Орловой. Еще более бурная овация зала.

– «За воплощение положительного образа простого советского труженика артист товарищ Утесов Леонид Осипович премируется фотоаппаратом марки „ФЭД“«!

В зале – растерянный выдох, потом – жидкие аплодисменты.

На Утесова больно смотреть.

Семья бредет по Большому Каменному мосту – в уже никчемных вечерних нарядах. И россыпь огней панорамы Кремля не радует душу. Утесов грустно покачивает на ремешке только что полученный фотоаппарат. Он останавливается, глядя с моста в темную Москву-реку. Елена решает ободрить его не утешением, а иронией:

– Ну, прыгни туда, прыгни, раз такая трагедия – орден не дали!

А Дита избирает другой путь – ласковый:

– Папочка, не расстраивайся, все девочки у нас в Щукинском от тебя без ума!

– Мерси девочкам! – раскланивается Утесов. – Нет, дело не в трагедии, я просто хочу понять!

Елена уверенно заявляет:

– Что тут понимать, ляпнул где-нибудь что-нибудь…

– Да ничего и нигде я не ляпал!

Утесов в полном отчаянии, и Елена смягчается, обнимает мужа.

– Лёдя, плюнь! Ну что там – ордена, звания… Ты же видел, тебя встречают как настоящего народного артиста!

Утесов усилием воли сбрасывает оцепенение и широко улыбается:

– Девчата, а давайте сфотографируемся! Лучшим в мире аппаратом «ФЭД» – имени Феликса Эдмундовича Дзержинского!

Елена и Дита с готовностью позируют. Утесов жмет на

кнопку, еще жмет, но ничего не щелкает. Он открывает аппарат и смеется:

– От жлобы московские! Даже пленку не дали!

В ленинградском доме Утесовых – праздничная суета: готовятся отметить двадцатилетие Диты.

Елена – в нарядном платье, поверх которого кухонный фартук, вносит свое коронное блюдо – фаршированную рыбу и ставит в центре уже накрытого стола. Дита раскладывает на столе приборы.

Раздается звонок в дверь. Дита убегает открывает. На пороге – дедушка Иосиф, совсем седенький и какой-то сморщенный, и бабушка Малка – тоже седая, но с по-прежнему прямой непокорной осанкой. Дита обнимается с дедушкой и бабушкой. Малка приглядывается к Дите:

– Шо-то ты исхудала, моя девочка…

– Та ты шо, Малочка? – возражает дедушка Иосиф. – Наша Диточка – такая красавица!

Малка строго ставит мужа на место:

– Помолчи, Йося! Она, конечно, ниврoку красавица, но – некормленная.

– А вот сейчас и меня, и вас покормят, – обещает Дита.

Она ведет стариков в комнату. Здесь их приветствует Елена:

– Добрый вечер, мои дорогие!

Папа Иосиф целует невестку:

– Здравствуй, Леночка!

Мама Малка тоже клюет невестку где-то возле уха и строго спрашивает:

– И где Лёдя?

– На репетиции. Скоро придет.

Мама Малка не скрывает недовольства:

– Репетиции-шмепетиции… А что это пахнет?

– Я испекла пирог.

– Слышу, шо пирог. Но я же сказала: принесу мой штрудель!

Папа Иосиф, как всегда, пытается всех примирить:

– Очень хорошо, Малочка! И пирог, и штрудель – гости таки не уйдут голодные…

– Да мы сегодня без гостей, семейным кругом, – говорит Лена.

Раздается звонок в дверь. Мама Малка довольна: наконец-то явился этот шалопай Лёдя. Но Дита возражает, что папа не стал бы звонить – у него есть ключ. И бежит открывать. В двери сначала появляется огромный букет, а за ним – маленький, лысенький, но обаятельнейший Дунаевский. Он поет во все горло:

– Самолет летел, колеса стерлися, вы не ждали нас, а мы приперлися!

– Что вы, Исаак Осипович! – сияет Дита. – Мы всегда вас ждем, как вы можете…

– Не могу! Конечно, я не могу не поздравить любимую девочку с днем рождения!

Он вручает Дите букет. Она прячет лицо в цветах.

И вот уже все за столом: Утесов, Лена, Дита, мама Малка, папа Иосиф и Дунаевский. Все с аппетитом уплетают яства Елены. Утесов бормочет с полным ртом:

– Нет, Исаак… Ты все-таки фокусник… Взять и приехать специально из Москвы…

– А как же – такой день! Но больше никакие фокусы не понадобятся: скоро и ты – в Москву, в Москву!

– Надеюсь, не так скоро, – вздыхает Утесов.

– А мне лично Ленинград очень даже нравится, – заявляет папа Иосиф. – Даже, скажу я вам, больше, чем Петербург! И чего они, Лёдя, тебя так в Москву тянут?

– А чтоб ругать ближе было! Но я еще, может, откажусь…

Елена возмущена:

– Опять?! Мы же все обсудили. И у тебя больше возможностей для работы, и Диточка, пока учится, будет дома, и для мамы с папой в Москве – все врачи…

– О! – усмехается Малка. – Вспомнили маму с папой!

Елена не реагирует на колкость свекрови и начинает собирать грязные тарелки, миски, блюда. Дунаевский быстро меняет тему:

– А может, вспомним, ради чего, собственно, мы собрались?

Утесов ему подыгрывает:

– Как ради чего? Ради рыбы фиш!

А папа Иосиф наивно недоумевает:

– Лёдя, или ты забыл? Сегодня ж Диточкино рождение!

– Ша, Йося! – усмехается Малка. – Твой любимый артист опять шутит.

А Утесов серьезнеет:

– Да какие шутки… Двадцать лет! А ведь совсем недавно на руках носил…

– Теперь меня уже на ручки не поднимешь! – смеется Дита.

Но отец хорохорится:

– Положим, еще как подниму! Но не в том дело… Просто кажется, все было только вчера… Ты – такой крошечный комочек, я качаю твою люльку, а мама поет колыбельную… Правда ведь, Леночка, все – как вчера? – Утесов обнимает жену за плечи.

Лена отодвигает горку собранной грязной посуды, подпирает голову ладонями и вдруг запевает красивую и нежную украинскую песню: «Нич яка мисячна, ясная, зоряна…»

Все смотрят на нее сначала удивленно, потом – восхищенно. Голос Лены звучит глубоко, сильно, волнующе. Дунаевский подсаживается к роялю, кладет руки на клавиши, но передумывает – не хочет даже музыкой нарушать звучание голоса Лены. Прекрасная песня парит где-то в немыслимой высоте и наконец затихает. Елена молчит – еще вся в песне. И все молчат, боясь нарушить звенящую тишину.

Потом мама Малка совершает нечто для нее невероятное:

берет голову невестки в свои ладони и целует ее в макушку. Тут уже все разражаются аплодисментами. Елена смущается и снова начинает торопливо собирать посуду. Но Утесов перехватывает ее руки и говорит негромко, с болью:

– Прости меня, Леночка! Пожалуйста, прости!

– За что, Лёдя?

– Ты оставила сцену… искусство… И все – ради меня!

– И ради меня тоже! – восклицает Дита. – Прости, мамочка!

Глаза Елены увлажняются.

– Какие вы глупые… Ну, ради вас, конечно, ради вас… Но что – сцена? Ведь у меня есть вы, родные мои, любимые!

Елена уже не в силах сдержать слезы, обнимает мужа и дочь. Дунаевский, снимая пафос момента, наяривает на рояле туш. Мама Малка сурово утирает слезу в уголке глаза. А папа Иосиф умиленно смотрит на всех, украдкой потирая ладонью грудь. Малка замечает это.

– Йося, тебе плохо?

– Что ты, Малочка, мне хорошо! Даже очень хорошо! Но я пойду трошки полежу …

На еврейском кладбище Ленинграда хоронят папу Иосифа. По традиционному обряду, Иосифа Вайсбейна провожают в последний путь раввин и десять свидетелей – минен, которые читают поминальную молитву – кадиш. У могилы стоят разом постаревшая мама Малка, Утесов, Елена и Дита.

Утесов шепчет сквозь слезы:

– Все, папа, все, теперь уже тебя никто не выгонит из Петербурга…

Моросит грустный дождь. Утесовы выходят за ворота кладбища. Дита обнимает плачущую бабушку Малку:

– Бабулечка, не плачь… Ну, пожалуйста, не плачь… Мы все тебя любим…

Бабушка Малка утирает слезы и говорит твердо:

– Я не поеду с вами в Москву!

– Что это за новости? – удивляется Елена.

– А кто будет здесь без меня ухаживать за могилой папы?

– А кто будет здесь без нас ухаживать за вами?

– Ты всю жизнь со мной споришь!

– А вы всю жизнь не хотите меня слушать!

– Родные мои, не ссорьтесь! – просит Утесов. – Хотя бы сейчас…

Но мама Малка не успокаивается, упрекает невестку:

– Она даже не хотела, чтобы Йосю хоронили по еврейскому обычаю!

Елена тяжко вздыхает:

– Я и сейчас считаю, что нам это может аукнуться…

– Леночка, о чем ты? – не понимает Утесов.

– О том, Лёдя, о том! Такое время – нигде ни в чем нельзя высовываться…

Мама Малка, опять всхлипывает, утирая глаза платочком:

– Бедный Йося!

Утесов обнимает маму и жену.

– Ну все, все… Давайте не расстраивать папу, пусть ему там, наверху, будет спокойно за нас.

– В Москву не поеду! – упорствует мама Малка.

Дита ластится к ней:

– А как же я без тебя, бабулечка? Кто позаботится обо мне?

Бабушка Малка обмякает, но еще ворчит:

– У тебя нивроку есть мать – пускай она и заботится…

В Москву Утесова пригласили руководить оркестром Центрального Дома железнодорожников. И лично железный нарком всех железных дорог Лазарь Моисеевич Каганович – большой поклонник Утесова – выдал ему квартиру на Краснопрудной улице.

Новая, необычайно по тем временам огромная – целых три комнаты – квартира пока еще совершенно пуста. Утесовы только что в нее въехали. Дита подбегает к окну, распахивает створки.

– Ух ты! Всю Москву видно!

Елена стоит посреди чемоданов, узлов и корзин, соображая, с чего начать.

Утесов вносит еще два чемодана и гордо озирается:

– Прямо стадион, да?

– Хоромы! – подтверждает Елена.

– Вот так ценят твоего мужа!

– Хвастун, – качает головой Елена. – Но, слава богу, уже есть где людей принять…

– Ой, можно подумать, – смеется Утесов. – В Ленинграде было две комнатушки, и весь Ленинград был там – у тебя!

Раздается мерный стук. Утесов смотрит на потолок. Но Дита показывает на дверь. Все направляются в соседнюю комнату. Там тоже еще пусто, только на полу раскрытый чемодан мамы Малки. А сама она какой-то железякой забивает в стену гвоздь.

– Ты что, мама? – удивляется Утесов.

Мама Малка, не отвечая, проверяет забитый гвоздь на прочность, достает из чемодана портрет папы Иосифа, протирает стекло рукавом и вешает портрет на гвоздь. Все молча смотрят на папу Иосифа. А он с мягкой улыбкой смотрит на всех.

Квартира уже вполне обжита. Утесовы завтракают на кухне. Дита давится бутербродом, обжигается чаем и вскакивает: она опаздывает на экзамен в Щукинском училище. Родители хором желают ей ни пуха, ни пера, а Дита уже из-за двери посылает их к черту.

Оставшись одни, родители молча завтракают. Елена не выдерживает:

– Ну так что?

Утесов играет непонимание:

– А что?

– Не притворяйся! У Диты в училище скоро распределе-

ние. Нам надо подумать о ее судьбе.

– Нам? Или это ей надо думать о своей судьбе? Выскочила замуж, тут же развелась, опять бегает по свиданкам…

– Тем более. Это все она вытворяет здесь, а страшно подумать, если ее зашлют куда-нибудь по распределению.

– Но если я возьму в оркестр свою дочь, пойдут разговоры…

– Тебе важнее разговоры или ребенок?

Утесов молча и яростно помешивает ложечкой чай. Елена спокойно замечает:

– Я уже размешала сахар. Ты же был на курсовых спектаклях и говорил, что Дита одаренная.

– Да, одаренная! Значит – сама пробьется!

Вдруг появляется мама Малка и, как будто она давно участвует в разговоре, гневается:

– Лёдя, я не могу взять в голову: или у тебя десять детей?

Утесов изумленно смотрит на маму. Елена с трудом прячет улыбку.

Конечно, Утесов взял Диту в свой оркестр. Ну, не совсем взял, а пока что – на стажировку, посмотреть, что получится. В репетиционном зале отец наблюдает, как дочь поет легкую прозрачную песенку «Снежок»:

Нынче город такой хороший,
Словно вымыт добела.

Ночью выпала пороша,
Все дорожки замела…

Утесов останавливает оркестр, поправляет жесты дочери, корректирует манеру исполнения, объясняя, что Дита должна видеть этот снежок, тогда ее глазки сразу засияют, а щечки сами зарумянятся… Утесов дает отмашку оркестру, оркестр снова играет, Дита поет:

И шумят, хрустят бульвары
И бегут за парой пары.
Милый друг, друг-дружок,
Замечательный снежок.

Утесов глядит на поющую дочку с нежностью, но все равно опять останавливает песню: ну, посмотри, вот же он, вот он – снежок… Он выразительно протягивает руки вперед в своей обычной манере, Дита повторяет за ним, но то, что годится отцу, вовсе не подходит дочери. Она ищет свой стиль, свои движения – раз, еще раз, еще… Наконец Утесов доволен:

– Уже лучше! Но ты слишком много думаешь о вокале…

– Конечно, думаю, а как же?

– Да так! Не думай о нем вообще. Что такое вокал? Всего лишь – инструмент. А что такое песня? – Он показывает рукой на свое сердце. – Вот что такое песня!

На глазах Диты вдруг появляются слезы.

– У меня не получится…

– Получится, обязательно получится! С начала!

Он целует дочку в лоб, Дита утирает слезы и улыбается. Утесов взмахивает рукой. Оркестр вступает. Дита поет. И у нее получается все лучше и лучше.

А с деревьев снег валился —
Серебристый порошок,
Налипал на рукавицы
На дубленый кожушок.

Утесов, наконец, улыбается и, не останавливая оркестр, кричит:

– Ну вот же ж! Вот!

Но это еще не все, надо еще подобрать Дите концертный костюм. Утесову все не нравится: то юбка слишком коротка, то платье недостаточно пышно, то декольте чересчур глубоко…

Наконец все хлопоты позади. Очаровательная и уверенная, Эдит Утесова впервые поет на сцене. Отец дирижирует оркестром в своей свободной манере – подмигивая оркестрантам, посылая привет публике и ободряюще кивая дочери.

А финал песни отец и дочь неожиданно поют вместе:

Милый друг,
Милый друг!

Друг-дружок,
Друг-дружок!
Замечательный снежок!

Утесов протягивает счастливой Дите руку и они вместе кланяются зрителям, радостно встречающим аплодисментами рождение новой певицы.

Но в стране далеко не все было так радостно. В 1936 году умер Максим Горький. Поползли слухи, что умер он не сам по себе, а постарались врачи-отравители. И вообще, после злодейского убийства Кирова враги народа никак не унимались. А ведь только что усопший или убиенный пролетарский писатель утверждал: «Если враг не сдается, его уничтожают!» Товарищ Сталин поручил ответственное дело уничтожения врагов генеральному комиссару госбезопасности наркому внутренних дел Генриху Ягоде. Товарищ Ягода уничтожил врагов изрядно, но товарищ Сталин, видимо, посчитал, что маловато. И он сделал Ягоду простым наркомом связи, после чего расстрелял. А на его место назначил генерального комиссара госбезопасности наркома внутренних дел Николая Ежова.

В Дубовом зале Центрального Дома литераторов прощаются с писателем Ильей Ильфом. Из вестибюля в зал тянется печальная череда коллег и друзей. Распорядитель с крас-

но-черной повязкой на рукаве тактично, но настоятельно поторапливает всех, просит не задерживаться.

Утесов идет вслед за Бабелем. Они кладут цветы к гробу, несколько секунд стоят, глядя на своего земляка, и выходят в фойе. Бабель с мрачным вздохом замечает, что московский климат становится как-то вреден для одесситов. Лёдя возражает, что времена все-таки меняются и этого нельзя не заметить. Мне бы твой оптимизм, снова вздыхает Бабель.

В углу, в стороне от всех, стоит Николай Эрдман, неожиданным счастливым образом вернувшийся из лагерей. Он очень изменился, не вспоминает о пережитом и решительно пресекает любые попытки заговорить на эту тему. Прежде очень веселый и общительный, сейчас он одиноко и молчаливо курит, часто и глубоко затягиваясь.

Утесов негромко говорит Бабелю, что его оптимизм не беспочвенный: вот, например, Эрдман вернулся и даже пишет новую комедию. Бабель молчит. Утесов упорствует: опять же Ягоду разоблачили, теперь Ежов наведет порядок.

Бабель, наконец, оживляется:

– Вообще-то Николай Иванович – интеллигентный человек.

– Какой Николай Иванович?

– Да Ежов же. Кстати, он про тебя спрашивал…

– У кого он спрашивал? Где? – напрягается Утесов.

– У меня. Я вхож в его дом.

Утесов удивленно смотрит на Бабеля. Бабель объясняет,

что не он один вхож в дом Ежова – новый нарком вообще привечает интеллигенцию, устраивает у себя вечера для творцов, вот и Утесова просил пригласить.

– Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь! – смеется Утесов.

Но Бабель говорит весьма серьезно:

– Любовь-то, может, и минует, а гнев… Знаешь, один раз позовет, другой, но потом задумается: а чего это товарищ Утесов меня игнорирует?

За столом в доме наркома НКВД Николая Ивановича Ежова собрались прекрасные – все как одна – женщины и очень известные мужчины, среди которых Бабель, Утесов и Михоэлс – великий актер, главный режиссер ГОСЕТа, Государственного еврейского театра.

Утесов здесь впервые, поэтому несколько скован и молчалив. А остальные гости ведут себя вполне свободно. Малорослый Ежов – почти карлик – встает из-за стола и визуально оказывается ниже, чем когда он сидел. Но малый рост ничуть не мешает наркому провозгласить большой тост за всеобщего вождя и учителя – дорогого и любимого товарища Сталина. Гости с искренним энтузиазмом кричат: «Ура-а-а!». Все встают, чокаются. К Утесову тянется с фужером шампанского очаровательная раскосая девушка. И он, конечно, идет ей навстречу со своим бокалом. Все выпивают, усаживаются, принимаются закусывать.

Только молодой человек во френче, с белозубой улыбкой и ясным взглядом, не садится, а вновь поднимает бокал, предлагая очередной тост – за карающий меч для врагов советской страны, народного комиссара НКВД, верного сталинца Николая Ивановича Ежова. Нарком скромно взмахивает маленькой ручкой: мол, ни к чему это. Но, конечно же, все опять встают, опять чокаются. И опять фужер раскосой очаровашки встречается с бокалом Утесова, и под хрустальный звон она успевает представиться:

– Зоя…

– Леонид… Утесов.

– Ну, это же очевидно! – Зоя смеется, и смех у нее тоже какой-то хрустальный.

Все выпивают и закусывают, и Ежов гостеприимно поощряет их к этому, предлагая кушать побольше и вообще чувствовать себя как дома. Михоэлс продолжает речь Ежова репризой: мол, чувствуя себя как дома, не забывайте, что вы в гостях. Все понимающе смеются. И Ежов добродушно улыбается:

– А расскажите-ка, Соломон Михайлович, что готовит для советских зрителей ваш Еврейский театр?

– Ставим «Короля Лира», Николай Иванович.

– А что, Шекспир тоже был евреем? – интересуется дама с лисой на шее.

Ежов заступается за Шекспира:

– Что вы, конечно, нет! Но Еврейский театр вовсе не обя-

зан ограничиваться еврейскими авторами.

– Конечно, – соглашается Михоэлс, – мы ведь не в культурном гетто.

Ясноглазый молодой человек прищуривается:

– Да, товарищ Михоэлс, вы не в гетто, вы прямо-таки везде!

Михоэлс делает вид, что не понимает, о чем речь:

– Да, мы везде, где нужны нашей стране.

Но ясноглазый не унимается:

– Нашей стране нужны и рабочие на Дальнем Востоке, и колхозники в Узбекистане, и строители в Сибири…

Бабель пытается смягчить ситуацию улыбкой:

– Не знаю, вышел ли бы из меня хороший строитель.

– Я – пока – тоже этого не знаю, – серьезно отвечает ясноглазый.

Ежов внимательно слушает, но не вмешивается в разговор. Зато вмешивается раскосая Зоя. Она капризно обрывает ясноглазого:

– Виктор, хватит серьезничать! Дамы скучают!

Бабель, радуясь возможности сменить тему, вскакивает с бокалом:

– Выпьем за наших прекрасных, самых прекрасных в мире дам!

– Мужчины пьют стоя! – напоминает дама с лисой на шее.

Мужчины покорно встают, чокаются с женщинами. На это раз фужер и бокал Зои и Утесова не просто сходятся, а за-

держиваются на миг. Острый глаз Ежова фиксирует это.

– Я думаю, что главный подарок женщинам сделает товарищ Утесов!

– Какой… подарок? – слегка теряется Утесов.

– Ну конечно – вашу замечательную песню. Из вашего прекрасного фильма.

Утесов облегченно улыбается. А Ежов приказывает:

– Виктор, помоги Леониду Осиповичу!

Ясноглазый молодой человек неожиданно оказывается еще и пианистом. Он садится к роялю, играет, а Утесов поет ставшую уже невероятно популярной в народе песню из «Веселых ребят»:

Как много девушек хороших,
Как много ласковых имен,
Но лишь одно из них тревожит,
Унося покой и сон, когда влюблен!
Сердце, тебе не хочется покоя,
Сердце, как хорошо на свете жить,
Сердце, как хорошо, что ты такое,
Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!

Все с удовольствием слушают. Дамы, естественно, вообще млеют. Зоя пересаживается поближе к Утесову.

Любовь нечаянно нагрянет,
Когда ее совсем не ждешь.

И каждый вечер сразу станет
Так удивительно хорош, и ты поешь…

В конце вечеринки Утесов одевается в прихожей. Появляется Зоя и, выжидающе глядя на Утесова, тянется к своему плащу. Он, наконец, соображает и подает ей плащ. Зоя улыбается:

– Если вы так любезны, можете еще и проводите меня, я недалеко живу.

Они выходят на вечернюю улицу, и Зоя задает прямой вопрос:

– Вас, наверное, удивляет моя стремительность в развитии отношений?

– Нет, что вы…

– Удивляет, удивляет, не отпирайтесь! Просто когда всю жизнь проводишь у балетного станка, поневоле спешить, чтобы еще хоть что-то успеть.

– Так вы балерина? В каком театре?

– Угадайте, это несложно. Николай Иванович собирает у себя только лучших. Если певец, то – Утесов, если балерина, то…

– Большой театр?

– Догадливый!

Зоя останавливается у подъезда:

– Вот я и дома. Спасибо за прогулку!

Она входит в подъезд. Утесов следует за ней, но Зоя ин-

тересуется неожиданно ледяным тоном:

– Вам что-нибудь нужно в моем доме?

– Нет, но мне показалось…

– Вам показалось! – отрезает Зоя. – Спокойной ночи!

Репетиционный зал утесовского оркестра. В зале только Утесов и Тромбонист. Утесов смущенно крутит пуговицу на пиджаке Тромбониста и как-то невнятно сообщает, что он почему-то чувствует, что в их новой программе не хватает песни… Тромбонист заверяет, что песен у них предостаточно, и освобождает свою пуговицу из пальцев шефа. Утесов прячет руки за спину, но упрямо продолжает, что песни, конечно, есть, однако хочется какую-то особую, как бы народную, вроде «Раскинулось море широко»… Тромбонист не выдерживает:

– Что ты темнишь? Нужна песня – закажи Дунаевскому!

– Да нет, понимаешь… Музыка уже есть.

– Чья?

Утесов опять берется за пуговицу Тромбониста, но тут же отдергивает руку и смущенно признается, что сегодня ночью он сам сочинил музыку. Тромбонист ставит однозначный диагноз:

– Влюбился!

– Да не в том дело, – уклоняется Утесов. – Я знаю, ты пишешь стихи, причем хорошие…

– Подожди, ты хочешь, чтобы два непрофессионала напи-

сали песню?

– А что такое – непрофессионалы? Это просто народ.

– Ну, допустим, мы напишем. А в Главлите скажут: вы, товарищ Утесов, поете – так вот и пойте, а вы, товарищ Фрадкин, на своем тромбоне играйте!

– Первый раз вижу тупого еврея! Мы же им про нас ничего не скажем, мы же им скажем: песня народная.

Тромбонист задумывается.

У служебного входа Большого театра стоит Утесов с букетом. Из двери выходит Зоя и удивляется:

– Добрый день! А вы как тут…

– Знаете, что я из-за вас сделал? Я побывал в Большом театре!

– А когда вы были здесь последний раз?

– Последний раз – никогда! – Утесов вручает Зое букет. – Можно, я вас провожу?

– Попробуйте…

Они идут по улице.

– Ну, и как вам «Лебединое»?

– Озеро? Красиво! Только что-то я вас на берегу не разглядел…

– А! – смеется Зоя. – Я там пятым лебедем во втором ряду.

– С такой неземной красотой? А если я вам предложу первый ряд?

– Первый ряд уже занят.

– Но у меня – свободен. Я в новую программу ввожу танцевальные номера. Пойдете ко мне?

Зоя, нюхая цветы, коротко размышляет и коротко отвечает:

– Нет.

– Почему?

Зоя снова нюхает цветы и дает более пространный ответ:

– Пять лет назад я окончила училище и танцевала только маленьких лебедей. Потом – большой лебедь в шестом ряду. Теперь – до второго дотанцевала. Все-таки это – Большой театр, а ваш оркестр…

– Что – мой оркестр? – настораживается Утесов.

– Не обижайтесь, я не хотела сказать ничего дурного.

– Я тоже не хотел ничего дурного вам предложить. Просто если бы мы с вами работали, мы были бы как-то ближе…

Зоя резко поворачивается к нему, отбрасывает букет, обнимает Утесова и целует в губы. Прохожие, поглядывая с любопытством, обходят целующуюся парочку. Зоя отпускает Утесова и смеется:

– Ну? Так мы достаточно близки?

И не дожидаясь ответа обескураженного Утесова, убегает по улице, не оглядываясь и весело помахивая сумочкой. Какая-то угрюмая тетка поднимает брошенный Зоей букет.

– Гражданин, это вы обронили?

– Нет – вы!

Утесов шагает в противоположную от Зои сторону. Тетка

стоит с букетом и уже не кажется такой угрюмой.

Художественный совет – несколько скучных мужчин и одна седая женщина – сидят за столом с красной скатертью. Они должны принять или отклонить песню, которую сочинили Утесов с Тромбонистом, но выдают за народную.

Тромбонист садится к роялю. Утесов поет:

Спустилась ночь над бурным Черным морем,
И за кормой бежит за валом вал.
С бывалым моряком в ночном дозоре
Матрос на вахте молодой стоял.
«Скажи мне правду, ведь служил ты, дядя,
На корабле, что воевал с царем?»
«Служил, сынок…» – «Скажи же, бога ради,
Как красный флаг вы подняли на нем?»

Завершив эту довольно длинную революционную эпопею, Утесов и Тромбонист взволнованно ждут решения комиссии. Но комиссия молчит. Пока ее председатель не нарушает тишину:

– Значит, Леонид Осипович, вы говорите, что эту песню… как ее?..

– «Спустилась ночь над бурным Черным морем», – шустро подсказывает молодой член комиссии.

– Да, над бурным морем… Так вы утверждаете, что эту песню прислал вам старый матрос, участник революции де-

вятьсот пятого года?

– Совершенно верно, – подтверждает Утесов. – Он пишет, что эта песня помогала им в борьбе, поднимала революционный дух!

– И он… этот матрос… даже не знает, кто сочинил песню? – спрашивает седая женщина.

– К огромному сожалению! – фальшиво огорчается Утесов. – Матрос полагает, что эта песня – народная.

Комиссия еще некоторое время молчит. Утесов и Тромбонист напряженно ждут. Наконец, председатель ударяет кулаком по столу. Утесов и Тромбонист замирают в ожидании жуткого разноса. Но председатель вопрошает громовым голосом:

– Почему? Ну почему?!

Утесов не понимает вопроса, но на всякий случай дает ответ:

– Не знаю.

– Вот и я не знаю! – громыхает председатель. – Почему простой народ может сочинять замечательные песни, а профессионалы – композиторы и поэты – не могут?!

Утесов и Тромбонист облегченно переводят дух. А председатель даже выходит из-за стола и пожимает руку Утесову, благодаря его за неустанный поиск шедевров народного творчества. После короткого раздумья председатель пожимает и руку Тромбонисту, тоже с благодарностью и надеждой, что это произведение украсит новую программу оркест-

ра.

Новая программа «Теа-джаза» называется «Два корабля». Утесов – в матросском бушлате и бескозырке – исполняет «народную» песню «Спустилась ночь над бурным Черным морем». Притихший зал слушает взволнованно.

В первом ряду сидит начальник всей культуры Керженцев и сопровождающие его лица. Лица эти какие-то одинаковые и в совершенно одинаковых френчах. Утесов завершает песню. Зал аплодирует. Утесов раскланивается очень коротко, потому что спешит за кулисы – переодеваться.

А тем временем паузу заполняют оркестранты. Ударник командует:

– Боцман, отдать швартовы!

– А шо это такое – швартовы? – интересуется Тромбонист.

– Да это те веревки, шо мы свистнули у Мариуполе! – поясняет Скрипач.

Зал смеется. Керженцев морщится. А Трубач интересуется:

– И шо, вы хочете сказать, шо все пассажиры уже на борту?

Скрипач приставляет ко лбу ладонь лодочкой:

– Да нет, тут еще какая-то интересная личность чалится на пароход…

– Ой, сдается, я знаю эту личность! – заявляет Пианист.

И начинает на рояле вступление к номеру «Гоп со смы-

ком». Появляется Утесов в новом обличье – дырявый тельник, мятая кепочка, в углу рта папироска. В характерной одесской манере он запевает:

Жил-был на Подоле Гоп со смыком.
Славился своим басистым криком.
Глотка была прездорова,
И мычал он, как корова,
А врагов имел мильон со смыком!

Зал встречает нехитрую песенку смехом и аплодисментами. Керженцев резко поднимается и уходит. Сопровождающие его лица следует за ним, не без некоторого сожаления оглядываясь на поющего Утесова. Он провожает уходящих огорченным взглядом, но не прекращает петь:

Гоп со смыком – это буду я!
Вы, друзья, послушайте меня.
Ремеслом избрал я кражу,
Из тюрьмы я не вылажу,
Исправдом тоскует без меня!

Потом, стоя за столом своего кабинета, Керженцев выдает руководящий нагоняй сидящему на краешке стула Утесову:

– Что вы пропагандируете? Какой-то бандитский репертуар! Вы же культурный человек, образованный… Хотя нет, у вас же нет образования.

Утесов сокрушенно признает:

– Два класса, три коридора.

– В общем, так! Отныне все эти ваши блатные песенки запрещены!

Утесов робко возражает:

– Знаете, народу нравится то, что я пою. А работники искусств делают все для народа…

– Не разводите демагогию! Вы отлично понимаете, о чем я говорю!

– Не понимаю…

– Да? Может, вы и не понимаете, почему режиссеру Александрову дали орден, а вам – фотоаппарат?

Это напоминание огорчает, но и заводит Утесова. Он наливается мрачным упрямством:

– Сдается мне, Платон Михайлович, что вы хоть и руководите эстрадой, но сами эстраду не любите.

Керженцев неожиданно признается:

– Не люблю. И что?

– А то, что Владимир Ильич эстраду любил.

– Да вам-то откуда это известно?

– В письмах Ленина есть воспоминания, как они с Надеждой Константиновной в Париже слушали шансонье Монтегюса, и ему очень нравилось…

– Товарищ Утесов, вы – не Монтегюс!

– Но и вы, товарищ Керженцев, – не Ленин!

Утесов вскакивает, они стоят, непримиримо глядя друг на

друга. Потом Керженцев холодно усмехается и сообщает, что кто есть кто – это рассудит будущее. А в настоящем исполнение блатного репертуара Утесову категорически запрещено.

Все еще в мрачном настроении после разговора, Утесов быстро идет по улице. И, погруженный свои мысли, задевает плечом идущую навстречу Зою. Она потирает свое плечо, но улыбается:

– Какое неожиданное рандеву!

– Ох, извините, простите, ради бога!

– Ничего, приятно было повидаться! – Зоя посылает ему воздушный поцелуй и идет дальше.

– Зоя, подождите! Не бросайте меня сейчас… Пожалуйста!

Зоя оборачивается, смотрит в отчаянные глаза Утесова и пожимает плечами:

– Честно говоря, у меня нет опыта развлечения мрачных мужчин. Ну, не знаю… Вы давно были в парке культуры и отдыха?

– В парке? – теряется Утесов.

– Ясно, – смеется Зоя. – Последний раз тогда же, когда и в Большом театре – никогда!

Они идут по аллее парка Горького. Некоторые прохожие оглядываются на Утесова. Он недовольно ворчит:

– Кажется, мы выбрали не самое удачное место для прогулок…

– Ах да, вы же знаменитость, боитесь, что вас узнают!

– Нет, что вы… Просто ну чего так гулять… Хотите мороженого?

– Мороженое – балерине? Купите мне лучше шарик!

Утесов приобретает у продавца надувных шаров целую связку и вручает Зое. Она тут же отпускает их в небо и хлопает в ладоши, прыгая, как девчонка:

– Полетели, полетели! Я тоже хочу в небо! Помните Катерину из «Грозы» – «Почему люди не летают?»

– Ну, почему же не летают? Вон, пожалуйста… – Утесов указывает на лодки-качели, высоко взмывающие вверх и резко падающие вниз.

Он сказал это с усмешкой, но Зоя хватает его за руку и всерьез тащит его на качели. Они взлетают в небо, стоя на лодке, держась за ее тросы. Зоя в полном восторге. Утесова тоже захватывает полет, он раскачивает лодку все сильнее и сильнее. Вдруг Зоя перекрикивает ветер:

– Поцелуй меня!

Утесов, не размышляя ни секунды, с немалым трудом пробирается по летающей лодке к Зое, целует ее.

И вдруг замечает в соседней лодке Диту со жгучим черноусым красавцем. Утесов резко отстраняется от ничего не понимающей Зои. А Дита демонстративно отворачивается. Отец и дочь несутся в лодках навстречу друг другу, расходятся в воздухе и обратным ходом встречаются вновь…

Вечером в гримерке театра Утесов и Дита готовятся к представлению. Оба не говорят ни слова о дневном происшествии, оба подчеркнуто корректно просят передать грим или застегнуть бусы и вежливо благодарят за оказанную помощь. Дита встает из-за столика, подходит к зеркалу, поправляет платье и прическу. Утесов не выдерживает и становится между Дитой и зеркалом.

– Ну, виноват я! Виноват! Пойми, я – творческий человек, мне нужно вдохновение, у меня – эмоции!

– А у меня – мама, – тихо отвечает Дита.

– И у меня наша мама! Мама – это святое!

Дита презрительно усмехается. Утесов переходит от защиты к нападению:

– Между прочим, ты тоже не с мужем там была!

– Тебе известно, что мы не живем вместе.

– А с этим усатым франтиком ты живешь?

– Во-первых, он не франтик, а кинорежиссер. Альберт Генденштейн. А во-вторых, мы скоро поженимся.

– Ну да, тебе что в кино сходить, что замуж! А мы с мамой вместе всю жизнь, потому что семья – это самое главное, самое ценное…

Утесов даже не замечает, как переходит с унизительной роли застуканного на месте преступления неверного мужа к пафосной позиции благородного защитника семейных устоев. Но Дита смотрит на отца весьма иронично, и под этим взглядом его пафос выдыхается.

Раздается тройной звонок, затем голос по радио:

– Леонид Осипович! Эдит Леонидовна! Просьба – на сцену!

Утесов не трогается с места.

– Диточка… Я хочу попросить…

– Успокойся, я маме ничего не скажу.

Он еще немного топчется на месте и говорит виновато:

– Я вас очень люблю. И маму, и тебя…

– Мы знаем, – грустно улыбается Дита.

Неизвестно, чувствовал ли себя Утесов, взлетая на качелях, летчиком, но безусловно именно летчики были героями того времени. Советские летчики ставили мировые рекорды авиации, совершали беспосадочные перелеты через Северный полюс в Америку, сбивали на гражданской войне в Испании немецкие мессершмитты, спасали экипажи затертых во льдах «Челюскина», потом «Седова»…

В Георгиевском зале Кремля дают банкет плюс концерт в честь отважных седовцев и отважных летчиков, спасших отважных седовцев. Во главе бесконечного стола – руководители партии, правительства и сами герои. А далее за столом – представители рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции. Представлены здесь и чиновники, среди которых недалеко от эстрады сидит Керженцев. А на эстраде Утесов с оркестром заканчивает свой фирменный номер – марш из «Веселых ребят»:

Зал аплодирует. Утесов произносит финальное слово, в котором призывает наших дорогих героев летать выше всех, быстрее всех, дальше всех, а также выражает надежду, что в этом полете они будут петь хорошие советские песни. Утесов уходит под гром аплодисментов.

А на эстраде появляется конферансье и объявляет непременный для всех правительственных концертов номер: «Стихи о советском паспорте» Владимира Владимировича Маяковского в исполнении народного артиста СССР Василия Ивановича Качалова.

За кулисами утесовский оркестр складывает инструменты. Но появляется очередной человек во френче, как две капли воды похожий на всех «человеков во френче», которых мы уже видели. Он вежливо просит товарища Утесов ненадолго задержаться. Утесов и музыканты взволнованно переглядываются. А человек во френче сообщает, что после номера товарища народного артиста Качалова коллектив товарища Утесова должен исполнить еще один номер – «С одесского кичмана».

Оркестранты застывают в немой сцене, почище «Ревизора». Утесов откровенно испуган и заявляет, что не может это петь. Человек во френче прищуривается: что значит – не может. Утесов еще больше пугается и поспешно объясняет, что нет, конечно, он спеть может, но ему запретил исполнять этот репертуар товарищ Керженцев.

– Ну, товарищ Керженцев запретил, а товарищ… – Человек во френче многозначительно поднимает глаза, – … очень просит!

Это «просит» звучит, как приказ, не подлежащий обсуждению. И вот Утесов с музыкантами опять на эстраде. Оркестр играет вступление, Утесов не очень уверенно начинает:

С одесского кичмана
Бежали два уркана,
Бежали два уркана тай на волю.
В Вапняровской малине
Они остановились,
Они остановились отдыхнуть…

Зал радостно приветствует песню. Герои-летчики хлопают крепкими ладонями.

А у Керженцева глаза лезут на лоб.

Товарищ, товарищ,
Болят мои раны.
Болят мои раны в глыбоке.
Одна же заживает,
Другая нарывает,
А третия застряла у в боке.

Бурно прихлопывают в такт песне герои-летчики. Керженцев гневно отбрасывает вилку. Утесов на эстраде видит

это и ехидно подмигивает начальнику всей советской культуры.

Товарищ, товарищ,
Скажи ты моей маме,
Что сын ее погибнул на посте.
И с шашкою в рукою,
С винтовкою в другою
И с песнею веселой на губе…

Слегка подвыпивший зал неистовствует. А где-то вдали маячит в клубах дыма от трубки до боли знакомая всему советскому народу добрая улыбка усатого человека.

Утесов и Зоя лежат в спальне балерины. Она щекочет его нос какой-то кисточкой, он ласково отбивается и порывается встать – ему пора на репетицию. Зоя надувает губки: опять эти противные репетиции. А как же, объясняет Утесов, повторение – мать учения. И, наконец освободившись от Зои, начинает одеваться.

Зоя нежится в постели, наблюдая за ним и продолжая канючить, что он все репетирует-репетирует, выступает-выступает, а его даже за границу ни разу не послали. Утесов, надевая брюки, отшучивается: главное, чтобы его не послали куда подальше. Но Зоя не отстает: разве ему не хочется в Америку, в Европу… Утесов, повязывая галстук перед зеркалом, морщится: ну, был он в Европе туристом – ничего

особенного. Как это ничего особенного, удивляется Зоя, да разве можно сравнить с Европой нашу серую жизнь! У кого, может, жизнь и серая, отвечает Утесов, а у него – очень даже яркая.

– Ой, да что в твоей жизни яркого? – удивляется Зоя.

– Как что – ты!

Утесов чмокает Зою в носик, и она тоже выскакивает из постели:

– Подожди, выйдем вместе… Я – мигом!

Зоя скрывается за китайской ширмой. Утесов причесывается перед трюмо. У Зои рвется бретелька, она просит из-за ширмы, чтобы Утесов достал ей булавку из ящика комода. Он открывает ящик, перебирает женские безделушки, галантерейные мелочи, несколько исписанных листков бумаги. Вдруг из-за ширмы вылетает полуодетая Зоя:

– Не трогай! Закрой ящик! Я сама…

Утесов с улыбкой преграждает ей путь к трюмо:

– Тут что-то секретное? А-а, любовные письма, изменщица! – Наигрывая жуткую ревность, он читает одну из бумажек: – «Сообщение агента „Лебедь“ о наблюдаемом Утесове от второго сентября…» – Он меняется в лице и молча пробегает глазами дальнейшие строчки.

Зоя вырывает у него бумагу, говорит сухо:

– Я же сказала – не трогай, значит – не трогай!

Утесов оцепенело смотрит, как она кладет бумаги в свою сумочку и спокойно одевается. Наконец, он обретает дар ре-

чи.

– Как ты… могла?!

Вместо беззаботной кокетки перед ним надменная холодная женщина.

– А ты думал – ты особенный? Неприкасаемый? – Зоя чеканит заученные фразы: – Наша страна в кольце врагов – внешних и внутренних. И мы должны бдительно выявлять и безжалостно бороться с чуждыми элементами. Особенно – на фронте возможных идеологических диверсий!

Утесов молча разворачивается и уходит, хлопнув дверью.

Зоя остается – неподвижная, как мраморное изваяние.

В эти годы у Зои и ее хозяев было очень много работы. Враги народа не дремали и устраивали всякие пакости – значит, не должны были дремать и органы, разоблачающие и уничтожающие врагов. А врагов этих оказалась тьма-тьмущая, причем среди них затесались даже – кто бы мог подумать! – очень известные и ранее уважаемые люди. Арестованы Исаак Бабель, Михаил Кольцов, Всеволод Мейерхольд… Более того, оказался врагом даже сам борец с врагами – нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов. За что был переведен в простые наркомы водного транспорта, а затем расстрелян и заменен новым наркомом внутренних дел, Лаврентием Павловичем Берия.

Елена в своей комнате вынимает из семейного альбома

отдельные фотографии. Одни она рвет в клочки, а из других вырезает ножницами изображения Мейерхольда, Бабеля, Нильсена…

Входит Утесов, удивляется:

– Я в прихожей тупаю, тупаю, а ты не откликаешься! Я уж думаю, где моя ненаглядная… – Он замечает изрезанные фотографии. – Что ты делаешь?!

Тебя спасаю. Всех нас.

Елена продолжает упорно орудовать ножницами.

Утесов их у нее отбирает:

– Прекрати!

Ты что, не понимаешь? Мейерхольд, Нильсен, Бабель… Это может случиться с каждым из нас!

Елена начинает плакать. Утесов обнимает ее, утирает слезы.

– Ну не случилось же, чего ты плачешь? А я тебе – другой пример: Масс вернулся, и Эрдман вернулся, и даже «Волгу-Волгу» написал – какой успех! Так что бывают ошибки, но их исправляют…

– Если успевают! А сколько уже не успели…

Елена опять плачет. Утесов разводит руками:

– Ну так что теперь делать? Самому застрелиться?

Елена утирает глаза:

– Нет, просто живые должны помогать живым. У Мейерхольда осталась Зина Райх, у Бабеля – Тоня Пирожкова…

– Что значит – остались? И Мейерхольд, и Бабель – они же

только арестованы, как были арестованы и Масс с Эрдманом, но с ними тоже обязательно разберутся…

Елена лишь вздыхает и достает из конторки конверт:

– Вот, отнеси Тоне. А Зине деньги нельзя – растрынькает без толку. Зине надо продукты, вещи… Этим займусь я.

Утесов целует Елену.

– Спасибо, ты замечательная! И я все-таки верю, что все будет хорошо!

Елена только устало кивает. А он продолжает убеждать – не столько ее, сколько самого себя, используя, увы, всего один и тот же имеющийся у него утешительный козырь: вот Эрдман столько пережил, а написал такую смешную «Царевну Несмеяну», причем все твердили, что это поставить невозможно, а через неделю уже премьера…

На сцене – предпремьерная суета. Утесов замахивается бутафорским топором – от него отваливается лезвие. Утесов распекает бутафора:

– Ну что это? Как он будет голову рубить!

– Так вы б сказали, что – рубить, а я ж думал – только махать, – ворчит бутафор. – А если б рубить, я б не картонный, а фанерный делал…

К Утесову подбегает помреж:

– Леонид Осипович, к вам пришли!

Утесов выходит за кулисы. Там стоит Зоя. Ни слова не говоря, он поворачивается, чтобы уйти. Но она хватает его за

руку, умоляет ее выслушать и быстро-быстро, чтобы он не ушел, рассказывает, что ее родители были дворяне, мелкие, нищие, но – дворяне, их расстреляли, а Зою растила бабушка, в балетное училище отдала, и в анкетах она писала, что родители погибли на Гражданской войне, но в прошлом году ее вызвали и сказали, что все знают.

Утесов со смешанным чувством брезгливости и жалости слушает Зою. Она продолжает тихо, с болью:

– Мне сказали: если ты о себе не думаешь, так подумай о бабушке – каково ей будет в тюрьме… Я умоляю, Леонид, прости! И поверь: я не написала про тебя ничего плохого, ни одного слова!

Он опять поворачивается, чтоб уйти, но она вновь хватает его за руку:

– И еще знай: я была с тобой не… ну, не по службе… Я полюбила тебя!

Утесов высвобождает руку и уходит, так и не сказав ей ни слова.

Премьера «Царевны Несмеяны» состоялась не где-нибудь, а в клубе НКВД. Зал заполнили чекисты в парадной форме и их дамы в вечерних платьях.

На сцене Царь Горох в картонной короне и Утесов – Шут Гороховый в дурацком колпаке. Он щиплет себя за руку:

– Ой, больно! Значит, не сплю… Не, еще проверим… Пятью пять – двадцать пять, Эльбрус – пять тысяч шестьсот

тридцать метров высоты, «Казбек» – двадцать пять штук, три рубля пятнадцать копеек пачка. Так?

– Ну, так, – подтверждает Царь Горох.

– Значит – точно не сплю. И значит, ты – взаправдашний царь.

– Чего ты мою голову морочишь, когда твоя еле на плечах держится! Я тебе, шут гороховый, чего поручил!

– Чаво?

– Дочку рассмешить – вот чаво! Ведь перед другими царями неудобно! Царевна – красавица… ну, не очень… и умница… ну, так себе… но я же создал ей, кажется, все условия, а она плачет и плачет.

– Так у нее ж нету чувства юмора, – сообщает Шут-Утесов.

– А у тебя, считай, уже нет башки!

Чекистская публика смеется и аплодирует. Оркестр играет траурную мелодию. Палач – огромный, косая сажень в плечах, мужик в алой в крупный горох рубахе – устанавливает на сцене плаху. Шут-Утесов присаживается на нее. Палач огорчается:

– Зачем же вы так некультурно поступаете? Вот вы сюда… этим местом… садитесь, а потом голову класть будете!

Утесов вскакивает и кладет голову носом на плаху. Но передумывает, решив, что он поинтереснее выглядит в профиль, и укладывается на плаху щекой. Палач заносит топор, но при взмахе съезжает рукав его рубахи, открывая большой

будильник на руке. Будильник трезвонит. Палач выставляет табличку «Плаха закрыта на обед».

Чекисты хохочут. А Шут-Утесов возмущается:

– Вот бюрократы! То у плахи обед, то у палача перекур, то у казнимого отпуск… А ну, давай работай свою работу – руби мне голову!

Палач берется было за топор, но потом решительно отбрасывает его.

– Вы – Утесов?

– Ну, Утесов.

– Леонид Осипович?

– Ну, Леонид Осипович.

– Так я ж у вас в «Теа-джазе» работаю. Я вам голову отрублю, а вы потом меня уволите!

Музыканты тоже шумят наперебой:

– И мы не хотим! Мы тоже у вас работаем! Не увольняйте нас!

И Царь Горох снимает с головы корону.

– Я хоть и царь, но не дурак! Не буду вас казнить – не хочу терять работу.

Веселью чекистов нет предела. Утесов тоже снимает шутовской колпак и обращается к залу:

– А действительно, не надо никого казнить. Вы ведь смеетесь? Да? Значит, наше дело сделано – в зале нет ни одной Царевны Несмеяны!

Чекисты подтверждают это бурными аплодисментами.

Более того, все дружно встают. Утесов слегка теряется:

– Спасибо… Большое спасибо, товарищи… Садитесь…

Но зал упорно аплодирует стоя.

– Садитесь, товарищи! – просит Утесов. – Пожалуйста, садитесь!

Чекисты, наконец, усаживаются, но продолжают аплодировать. И тут Утесов замечает в зале балерину Зою – она мило щебечет с каким-то офицером. Утесов прищуривается и говорит с усмешкой:

– Спасибо, что сели! Это просто чудеса: даже царю Гороху не удалось бы посадить сразу все НКВД!

Аплодисменты резко обрываются. Повисает тяжелая пауза. Утесов уже жалеет о минутном порыве. Но в первом ряду блеснуло знакомое пенсне – грозный, а сейчас улыбающийся нарком Берия несколько раз сухо и отрывисто хлопает в ладоши. И весь зал разражается новым шквалом аплодисментов. Утесов облегченно выдыхает.

А на сцену выпархивает очаровательная Дита. И они с отцом исполняют дуэт:

Алло-алло, Джиент, какие вести?
Давно я дома не была,
Пятнадцать дней, как я в отъезде,
Ну, как идут у нас дела?
Все хорошо, прекрасная маркиза,
Дела идут и жизнь легка.
Ни одного печального сюрприза,

За исключеньем пустяка.
Так, ерунда, пустое дело —
Кобыла ваша околела.
А в остальном, прекрасная маркиза,
Все хорошо, все хорошо!

Глава одиннадцатая
«Ты одессит, Мишка!»

МОСКВА, ТЕАТР ЭСТРАДЫ, 23 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Ведущий юбилея Иосиф Туманов просит всех обратить внимание на висящую над сценой цифру «55». Сегодня это уже много раз звучало – пятьдесят пять лет творческой деятельности. Но еще ни разу не было сказано, где же юбиляр пятьдесят пять лет назад начинал свою творческую деятельность. А начинал он ее в цирке. И вот сейчас Утесова приветствуют артисты цирка.

Ведущий уходит со сцены. Но вместо него никто не появляется. После недоуменной паузы откуда-то доносится голос: «Извозчик!» Это лишь добавляет недоумения. А голос повторяет настойчивее: «Эй, извозчик!» Тут Утесов, наконец, соображает, в чем дело, и радостно откликается:

– Я не извозчик! Я – водитель кобылы!

И звучит песня старого извозчика:

Только глянет над Москвою утро вешнее,
Золотятся помаленьку облака,
Выезжаем мы с тобою, друг, по-прежнему
И, как прежде, поджидаем седока.

На сцене появляются циркачи, запрятанные под лошадиной шкурой. Один представляет голову и передние ноги, а другой – круп и ноги задние. Это – известный еще из давней утесовской программы «Музыкальный магазин» номер: лошадь, управляемая циркачами, совершает круг по сцене, встает на дыбы, бьет чечетку и проделывает другие трюки.

Ну, подружка верная,
Тпру, старушка древняя,
Стань, Маруська, в стороне.
Наши годы длинные,
Мы друзья старинные —
Ты верна, как прежде, мне.

МОСКВА, ТЕАТР «ЭРМИТАЖ», 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

«Песню старого извозчика» Утесов напевает – не концертно, а так, вполголоса – на репетиции своего оркестра:

Я ковал тебя железными подковами,
Я коляску чистым лаком покрывал,
Но метро сверкнул перилами дубовыми,
Сразу всех он седоков околдовал.

Ну и как же это только получается?
Все-то в жизни перепуталось хитро:
Чтоб запрячь тебя, я утром направляюся
От Сокольников до Парка на метро.

Да, неузнаваемо менялась родная Москва. Вот, пустили от парка «Сокольники» до Центрального парка культуры и отдыха имени Горького первую ветку самого великолепного в мире московского метро. Четко отмеряют время куранты на Спасской башне Кремля. Чеканит шаг по Красной площади почетный караул, сменяющийся у мавзолея Ленина. Идут на первомайский парад трудящиеся с цветами и лозунгами, выстраиваются в затейливые пирамиды участники физкультурных парадов, выписывают в небе фигуры высшего пилотажа летчики на воздушном параде в Тушино… И во всей этой парадной жизни – ощущение света, мира и счастья.

Допев песню извозчика, Утесов сообщает музыкантам:

– От «Извозчика» переходим к «Птице-тройке»… Поехали, хлопчики!

Оркестр играет широкую народную мелодию, под которую Утесов негромко и задумчиво начинает читать Гоголя:

– Эх, тройка, птица-тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета… А ямщик привстал, да замахнулся, да затянул песню… – и вот она понеслась, понеслась, понеслась!..

Утесов замолкает и жестом показывает музыкантам: хва-

тит. Музыка стихает.

– Так, с тройкой разобрались… Теперь – Дита… А где она?

Саксофонист, сидящий у окна, с улыбкой кивает во двор. Утесов подходит к окну и видит во дворе театра Диту и ее мужа Альберта. У Диты в руках охапка полевых цветов, Альберт ее фотографирует – и так, и этак, и оба счастливо смеются. Утесов ласково ворчит:

– Дурачки! Уже год женаты, а будто вчера познакомились…

– Это пройдет, – уныло замечает Скрипач. – А потом всю жизнь ей объясняй: где был, куда шел, откуда пришел…

– Ну, это вопросы философские, – усмехается Утесов. – Я вам, хлопчики, дам добрый совет. Если, к примеру, был у тебя левачок…

– Нет, лучше – у тебя, – перебивает Скрипач.

– Ладно, к примеру, у меня был левачок…

– У вас?! – притворно ужасается Тромбонист. – Не может быть!

– Я же говорю – к примеру. Так вот, жена говорит: где был сегодня вечером? Я говорю: сегодня вечером я был в театре. Жена говорит: нет, ты там не был. Я говорю: был. Она – не был, я – был. Главное, стоять на своем до конца! Даже если она говорит: ты не мог быть в театре, потому что театр сгорел, я отвечаю: возможно, театр и сгорел, но я был в театре. Пусть даже она приведет брандмейстера, который

лично тушил пожар, а я все равно твержу: я был в театре!

Музыканты смеются. Вбегают Дита и Альберт. На их лицах уже нет улыбок, за Дитой тянется след из полевых цветов, которые она роняет на бегу.

– Война! – кричит Дита и повторяет тихо и растерянно: – Война… Война…

Первая военная программа Утесова называлась «Бей врага!». Оркестр играл ее в театре «Эрмитаж».

Половина зала – в воинской форме. На сцене Утесов в сопровождении героической музыки оркестра читает лермонтовское «Бородино»:

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой…

Перекрывая голос Утесова, пронзительно воет сирена воздушной тревоги.

В бомбоубежище все оказываются рядом – и зрители, и артисты со своими инструментами. Худенькая девушка вцепилась в руку юного и тоже худющего лейтенанта, как в единственную надежду на спасение. Немолодой майор угрюмо постукивает кулаком по колену. Женщина одной рукой при-

жимаете к себе узелок с вещами, другой укачивает ребенка. В углу, лицом к стене, шевелит губами – наверное, молится – седой старик. Тяжелая, невыносимая атмосфера страха и ожидания.

Утесов не выдерживает и встает:

Товарищи! Чего мы так раскисли, кого испугались? Этих паршивых фрицев?

Он подходит к девушке, уцепившейся за юного лейтенанта.

– Ты когда-нибудь живого фрица видала?

Девушка испуганно мотает головой. Утесов хлопает по тощему плечу лейтенантика.

– Так я тебе скажу: если самого крепкого фрица поставить рядом с твоим богатырем, то выйдет полный… ну полный… пшик!

Утесов подмигивает своим музыкантам и весело запевает:

Барон фон дер Пшик
Покушать русский шпик
Давно собирался и мечтал!

Музыканты поспешно расчехляют инструменты и начинают подыгрывать Утесову.

Любил он очень шик,
Стесняться не привык,
Заранее о подвигах кричал!

Отцу подпевает Дита, а музыканты в традициях «Теаджаза» оживляют песню сценическим движением, насколько это, конечно, позволяет теснота бомбоубежища. И лица людей проясняются, и страх покидает их, и все улыбаются и аплодируют песне надежды…

СВЕРДЛОВСК, СЕНТЯБРЬ 1941 ГОДА

Та же песня звучит на оборонном заводе, в цехах которого трудятся только старики, женщины и мальчишки, стоящие на ящиках, чтобы дотягиваться до станков.

Орал по радио,
Что в Сталинграде он,
Как на параде он,
И ест он шпик.

Музыканты пристроились на огромном круге карусельно-расточного станка. А Утесов поет на «эстраде» из сложенных в пирамиду чугунных болванок.

КУЗБАС, ДЕКАБРЬ 1941 ГОДА

Та же песня продолжается в госпитале, под который оборудован актовый зал школы, где на стенах еще висят портреты великих русских писателей. Ходячие раненые стоят – с костылями и в гипсе. Лежачих медсестрички подтащили на кроватях к пятачку в центре зала, где расположились артисты.

Барон фон дер Пшик
Забыл про русский штык,
А штык бить барона не отвык!
И бравый фон дер Пшик
Попал на русский штык —
Не русский, а немецкий вышел шпик.

Раненые хлопают, и к обычным аплодисментам присоединяется глухой каменный перестук – это аплодируют загипсованные руки.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, МАРТ 1942 ГОДА

Та же песня звучит в помещении колхозной фермы. Здесь утесовских артистов слушают только женщины и коровы. Усталые, до срока постаревшие деревенские бабы, трогательно пытающиеся хоть как-то украсить себя: одна на всех помада да яркая косыночка поверх заношенного ватника – как привет из прежней довоенной жизни.

Мундир без хлястика,
Разбита свастика.
А ну-ка влазьте-ка
На русский штык!
Барон фон дер Пшик,
Ну где твой прежний шик?
Остался от барона только пшик!

Утесов завершает песню победным криком:

– Капу-у-ут!

Одна любопытная корова высовывает морду из стойла и громко мычит – как финальный торжествующий аккорд.

НОВОСИБИРСК, МАЙ 1942 ГОДА

Эвакуационные скитания оркестра Утесова завершились в Новосибирске. Здесь была определена постоянная репетиционная база в заводском Доме культуры, откуда музыканты выезжали на концерты.

Утесов держит речь перед коллегами:

– Хлопчики, мы едем на войну! Ну, не так чтоб воевать, конечно, а радовать своим искусством наших доблестных воинов. Я соображаю, что больше ничего говорить не надо, вы и так у меня толковые. Но я ж – одессит, я ж не могу не поговорить за жизнь! И я скажу: жизнь, конечно, тяжелая и паек голодный. Но мы должны работать так, чтоб наши воины – пока идет концерт – забыли про войну. И чтоб они думали не о том, что через час пойдут в бой на танки и пушки врага, а помнили, что дома их ждут красивые девушки в крепдешиновых платьях и танцы в городском саду! Вопросы есть, хлопчики мои?

Оркестранты только кивают – вопросов нет. Утесов включает репродуктор. Звучит сообщение Совинформбюро об очередном – конечно же, только временном – отступлении наших войск под натиском значительно превосходящих сил противника. Перечисляются оставленные города и села. Все слушают в горьком молчании. После сводки Скрипач выклю-

чает радио.

А Утесов вертит в руках громоздкий микрофон, пытаясь понять, как работать с этой штуковиной. Всю жизнь он обходился своим голосом, и вот на тебе – диковинная техника. Трубач предполагает, что на фронте голосом не обойдешься – чистое поле и никаких резонансных раковин. Утесов примеряется к микрофону – приставляет его к губам, тычет себе под нос… И решает, что нет – это совершенно дурацкая затея.

Дита вносит стопку военных брюк и гимнастерок. Она предлагает оркестрантам взять форму, а сапоги и портянки получить у коменданта. Музыканты разбирают комплекты солдатской формы, Дита обещает подогнать все, что кому не по размеру.

Утесов с дочерью собираются домой. Но тут возникает строгий лейтенант и приглашает руководителя оркестра в особый отдел.

За столом, заваленном папками и бумагами, просматривает список лысоватый особист, чем-то неуловимо похожий на всех людей во френче. Утесов сидит перед ним в ожидании. Наконец, особист протягивает ему бумагу:

– Пожалуйста, ваши списки с пропусками на фронт.

– Спасибо за оперативность! – улыбается Утесов, просматривает список, и улыбка сползает с его лица. – Но здесь же не все…

Особист спокойно отвечает:

– Здесь все, кто нужен.

– Нет, это какая-то ошибка… Где Узинг, Дидерикс, Кандат, Триллинг…

– Немцам выезд на фронт запрещен.

– Каким немцам? Это – музыканты! Советские граждане, такие же, как все.

Особист терпеливо объясняет, что это до войны они были как все. А теперь издан указ о переселении всех лиц немецкой национальности в Казахстан. Так что вообще-то утесовским музыкантам сейчас положено бы ехать в теплушках вместе с другими немцами. Но пусть скажут спасибо, что у них – культурная бронь.

Утесов с издевкой кланяется:

– Спасибо! Значит, так: у меня нет второй скрипки, тромбона и саксофона. Пожалуйста, до завтра – мы отбываем на фронт в шесть часов утра – доставьте мне указанных музыкантов!

– Да где я их вам возьму? – теряется особист.

– Тогда езжайте вы сами. Умеете – на скрипке, на тромбоне?..

– Вы что, издеваетесь!

– Нет, это вы издеваетесь и хотите сорвать наши концерты для поднятия боевого духа советских воинов!

Особист держит задумчивую паузу и меняет тон разговора:

– Уважаемый Леонид Осипович… Я очень люблю и почитаю ваше творчество! Но поймите, я не могу взять на себя такую ответственность…

Утесов тоже меняет тон:

– Хлопчик мой, я понимаю, ей-богу, все понимаю… Давай эту ответственность возьму на себя я.

– Вы?

– Ну да, я. Могу и расписку дать.

Особист напряженно думает и решается:

– Если под вашу полную ответственность…

Под самую полную! Отвечу по законам военного времени!

Утесов изображает петлю вокруг своей шеи и улыбается.

Особист отвечает ему неуверенной улыбкой.

Жилище Утесовых в эвакуации – небольшая комната в бревенчатом доме. Утесов складывает ноты в папку. Елена Осиповна укладывает его вещи в рюкзак. Дита примеряет перед зеркалом солдатскую гимнастерку. Муж Альберт меняет объектив кинокамеры. На кровати лежит мама Малка – очень постаревшая, осунувшаяся.

– Сумасшествие какое-то! – ворчит Елена Осиповна. – Муж, дочь, зять – все на фронт… А я одна – в тылу…

Утесов обнимает жену:

– Какой тыл? Ты здесь на самом переднем крае – рядом с мамой!

Мама Малка подает голос:

– Конечно, мама всем мешает! Вэйзмир, когда ты меня заберешь к себе, Господи?

Дита целует ее, гладит иссохшую руку:

– Бабуля, ну что ты, мы все тебя любим!

– Если бы ты любила бабушку, ты бы от нее не уезжала… И в каком виде ты едешь? Что это за босяцкая кофта?

Елена Осиповна одергивает свекровь:

– Мама! Это не босяцкая кофта, а форма солдата Красной Армии.

– А что, девочке таки больше нечего надеть?

– Есть, бабушка, не переживай, конечно, есть…

Дита снимает с гвоздя на стене укутанное в простыню концертное платье, прикладывает его к себе, вертится перед зеркалом. Бабушка Малка тает:

– О, совсем другая картинка! Диточка, прелесть моя!

– Но это я буду носить после войны… – Дита снова вешает платье на гвоздь.

Однако Утесов, задумчиво наблюдавший эту сцену, вдруг кричит:

– Я шлемазл! Полный шлемазл!

– Не спорю, – соглашается Елена Осиповна. – Но в чем это проявилось сейчас?

Утесов объясняет свое озарение. Дело в том, что сегодня он настраивал своих музыкантов на девушек в крепдешиновых платьях, на танцы в городском саду… И при этом приказал артистам надеть форму. Но сейчас он вдруг понял: нет,

воины хотят видеть вовсе не таких же, как они, солдат – тем более ряженых, а наоборот, что-то мирное, светлое, довоенное… Решено: Дита едет на фронт в концертном платье. И всем музыкантам тоже – никакой формы, работать при полном параде.

КАЛИНИНСКИЙ ФРОНТ, ЛЕТО 1942 ГОДА

Струи дождя поливают военный грузовик с откинутыми бортами. Перед грузовиком, не обращая внимания на дождь, толпятся воины-пехотинцы. А на грузовике, тоже невзирая на дождь, музыканты в костюмах с бабочками, Дита в сверкающем концертном платье и Утесов с микрофоном в руке исполняют песню «Бомбардировщики». А военный корреспондент Альберт Генденштейн снимает все происходящее на кинокамеру.

Был озабочен очень воздушный наш народ:
К нам не вернулся ночью с бомбежки самолет.
Радисты скребли в эфире, волну ловя едва,
И вот без пяти четыре услышали слова…

Эта песня продолжается уже в солнечную погоду. Музыканты, Утесов и Дита как-то ухитрились разместиться на броне танке. Военкор Альберт снимает зрителей – танкистов.

Мы ползем, ковыляя во мгле,
Мы летим на последнем крыле,

Бак пробит, хвост горит, но машина летит
На честном слове и на одном крыле.

А заканчивается эта песня на аэродроме у летчиков:

Мы ушли, ковыляя во мгле,
Мы к родной подлетаем земле.
Вся команда цела, и машина пришла
На честном слове и на одном крыле!

Фронтовая ухабистая дорога. Лошади и телеги вязнут в непролазной грязи. Когда они застревают окончательно, музыканты – уже не в концертных костюмах, а в сапогах и ватниках – общими усилиями толкают телеги, вытаскивают лошадей, облегчают им поклажу, перенося на себе инструменты и реквизит.

Люди и животные измучены. Телеги заезжают в какой-то тупик и останавливаются. Скрипач допытывается у одноногого инвалида-возницы, далеко ли до их пункта назначения – деревни Курянка. Возница лишь пожимает плечами: откуда ему знать, он же сам не из Курянки, а из Петуховки. Пианист возмущается: неужели не могли дать провожатого из части. Утесов его укоряет: провожатые из части – все воюют, и вообще нечего ныть, сами доберемся.

Но раздается рев самолетов, грохот стрельбы. Музыканты задирают головы к небу, наблюдая, как два «мессера» атакуют советский «ястребок». Альберт снимает воздушный бой.

Наш «ястребок» загорается, из него прыгает летчик. Раскрывается парашют, плавно снижаясь на лесок впереди. Музыканты бегут к месту приземления, находят раненного летчика, высвобождают его из цепких ветвей и парашютных строп, несут на свою телегу.

Дита перевязывает плечо курносого летчика. Над ним склоняется Утесов:

– Ну, как ты, хлопчик?

– Порядок! – успокаивает Дита. – Зря я, что ли, на курсы медсестер ходила?

А летчик широко распахнутыми глазами смотрит на Утесова:

– Товарищ… Утесов! Или это я… в бреду?

– Никакого бреда, хлопчик, это я.

– А вы меня помните?

– Нет… Мы разве встречались?

– Конечно, встречались! В тридцать девятом году на концерте в Минске.

– Ты что, тоже участвовал в концерте?

– Зачем участвовал? Я во втором ряду сидел!

– А-а… Извини, не помню.

– Интересно! – обижается парень. – Я вас помню, а вы меня – нет!

После очередного концерта в блиндаже, освещаемом неверным светом коптилки из снарядной гильзы, артистам

устроил прием полковник-украинец.

– Спасыби вам велыке, товарыши артысты, за ваш талант! Тэпэр будэмо быты ворога з двойною силою! И побьм!

Все чокаются алюминиевыми кружками и выпивают. Полковник склоняется к Утесову и с хитрецой сообщает:

– Вы ж, мабуть, знаетэ, товарыш Утесов, приказ верховного главнокомандования: давать горилку тилькы частям, яки добрэ воюють. Так у мэнэ, будь ласка, имеется! А у сусидэй наших ни пляшечки нэма. Ни капелюшечки!

Утесов играет большое удивление:

– А мы вчера у ваших соседей-минометчиков выступали. Так у них, представьте, тоже имеется… нет, не водка, врать не стану… но вином угощали.

Полковник крайне огорчается:

– От, чертов Мамадашвили! Ему аж из Грузии – через усю войну – яким-то манером вино доставляють!

Гости смеются. А полковник крутит ус:

– Ну, колы правду сказать, у Мамадашвили тоже бойцы геройские. Не хуже моих… Ни, мои всэ ж такы найкращи!

Все опять смеются. Полковник с нежностью смотрит на Диту:

– Яка ж вы гарна дивчина!

Спасибо!

Дита успевает и кокетливо улыбнутся, и смущенно оглянуться на Альберта.

– Та ни, вы нэ подумайте, моя Ганночка тэж красуня! И

спасыби вам, що мы на вас дывымось – и згадуемо наших жинок та дивчат улюбленных!

Утесов поднимает кружку:

– Давайте выпьем за то, чтобы вы скорее вернулись к тем, кто вас любит и ждет!

А полковник формулирует то же самое, но исчерпывающе кратко:

– За победу!

Ради грядущей победы грохочут бои на суше, в небесах и на море, бежит в атаку пехота, идут танковые сражения, ведут смертельные поединки самолеты, вспенивают морские волны торпедные катера, но до победы еще далеко…

После поездки на фронт Утесов возвращается в Москву. Он, с вещмешком на плече, и Елена Осиповна в домашнем халате стоят обнявшись на пороге квартиры. Она всхлипывает, уткнувшись носом в его грудь, а он гладит ее волосы. Так, не выпуская друга из объятий, словно боясь нечаянно потерять, они идут из прихожей в комнату. Елена Осиповна рассказывает, утирая слезы:

– Из Новосибирска мы ехали три недели… Долго стояли на станциях и просто в степи… Пропускали эшелоны… Сколько же их шло – на войну, на войну…

– Да, мы видели, там собирается огромная сила.

– Ну и слава богу! Вот только мама… Переезд был очень тяжелым…

На стене рядом с фотографией покойного папы Иосифа траурная фотография мамы Малки. Утесов стоит перед ней. В его сухих глазах – боль. Елена Осиповна молча сжимает руку осиротевшего старого мальчика Лёди.

Потом она кормит его. Сидит, подперев щеку ладонью, и смотрит, как жадно ест проголодавшийся мужчина. Спрашивает с робкой надеждой:

– Ты надолго?

– Посмотрим. Пока что будем давать концерты для защитников Москвы.

Она рассказывает, что пришло письмо от Диты из Сталинабада – у них с Альбертом все хорошо. Это она нас успокаивает, вздыхает он, сейчас нигде не хорошо, но они там, в Таджикистане, хотя бы далеко от войны.

– Далеко… Лёдя, ты слышал про третью агитбригаду?

– Да, угодили в танковый прорыв… Корф, Руся Бригневич, Макеев, Холодов… Снаряды не разбирают – где солдат, где артист…

Они печально молчат, вспоминая павших коллег. Елена Осиповна меняет тему, сообщая, что Дита пишет: Альберт уже снял документальный фильм и ему обещают дать художественный. Тут-то Утесов вспоминает, что и он, между прочим, тоже вызван в Москву в качестве киноартиста. Неужели новый фильм, радуется Елена Осиповна. Ну, не совсем фильм – боевой киносборник.

В павильоне киностудии молодой режиссер вдохновенно объясняет, что намалеванная декорация изображает морскую стихию, на фоне которой Утесов должен сурово и мужественно исполнять песню с автоматом наперевес… Леонид Осипович перебивает его, мягко замечая, что он только что прибыл с фронта и там своих автоматов-пулеметов выше крыши, а солдатские сердца согревает что-то доброе, светлое, довоенное… Молодой режиссер несколько растерян. Но из кресла в углу павильона подает голос реактор – очередной «человек во френче»:

– Доброе, довоенное – это что, товарищ Утесов? Это – ваше «Гоп со смыком»? Так, насколько мне известно, вам это запретили. Причем еще до войны.

– Но послушайте…

– Нет, это вы послушайте! Военную песню извольте петь в военной форме!

Спорить бесполезно, и вот Утесов – уже в морской форме. Костюмерша поправляет на нем бушлат, тельняшку, бескозырку, а он ворчит:

– Накрахмалили тельник, как манишку… Морячки бы вас засмеяли!

Ассистент вешает ему на грудь автомат. Режиссер кричит в рупор:

– Артист готов?

– Готов, уже можно с кашей кушать, так готов! – продолжает ворчать Утесов.

– Камера! Мотор! Начали!

И как только вступает музыка, Утесов преображается. Брюзжание, недовольство, кислое лицо – все это мгновенно исчезает, и перед нами – героический защитник Родины, простой и отчаянный парень, одессит Мишка.

Широкие лиманы, зеленые каштаны,
Качается шаланда на рейде голубом.
В красавице Одессе мальчишка голоштанный
С ребячьих лет считался заправским моряком.
И если горькая обида
Мальчишку станет донимать,
Мальчишка не покажет вида,
А коль покажет, скажет ему мать.
«Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда!»

Эту песню Утесова подхватили тысячи, сотни тысяч таких же парней – Мишки, Васьки, Петьки, Андрюшки, которые покинули родные Одессу и Севастополь, Москву и Ленинград, Киев и Минск и ушли на большую войну, чтобы победить страшного врага и вернуться к родным очагам. Не было взвода и дивизии, эскадрильи и экипажа, где бы не знали и не любили эту песню. И когда бригада Утесова весной 1943 года снова поехала на войну – на Волховский фронт, конеч-

но же, во всех концертах звучал эта песня.

Утесов с оркестром поют на палубе катера морских пехотинцев Балтийского флота:

Широкие лиманы, цветущие каштаны
Услышали вновь шелест развернутых знамен,
Когда вошел обратно походкою чеканной
В красавицу Одессу гвардейский батальон.
И, уронив на землю розы
В знак возвращенья своего,
Наш Мишка не сдержал вдруг слезы,
Но тут никто не молвил ничего.
Хоть одессит Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет —
Но в этот раз поплакать, право, не беда!

Бравые морпехи дружно хлопают задубевшими на всех ветрах ладонями и скандируют:

– Спа-си-бо! Спа-си-бо!

Утесов перекрикивает рокот волн и свист ветра:

– Это вам, спасибо, хлопчики мои! Спасибо душевное, что вы отважно воюете! Наши воины уже прорвали блокаду Ленинграда, дали прикурить фашистам в Сталинграде, и скоро, очень скоро вы погоните фашиста аж до самого его логова! Ура!

Победное «ур-р-ра-а» раскатывается над свинцовыми

волнами Балтики.

А военная агитбригада продолжает свой путь. Артисты с инструментами направляются к машине, возле которой морячок-водитель заливает в бак горючее. При виде Утесова он поспешно обтирает руки ветошью и широко улыбается:

– Здрасьте! А это я!

Утесов понимающе кивает:

– Одессит Мишка.

Шофер удивляется:

– Откуда вы знаете?

– А я, хлопчик, получил уже двести шестьдесят два письма от Мишек-одесситов!

– Ха! Так то ж все липовые! А я – настоящий! Я, когда вашу песню услышал, прямо чуть не заплакал. Там же ж все про меня. Я в Одессе-маме оставил родную мать, я там Нюрочку, любовь мою оставил… И я туда еще вернусь!

– Конечно, вернешься, обязательно.

Мишка помогает загрузить в машину актерское имущество. И грузовик трогается в путь. Мишка весело вертит баранку, беседуя с рядом сидящим Утесовым.

– А когда я вернусь, вы приезжайте до меня в гости. Ланжероновская, дом пять, там все скажут, как меня найти… Приедете?

– А как же, первые после войны гастроли – в Одессе.

– Тогда я со свадьбой дождусь вас – будете у меня свидетелем. Не откажетесь?

– Сочту за честь! Но из-за меня откладывать свадьбу не советую…

Если любовь настоящая, подождет! – упрямится Мишка. – А она – настоящая, вот я вам сейчас личность покажу…

Он достает из кармана гимнастерки завернутую в бумагу фотографию, бережно разворачивает ее, показывает Утесову и ревниво следит за выражением его лица.

Утесов возвращает ему фото со вздохом:

– Эх, если бы я не был женат!

Мишка расплывается в довольной улыбке.

Вдруг спереди и сзади машины земля взлетает фонтанами, грохочут взрывы. Артисты выскакивают из машины, кто-то прячется под нее, кто-то бежит на обочину – укрыться во рву. Утесов падает рядом с Мишкой. Страшный взрыв засыпает обоих землей. И сразу становится тихо.

Первым шевелится Утесов, отряхивается от земли, с трудом садится, смотрит на шофера. Мишка безжизненно неподвижен.

На летном поле – два истребителя. Их фюзеляжи украшает надпись: «ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА». На крыле одного из них стоит Утесов. Он привез летчикам этот подарок – «ястребки», построенные на средства, заработанные его оркестром.

В своем партиотическом порыве утесовские музыканты были не одиноки – весь советский народ отдавал что мог

для помощи Красной Армии. У пунктов приема Фонда обороны выстраивались очереди женщин и стариков, они несли самое дорогое: золотые колечки, серьги и цепочки, столовое серебро и часы, нательные крестики, царские червонцы и советские рубли, которые припасали на черный день, но теперь всем сердцем понимали, что этот черный день настал.

Православная церковь тоже призвала своих прихожан помочь Родине. Между прочим, церковь тогда даже не являлась юридическим лицом, но митрополит Сергий послал телеграмму Сталину с просьбой открыть церковный счет помощи фронту, и Сталин это разрешил, тем самым как бы легализировав церковь. На деньги православных прихожан были построены авиационная эскадрилья «Александр Невский» и танковая колонна «Дмитрий Донской».

В 1943 году после долгой переписки, просьб и отказов, наконец, было разрешено вернуться из эмиграции Александру Вертинскому. Великий артист привез на родину вагон медикаментов для фронта.

И вот, Утесов, перекрывая свист ветра в чистом летном поле, кричит с крыла самолета:

– Эти боевые машины – наш вам подарок! Артисты не умеют стрелять, не умеют водить танки и самолеты… Но мы собрали, что заработали, и вручаем эти штурвалы в ваши надежные руки. А наше оружие – музыкальные инструменты. И пусть наши песни сопровождают вас, когда вы полетите

бить фашистов!

Летчики стаскивает Утесова с крыла и начинают его качать.

– Я ж рассыплюсь! – смеется он, взлетая к небу. – Отпустите старичка!

Его бережно возвращают на землю. И он серьезнеет:

– Вы слышали песню «Одессит Мишка»? Так вот, этот Мишка… ну, пусть не тот самый, а один из многих геройских хлопцев… погиб на моих глазах. Он был простой матрос и очень хотел вернуться домой, к родной маме, к любимой девушке. Но уже не вернется. Я вас очень прошу, отомстите фашистским гадам за Мишку-одессита и обязательно *вернитесь к тем, кто вас ждет!*

Новый 1944 год Утесовы встречают в московской квартире. За столом – Леонид Осипович, Дита, Альберт, музыканты оркестра. Утесов встает с бокалом в руке. За ним встают и остальные. Он предлагает выпить за уходящий сорок третий год – год военный, год тяжелый. Появляется Елена Осиповна с блюдом пирожков и удивляется: чего это все выстроились. Дита объясняет: мы провожаем старый год. Елена Осиповна строго возражает, что они рано начали прощаться со старым – до нового еще целых полчаса. А пока надо кушать пирожки. Альберт пытается сопротивляться теще:

– Но мы ведь уже все встали…

Елена Осиповна пресекает попытку бунта зятя:

– Как встали, так и сядете! А пирожки уже стынут.

Утесов находит компромисс: провожаем старый год и закусываем пирожками. Тут Елене Осиповне крыть нечем, и муж продолжает свой тост:

– Да, год был тяжелым военным годом… Но он принес великий перелом – Сталинград сломал хребет фашистской гидре! И подарил нам надежду на скорую и окончательную победу. Вот с надеждой на нашу победу давайте и проводим уходящий сорок третий!

Все выпивают. А Елена Осиповна напоминает:

– Пирожки!

Впрочем, напоминание излишне – все и так набрасываются на угощенье. Трубач признается дорогой Елена Осиповне, что он уже пятнадцать лет трудится в оркестре Утесова вовсе не из-за музыкальных фантазий Леонида Осиповича, а исключительно из-за ее пирожков.

– И рыбы фиш! – уточняет Пианист. – Подчеркиваю: и рыбы фиш!

Гитарист предлагает немедленно выпить за Елену Осиповну. И все немедленно выпивают. Раздается звонок в дверь.

– Дунаевский? – радостно предполагает Дита.

– Нет, он встречает у Лебедева-Кумача, – возражает Елена Осиповна.

От Дуни можно ожидать любых сюрпризов, – Утесов встает. – Без меня не пейте!

Он уходит открывать.

На пороге – заснеженные с головы до ног девушка и молодой человек с чемоданом. Утесов улыбается:

– Дед Мороз и Снегурочка? Но мы не вызывали, наверное, ошиблись адресом…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.